Андрей Белый

Переписка

Алексей Петровский

Андрей Белый

Переписка

Алексей Петровский

1902–1932

МОСКВА/НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ/2007

УДК 821.161.1.(092)Белый А.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Белый А.
М 74

Вступительная статья, составление, комментарии
и подготовка текста
Джон Малмстад

М 74 **«Мой вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского: Хроника дружбы.** Вступ. статья, составление, комментарии и подготовка текста Дж. Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 296 с., ил.

Длительная и безоблачная дружба связывала Белого с его университетским товарищем А.С. Петровским (1881–1958). Она возникла в самом конце XIX века и оборвалась только с кончиной Белого в 1934 г. И после этого Петровский остался верным памяти друга до конца своих дней, продолжал общаться с его вдовой и всячески помогал в сбережении наследия, как литературного, так и духовного, ее мужа. Очень многие письма Петровского к Белому не дошли до нас. Однако и те, что сохранились, представляют собой важное свидетельство времени, проливают свет на многолетние отношения двух ярких неординарных личностей.

УДК 821.161.1.(092)Белый А.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Белый А.

ISBN 5-86793-531-0

В оформлении переплета использована фотография А. Белого (Брюссель. 1912 год).

Издательство выражает благодарность директору Музея А. Белого в Москве М.Л. Спивак за помощь в подборе иллюстраций.

«МОЙ ВЕЧНЫЙ СПУТНИК ПО ЖИЗНИ» ПЕРЕПИСКА АНДРЕЯ БЕЛОГО И А. С. ПЕТРОВСКОГО: ХРОНИКА ДРУЖБЫ

«История одной "дружбы—вражды"» — так мелодраматически В. Н. Орлов назвал свое предисловие к переписке Александра Блока и Андрея Белого, выпущенной в 1940 г., придерживаясь именно такой последовательности имен: имя уже полуодиозного Белого нельзя было ставить перед именем автора «Двенадцати». Так можно было бы назвать переписку Андрея Белого (Б. Н. Бугаева; 1880—1934) со многими людьми, хорошие, даже близкие отношения с которыми со временем осложнялись и превращались порой во вражду, иногда в вежливую корректность, а бывало, и обрывались раз и навсегда, как в случае с Э. К. Метнером, В. И. Ивановым, З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским, В. Я. Брюсовым, Л. Л. Кобылинским (Эллисом) и даже с Ивановым-Разумником. С некоторыми другими, в том числе с М. К. Морозовой и П. Н. Зайцевым, характер отношений изменился (в случае с первой от обожания и «символизации» к просто дружбе, а со вторым от чисто деловых контактов к духовной связи), но сами отношения остались прочными.

Такая длительная и безоблачная дружба, несомненно, связывала Белого с его университетским товарищем А. С. Петровским (1881—1958). Она возникла в самом конце XIX века и оборвалась только с кончиной Белого в 1934 г. И после этого Петровский остался верным памяти друга до конца своих дней, продолжал дружить с его вдовой и всячески помогал ей в хранении наследства, как литературного, так и духовного, ее мужа. Достаточно процитировать «автобиографическое письмо» Белого к Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г., чтобы выяснить значение Петровского в жизни Белого: «Четырехлетие *1912—1915* еще, кроме все-

го, — *мистерия* перемены судеб в социальном ритме; мало кто проходит за порог *рокового рубежа* для меня, стоящего посередине 4-летия; странно сказать: прошел А. А. Блок (до 1912 года — прекрасные отношения с ним; и — после, до смерти); и — А. С. Петровский, мой *вечный спутник* по жизни»[1].

Очень многие письма Петровского к Белому, быть может большинство их, не дошли до нас. Белый и Петровский так часто и продолжительно общались в разные периоды жизни, что обмениваться письмами не было нужды. Поскольку переписка только отчасти передает историю их дружбы на протяжении тридцати пяти лет, я позволю себе привести здесь отрывки из многочисленных автобиографических документов Белого и обширные отрывки из писем Петровского к Э. К. Метнеру, чтобы «дорисовать» хронику их отношений и также разные стороны жизни Петровского, богатой событиями и встречами[2].

* * *

В сентябре 1899 г. Белый и Петровский поступили на отделение естественных наук физико-математического факультета Московского университета. В ноябре, в «физическом кружке», Белый прочитал свой реферат «О задачах и методах физики»: «Проф. Умов очень доволен моим рефератом и якобы смелыми философскими мыслями, которые я провожу здесь; после этого реферата ко мне подходят знакомиться 2 студента — сын проф. Зографа и А. С. Петровский (однокурсники); так начинаются мои теоретические разговоры с Петровским (в то время химиком и скептиком), перешедшие постепенно в дружбу с ним; около Зографа, меня и Петровского подбирается кружок студентов» (*МБ*)[3]. Петровский, «маленький, бледный, болезненного вида студент, с зоркими, умными, карими глазами»[4], и Белый к концу года становятся все ближе друг к другу: «Мы с Петровским организуем ядро студентов-естественников, желающих изучать высшую математику[5]; при содействии отца (декана факультета) это устраивается; <...> Углубляются мои разговоры с А. С. Петровским, доходящие до ярых споров; нас обоих захватывает Ницше и Розанов» (*МБ*).

---

[1] *Андрей Белый и Иванов-Разумник*. С. 499.

[2] Биография Петровского кратко изложена в статье Людвига А. Новикова: Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 588—590.

[3] В *РД* Белый пишет, что он познакомился с Петровским в октябре 1899 г. Стоит отметить, что Белый приводит даты по старому стилю в *МБ* и по новому в *РД*.

[4] *На рубеже двух столетий*. С. 438. Ср.: «Алексей Петровский был маленький, розовый, совершенно безусый и безбородый. В карих глазах сверкали ум и лукавство» (*Соловьев С.* Воспоминания. М., 2003. С. 308).

[5] Подробно см.: *На рубеже двух столетий*. С. 438.

В начале 1900 г. разговоры с Петровским «углубляются» (*МБ*). С открытием «мягкой, грустной весны» начал звучать в Белом внутренний голос: «“Конец уже близок”» (*МБ*). Теперь он ведет с Петровским «углубленнейшие беседы» о скором явлении Антихриста в мир, и скоро они переходят в «интенсивнейшие религиозно-философские споры у Соловьевых и с Петровским» (*РД*, март). Ранней осенью «обостряются рели-г<иозно>-фил<ософские> темы» в разговорах с друзьями, и для Белого и для Петровского «эстетические и рел<игиозно>-фил<ософские> интересы решительно перевешивают научные» (*РД*, сентябрь). К концу года происходит «сильный подъем религиозно-философских проблем; первые ноты “Чаяний”; интерес к старчеству; попытки читать Исаака Сириянина; усиливающиеся разговоры на эту тему с А. С. Петровским» (*РД*, декабрь)[6].

1901 год Белый переживал «*как единственный год в своем роде:* <...> *это был первый год нового столетия, так сказать, новой эры;* <...> этот год стал для целой группы людей, разрозненных в то время и друг друга не знавших, — *эпохой зари*; вместе с тем: этот год был началом осознания себя символической школы искусства; <...> для меня этот год был годом максимального мистического напряжения и мистического откровения; все лето 901 года меня посещали благие откровения и экстазы; в этот год осознал я вполне веяние Невидимой Подруги, Софии Премудрости» (*МБ*). В другой автобиографии Белый даже писал о «внутреннем уходе из университета», своем и Петровского, в этом году (*РД*)[7]. Для А. С. Петровского, по свидетельству Белого, 1901 год «был годом огромного духовного переворота, происшедшего с ним в несколько дней: из атеиста, скептика, немного циника[8] он превратился в молитвенника, прислушивающегося к голосу Дивеева и Сарова; он стал столбом православия, погрузился в чтение Добротолюбия и Четьи-Миней; с тех пор он стал думать о монашестве» (*МБ*).

О том же Белый пишет подробнее, касаясь февраля 1901 г.: «неожиданное, даже пугающее меня обращение Петровского к истокам Православия; совершенно потрясенный, он приходит ко мне и говорит, что

---

[6] В поздних мемуарах Белый не пишет об этом, вспоминая о Петровском в «эпоху 1899–1900 годов». См.: *На рубеже двух столетий*. С. 441–444.

[7] В воспоминаниях Белый писал: «Позднее А. С. Петровский, прекрасный химик, потерял вкус к работам, мечтая о курсах, не имеющих к химии ни малейшего отношения (о курсе еврейского языка и т. д.)» (*На рубеже двух столетий*. С. 409).

[8] «Тот» Петровский позднее нашел свое отражение в автобиографической поэме Белого «Первое свидание» (1921): «Пред всеми развиваю я / Свои смесительные мысли: / — «Откуда этот сралап?» — / Рассердится товарищ наш, / Беспечный франт и вечный скептик: / — «Скажи, а ты не эпилептик?»» (*Белый Андрей*. Стихотворения и поэмы. СПб.; М., 2006. Т. 2. С. 29).

какая-то благая рука его ведет к Богу; этот стремительный поворот его к Богу и к Церкви после месяцев максимального бунта и розановских, демонических подмигиваний даже пугает меня; как до этого Петровский показывал мне свой "диаволов" язычок, так теперь, обращенный к Богу, он весьма интенсивно переживает нападение на себя "*темной силы*"; даже в моих словах ему чуется привкус "*антихристовщины*"; он подозревает в людях одержание бесами; и его жест — покаяние, смиренная молитва и боязнь заглядываться в "бездны"; а — "*бездны ужаса*" роятся вокруг него; он приходит ко мне в этих настроениях, просиживает до 2-х часов ночи, и наши разговоры о Боге и диаволе переходят порою в какие-то мистические сеансы, когда мне начинает казаться, что "*бесы*", его окружающие, прилипают ко мне; в нем для меня явная нота "*гюисмансовщины*". Он поднимает во мне всегда лейтмотив беса, Антихриста. Так в этот месяц и в следующий я переживал то именно, что переживает герой моей второй "*Симфонии*", Мусатов; вторая "Симфония" — случайный отрывок, почти протокольная запись той подлинной, огромной симфонии, которая переживалась мной ряд месяцев в этом году» (*МБ*)[9].

В марте 1901 г. Белый познакомил своего друга с самыми близкими ему людьми — с семьей М. С. Соловьева, брата философа: «А. С. производит на О. М. Соловьеву огромное впечатление; она начинает ему верить во всем[10]; в этот же месяц с А. С. Петровским мы чаще и чаще беседуем о Серафиме, Сарове, Серафимо-Дивеевской обители, где у него в монашках сестра; <...> так традиция Дивеева начинает входить в мою душу; одновременно: я читаю все, что можно прочесть об Оптиной Пустыни и о старце Амвросии, перечитываю "Братьев Карамазовых" <...> я читаю и биографию, написанную К. Леонтьевым, "Отец Зедергольм". Монастырь, затвор представляется мне желанною тихою пристанью; так А. С. все более и более влияет на меня в нем развивающимися монашескими нотами» (*МБ*)[11]. Позднее Сергей Соловьев вспоминал, что Петровский в ту пору был «убежденный православный и весь овеян дыханием

---

[9] Ср. запись в *РД* о феврале 1901 г.: с Петровским «происходит бурный переворот». В письме к Иванову-Разумнику от 7/20 ноября 1915 г. Белый так характеризует этот переворот: «в то время он пережил очень мучительный кризис от *материализма* и *скептицизма* к "*мистическому*" сознанию, которое в нем в то время двоилось; и он то становился "*подозревающим церковником*", а то чистым и просветленным мистиком» (*Андрей Белый и Иванов-Разумник*. С. 59).

[10] В письме к своей кузине А. А. Кублицкой-Пиоттух от 29 марта 1902 г. О. М. Соловьева пишет: «Этот Петровский студент естественник 3-го курса, замечательный химик и вместе человек XIII века; еще неизвестно, будет ли он замечательным ученым — или уйдет в монастырь, или будет странником. <...> мало говорит и к тому же заикается» (*ЛН. Т. 92, кн. 3.* С. 180).

[11] Ср. запись в *РД* о марте: «Споры с Петровским, ставшим церковником». См. также п. 9, примеч. 6.

Оптиной пустыни и Сарова»: «Друг его, Боря, говорил, что на первых курсах университета Петровский был полным атеистом. Привлекало меня в нем соединение твердой церковности и консерватизма с острым, язвительным и скептическим умом. В улыбке его тонких губ было что-то вольтеровское и даже прямо мефистофельское. В эту эпоху Петровский был цельным представителем православия Леонтьева и "Московских ведомостей"[12]. Духу Владимира Соловьева он был, конечно, враждебен. К церкви он подходил просто, прямо и твердо, исповедуя веру оптинских монахов. <...> В университете он был выдающимся химиком и мог остаться при университете и сделать научную карьеру. Но он бродил по старцам и юродивым...»[13].

В апреле 1901 г. «...начинают подыматься темные апокалиптические ноты: ноты врага и Антихриста; Москва мне кажется жуткой; на улицах встречаешь какие-то рожи; <...> мы с А. С. Петровским часто видаемся (он живет около Остоженки в Дурнове переулке, в доме Осетрынькина); мы с ним углубляемся в гностические бездны; <...> А. С. меня заинтересовывает религиозно-философским кружком Новоселова; он собирается ехать к последнему в Вышний Волочек; там ожидается Мережковский; мы с ним интересуемся простыми газетными известиями, провидя в фактах русской действительности некие апокалиптические персты» (*МБ*).

В мае двое студентов, по воспоминаниям Белого, «переживали незабываемые вечера грозных предчувствий какого-то огромного будущего»: «А. С. в эти годы всегда поднимал во мне переживания грозного, над нами нависшего "конца"; гром апокалиптических событий из будущего ясно чувствовался; просидев вечер у Петровского, я возвращался домой Мертвым переулком и переживал Москву совсем по-особенному; целые ночи я проводил в моей арбатской квартире без сна, пугаясь тишины и мрака углов неосвещенных комнат; иногда со мной просиживал А. С. Тогда мы забирались на балкон (третьего этажа) и сидели, повисая над темным Арбатом в ожидании рассвета; А. С., шутя, говорил, что в нашей пустой квартире по ночам в комнате заводится некое злобное, астральное существо, "*Козерог*", распадающееся прахом к рассвету; и шутя, фантазировал, что у нашей кухарки, Дарьи, имеющей очень длинные уши и находящейся в тайных сношениях с "*Козерогом*", — растут уши; выходило, что Дарья — медиум; и как только вечером она уляжется спать, так тотчас же ее освободившиеся астральные силы материа-

[12] В 1887—1896 гг. отец Петровского, С. А. Петровский, был редактором этой консервативной газеты. В ней в 1902 г. рядом театральных и музыкальных рецензий дебютировал и сам Петровский.

[13] *Соловьев С.* Воспоминания. С. 307—308.

лизуют в пустой гостиной, среди чехлов, — "Козерога"; я прибавлял соли к шуткам Петровского, в результате чего мы друг друга приводили в очень взвинченное настроение; и пустая квартира казалась наполненной шорохами; "*Козерог*" — появлялся: мы забирались на балкон, озирали сонный Арбат и смотрели, как начиналось на востоке порозовение; это белое утро описано мною в последних отрывках второй части "*Симфонии*". В одну из таких майских ночей после успешно сданного экзамена физики, когда в один день распустилась сирень и в некоторых частях Москвы разливался аромат сирени, — я почувствовал сильное вдохновение: я выставил рабочий столик на балкон, поставил свечку и всю ночь напролет писал: была написана почти вся 2-ая часть 2-ой "Симфонии" в эту ночь; <...> никогда я не писал так безотчетно, как в эту ночь» (*МБ*)[14].

Под впечатлением этих разговоров сложился один из главных персонажей «Симфонии (2-ой, драматической)»: «некто же "*пассивный и знающий*", А. С. Петковский, просовывающийся в "*Симфонии*", есть та сторона в А. С. Петровском, которая в то время влияла на меня в моем самоопределении в сторону ортодоксального православия[15]; таким "*знающим*" виделся в те дни Петровский О. М. Соловьевой; а в Поповском отобразилась та сторона в А. С., с которой я в те дни боролся: своего рода "*esprit mal tourné*"[16], всюду видящий только соблазны диавола; А. С. не доверял учению Вл. Соловьева о Софии; ему виделся тут эротизм и "*халдейство*"; он говаривал: "*Соловьев был халдей*"; в подозрении этом мне чувствовалось оскорбление, наносимое и стихам Соловьева, и, косвенно, моим отношениям к *М<аргарите> К<ирилловне> М<орозовой>*; оттого-то "*Поповскому*" от меня и досталось в "*Симфонии*"» (*МБ*)[17].

Лето 1901 г. Белый проводит в отцовском имении Серебряный Колодезь, где в июле внимательно изучает сочинения Константина Леонтьева: «К. Леонтьев с его строгим взглядом на "*путь монашеский*" несколько сдвигает мою позицию в сторону церкви и старчества; необходим строгий путь, путь подлинного *эзотерического опыта*; <...> ясно одно: "путь" — нужен; а Вл. Соловьев еще не дает "*пути*" (в смысле пути

[14] См. также п. 9, примеч. 2.

[15] «Подтексты» «Симфонии» были хорошо известны близким друзьям Белого. Например, 18 февраля 1904 г. С. М. Соловьев писал своему троюродному брату А. А. Блоку: «Всего лучше было бы поселить с собой Алексея Петровского, ибо он — "пассивный и знающий"» (*ЛН. Т. 92, кн. 1*. С. 365).

[16] «Ум, направленный на дурное» (*фр.*); свойство истолковывать факты, чьи-либо поступки и т. п. в дурном смысле.

[17] См. также письмо к Иванову-Разумнику от 7/20 ноября 1915 г. (*Андрей Белый и Иванов-Разумник*. С. 59).

молитв, или духовных размышлений); кроме того: нужно точное толкование "*Апокалипсиса*", а не одно только невнятно-мистическое изживание его текстов; <...> "*Скепсис*" Петровского по отношению к "*неахристианской*" романтике крепнет во мне» (*МБ*). По возвращении в Москву в сентябре Белый опять часто встречается со своим университетским товарищем: «В это же время моя встреча с Петровским как-то особенно действенна; мы окончательно сближаемся в теме Православия, в желании искать пути; я погружаюсь в толкования Апокалипсиса (между прочим, Оберлена), читаю кое-что из томов Сведенборга "L'Apocalypse éxpliqué"; А. С. меня все более и более посвящает в Саров и в Дивеево; дарит образок Серафима и биографию его, написанную Чичаговым (арх<имандритом> Серафимом)» (*МБ*)[18].

Осенью работа в университете «поглощает» Белого и Петровского, но они продолжают постоянно видеться и разговаривать на те же темы. В октябре, как свидетельствует Белый, меняется тональность переживаний: «очень тяжело и мрачно; на этом фоне подымается нота моей Симфонии: "*Ждали Утешителя, а надвигался Мститель*"» (*МБ*). Только «культ Серафима», который Петровский продолжает развивать и в себе, и в Белом, и сообщения из Дивеева от сестры Петровского, монашенки, способствуют обретению спокойствия[19]. В октябре Белый знакомится с Л. А. Тихомировым, «знатоком толкования Апокалипсиса»[20], а Петровский — с В. А. Тернавцевым. Он также видится с Новоселовым и рассказывает Белому об исканиях новоселовского кружка[21]. Затем происходят гораздо более значительные встречи, совпадение которых Белый считал «жестом»: 5 декабря, у Соловьевых, он познакомился с В. Я. Брюсовым[22], а 6-го, опять же у Соловьевых, с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус[23]. Оба раза присутствует «заноза» Петровский, который бормочет: «знаете, философутики я не люблю»[24]. И 7-го он вместе с Белым идет слушать лекцию Мережковского о Льве Толстом, прочитанную в Психологическом обществе. Позднее Белый писал, что «не случайно» его знакомство с Брюсовым и затем с Мережковскими состоялось в присутствии Петровского: «Алексей Сергеевич отстоял в то время за тридевять земель от всяческой литературы и "Скорпиона"; тем не менее Брюсов воспринимает А. С. как "нашего", как "декадента"; и это —

[18] См. п. 9, примеч. 5.
[19] См. п. 10, примеч. 2.
[20] См.: *Начало века*. С. 157–163.
[21] См. первое письмо Петровского к Белому.
[22] См.: *Начало века*. С. 172–175.
[23] Там же. С. 188–197.
[24] Там же. С. 191.

ощущение сходства в "нет" произносимого всему старому, и ощущения перехода через "рубеж" двух столетий»[25].

К концу 1901 г. сложилась ситуация, которую трудно, даже невозможно себе представить в теперешней Москве (или любом современном культурном центре). Молодые люди, еще третьекурсники естественного факультета университета, ничего не публиковавшие, неожиданно обнаружили свою связь с самым «передовым» течением русской литературы того времени: «образуется уже символическое течение, согласно последующему определению Блока: *как только обладающий тайным знанием осознает, что есть и другие обладатели этого знания, — начинается перекличка между ними, начинается символизм*» (*МБ*, декабрь 1901 г.). Белому суждено будет сыграть решающую роль в истории русского символизма. Петровский будет заниматься в основном переводческой деятельностью, но также оставит свое имя в этой истории.

17 февраля 1902 г. Мережковский и З. Н. Гиппиус опять приезжают в Москву; в этот же вечер Мережковский выступает с докладом о Гоголе в Историческом музее. Белый присутствует на чтении вместе с Петровским (*МБ*)[26]. (Впоследствии, в письмах к Э. К. Метнеру, Петровский часто подвергает писания Мережковских резкой критике.) Весною Белый и Петровский регулярно бывают на симфонических концертах и часто посещают семейство молодого художника В. В. Владимирова, живопись которого высоко ценят.

В апреле 1902 г. выходит первая книга Андрея Белого: «Симфония (2-я, драматическая)». Петровский, узнавший себя в ее персонажах Петковском и Поповском, «покашивается» на нее (*МБ*), но тем не менее пишет своему другу Э. К. Метнеру: «Не приобретете ли себе одну книжку: Андрея Белого: Симфония, цена 1 р. Она доставит Вам несколько с удовольствием проведенных часов. Если возникнут догадки относительно автора, пожалуйста *держите их про себя*. Если встретите в 1 и 4 части два лица, напоминающих меня, то помните, что это *не я*, и у автора не было намерения изобразить меня. Вообще, эта вещь — шутка, не предназначавшаяся для печати, шутка, подчас доходящая до буффонады»[27]. Белый вспоминает о мае 1902 г.: «начало моего сближения с

---

[25] *На рубеже двух столетий*. С. 444. Ср. запись Брюсова за декабрь 1901 г.: «Были там <у Соловьевых. — *Дж. М.*> еще два наших студента-декадента: Бугаев Борис Николаевич <...> и Петровский, чуть-чуть заикающийся» (*Брюсов Валерий*. Дневники. 1891–1910. <М.>, 1927. С. 110).

[26] См.: *Начало века*. С. 206–208.

[27] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24. 16 апреля 1902 г. Петровский писал Метнеру: «Не зайдете ли ко мне в пятницу вечером? У меня будет Бугаев. <...> P. S. Конечно, если Вам интересно поближе с ним познакомиться» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24).

Эмилием Метнером, который неожиданно приходит ко мне с Петровским; он признается, что, прочтя "*Симфонию*", сразу узнал, что автор я; "*Симфония*" ему очень говорит, и он собирается дать о ней отзыв в газеты» (*МБ*)[28].

10 июля Метнер приглашает Петровского писать «хотя бы целый фельетон в *Приднепровский Край*» о «Симфонии»[29]. Не получив ответа, Метнер еще раз ему пишет 1 августа: «Если Вы не хотите, то придется сделать это мне. Но тогда прошу Вас в письме, которое я буду ждать в ***очень*** скором времени, наметить мне, чтó именно по-Вашему стоит подчеркнуть, отметить, указать, главным образом из области третьего "идейно-символического смысла"»[30]. 9 августа Петровский отвечает:

> Письмо Ваше от 1-го авг<уста> получил 7-го авг<уста>, случайно приехав на два дня в Москву, и отвечаю на него в порядке последовательности. Писать что-либо о книге г. Белого я решительно не могу по крайней моей безграмотности и безмыслию. Указать Вам что-либо тоже не могу: Вы сами разберетесь гораздо лучше моего. К тому же у меня ее нет под рукой. Могу только сказать, что 3 первые части написаны *чуть-чуть* всерьез. Последняя же нет.
>
> Построено вот на чем. В 12-й главе Апокал<ипсиса> говорится о «жене облеченной в солнце» рождающей «младенца муж<еского> пола» имеющего «упасти <так!> народы жезлом железным». Далее: Христос обещал послать «Утешителя». Ну так вот, этот младенец и есть Утешитель. Конечно, это чушь, и г. Белый теперь смеется над этим. Но в свое время было такое веяние, и если оно разрастется, то беда. Тут более чем достаточно материала для секты, и кто будет этим «утешителем», кот<орый> «упасет народы жезлом железным», — ясно. На самом деле «жена обл<еченная> в солнце», несомненно, прямо символизирует Церковь (хотя может одновременно иметь и другие значения); эпитеты младенца взяты из

---

[28] См. рец. Метнера: Симфонии Андрея Белого // Приднепровский край. 1903. № 2022, 15 декабря; № 2023, 16 декабря. Подпись: Э. Перепеч. в кн.: Андрей Белый: Pro et Contra / Сост. А. В. Лавров. СПб., 2004. С. 39—53. Ср. дневниковую запись Метнера от 16 сентября 1902 г. о Белом: «В первый раз я виделся с ним на заседании Психологического общества в память Вл. Соловьева. Это было мимолетно. Нынешнею весною Алеша <Петровский. — *Дж. М.*> затащил его ко мне, после того как узнал, что мы быстро сошлись на репетиции концерта Никиша, затем вышла в свет книжка А. Белого «Симфония», которую я начал читать, не зная, что она принадлежит перу Бугаева, но среди чтения догадался, кто автор. Я ответил на визит, и мы сблизились еще больше» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9).

[29] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 6.

[30] Там же. В «Вместо предисловия» к «Симфонии (2-й, драматической)» Белый пишет: «Произведение это имеет три смысла: музыкальный, сатирический и, кроме того, идейно-символический» (*Белый Андрей*. Симфонии. Л., 1991. С. 89).

Ветх<ого> Зав<ета> (Псал. 2) и относятся к Мессии. Утешитель уже послан (Деян. гл. 2—3). Так верует Церковь.

Ко всему припутана «белость», характерная якобы для грядущего «утеш<ителя>» и т.д. Г. Белый понял, конечно, всю опасность подобных комбинаций и жестоко сорвал всю идею, т.е. сорвал одну из наиболее отчетливых и ярких, заманчивых и «прелестных» антихристовских идей. По крайней мере, для меня это несомненно, да и для г. Б. тоже. Тут, если хотите, — общественное значение этой книги, г. Б. вступил на путь «пророческого служения». Мысль о воплощении «Утешит<еля>» (Св<ятого> Духа) не нова. Вообще подробно развивать эту часть опасно: легко провраться. В остальном Вы, конечно, разберетесь[31].

Петровский к этому времени настолько близок с Белым, что он даже принимает участие в его финансовых делах. 1 сентября 1902 г. он пишет Метнеру: «В силу некоторых семейных обстоятельств Бугаеву крайне необходимо приобрести некоторую материальную независимость, обеспечение и т.д. Достигнуть этого он может только литературным трудом. В настоящее время у него готово 3 симфонии, из коих по крайней мере 2 лучше "второй". Их бы следовало продать какому-ниб<удь> издателю. Скорпионы не платят[32]. "Вторая" симфония издана М. С. Соловьевым на свой счет и едва ли скоро окупится, а следовательно, что-н<ибудь> принесет автору. Не знаете ли, не занимается ли Ланг издательством[33]? Я это спрашиваю потому, что вспомнил Ваш рассказ о разговоре Вашем с А. Лангом о "Симфонии". Не можете ли Вы при случае позондировать почву в этом отношении, чтобы знать, стоит ли Бугаеву обращаться к Лангу с предложением продать (дешево) право на издание 3 симфоний. <...> P. S. Когда будете у Бугаева, не упоминайте о Симфонии и о прочем. Инкогнито»[34]. Из этого намерения ничего не получилось, но Метнер устроил приглашение Белому написать статью для екатеринославской газеты «Приднепровский край», в которой он постоянно сотрудничал в это время[35].

1 августа 1902 г. Метнер сообщил Петровскому, что получил должность цензора и готовится переселиться из Москвы в Нижний Новгород. В ответ Петровский пишет ему письмо, в котором жалеет, что лишится его и что Метнеру самому «не удастся хорошенько познакомиться с Бугаевым»: «кроме Вас, мало кто мог бы вполне оценить. Ведь он не чета

---

[31] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24.

[32] Имеется в виду издательство «Скорпион», которое выпустило в свет «Симфонию (2-ю, драматическую)» Белого, и, в частности, его владелец С. А. Поляков.

[33] По-видимому, имеется в виду поэт А. Л. Миропольский, старший сын А. А. Ланга, владельца книжного магазина.

[34] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24.

[35] См. п. 3 и примечания к нему.

Балтрушайтисам и пр. Если Б<угаев> не сгорит преждевременно, чего, мне кажется, нельзя ждать, то из него, несомненно, готовится такая умственная сила (и не только умственная!), равную которой я затрудняюсь подобрать; куда Вл. Соловьев, м<ожет> б<ыть>, больше Ницше, притом же у него плюс истинной веры. Зная его 3 года и притом очень близко, и то подчас изумляешься невероятному запасу всяческой силы, именно "силы", т.е. еще не определившейся в деятельности. Я не преувеличиваю»[36]. Незадолго до отъезда Метнера Петровский и Белый были шаферами на его свадьбе — 23 октября.

В это же время они оба эпизодически посещают теософский кружок, который не вызывает у них серьезного интереса[37]. Гораздо более впечатляющими им кажутся ноябрьские концерты певицы М. А. Олениной-д'Альгейм, которой они «заражаются», и симфонические концерты под управлением Артура Никиша. 16 декабря 1902 г. Петровский (которому накануне исполнился 21 год) сообщает Метнеру:

> Был я на обоих концертах Никиша. Н<иколай> К<арлович>[38] играл великолепно и заслуживал большего успеха, внешнего, но публика наша глупа. Главное, он сам доволен своей игрой, из чего можете заключить, что он действительно дал все, что мог, а это очень много. В этот сезон я был по меньшей мере на 10 концертах и совершенно замотался. Я поставлен в глупейшее положение. Вы знаете, каков *мой путь*: мне надо *пока, сейчас* замкнуться, ограничиться, собраться в себя, сконцентрироваться в одном. Для чего, что будет потом, — этого я не загадываю. Музыка страшно рассеивает. С другой же стороны, мне *необходимо* музыкальное развитие. Без него нельзя шага ступить в области «аскетики»: велика опасность погрубеть. Да и вообще, созерцательная жизнь есть до известной степени сосредоточенность на музыкальных идеях. <...> дилемма остается: музыка необходима -- музыка мешает. Помогите: как получить необходимое, чтобы не мешало, откуда подойти. <...> Кстати: поверьте, что ко мне можно писать и о Ницше, и о Гете, и о воющих собаках, а не об одних архиереях и делах церковных, как Вы, кажется, намерены[39].

---

[36] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24.

[37] См. п. 15, примеч. 3. 21 января 1903 г. Петровский обратился к Метнеру с просьбой: «Одна теософская К° (мне до них дела нет) ищет способа выписывать запрещенные (хотя *совершенно неполитические, невинные*) книги и журналы ("Revue Théosophique"). Не можете ли помочь как цензор? И если нельзя или неудобно (повторяю: нам (мне и Б<угаеву>) в душе все равно, хотя мы очень любим одного члена этого кружка и «интересуемся»), то нельзя ли будет Вам выписать 2—3 книжки прямо на себя?» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26). Под «одним членом» имеется в виду П. Н. Батюшков. Метнер ответил положительно.

[38] Брат Метнера, знаменитый пианист и композитор. См. п. 13, примеч. 2.

[39] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24.

О своей внутренней жизни в конце 1902 г. Белый вспоминает: «...как никогда, звучат ноты Сарова и "*Дивеева заветный сон*"; почти каждый день, когда все в доме спит, я поднимаюсь на молитву, зажигаю свечечку перед образом Серафима; и — часами молюсь ему; эти часовые моления часто кончаются минутами невыразимого блаженства и тишины; только Петровский смутно догадывается о моих молитвах, но — деликатно не заговаривает со мной о них» (*МБ*)[40]. Во внутренней жизни Петровского к этому времени также назрело что-то значительное: в январе 1903 г. он поражает своего друга известиями, что он «твердо решил идти в монахи» (*МБ*) и по окончании университета поступить в Духовную академию.

В письме к Метнеру от 2 марта 1903 г. Петровский излагает причины, отталкивающие его (и, по-видимому, Белого в это время) от теософии:

> Теософия до смерти надоела, так что даже речь о ней, звук ее терминов действует наподобие зубной боли. Схемы, схоластика, рационализм, расцвеченные индийскими красками. Толкуют о теософии, о «синтезе науки, философии и религии» люди, не имеющие понятия ни о том, ни о другом, ни о третьем. Удивительная бедность в людях. Основываясь на том, что «высшие люди», мистики и т.д. всех религий и времен между собой согласны в качестве «ведающих», преподносят для «свободного усвоения» нелепейшую догматику, вроде перевоплощения; Бога отодвигают так далеко, что является основательное подозрение, не атеисты ли они. Наконец, «карма» — закон причины и следствия, закон возмездия и т.д., понимаемый как «вечный, *железный* закон», совершенно чужд моей христианской совести, которая изо всех даров Христа ценит едва ли не выше всего дар безграничной свободы, делающий нас богами, ибо даже Бог не может (внутренняя невозможность) идти наперекор нашей воли. Не может спасти меня против моей свободной воли. Хочу бунтую, хочу нет. И если я подлинно бунтую, *зная*, против чего бунтую, то бунт мой будет принят, как принят бунт Денницы — это будет «хула на Духа». У теософов же *всякий неизбежно* придет во «храм»; бунт только отсрочит, т.е. чтобы «сжечь карму» этого бунта, как они говорят, придется еще миллион раз пожить и т.д. Нужно раз почувствовать всю беспредельность христианской свободы, совершенно анархичной (юродивые), не признающей никаких форм морали (ибо какая мораль для любящего Бога, для «ходящего перед Богом», как

---

[40] Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 26 марта 1903 г.: «...знаю, что кроме Вас, да, пожалуй, Алексея Сергеевича, меня никто не поймет (меня уж и так отказываются понимать во многом даже Блок, Сережа Соловьев, Мережковские)» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 12).

Енох), чтобы почувствовать по меньшей мере зубную боль при одном звуке слова «карма» и тысячи подобных терминов. Ведь не Иван Карамазов, и не Ницше, и не Раскольников, а апостол Павел первый сказал, что «все позволено» (1 Кор., 6, 12), что закон отменяется благодатью. Мораль Ницше ближе к истинной христианской морали, чем та серенькая слякоть, которая выдается за христианскую мораль[41].

Неудивительно, что это послание «поразило» Метнера «своею христианско-ницшеанскою анархичностью», как он признался в письме к Белому от 22—25 марта 1903 г.[42].

16 апреля Петровский пишет Метнеру о том, что лежит в основе его решения поступить в Духовную академию: «Многим многое простится за неведение, мне же нет решительно никаких оправданий, ибо я совершенно ясно вижу путь, по какому *должен* идти, но не иду. Я не могу ничем серьезно заниматься, хотя бы хорошим, но *косвенно* важным для меня, философией, потому что знаю, что это проволочка времени, благовидное уклонение от *должного*. Мой путь, мой крест, который всякий другой с радостью бы принял, ибо это крест Христов, — Новозаветное Назорейство, посвящение Богу, устремление безраздельно всех сил к одному, к одной цели. Символ этого — столпничество, формы же, конечно, безразличны, хотя мне думается, что рано или поздно не избегну монашества. Конечно, это путь, а не цель»[43].

Между тем приближались государственные экзамены в университете: «...с марта месяца мы составили группу (я, Петровский, Печковский, Владимиров, Погожев, Аршинов, С. Л. Иванов) и готовились совместно к экзамену, читая то "*Сравнительную анатомию*", то "*Органическую химию*"; мы избрали весною место подготовки к экзаменам — крышу химической лаборатории (плоскую крышу) и на ней усаживались; потом там же кипятился чай; занятие нарушалось шутками, прибаутками, начиналось хождение по перилам, лазанье по крыше; иногда я прямо с крыши отправлялся куда-нибудь в гости» (*МБ*)[44].

---

[41] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26.

[42] Там же. Карт. 4. Ед. хр. 12.

[43] Там же. Карт. 16. Ед. хр. 26.

[44] 28 апреля 1903 г. Петровский пишет Метнеру: «Тяжелым кошмаром нависла надо мною необходимость зубрить и сдавать экзамены. Сдавать еще ничего, а вот готовиться! Когда я на первых курсах готовился и сдавал экзамены, меня несколько радовало громадное приращение знаний в короткий промежуток времени. В два-три дня усваивались целые, совершенно новые курсы, я становился "своим" в новых областях знания. Знание радовало само по себе. Теперь же я "живу" всецело и безраздельно "ощущением" и для "ощущения", а отнюдь не для истины. Хотя бы для "ощущения радости и любви в Боге". Удивительно, как через 100 лет после Канта люди могут жить "для истины". Ибо "что есть истина". Действительную ценность

Литература, разумеется, не забыта ни Белым, ни Петровским. В марте выходит в свет третий альманах «Северные цветы» (М.: Скорпион, 1903), включающий цикл стихов Белого «Призывы» и его драматический отрывок «Пришедший». 9 апреля 1903 г. Петровский посылает письмо Метнеру с характерным сочетанием рассуждений о религии и литературе:

> Вышли «Северные цветы». Отвратительный, утонченно-скабрезный рассказ Гиппиус[45]. Прекрасные стихи Бугаева и Блока. Очень хорош, пожалуй гениален, отрывок Бугаева «Пришедший»[46]. Напряженное чаяние второго Пришествия, причем Пришедший оказался антихристом. Невероятный творческий размах при совершенной самостоятельности. *Каждое* слово с весом и смыслом и тяжестью золота. Написан он давно, года 4 тому назад, теперь уже трудно было бы ему (и мне) взвинтить себя на такую напряженность ожидания. Как-то совсем отошел на второй план апокалиптический элемент христианства. Это не самое важное и не самое главное. Самое глубокое и важное, оно внецветно, неподвижно и неизменно. Хотя бы небеса свились как свиток, труба архангельская возвестила о конце, мне (и Буг<аеву>) чувствуется, что все это осталось бы в стороне и ни на волос не сдвинуло бы нас с центра, ибо это во времени, а там уже вневременность, там, где мы чувствуем себя сынами Отца, там лоно Отчее, любовь Отчая. Тень этого ощущения пала на нас, или тень тени. «И Дух и Невеста говорят: прииди! и слышавший да скажет: прииди! Жаждущий пусть приходит и желающий берет воду жизни даром» (Апок. 22, 17). «Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек» (Иоанн. 4, 14). Прикосновение к тени этого ощущения я и называл «пригублением» чистого вина, точнее не вина, а воды. Не подумайте чего-нибудь на самом деле о нас: я повторяю: тень тени. Лежит ли это вне или внутри человека, возможность «пригубить»? Не знаю, думаю, и то и другое одновременно. Как всегда: думается, что помимо нашей воли, нашего стремления и стимула с

имеет только ощущение (в широком смысле: по невежеству своему я, м<ожет> б<ыть>, употребляю не тот термин, но Вы понимаете). Давно пора указать знанию его истинное служебное место в жизни. Увы, интеллигенция в своем развитии пребывает еще на школьных скамьях Иоганна Христиана Вольфа — на стадии "догматической метафизики" (это позитивисты et <sic!> tutti quanti). А до Канта еще далеко» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26). Имеется в виду немецкий философ-рационалист Христиан Вольф (1679—1754), идеолог раннего Просвещения, профессор в университетах Галле и Марбурга (где в числе его учеников был Ломоносов).

45 «Месса (Переводная картинка)» (С. 65—73).

46 Первым печатным отзывом Э. К. Метнера о творчестве Белого была статья о третьем альманахе «Северные цветы», в которой был охарактеризован «Пришедший. Отрывок из ненаписанной мистерии» (Приднепровский край. 1903. № 1841, 10 июня. Подпись: Э.).

нашей стороны благодать не действует на нас. Мне это внутренне ясно, это соотношение и связь»[47].

16 апреля в письме к Метнеру он дает необычайно высокую оценку другому, пока не опубликованному произведению Белого: «На днях должен выйти сборник вроде "Сев<ерных> Цветов", но издательства "Гриф". Там, между прочим, будет отрывок из 4-ой Симфонии Андр<ея> Белого: вещь совершенно *не-бы-ва-лая* и *неве-ро-ят-ная* по углубленности. Ни в одной литературе, конечно, не было ничего подобного. Вл. Соловьеву и не снилась и не виделась подобная углубленность (при близости очень большой к его основным темам). Даже и Ницше не снилась — потому что тут "разрешения" и "выходы", а не постановки <вопросов>. Тут ощущение и ожидание "Конца" сорвано воплощением "Начала" (символически). Это один из очень немногих образчиков подлинного символического языка и подлинной "теософии". Когда мне ее Б<угаев> читал осенью, я хорошенько не разобрал, т.е. понял только эстетически, а тут эстетическая сторона, конечно, второстепенная, как бы подачка не понимающим главного. (Не знаю, впрочем, какой выбран отрывок для печати.) Я не шутя считаю Буг<аева> одним из величайших мировых гениев. Это между нами пока что»[48].

Время от времени стилистика поведения Белого раздражает Петровского, как он признался в письме к Метнеру от 28 марта 1903 г.: «Вооб-

[47] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26.

[48] Там же. В «Альманахе книгоиздательства "Гриф"» (М., 1903) были напечатаны «Отрывки из 4-й симфонии. 1–5» в ее первой редакции и цикл стихотворений Белого «Возврат». 18 мая 1903 г. Петровский писал Метнеру: «Уже давно я не читал ничего лучшего, как "Возврат" (в "Грифе") Буг<аева>. Особенно: "Я вознесен, судьбе своей покорный". Ни одного слова, которое, повторяю, не было бы тяжести золота, ни одного лишнего. Пушкинская сжатость и сила, современная утонченность и глубина. "*Зеленый* плащ полощется над бездною седою" – ведь это космическое прозрение. А какая любовь: "Цветами, гном, осыпь гостей желанных, *зеленый* плащ под ноги постели <в оригинале: "расстели". – *Дж. М.*> им" — это можно найти у ап. Иоанна или... у Ницше. Я редко наслаждаюсь стихами, но тут наслаждался. Мне думается, что *в этой области* большего не было сказано: это уже дальше Ницше, но в той же силе и на том же пути» (Там же). Когда «Возврат» был перепечатан в сборнике «Золото в лазури» (1904), Белый посвятил его Петровскому. Про стихотворение «В. Я. Брюсову» Петровский писал Метнеру раньше, 28 апреля 1903 г.: «Хорошо стихотворение Буг<аева> в "Грифе", посвященное ему: в нем очень метко подмечена лучшая сущность Брюсова: "упорный маг, сложивший руки". У Бугаева изумительный стих, совершенно свой, кованый, яркий, дерзкий. В его последних вещах замечателен язык: ни слова лишнего и праздного или неточного, или сказанного вчуже, а не пережитого до конца. И это плод работы и внимания» (Там же). В статье «Литература "новых"» — отклик на выход альманаха «Гриф» — Белый выделялся Метнером как «несомненно даровитейший и оригинальнейший из "новых"» (Приднепровский край. 1903. № 1864, 3 июля. Подпись: Э.).

ще, Бугаев как-то слишком отдается во власть разных настроений и влечений в своих отношениях к людям, не заботясь совершенно о том, что он их этим может задевать. Если же пойдут *ему* против настроения, то буря протестов и негодования. Меня часто сердит этот эгоизм, и надеюсь, что он пройдет. <...> Мож<ет> быть, я сам виноват отчасти в этом, возбудив в нем дух протеста. Это между нами»[49]. Но его убежденность в гениальности своего друга остается непоколебимой: «О "мировом значении" Б<угаева> я с Вами согласен, что "оно может ускользнуть от него", точнее он может сам уйти от него. Хотя мне кажется, что даже это "удаление", самопроизвольное или нет, может одно дать ему мировое значение, — для того времени и тех, кто верно поймет. "Мировой" же он гений уже и теперь, независимо от того, проявится или нет, уже по тому одному, что по интенсивности и самобытности дарования и невероятной силе и углубленности мысли и прозрения почти пророческого в "безмирные тайны", его можно поставить уверенно рядом с Пушкиным. (Хотя, мож<ет> быть, он не писатель, и сила его не в этом.) Пушкина же я с каждым днем ценю все выше и узнаю все больше. Пушкин — знамя России. <...> Пушкин — колоссальнейшая личность, какая когда-либо появлялась в России. Я, конечно, не говорю о таких, как пр. Сергий, Серафим и др.»[50].

Уже 9 августа 1902 г. Петровский информировал Метнера, что «старец Серафим канонизирован будет, и, вероятно, не позже года состоится открытие его мощей. Вот бы сподобил Господь увидеть»[51], а 6 декабря писал ему же: «Образ Богоматери, о котором Вы спрашиваете, сам о. Серафим называл: Божьей Матерью "Умиление". <...> В иконных лавках его, конечно, нет, а надо спросить в подворье Дивеевского монастыря в Н<ижнем> Новг<ороде>. <...> На днях получил от нее <своей сестры. — *Дж. М.*> письмо, где она пишет, что открытие мощей назначено на 19 июля. У них был Ваш губернатор, все осматривал, назначал и т.д.»[52].

Шесть месяцев спустя, 9 июня 1903 г., Петровский сообщает Метнеру: «В Нижнем надеюсь быть между 12—15 июля. Мне очень хочется подольше побыть у Вас, а затем хорошенько потолкаться в толпе вокруг Сарова и Дивеева в качестве туриста и корреспондента "Летописи мира" — наблюдая и отмечая. Я не шутя считаю это событие одним из важнейших современных мировых событий: или узлом или развязкой au

---

[49] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26. Сергей Соловьев впоследствии писал: «Борю Бугаева он <Петровский. - *Дж. М.*> обожал, хотя тот часто на него сердился и обращался с ним резко» (*Соловьев С.* Воспоминания. М., 2003. С. 308).

[50] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26.

[51] Там же. Ед. хр. 24.

[52] Там же.

delà[53]! Я жду массы странностей (bizarreries), одна из коих — необретение комиссией нетленных мощей. Мне думается, что когда будет надо, будут и мощи. (Кстати: не думайте, чтобы в понятие "мощи" необходимо входило понятие о "нетленности плоти": вовсе нет: кости многих мучеников и др<угих> святых почитаются народом как "мощи". Никакого обмана не будет. Сплетен же, притом злостных (от раскольников и от интеллигентов), конечно, будет масса.)»[54]. В середине июня 1903 г. Белый с матерью едут в имение, где к ним скоро присоединяются Петровский и В. В. Владимиров[55]. Прямо оттуда последние едут в Саров, дав Белому обещание вернуться после окончания торжеств. Вместо этого 7 августа Петровский посылает длинное письмо Белому[56], а лично рассказывает о происходившем Метнеру, у которого он дважды побывал в Нижнем Новгороде — в июле и августе.

27 августа Петровский извещает Метнера о том, что твердо решил поступить в Духовную академию: «Я чувствую, что это именно тот путь, который надо было мне выбрать. Что же делать: не мне суждена "благая часть Марии". Придется распроститься с анархизмом. <...> Купите себе на последние деньги Летопись С<ерафимо>-Д<ивеевского> Мон<асты>ря и перечтите. Ведь ее необходимо нам всем иметь и знать»[57]. Но его «анархическое» начало и нигилистическая ирония еще дают о себе знать. С самого начала учебы он высокомерно и ехидно оценивает академическую среду: «Вот уже месяц, как я студент Моск<овской> Дух<овной> Академии и успел несколько освоиться. Если бы я не был так твердо уверен, что мне нужно пройти также и через эту "медную трубу", я бы, конечно, моментально вылетел из этого учреждения, но что же делать. Главная беда, конечно, некультурность. Профессора отличаются от университетских тем, что почти поголовно пьяницы, à la Глубоковский. При осанистой профессорской наружности многие из них в душе дикари. Особенность одежды: очень короткие рукава, так что руки обнажены выше кисти. Остальное в порядке. Конечно, не все. Симпатичен инспектор Архимандр<ит> Евдоким,[58] очень милый и очень ученый. Среда тоже немножко дикая. Поселили меня в одной комнате с сыном Тихомирова и еще одним, из светских. И это большая льгота, ибо остальные живут по 10—12 в комнате, а спят по 15—20. Беда та, что не с кем слово перемолвить: я до сих пор не встретил ни одного сколько-нибудь

---

[53] По ту сторону (*фр.*); о потустороннем, загробном мире.

[54] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26.

[55] См. п. 5–8.

[56] См. п. 9.

[57] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26.

[58] Евдоким (Мещерский Василий Иванович, 1869—1935), ректор Московской духовной академии, будущий деятель обновленчества.

"понимающего". А я в этом отношении избалован. Боюсь поглупеть. Одиночество — это ничего, отчасти даже очень хорошо, но уж тогда настоящее; а тут ни минуты одному нельзя побыть. А замкнуться — обидятся (и вправе — я не умею замыкаться без гордости)»[59].

В октябре вокруг Белого формируется кружок «аргонавтов»[60], и хотя Петровский живет теперь в Сергиевом Посаде, он принимает активное участие в его собраниях, где сближается с младшими символистами и, позднее, с П. А. Флоренским, которого будет оценивать неизменно высоко[61]. Петровский знакомит Белого и затем других «аргонавтов» с человеком, который на время станет в своем роде их духовным наставником: «Недавно были мы с Бугаевым в Москве у епископа (на покое) Антония (бывш<его> Вологодского), того самого, кот<орый> исцелял в Дивееве. Удивительный человек. Его считают одни юродивым, другие сума<с>шедшим. На самом деле это человек большой духовной высоты, притом очень тонкого, культурного ума, "знающий шутки". Прозорливый в высочайшей степени. Легкости духа необыкновенной. Я не могу Вам передать, что он говорил нам. Сначала просто беседовал, о сравнительной латинской грамматике (Fröhliche Wissenschaft!)[62], после серьезного дифирамба научности какого-то языковеда говорил о значении букв, напр<имер>, что *а* — мущина, *я* — женщина и т.д., притом очень метко и очень талантливо. Это часа полтора. Затем полчаса речь была иная. Он сразу вырос до невероятной высоты и силы. Он заговорил о важном: как нам обоим расположить свою жизнь, временно, пока. В словах зазвучало такое видение, такие намеки (он говорил сначала Бугаеву), что я вздрогнул от неожиданности. Это величайший человек (из пришедших), какого я когда-либо видел. Он говорил страшно властно, но все время с ласковой улыбкой и подмигивая. Скажет что-нибудь, отчего, поняв, ноги подкосятся, и смотрит, улыбаясь: понял ли? Однажды Бугаев попытался свернуть разговор на свою любимую тему, апокалиптич<еского> характера, как бы невзначай вставив фразу о появившихся *новых* болезнях. Антоний с хитрой улыбкой подмигнул мне и сказал: "Ишь что выдумывает. Хитрый!", на что мне оставалось тоже смеясь подмигнуть, что и я, мол, понимаю, куда клонит: хитрый. Голос у него громкий, резкий. Очень хороши глаза. <...> Не говоря о прочем, он очень интересный собеседник. Ничего больше не могу написать.

---

[59] Письмо к Метнеру от 5 октября 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[60] О нем см.: *Лавров А. В.* Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 137—170.

[61] См. п. 28, примеч. 1. Переписка Петровского с Флоренским опубл.: *Флоренский и символисты*. С. 573—595.

[62] Веселая наука (*нем.*); наименование поэзии трубадуров из Тулузы (XIV в), название сочинения Ницше (1882).

В голове пустота полная <...> Б<орис> Н<иколаевич> лекций читать не будет, зиму отдохнет»[63].

21 октября 1903 г. Петровский сообщает Метнеру: «По закону контраста, я сейчас читаю Ницше, что попало. Это необходимое противоядие против рационализма, демократизма, догматизма, Вольфианства[64] и т.д. Академии. Представьте себе: они все в душе вольфианцы (но не Вольфинги)[65], даже Введенский[66]. Все прочее наносное: ветер развеет и очистит холмик вольфианской почвы. Время, пространство, материя, дух — это все сущности, т.е., конечно, когда говорится не о них, а о другом; когда о них, то — Кант, конечно, вызубрен наизусть. В общем, я не горюю: это полезная школа, без которой я сильно рисковал сделаться дилетантом. Возражаю Вам, что в Академию меня никто, кроме Господа Бога, не посылал. Если Вы согласитесь, что человек может знать, что ему надо делать, то я Вам скажу, что я узнал о необходимости поступить в Академию. Еп. Антоний только одобрил post factum. Конечно, горько без Москвы. Жить можно только в Москве. Вообще же я могу допустить жизнь только в столицах или совсем в деревне. <...> Каждый раз как я после краткого пребывания в Москве уезжаю в Серг<иев> Посад, я по дороге погружаюсь в сон и просыпаюсь уже в другом мире: переход в мир иных измерений совершается, так<им> образом, без ломки, безболезненно. Беда еще в том, что без музыки (я это теперь на опыте знаю) у

[63] Письмо к Метнеру от 5 октября 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26). Об Антонии см. п. 18, примеч. 3. См. также воспоминания Н. И. Петровской: Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гаретто // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1989. Вып. 8. С. 48—49, 53—54. 4 октября 1903 г. Белый писал Метнеру: «Лекций читать не буду. Мне запретил это эпископ Антоний (тот, кто исцелял в Сарове). Может быть, он прав, может быть, нет — но раз я его спросил совета, я *должен* повиноваться. <...> это к лучшему: не послушался бы я его, если б он не выразил себя ***«бездонно-глубоким»*** по отношению ко мне и к А. С. Петр<овскому>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 23).

[64] «Вольфианство» — рационализм: см. примеч. 44.

[65] «Вольфинг» — «Wölfing» (*нем.*), из оперы Р. Вагнера «Die Walküre» («Валькирия», 1870). В первом акте Зигмунд рассказывает Хундингу историю своей жизни и поет «Wolfe, der war mein Vater. <...> Ein Wölfing kündet dir das / den als Wölfing mancher wohl kennt» («Волк — это был отец мой. <...> Вольфинг <Волчонок> объявляет это вам, / а Вольфинга хорошо знают многие»). Э. К. Метнер был страстным приверженцем творчества Вагнера и получил это прозвище от Белого. Вспоминая начало века в письме к Метнеру от 13 сентября 1913 г., Белый сообщил: «...когда в Валькирии звучала тема Вольфингов, я был с Вами, думал о Вас — Вы ли Вольфинг!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 15). Под этим псевдонимом Метнер стал выступать как музыкальный критик в 1906 г. в журнале «Золотое руно». Ср. дневниковую запись Метнера от 1 февраля 1906 г.: «Этот псевдоним мне дал Борис Николаевич» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9).

[66] Об А. И. Введенском см. п. 21, примеч. 11.

меня не рождаются мысли, я становлюсь страшно феноменальным и атавирую[67]. Зато играю в "приезд в Москву в гости откуда-то"»[68].

В этом месяце выходит «Северная симфония (1-я, героическая)», о которой Петровский пишет Метнеру с обычным восторгом: «Кстати, последняя часть невероятно хороша и искупает некоторую наивность первых. Я не знаю, кто бы более знал "время", "безвременье" и "вечность", чем Б<орис> Н<иколаевич>. Пожалуй, и Ницше не мог бы с ним поспорить. Ждите 3 и 4 симфоний: там опять довременность, вечность, внемирность. Впрочем, 4-ю едва ли можно ждать раньше года»[69].

6 января 1904 г. Петровский дает Метнеру знать, что его сестра приехала на месяц, и добавляет: «Мне ужасно хочется познакомить Вас с еп. Антонием. Из живых это единственный мне известный человек, смогший не только узнать, но и вынести свободу Христову. <...> Когда Мережковские были у еп. Антония, Д<митрий> С<ергеевич> как-то упомянул о Гоголе, на что А<нтоний> ответил, что он не любит Гоголя, что это страшный человек. Чему я несказанно рад, ибо уже давно не могу читать Гоголя, так он мне неприятен. У Гоголя не было главного: высшего целомудрия, не полового, а глубже: пол только суррогат (после грехопадения) высшего символа: отношения Софии к Логосу. Так вот, его грехи против целомудрия в области отношения символического к воплощенному и объясняют тот налет магии и мглы, который так страшен в Гоголе и его вещах: "Портрет", "Невск<ий> проспект", "Нос" и другие. Это "ужасы", которым мало равных по глубине и злокачественности. Страшна подмена теургии магией, это и есть духовный разврат. Тут и тайна пола, и смысл целомудрия. Единая истина — Богочеловечество. Единый символ — "тайна «еже о Христе и о Церкви»". Брак есть символ и т.д. Простите, пора спать, и я начал мазать и распускаться»[70]. Скоро проблема «пола» и «целомудрия» становится вполне актуальной в жизни его ближайшего друга в Москве.

Еще в 1902 г. Белый читал Петровскому и другим членам интимного кружка «блокистов» неопубликованные стихи Блока, присылавшиеся поэтом и его матерью их московским родственникам Соловьевым. 10 января 1904 г. Блок и Л. Д. Блок приезжают в Москву и знакомятся у Сергея Соловьева с Белым и Петровским[71]. В конце месяца происходит «падение» Белого с Н. И. Петровской[72], а 10 марта, после столкновения

---

[67] От «атавизма» («atavus», *лат.*) — возврат к чему-либо до крайности устарелому, примитивному.

[68] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26.

[69] Там же.

[70] Там же. Ед. хр. 27.

[71] См. п. 17 и примеч. к нему.

[72] Подробно об этом см.: Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» // *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Символисты вблизи: Статьи и публикации.

между ней и матерью Белого, Белый едет на две недели в Нижний Новгород, полный решимости разорвать отношения с Петровской. По-видимому, Петровскому было известно об этом бурном романе; 23 марта он пишет Метнеру из академии: «Поберегите Бугаева. Я его давно не видал, с месяц, но имею основания думать, что он переживает крайне тяжелое время. Я видел его мать и заключил, что у них произошло какое-то крупное столкновение, между тем, он ее безумно любит, а она его совершенно не понимает и в достаточной степени эгоистична. Он проходит огненное крещение. Но и не пугайтесь. <...> Передайте Б<орису> Н<иколаевичу>, что я шлю ему пожелание счастья и благодушия. На 6-ой неделе были ужасные дни, особенно среда: я чувствовал это даже в Академии, где обычно бываю бесчувственным. Видел знамения, что искушение близко. Нужно мужество и твердость. Победившие все войдут в радость Господа»[73]. 4 апреля, после возвращения Белого из Нижнего, Петровский писал Метнеру: «Бугаев был у Вас в очень, очень трудную для себя минуту (я Вас предупреждал об этом, но не могу выразиться яснее: не вправе). Перед отъездом к Вам ему случилось подскочить, и опустился он от этого прыжка уже гораздо позже; он должен был быть страшно напряжен у Вас и утомлен, при совершенной невозможности говорить с Вами о главном в ту минуту (не по чему-либо в Вас лежащем, а по независящим от Вас обстоятельствам)»[74].

22 мая, после окончания экзаменов, Петровский едет в Москву, откуда 3 июня пишет Метнеру: «Вот уже который раз сажусь я за письмо к Вам, дорогой Эмилий Карлович, в полном бессилии что-либо написать. За год "ученья" в Академии я ужасно поглупел (как говорят, что

СПб., 2004. С. 6–62; Письма Андрея Белого к Н. И. Петровской / Публ. А. В. Лаврова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. [Т.] 13. С. 198–214.

[73] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 27. Среди записей В. Ф. Ходасевича находим следующую: «В 1903 или 1904 г. разыгрался роман Белого с Ниной Петровской. Белый держался ангелом и пророком, но не забывал и насчет "мясного". Нины он не любил. Осенью 1922, в Берлине, он говорил: "Она была мне нужна как женщина. Я же жизненный мужчина. Я ходил к ней, как к проститутке" (т.е. дешево и гигиенично). Кречетов рад был отделаться от Нины. Он отправился к матери Белого и сказал, что, дескать, "теперь Бор<ис> Ник<олаевич> должен жениться на моей жене". — "Но мамочка его прогнала", — говорит Белый. (Возможно, впрочем, что Нина сама послала Кр<ечето>ва: по тем временам и тогдашним истерикам это вполне допустимо). Как бы то ни было, Белый увильнул от женитьбы, а Кречетову посвятил сти<хотворение> "Предание" ("Золото в лазури"), изображающее в изящных терминах улепетывание пророка от сибиллы. Примечательно, что в это время боголюбивые друзья Белого бегали по Москве и рассказывали, что Нина покушалась на белоснежную девственность Бор<иса> Ник<олаевича> (Петровский сам это говорил тогда мне, мальчишке. Я верил). А Бор<ис> Ник<олаевич> будто бы устоял против ее соблазнов» (Бахметевский архив Колумбийского университета).

[74] Там же.

человек "ужасно полысел"... sit venia verbo[75] — от онанизма, ибо богословская академическая наука тот же умственный онанизм). Тем не менее надеюсь не оставлять этого милого порока еще года три»[76]. Затем он гостит у Белого в деревне[77], где тот написал стихотворение «Странники»: «Как дитя, мы свободу лелеяли, / Проживая средь душной неволи. / Срок прошел. Мы былое развеяли. / Убежали в пустынное поле. <...> И пошли. Силой крестного знаменья / Ты бодрил меня, бледный товарищ, <...> Мы, вздохнув, о страданье забыли. <...> Ты смотрел, как над лесом березовым / Серп луны был и снежен и тонок»[78]. В книге «Пепел» (1909) Белый посвятил его Петровскому.

10 июля Белый и Петровский едут в Шахматово к Блокам[79]. 29 июля Петровский пишет Метнеру: «Вот уже месяц, как я все собираюсь к Вам и откладываю. <...> Летом прогостил две недели у Бор<иса> Ник<олаевича>, затем ездил с ним же к Блоку (под Клином. Кстати: на могиле Чехова был венок с надписью: "Чехову — скорбный Клин"). Эта поездка оказалась страшно значительной для обоих, хотя по-разному. Жена Блока действительно то, что мы знаем о ней из стихов А. А. Блока: "Темного Хаоса светлая дочь" — Вл. Соловьева[80] (кстати, она дочь Д. Менделеева — несомненного сибирского Хаоса). Я попал в совершенно новую для меня струю знаний и переживаний, дотоле только вчуже знакомую. Подумывал даже о католичестве (примите cum grano salis[81]), прочел солидное исследование о католической концепции Богородицы и о догмате непорочного зачатия. Пришел к выводу о большей высоте Православия, вмещающего и это (хотя не явно и несколько иначе). Для меня это очень важно: с этих пор катол<ическая> церковь стала такой же матерью (точнее, тетей), как и православная, родною и дорогою, без малейшей чуждости, до конца вмещенной и своей. <...> передо мной еще необъятный путь, и никогда я не был и не чувствовал себя в пути более, чем теперь. И ницшеанцем никогда не был более, чем теперь, переварив и вместив всю головокружительность Ницшевского атеизма, который у меня теперь значится под рубрикой "необходимые элементы христианского миросозерцания"»[82].

---

[75] С позволения сказать (*лат.*).

[76] РГБ Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 27.

[77] См. п. 21, примеч. 12.

[78] *Белый Андрей.* Стихотворения и поэмы. СПб.; М., 2006. Т. 1. С. 271–272.

[79] См. п. 23, примеч. 1.

[80] Из стихотворения В. С. Соловьева «На Сайме» («Вся ты закуталась шубой пушистой...»).

[81] С крупинкой соли, т.е. осмотрительно (*лат.*).

[82] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 27. См. и п. 25, примеч. 20.

Весною Петровский написал Метнеру о сборнике стихов и прозы Белого «Золото в лазури», вышедшем в конце марта 1904 г.: «Упиваюсь “Золотом в Лазури”. Какая чистота! Ни малейшей мути. У Б<ориса> Н<иколаевича> два совершенно своих мотива: восторга и грусти, золотой, осенней; я перебирал: их нет ни у одного поэта»[83]. Теперь он пишет ему: «Каковы в июне “Нов<ого> Пути” стихи Блока[84]! Какое богатство, сжатость, значительность. Рядом с Брюсовым — Блок крупнейший теперешний поэт. Стихи же А. Белого мне теперь до такой степени стали чужды, что (странно) больно слышать»[85].

В сентябре Петровский возобновляет обучение в академии, где он живет в одной комнате с Флоренским, а Белый поступает на историко-филологический факультет Московского университета. Они встречаются в разных кружках — на «воскресеньях» у Белого, в христианском кружке при обществе им. Влад. Соловьева, и в кружке Астровых «Свободная совесть» — но атмосфера «тревожная и мрачная» преобладает в настроениях и у Белого, и у Петровского (*МБ*). 11 октября 1904 г. Петровский пишет Метнеру из академии: «Примите во внимание, что в скором времени я надеюсь перестать не только писать, но даже и читать. В самом деле, чувствую, как приближается давно знакомая волна грусти и забытья, когда всякое сношение с внешним миром причиняет физическую боль. Года три тому назад я переживал нечто подобное: физически не мог читать. Помню, хотел себя заставить: взял том Ницше и начал читать, но заплакал от боли и принужден был бросить. Вот нечто подобное находит и теперь <...> Впрочем, я и не боюсь: это периоды не бесплодные и не потерянные, усиленного роста в бессознательном. Только что теперь неудобно, ибо надо учиться»[86]. В «людской сутолоке» (*МБ*) переписка Петровского с Метнером и с Белым иссякает. Тем не менее Петровский продолжает играть роль в личной жизни Белого, на этот раз в конце года в конфликте Белого с Брюсовым[87].

В начале нового, 1905 г. основывается «Христианское братство борьбы», на нелегальных собраниях которого встречаются его основа-

---

[83] Письмо от 4 апреля 1904 г. (Там же). Метнер не согласился с оценкой Петровского: см. *ЛН. Т. 92, кн. 3.* С. 212.

[84] В шестом номере «Нового пути» за 1904 г. были напечатаны следующие стихи Блока: «Целый год не дрожало окно...», «Погружался я в море клевера...», «Мы встречались с тобой на закате...», «Я вырезал посох из дуба...», «У забытых могил пробивалась трава...», «И снова подхожу к окну...», «Ты у камина, склонив седины...», «Потемнели, поблекли залы...», «Я, изнуренный и премудрый...» (С. 26—34).

[85] Письмо от 29 июля 1904 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 27).

[86] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 27.

[87] См. письмо Белого к Блоку от 18 или 19 декабря 1904 г. и примеч. к нему (*Белый — Блок*. С. 188—192). См. также: *О Блоке*. С. 131.

тели В. П. Свенцицкий и В. Ф. Эрн с другими сочувствующими, в том числе с Белым и Петровским[88]. В эту пору «свершалася драма души»[89] Белого — когда определился его «любовный треугольник» с Л. Д. Блок и ее мужем. В связи с этим он иногда подолгу живет в Петербурге, но тем не менее часто видится с Петровским в Москве на собраниях у Г. А. Рачинского и М. К. Морозовой[90]. 8 июня 1905 г., после окончания учебного года в академии, Петровский посылает Метнеру письмо, в котором он объясняет причины своего долгого молчания и излагает свои политические и социальные концепции:

> Много раз проклинал я того, кто выдумал почту (если ее кто-либо выдумал). Привыкши к недоговоренностям в речи, так мучительно бывает «договаривать» все в письме (и тем вносить неизбежную ложь). «Многоточия» в речи досказываются тоном, или движением, или взглядом, или каким-либо еще более интимным образом, в письме же это — зияющие пустоты, порождающие только «химер неразумения» (выражаясь слогом Вл. Соловьева)[91]. В течение нашей 3-летней переписки уже множество таких химер было отправлено к праматери ослами дружбы и мышами догадливости. Но пустота посылает все новых... <...>
>
> На многое имею ответить. Прежде всего, благодарю за письмо Коляева[92]. Необычайно. В материнской любви так редко умеют прозревать неизменное, старое, милое, вечное, все то же... <...> Мне очень не хочется писать Вам о России. Во всяком случае, будьте уверены, что настроение мое не шовинистическое, не славянофильское (всегда ненавидел, никогда не понимал), но и не космополитическое (люблю, впрочем, Кириллова, gentilhomme russe et citoyen du monde civilisé <*карандашом вписано*: не

[88] См. *РД* о феврале 1905 г. Об истории этой политической религиозной организации с радикальными устремлениями см.: *Иванова Е. В.* Флоренский и Христианское братство борьбы // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 153—166. См. также: *Колеров М. А.* «Не мир, но меч». Русская религиозно-философская печать от «проблем идеализма» до «Вех». 1902—1909. СПб., 1996. С. 225–277; *Взыскующие града.* С. 66—74.

[89] *О Блоке.* С. 180.

[90] См. п. 28.

[91] Судя по всему, Петровский парафразирует пародию В. С. Соловьева на стихи из сборников «Русские символисты». Ср., напр.: «Но не дразни гиену подозренья, Мышей тоски!»; «...не зови сову благоразумья Ты в эту ночь! Ослы терпенья и слоны раздумья Бежали прочь» (*Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 165–166).

[92] Метнер приложил к своему письму Петровскому от 27 мая 1905 г. газетную верстку под заглавием «Письмо Коляева» <так!>, которую он как нижегородский цензор не допустил к печати. В заметке приводится письмо И. П. Каляева (1877—1905) к родным, написанное перед казнью, к которой он был приговорен за убийство московского генерала-губернатора вел. князя Сергея Александровича. См.: *ЛН. Т. 92. Кн. 3.* С. 224.

помню, как пишется>[93]; разумеется, я русский и никогда ни на какую Германию не променяю своей радости и гордости быть сыном этой единственно любимой мною страны. О, я не закрываю глаза на зловещие ауспиции; упадок, развращенность и пр. — но ведь и люблю я ее не за могущество, культурную миссию и т.п. — я просто плоть от плоти, кость от кости и дух от духа ее; люблю за то же, за что Коляев любит свою мать; как никогда не полюблю Германию, перед которой благоговею, но в другой плоскости, гораздо менее интимной. <*приписка в конце предыдущей страницы*: (Замечу, что в моих жилах нет никакой посторонней крови, кроме великорусской (не говорю славянской.)> <...> Возвращаясь же к Вашему письму, замечу: 1) я тоже не думаю, чтобы Россия создала что-либо в области государственности, 2) ни в области науки, 3) но что касается искусства и религии, то тут я жду большего, чем сколько замкнуто в Вашу формулу: «даст еще много интересного». То, что *должно* еще явить человечество и сделать, не сделав чего оно не может умереть (в это я верю), — я не думаю и не верю, чтобы это было сделано мимо России (моя формула — Россия и Германия); дело в том, что романская раса отжила вполне; появления новых неоткуда ждать: монгольская и негрская — но ведь это ужас. Между тем, я не вижу возможности совершения этого дела — явления миру Полноты — *одною* только Германской расой, по-своему односторонней и по-своему ограниченной. Ну да это мечты; может быть, дело не в расах, все пойдет по-иному, может быть, увидим (не мы) восход единого, всеединого человечества к<а>к новую кровь и новую расу[94].

Он добавляет, что в настоящее время занят вопросом организации «“церковной” власти»: «...не особенно разбираюсь: борюсь с анархическими тенденциями, которые иногда берут верх».

25 августа Петровский, после июльского отдыха в деревне у С. К. Мюрата[95], посылает письмо Метнеру со станции Быково, где он живет у отца. В нем он еще раз высказывается на политические темы — в частности, по поводу окончания Русско-японской войны: «Поздравляя Вас <...> с заключением мира, позволяю себе выразить недоверие к последнему. И условия мира и характер времени представляются мне столь же мало гарантирующими на “земле мир, в людях — благоволение”, как и “славу в вышних Богу”. Если не на Дальнем Востоке, так на Ближнем; если не Россия с Японией, не Япония с Китаем, то едва

[93] Русский дворянин и гражданин цивилизованного мира (*фр.*); См. «Бесы»: «Браво! — почти заревел от восторга Кириллов. <...> Я, знаешь, подпишу еще раз по-французски: «de Kiriloff, gentilhomme russe et citoyen du monde»» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 473).

[94] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 28.

[95] См. п. 29.

ли чаша с дымящимся "напитком богов" не прольется рукою последних в Немецком море. Мне думается, что, вообще говоря, международное море всколыхнулось землетрясением, испугавшим делегатов в Портсмуте, и не скоро войдет в берега; на очереди же — неизбежное сведение счетов Германии с Англией. Необычайную сложность должно принести разрешение Восточного вопроса <...> и едва ли окажется возможным надолго искусственно охранять раскрашенный труп Оттоманской империи. Я очень рад, что Россия как-никак развязалась с войной и, может быть, успеет отдохнуть и окрепнуть для ожидаемой европейской страды»[96]. На этот раз он пишет и на литературные темы: «Если Вы получаете "Весы", то читали "Химеры" А. Белого[97]. Один знакомый (Рачинский) читал вслух и восклицал: "это Вильям!" Вы, конечно же, воскликнете: "это Вольфганг!» (да и нельзя), но "это Фридрих" и больше Фридриха — по размеру необычно крепнущего дарования. "Химеры" — почти совершенство (по исполнению). Б<орис> Н<иколаевич> говорил, что Вы его поздравили с перевалом к гуманизму. Он уже больше не говорит о "теургии", но об "антропургии" (простите за варварский перенос). На этом же перевале суждено быть теперь и мне — не знаю, по обезьянству ли, или влиянию, или родству орбит»[98].

В сентябре Белый возвращается в Москву из деревни, участвует в бурных университетских митингах и голосует «за закрытие Университета и превращение его в революционную трибуну» (*РД*). В октябре он, «весь захвачен нарастающими событиями революции», участвует в демонстрациях на похоронах С. Н. Трубецкого и Н. Э. Баумана: «определяется точно, что моя орьентация —— *эс-декская*; <...> я являюсь *sui generis социал-символистом* в то время» (*РД*).

---

[96] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 28. 31 августа 1905 г. Метнер писал Белому: «Получил письмо от Петровского <...> Я, отнюдь не желая иронизировать над очень милым и очень умным Алексеем Сергеевичем, не могу однако не заметить, что пока его "гуманизм" (в упомянутом письме) выразился в пророчестве (которым согрешил и Ницше) о наступлении классического периода войн, и для первоначала Петровский с истинно-ангельским сладострастием Алексея Божия человека (или Алексея Карамазова; помните о мучениях и компоте) — швыряет друг на друга англичан и германцев... Простите за пересол о Петровском; я его очень люблю и вовсе не собирался на него злиться: это нечаянно» (РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 61).

[97] Очерк «Химеры» был напечатан в июльском номере «Весов» за 1905 г. (С. 1—18). Позднее он не переиздавался. Ср. письмо Метнера к Белому от 31 августа: «Петровский рекомендует мне Вашу статью "Химеры", за которую дает Вам орден Ницше первой степени (он выражается несколько иначе, но я щажу Вашу скромность)» (РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 61).

[98] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 28. «Вильям», «Вольфганг» и «Фридрих» – подразумеваются Шекспир, Гете и Ницше. Слово «антропургии» перенесено: «антро-пургии».

С 15 сентября 1905 г. Петровский опять в академии. В нем назревает «переоценка ценностей». Уже 25 августа он исповедовался Метнеру: «Очень трудно становится жить, дорогой Эмилий Карлович. Потенции прекрасная вещь, но иногда мне кажется, что цена им не ноль, а минус; существует некий непреложный конститутивный принцип, согласно которому "у неимущего отнимется, а имущему дастся", и кто не хочет подвергнуться закланию, должен сам стать жрецом, кто не хочет, чтобы его посолили впрок, должен сам осолиться. Люди безбожно одиноки, и каждый бережет для себя свою щепотку соли». И 5 октября: «Меня измучили люди, строящие свое отношение (расположение) ко мне на ожиданиях, на мнениях и представлениях обо мне, таким образом, на созданной ими фикции, и покидающие меня, чуть только расстроится фикция. <...> У меня сейчас очень трудная пора, смена умираний и воскресений. Но скоро, скоро я буду счастлив. Или же физически не выдержу. Дорогой мой, угадайте, но не ошибитесь. Помогите мне (своим осенением) из Вашего близкого далека поддержать необходимую напряженность духа, напряженность, которую я должен создать и выдержать во что бы то ни стало»[99]. На следующий день он продолжает письмо признанием, поразительным для студента Духовной академии: «Может быть, одна из моих бед — та, что я бог, а не человек. Я говорю серьезно, реально, а не метафорически. Какое-то самодовление (не самодовольство — помилуй Бог). Стоит мне одеть пальто, фуражку и калоши и взять палку, как я чувствую себя самодовлеющим богом. Может быть, это какой-нибудь парамнез из эпохи многобожия, echo du Temps passé[100]? Во всяком случае, я рад был бы продать свою божественность за чечевичную похлебку и остаться только человеком. <...> Любящий Вас, умерший (на полчаса) А. Петровский».

Зимою и весною 1906 г. у Белого, который живет то в Москве, то в Петербурге[101], происходит «труднейшая драма с Блоками» (*РД*), которая в значительной мере обусловливает чрезвычайно остро воспринимавшийся им душевный разлад. В его отсутствие Петровский часто встречается с Эрном, Свенцицким[102] и с другими членами Христианского братства борьбы. Он совместно с Флоренским работает над переводом книги Р. Зома «О церковном строе в первые века христианства» (М.,

[99] РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 28.

[100] Эхо прошедшего времени (*фр.*).

[101] В письме от 19 февраля 1906 г. Петровский пишет Метнеру: «Я не знаю петербургского адреса Б<орнса> Н<иколаевича>, не знаю также, где он остановился: у Мережковских или у Блоков» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 28).

[102] См. письмо Петровского к Э. К. Метнеру от 14 февраля 1906 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 28).

1906) и еще учится в академии, но вопрос «самоопределения» уже стал обретать кризисные очертания:

> Не могу принять христианства (и Церкви) и определиться в них. Не могу принять и ничего иного, кроме них. <...> Бессилие что-либо воплотить и окончательная невозможность жить, не воплощая, жить не-религиозной жизнью, в не-религиозном общении с людьми. Срыв при каждой попытке религиозного действия и общения. И я знаю, почему. Религиозная жизнь мыслима только коллективная (соборная, церковная: где двое или трое во имя Мое...), для одиноких возможно только богоборство, для которого я, однако, не создан, потому что недостаточно мужествен: слишком женствен. Знаете, я начинаю последнее время мириться с «историческою церковью» (sit venia verbo)[103]. Как ни будь безобразна, но все же какая-нибудь в *глубине подлинная* общественная организация религиозной жизни. Ведь и государство же безобразно, но все же государство, все же «зверь, вышедший из бездны» и достойный противник «жены, облеченной в солнце». «Отче наш», прочитанное в церкви, весит больше, чем все бессонные ночи одинокой молитвы. Другое, что меня мирит с нею: глубина пессимизма, более того: отчаяния, раскрывающаяся во всех моментах церковности. Христианство не дешево покупает свои надежды. Однажды прозрев на берегу Христа, Церковь (как Петр) бросилась к нему в море и уже давно не видит света, захлебнувшись в отчаянии. Догматики, католичество — это все трагические маски, не более (но и не менее). И в этом отчаянии, в этой безысходности, *здесь* (в естественном строе мира) открыт исповедуемый церковью (аскетизм), в признании, что наш единственный земной удел — отчаяние, и тем не менее настойчивом и уверенном шествовании по пути веры (т.е. долга) <...> Действительно, мне кажется, что ничто не может быть принято, что не было предварительно сорвано, что по сю сторону отчаяния: я хочу сказать, что только та вера может выдержать испытание на благородство, которая *до конца отчаялась*, и, тем не менее, вопреки этому *окончательному отчаянию*, — устояла (Кантовская концепция долга) на ногах (Христос в саду Гефсиманском). Вот это-то отчаяние мне и слышится в историческом церковном христианстве. А оно все оправдывает. И личная жизнь каждого человека может быть принята им *только после того, как была окончательно сорвана, только отчаявшиеся имеют право жить*. <...> Очень одиноко, дорогой Эмилий Карлович. О, если бы кто-нибудь дал мне свою душу, о, если бы я умел отдать, отдавать свою, умел бы брать на себя чужое бремя! Но за то и свое невыносимо нести одному. Я решительно не умею, не в силах религиозно утвердиться один. Если бы кто омыл меня своей кровью! Неужели бы я пожалел своей[104]!

---

[103] С позволения сказать (*лат.*).

[104] Письмо к Метнеру от 19 февраля 1906 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 28).

Другой личный кризис — отношения Белого с Блоками — разрешился ранней осенью: в конце сентября 1906 г., после окончательного «объяснения» с ними, Белый едет за границу и долго живет в Мюнхене, а затем в Париже[105].

Приблизительно в это время Петровский тяжело заболел и попросил отпуск из академии. В середине октября он едет в Гельсингфорс[106], откуда, после семимесячного перерыва в переписке, посылает 24 октября письмо Метнеру:

> ...*судьбы* своей не знаю, и если пошлет, не ослушаюсь. Собственно, это та единственная Дама, к которой я всегда готов безропотно и даже с радостью возвратиться и всегда возвращаюсь... в минуты Суда. Из всех молитв я сохранил большую pietas[107] к Отче Наш, и главным образом за слова: да будет воля Твоя, потому что ведь знаю... что это «воля Моя». И такова моя воля, чтобы говорить: да будет воля Твоя. <...> в моем путешествии нет ничего удивительного. Следившие за мною давно могли догадаться, к чему идет дело... Это зовется очень просто: атрофиею задерживающих центров (нечто весьма близкое к истерике... увы!). «Нужно перевести эту книгу» — к Вашим услугам. «Надо проехаться туда-то и там остаться». — Готов. Если бы сказали: «Вам надо жениться, а то эта девица скучает» — вероятно, я бы ответил, что согласен и на это, как согласен вообще на все, на всякую мысль, на всякий опыт над собою. К сожалению, это объяснение моих поступков покрывает все остальные и вероятность его близка к достоверности. От путешествий в Финляндию следовало бы лечиться — ну хоть морскими купаньями. Вероятно, я этим и займусь. Это довольно грустно. Камушек докатился. Я не ошибаюсь в своем диагнозе, и едва ли простительны те оправдания, которые я себе иногда привожу, вроде того, например, что это может быть тоже некоторого рода «Stirb und werde»[108], т.е. что из этой смерти может выйти какая-нибудь жизнь. Но очень сомнительно. Вернее, что надо было бы назад, но назад я и не могу и не пойду. Что развивается? Не любовь (она трагична), а доброта, то есть нечто очень неценное, всегда фарисейское. Не так ли?

---

[105] В письме к Э. К. Метнеру от 1/14 октября Белый писал из Мюнхена: «Со мной был страшный кризис, и я стоял на краю бездны. Я мог стать преступником. Наконец после ужасного месяца (августа) перелом со мной произошел, и теперь я отдыхаю в Мюнхене и душой и нервами» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 48). См. п. 31 и примеч. к нему.

[106] См. письмо Варвары Олениной к Флоренскому от 15 октября 1906 г. (*Флоренский и символисты*. С. 581).

[107] Преданность (*лат.*).

[108] «Умри и будь» (*нем.*). Из стихотворения «Selige Sehnsucht» («Блаженная тоска») в сб. «Западно-восточный диван» Гете.

Я не знаю, как долго останусь здесь. Может быть, поеду весною сдать экзамены (выпускные) и затем вернусь.

В декабре 1906 г. Петровский возвращается в Москву. 3 февраля 1907 г. он пишет Флоренскому: «Я должен сказать, что взял от Академии все, что мог взять и переварить. Многое из взятого оказалось несваримым и его пришлось удалять с усилием. Но за иное я все же ей благодарен. Дальше же мне по теперешним временам в Академии делать решительно нечего. <...> Самое большее — это согласие сдать экзамены, являться же "для вида" мне и стыдно и не хочется (одновременно!)»[109]. Даже это намерение не было исполнено, и Духовную академию Петровский оставил навсегда[110].

В конце февраля 1907 г. Белый возвращается в Москву из Парижа и «сильно отдается литературной общественности» (*МБ*). Летом Петровский набирается здоровья в деревне («сижу на кумысе»), где переводит биографию Франциска Ассизского[111]. В этом же году он поступает на должность сверхштатного чиновника X класса в библиотеку Московского публичного Румянцевского музея, связав с ней всю свою последующую жизнь[112]. В 1907—1908 гг. оба друга чаще всего видятся либо в доме Пьера д'Альгейма и его жены, знаменитой певицы М. А. Олениной-д'Альгейм, либо в кругу Э. К. Метнера, который опять живет в Москве. Осенью 1908 г. в Москве возникает, по словам Петровского в письме к Флоренскому от 25 октября, «учреждение (синтетического характера), о котором когда-то смели мечтать»[113]. Годом ранее, осенью 1907 г., друзья д'Альгеймов, в том числе Белый и Петровский, заговорили о том, что теперь реализовалось под названием «Дом песни». Оба они участвуют в деятельности этого объединения несколько лет[114].

Интерес к теософии и оккультизму проявился у Белого и Петровского еще осенью 1902 г. Хотя тогда они быстро перестали посещать теософский кружок, но продолжали читать теософскую литературу (термины и цитаты из нее пестрят в переписке того и другого с Метнером в 1900-е годы)[115]. В конце 1908 г. происходит значительный «сдвиг» в их

[109] *Флоренский и символисты*. С. 583. Писем Петровского к Метнеру за 1907—1908 гг. нет.

[110] См. запись об августе 1907 г. в *МБ*: «кажется, в этом году А. С. Петровский бросает Академию; и — навсегда отталкивается от православия».

[111] *Флоренский и символисты*. С. 584.

[112] Предисловие к каталогу «Гравюры из коллекции А. С. Петровского» (М., 1980) содержит данные о его библиотечной деятельности (С. 7—8).

[113] *Флоренский и символисты*. С. 586.

[114] См. п. 33.

[115] См. также: *Белый Андрей*. Касания к теософии // *Андрей Белый и антропософия 9*. С. 449—451.

общей жизни, когда они знакомятся в Москве с А. Р. Минцловой (*РД*), загадочной и интригующей личностью. Она объявляет себя посланницей от тайных европейских обществ, распространяет розенкрейцерские идеи и пропагандирует теософскую систему Рудольфа Штейнера в культурных кругах Москвы и Петербурга[116]. Более года она активно воздействует на Белого и Петровского, а также на их общих друзей, в том числе В. И. Иванова, Э. К. Метнера, Эллиса, М. И. Сизова, Н. П. Киселева, с которыми завязывает доверительные отношения и для которых становится в своем роде духовной наставницей[117].

В феврале 1909 г., после скандала 27 января на заседании Литературно-художественного кружка, главным действующим лицом которого оказался Белый[118], Петровский и Г. А. Рачинский поняли, что он оказался на грани полного нервного расстройства. Они увозят его в деревню, в село Бобровка Тверской губернии, где находилось имение А. А. Рачинской, сестры Г. А. Рачинского[119]. Там Белый работает над будущим романом «Серебряный голубь», занимается стиховедческими штудиями и читает книги по оккультизму, астрологии и каббале из библиотеки Рачинской. (Бобровка снова станет убежищем для Белого и Петровского в декабре 1909 г., а затем в январе 1910 г. на короткое время, и надолго — в апреле—мае 1910 г.). По-видимому, там Белый написал стихотворное послание «Э. К. Метнеру (Письмо)», адресат которого в это время находился в Берлине («На стогнах шумного Берлина / Ты вспомни, вспомни обо мне»). Белый вспоминает вечера, проведенные у Метнера в 1902 г., и пишет: «О, где ты, юность золотая? / Над цепью газовых огней / Пурга уныло песнь заводит... / К нам Алексей Сергеич входит, / Лукаво глядя из пенснэ, / И улыбается закату...»[120].

Скоро совместная работа в новом предприятии, имеющем широкие культурные устремления, еще более тесно сближает Петровского с Белым. Уже летом Белый, Метнер и Эллис обсуждали формирование нового издательства, ставившего своей задачей религиозно-философское и культурно-историческое обоснование символизма. Оно официально открывается в марте 1910 г., но организационные заседания будущего «Мусагета» проходят уже с сентября 1909 г. Как выясняется из письма Белого к Метнеру от конца августа или начала сентября, идея основать издательство возникла отчасти из желания выпускать новый символистский журнал: «"*Весы*" кончаются, "*Руно*" кончается, в Петербурге

[116] Подробее см. «маленькую монографию»: Anna-Rudolph // *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 23—110.

[117] См. п. 34 и примеч. к нему.

[118] См.: *О Блоке*. С. 344.

[119] См.: *Между двух революций*. С. 313 -314.

[120] *Белый Андрей*. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 355-356.

усиливается "*Аполлон*", так что если мы год просрочим, будет поздно. <...> Вчера было деловое совещание (главным образом технического характера); <...> В совещании с <М. А.> Мамонтовым <владельцем типографии. — *Дж. М.*> я устранен как мало понимающий; вместо меня будет А. С. Петровский (с удивительной трогательностью и деловитостью хлопочущий о нашем деле) с Кожебаткиным. <...> А. С. Петровский берется в издательстве и журнале, буде понадобится сверка переводов, справки, сличения с подлинниками; словом, наблюдение за книгоиздательством. <...> Эллис наш секретарь (не так ли?); но А. С. указывает, что ведение хозяйства вряд ли Эллис сумеет. <...> очень горят усердием Петровский, Киселев, Кожебаткин, Садовской, Ахрамович»[121]. С самого начала и вплоть до 1913 г. Петровский и Белый принимают деятельное участие в работе нового предприятия[122].

В июле 1910 г. Белый едет в Боголюбы (под Луцком) к своей невесте А. А. Тургеневой, а в августе Петровский отправляется за границу — на лекции Рудольфа Штейнера в Мюнхене и Берне[123]. 11/24 августа 1910 г. он пишет Метнеру из Мюнхена, где слушает курс лекций Штейнера «Тайны библейской истории сотворения мира»:

> Года четыре, как я Вам не писал, и странно браться за перо. Перед отъездом за границу заезжал в Луцк и застал там Бориса Николаевича, милого, мягкого, но старого, дряхлого, как-то выдохнувшегося, — или это я, быть может, стар и выдохнулся и ничего не вижу, — только что не женихом, но, во всяком случае, на этой черте. И грустно было, и какое-то негодование охватывало. Боже, как слаб.
>
> Слушаю здесь Штейнера и 30-го еду в Берн, где с 1—14 сент<ября> н<ового> ст<иля> другой цикл лекций: об Евангелии от Матфея. Штейнер дал мне несравненно больше, чем я ждал <...> Кристалл, совершенно законченный в себе и из себя растущий, а уже не из среды, до конца пробужденный, где у каждой линии, у каждой грани свое лицо, опять-таки до конца отработанное и завершенное. Понимаешь, что значит второе рож-

[121] РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 4. Гораздо более скромный, чем планировалось, журнал «Труды и дни» выпускался только с 1912 г. См. подробнее: *Лавров А. В.* Русские символисты. М., 1007. С. 499—514.

[122] Белый и Петровский разорвали отношения с «Мусагетом» осенью 1913 г. Причиной послужило опубликование в издательстве трактата Эллиса «Vigilemus!» с критическими выпадами против антропософии. 14 ноября 1913 г. Белый писал Э. К. Метнеру из Берлина: «Ввиду моего выхода из "*Мусагета*" и выхода членов А<нтропософского> О<бщества> Петровского и Сизова, моя *мотивировка* отношения моего к брошюре Эллиса не имеет уже в "*Мусагете*" ни формальной цены, ни формального веса» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 20).

[123] См. п. 35 и 37.

дение. Пафос и вдохновение, но совершенно послушные ему. За всем — всегда одно лицо, неподвижное в страдании, сверхчеловеческое в реальном смысле слова. Это неопровержимо, и это надо видеть, потому что до сих пор никто из нас этого не видел. Приезжайте же[124].

4/17 сентября Петровский пишет В. И. Иванову из Берна в Рим:

Не имеете ли каких-нибудь известий об А. Р. <Минцловой>. Две недели тому назад она была в Москве. Выехала оттуда (кажется, 2-го) в Финляндию, чтобы затем прямо проехать в Берн на цикл Штейнера[125]. Говорила в Москве опять, что год прошел, она не исполнила, что ее могут отозвать. И с тех пор без вести.

Вот уже целый месяц слушаю каждый день Штейнера. За этот месяц можно было не годы, а целую жизнь прожить. Чувство глубочайшего благоговения и нежности к нему — и невозможности принять. Проходил все этапы отношений, вплоть до враждебности. Теперь очень люблю.

На днях уезжаю в Россию. Говорят, Вы не отвечаете на письма. Но если что-либо знаете или можете узнать об А. Р., ответьте непременно, или попросите написать несколько слов Веру Константиновну <Шварсалон>, которая добрее Вас и лучше войдет в мое положение. Шлю ей заранее благодарность и привет, а Вам — троицу христианских добродетелей[126].

Ответ Иванова неизвестен, но никто ничего не знал о судьбе Минцловой. Она просто исчезла[127].

После вступления 18 августа 1910 г. в Теософское общество[128] Петровский возвращается в Москву, где погружается в дела «Мусагета» и поздней осенью становится членом кружка по изучению работ Штейне-

[124] РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35. См. и п. 37, примеч. 2.

[125] 18 августа 1910 г. Минцлова писала М. И. Сизову из Петербурга: «...завтра вечером (19-го) думаю выехать за границу, прежде всего в *Дрезден*, т. е. в Пильниц, где пробуду два дня с Эм. Карл., затем в Берн, где застану Алекс. Серг. Из Пильница я ему телеграфирую. <...> напишите *сейчас* Алекс. Серг., чтобы он немедленно известил Вас, когда я приеду в Берн. Я там буду *не позднее* 25 Авг. (русск. стиля)» (*Серков А. И.* Предисловие // *Киселев Н. П.* Из истории русского розенкрейцерства. СПб., 2005. С. 31).

[126] РГБ. Ф. 109. Карт. 32. Ед. хр. 98. Письмо было послано до востребования в Рим, где в это время находились Иванов и его падчерица (и будущая жена) В. К. Шварсалон.

[127] Ср. запись об августе 1910 г. в *МБ*: «С некоторым недоумением еду в Москву, где с места в карьер сваливается тяжелая проблема "*исчезновения*" Минцловой, с которой с неделю мы возимся с М. И. Сизовым. Она — исчезает, дав мне кольцо и лозунг и обещав, что *кто-то* к нам придет в сентябре 11 года». Подробнее см.: *Богомолов Н. А.* Цит. соч. С. 103–107.

[128] См.: *Майдель Ренато фон.* «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 223.

ра[129]. Кружок собирается при «Мусагете»[130], к нарастающему раздражению Метнера. Со временем неприязнь Метнера к теософским и оккультическим тенденциям усиливается и приводит к конфронтации между его широкими культурологическими установками и антропософией Штейнера, завоевавшей значительное количество сторонников среди «мусагетцев». Об октябре 1910 г. Белый вспоминает: происходят «эзотерические собрания нашей "*пятерки*" с молчанием (я, Метнер, Сизов, Киселев, Петровский), которые, кажется, в обузу всем, но во имя прихода "*кого-то*" для "*чего-то*" ("*бред*" исчезнувшей Минцловой ею навязан нам в наследство, так сказать)» (*МБ*)[131]. В конце ноября 1910 г. Белый и Ася Тургенева, которая также очень дружит с Петровским, предпринимают длительное заграничное путешествие. Сначала они живут в Сицилии, затем в Тунисе, Египте и Палестине. Петровский становится для них главным источником новостей из Москвы и посредником с «Мусагетом» после того, как возникает конфликт между Белым и издательством[132].

В конце апреля 1911 г. Белый и Тургенева возвращаются в Россию и долгое время живут в Боголюбах[133]. В середине сентября они приезжают в Москву, где Белый получает заказ на новый роман (будущий «Петербург»). Судя по письму Белого к Метнеру от 8—11 сентября, Петровский еще принимает активнейшее участие в делах «Мусагета». Он помогает Белому составить «проспект» предполагаемой серии «Орфей»[134] и обзор задач издательства «Мусагет»[135]. Практически все вопросы о книгах, пред-

---

[129] Майдель Рената фон. Указ. соч. С. 226. См. также: *Maydel Renata von*. Vor dem Thore: Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. Bochum/Freiburg, 2005. S. 98—100. В некоторых источниках ошибочно пишут, что кружок возник осенью 1911 г.

[130] См. п. 43, примеч. 3.

[131] В книге А. И. Серкова «Русское масонство 1731—2000. Энциклопедический словарь» (М., 2001) Петровский и Белый названы членами московской ложи «Люцифер» (другие члены: В. Я. Брюсов и В. И. Иванов): «Открыта "московским центром", то есть, вероятно, розенкрейцерским капитулом [Астрея]. Вскоре после открытия закрыта за связь с антропософами» (С. 1141). Однако никаких достоверных сведений о существовании такой ложи у нас нет, как нет сведений и о масонстве Брюсова, Белого и Петровского вообще; данные о посвящении Вяч. Иванова весьма разнятся (сводка данных: *Кузмин М*. Дневник 1934 года. СПб., 1998. С. 305—306; коммент. Г. А. Морева). Вдобавок отметим, что ни Брюсов, ни Вяч. Иванов никогда не были связаны с антропософией. Все это заставляет усомниться в достоверности энциклопедических данных.

[132] См. п. 39—84.

[133] См. п. 85 и 86.

[134] 7/20 ноября 1915 г. Белый сообщал Иванову-Разумнику, что Петровский «был инспиратором всей орфейской линии "Мусагета", пока он не стал настолько явно выраженным антропософом, что "*Мусагет*" начал теснить его» (*Андрей Белый и Иванов-Разумник*. С. 59).

[135] РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 48.

положенных для перевода в издательстве, разрешаются им в консультациях с Метнером[136]. Как впоследствии Белый писал Г. Г. Шпету, «переводчик он незаменимый, — тонкий стилист (со вкусом); некогда у нас в "Мусагете" он редактировал все переводы (и в том числе Рачинского — всегда); лучшего переводчика трудно себе представить»[137].

21 января 1912 г., после инцидента с «Русской мыслью» (в конце концов редактор журнала П. Б. Струве отказывается печатать предполагавшийся к публикации новый роман Белого), Белый едет в Петербург, где живет у В. И. Иванова. Метнер в это время находится в Германии, и 27 января Петровский сообщает ему:

> У Б. Н. все плохо ладится с Р<усской> Мыслью. Брюсов всячески теснит его, гонорар сбавили до 1400 р., сколько бы ни было листов, хоть 20, между тем как он представил 14 ½, и это только $^2/_3$ всего. Кроме того, Брюсов делает массу купюр. Это объясняется тем, что в 1912 г. идет его собственный роман[138]. Сейчас Б. Н. в Петербурге с Асей на башне, пишет, что привезет много дичи, что Иванов дает что-то *уже написанное*. Я этому очень рад, ибо обилие Степпунов меня тихо ужасает[139]. — Читали на днях в Мусагете перевод Виноградова одной вещи Словацкого — «Ангелли». Вещь совершенно изумительная. Это — польская душа, одержимая ангелом, сверхчеловечески нежная и жестокая в то же время. Перевод очень хорош: Ахрамович следил с польским текстом; Киселев говорит: «Вот воистину филологический перевод». Хорошо было бы напечатать, хотя есть русский перевод, впрочем, распроданный. В этом смысле я и подам Виноградову надежду. <...> На праздниках я *кончил* перевод Беме и думаю теперь печатать, — хочу только заставить Мамонтова выписать один шрифт[140].

В самом конце февраля Белый возвращается в Москву, а через месяц уезжает вместе с Асей Тургеневой в Брюссель[141]. В мае, узнав о предстоящей лекции Штейнера в Кельне, Белый просит Петровского послать ему адрес Штейнера. Они с Асей едут туда, слушают лекцию, лично знакомятся с ним и принимают решение встать на путь «ученичества» у

---

[136] См., например, письмо Петровского к Метнеру от 26 октября 1911 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35).

[137] Письмо от 1 апреля 1933 г. См.: *Шторх М. Г.* Немного прошлого // Начала. 1992. № 1. С. 64.

[138] Имеется в виду роман Брюсова «Алтарь победы», который впервые был опубликован в «Русской мысли» (1911. № 9, 11 и 12; 1912. № 1—6, 8—10).

[139] Имеются в виду статьи, предложенные для публикации в журнале «Труды и дни».

[140] РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35. О переводе Беме см. п. 40, примеч. 5. Поэма «Ангелли» Ю. Словацкого, в переводе Анатолия Виноградова, была выпущена «Мусагетом» осенью 1913 г.

[141] См. п. 88, примеч. 2.

Штейнера[142]. С этого времени они живут за границей в окружении Штейнера, путешествуя по Германии, Швейцарии, Норвегии, Швеции и Дании, чтобы слушать его лекции и получать от него личные консультации и задания. (Вынужденные по финансовым причинам покинуть Штейнера, они с конца февраля до конца июля 1913 г. живут в России, откуда возвращаются в Германию.) В феврале 1914 г. они обосновываются надолго в Дорнахе, под Базелем. В это время Петровский опять становится их главной связью с Москвой.

В 1912 г. Петровский с участием других единомышленников основывает в Москве издательство «Духовное знание» (1912—1918), цель которого — выпуск теософской, а после основания Антропософского общества в самом конце 1912 г. — антропософской литературы. В конце мая 1913 г., в компании большой группы московских и петербургских приверженцев Штейнера, он едет в Гельсингфорс на цикл Штейнера «Оккультные основы Бхагавадгиты»[143]. Там он встречается с Белым и Асей и от имени «Мусагета» ведет переговоры со своим другом, как он пишет Метнеру 23 июля: «...когда я ехал в Гельсингф<орс>, Вы говорили мне, чтобы я переговорил с Бор<исом> Ник<олаевичем> относительно состояния его переговоров с Сирином об издании его худож<ественных> произведений[144]. Я говорил с ним — оказывается <...> что дело это решится осенью. <...> Я передавал Бор<ису> Ник<олаевичу>, что в случае отрицат<ельного> исхода с Сирином Мусагет заинтересован в поспешном издании их. Но приступать к набору, по ходу дела, как видите, пока было нельзя»[145]. В этом же письме Петровский сообщает, что «на днях» он увидит Белого в Мюнхене, куда он едет на представления «Мистерий» Штейнера и на его курс «Тайны порога» в августе[146]. Оттуда Белый и Ася едут в Норвегию, а Петровский в Москву, где 7 сентября открывается московское отделение Русского антропософского общества. Петровский числится среди его учредителей, а позднее членов его Совета.

---

[142] См. п. 88 и 89.

[143] См. п. 97, примеч. 7.

[144] Об этих сложных переговорах Белого и друзей с разными издательствами в это время см. п. 97—98 и примеч. к ним.

[145] РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35. Петровский также приводит подсчеты сумм мусагетских изданий в письме. Ни «Мусагет», ни «Сирин» собрания сочинений Белого не выпустили. В письме от 8 июля 1913 г. Петровский обсуждал с Метнером перевод «Арийского миросозерцания» Х. Чемберлена. Этот перевод, выполненный О. К. Синцовой, был опубликован «Мусагетом» в конце октября 1913 г.

[146] См. запись об августе 1913 в *РД*: «Мюнхен. Встреча с антропософами; <...> мы с Асей стали членами *Johannesbau-Verein*; Штинде нас вписала в список дорнахцев; встреча с Петровским, Христофоровой, Григоровыми, Сабашниковой, Форсман, Ел<изаветой> Ив<ановной> Васильевой, Бородаевской, Сизовым, Колпакчи; волнения в связи с постройкой Гетеанума».

В конце 1913 г. Петровский опять встречается с своими русскими друзьями в Лейпциге на курсе Штейнера «Христос и духовный мир»[147]. Белый вспоминает о знаменательном для него дне — 3 января 1914 г.: «мы отправились (я, Ася, Наташа, Поццо, Петровский, Трапезников)[148] в ту деревушку под Лейпцигом, где родился Ницше, где он провел свое детство (тут был приход его отца, пастора Ницше); <...> нашли могилу Ницше и возложили на нее цветы; когда я склонил колени перед могилой его, со мной случилось нечто странное: мне показалось, что конус истории от меня отвалился; я — вышел из истории в надысторическое: время само стало кругом; над этим кругом — купол Духовного Храма; и одновременно: этот Храм — моя голова <...> в ту минуту, когда я стоял перед гробницею Ницше, молнийно пронесся во мне ряд мыслей, позднее легших в мои четыре кризиса <...> Мне казалось — Трапезников, Ася, Поццо и Наташа понимают, что посещение гробницы Ницше есть *sui generis* обряд в днях моего посвящения <...> Не понимал ничего лишь А. С. Петровский» (*МБ*)[149]. Из Лейпцига они все отправились в Берлин, где 6 января Штейнер в ложе Антропософского общества прочел лекцию «О Парсифале»: «В ней указывалось, —пишет Белый, — что в настоящее время возможны новые мистерии: соединение мистерий Озириса и Изиды с мистерией Грааля. Мне казалось, что Петровский должен особенно внятно расслышать голос д-ра; и вот — не расслышал. На этой лекции я попрощался с Петровским, уезжавшим в Москву» (*МБ*)[150].

В мае «антропософская публика продолжает все прибывать» в Дорнах на возведение антропософского храма Гетеанума, и «...наконец: приезжает из Москвы сперва А. С. Петровский с годовым отпуском, чтобы работать при "*Bau*"; приезжает М. И. Сизов (тоже — надолго); <...> Сизов и Петровский пристроиваются при архитравах» (*МБ*)[151]. Сперва с Сизовым и Петровским Белый и Ася «почти не видались», поскольку «оба дружили с участниками своих рабочих коллективов» (*МБ*)[152], но затем, особенно по праздникам, когда не было работы, Петровский часто приходил к ним в гости. 10—18 июля они вместе совершили поездку в Швецию (в Норчепинг) на курс лекций Штейнера «Христос и челове-

[147] Курс «Christus und die geistige Welt» прошел с 28 декабря 1913 г. по 5 января (н. ст.) 1914 г.

[148] Н. А. Тургенева (см. п. 50, примеч. 14); А. М. Поццо (см. п. 51, примеч. 22); Т. Г. Трапезников (см. п. 89, примеч. 9).

[149] *Андрей Белый и антропософия 6*. С. 367—368.

[150] Там же. С. 369. 6 января (н. ст.) 1914 г. Штейнер читал лекцию о «пятом евангелии», где фигурирует толкование стихотворного романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль».

[151] Там же. С. 385. «Bau» — строительство, постройка (*нем.*).

[152] Там же. С. 389.

ческая душа», откуда возвратились в Дорнах через Мальме, Штральзунд и Берлин (*МБ*)[153].

31 июля была объявлена война, и Дорнах скоро окружается громом боев на эльзасском фронте. Уходят многие мобилизованные, но, «несмотря на суету первых дней войны, — как пишет Белый, — мы удвоили с Асей нашу работу <...> Петровский и Сизов работали с невероятной интенсивностью» (*МБ*)[154]. В конце года Белый и Ася «миролюбиво и весело» встречаются в Дорнахе с Метнером. Война застигла его в Германии, оттуда он «выкарабкался» в Швейцарию и жил в Цюрихе (*МБ*)[155]. В январе 1915 г. Петровский, который часто видится с Белым и Асей, поселяется у Трапезникова. Белый усиленно работает над книгой, которая получит название «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности»[156]. Время от времени он читает Петровскому и другим русским на постройке Гетеанума главы из этого полемического ответа на книгу Метнера «Размышления о Гете», посвященную критическому анализу писаний Штейнера о Гете. Неприятие Метнером антропософии приводит к полному разрыву его отношений с Белым и Петровским в марте того же года. Весной 1915 г., как вспоминает Белый, Сизов и Петровский «стали задумываться о том, что пора им двигаться в Россию; Сизов уехал в начале мая <...> Петровского я провожал в июне» (*МБ*)[157].

В начале 1916 г. Белый пишет Петровскому о своем тяжелом материальном положении и просит о помощи. Петровский в свою очередь обращается к Иванову-Разумнику, который обсуждает ситуацию с Блоком. Из их переписки (письма Белого к Петровскому и Петровского к Иванову-Разумнику не сохранились) выясняется, что в это время Петровский служит некоторым образом литературным и финансовым агентом своего далекого друга[158]. В начале сентября Белый, призванный на военную службу, приезжает в Москву.

После событий 1917 г. оба друга разделяют судьбу всех россиян в эти страшные годы голода и разрухи. Белый до изнеможения много работает в различных новых учреждениях, основанных большевистскими властями. Петровский становится эмиссаром Наркомпроса в Комиссии по охране памятников при Московском Совете рабочих и красноармейских депутатов и командируется в различные места для спасения (часто пу-

[153] См.: *Андрей Белый и антропософия 6*. С. 400—404.

[154] Там же. С. 407.

[155] *Андрей Белый и антропософия 8*. С. 412.

[156] Книга была опубликована издательством «Духовное знание» в ноябре 1916 г.

[157] *Андрей Белый и антропософия 8*. С. 434.

[158] См.: Переписка <А. Блока> с Р. В. Ивановым-Разумником / Публ. А. В. Лаврова // *ЛН. Т. 92, кн. 2*. С. 394—395, 400. См. также письмо Белого к Блоку из Дорнаха около 10/23 июня 1916 г. (*Белый — Блок*. С. 506—509).

тем конфискации) коллекций. Общая интенсивная работа в «расцветающих» начинаниях московского Антропософского общества, а также и сближение Белого с К. Н. Васильевой обогащают их самыми светлыми минутами. 14—15 февраля 1918 г. Белый вместе с Петровским переселяется в «пустое помещение» Общества, в квартиру на Садовой-Кудринской, д. 6, кв. 2 (*РД*). В сентябре, сообщает Белый, «А. С. Петровский переезжает на квартиру Григоровых, где "*А. О.*", уплотняют густо Сизовы и Викентьевы; мы с К. Н. <Васильевой> едем задуматься к "Черниговской Божией Матери" (близ <Сергиева> Посада)» (*РД*).

В это время с Петровским познакомилась М. Н. Жемчужникова, студентка, которая интересовалась антропософией, а впоследствии стала членом Общества и переводчицей Штейнера на русский. Она не знала его близко, но все-таки в своих воспоминаниях оставила портрет и общую характеристику его деятельности в Обществе в эти годы: «...лично я с ним почти не общалась. Препятствием явилось то, что он довольно сильно заикался, а я никак не могла преодолеть мучительного чувства от его трудных усилий, которых ему стоило всякое слово. Те же, кому удавалось с ним разговориться, находили, что в дальнейшем разговоре заикание почти пропадало и в его словах всегда были и глубокие знания, и большая сердечная теплота. Он был большим книголюбом и всю жизнь проработал в Ленинской библиотеке. В Обществе он тоже ведал библиотекой. На все вопросы он давал всегда исчерпывающие ответы. Если он чего-нибудь не знал в данный момент, он в следующий раз непременно приносил точный и детальный ответ — как по существу содержания тех или иных книг, так и справки библиографического характера. Сердечная дружба связывала его также с Клавдией Николаевной <Васильевой> и всем ее кругом. Скромность была, кажется, его отличительной чертой. Клавдия Николаевна как-то смеясь сказала: "Алеша говорит, что когда его хвалят, ему кажется, что его обливают теплыми помоями". Мало кому придет в голову такое сравнение! Он умер в конце 50-х годов, и его жена, много моложе его, сохраняет о нем трогательную, нежно благодарную память»[159].

С октября 1921 г. по конец октября 1923 г. Белый живет за границей, главным образом в Берлине. В 1923 г., в его отсутствие, Русскому антропософскому обществу советскими властями было отказано в перерегистрации, что означало запрет на все формы деятельности и закрытие[160]. Духовную работу «для блага России» антропософы не прекрати-

---

[159] *Жемчужникова М. Н.* Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917—23 гг.) / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1988. Вып. 6. С. 30—31. Это единственное упоминание о жене Петровского, которое я встречал в печати.

[160] Там же. С. 52.

ли, но начался «катакомбный» период истории Общества. «Меры по спасению библиотеки были приняты заранее. Также и драгоценный дар Маргариты Васильевны <Сабашниковой-Волошиной>, незадолго перед тем полученный, — написанный ею портрет Штейнера — был отдан в надежные руки. Фотоснимки с него были почти у всех, но, конечно, в последующие годы репрессий мало у кого сохранились»[161]. Эти репрессии для некоторых начались очень скоро: с 8 марта по 19 декабря 1924 г. Петровский находился под стражей в Бутырской тюрьме[162]. Он был освобожден по ходатайству коллектива бывшей Румянцевской, а теперь Ленинской библиотеки (его подписали 124 человека). Хотя постановили ему «запретить проживание в 6 пунктах и погрангуберниях, сроком на 3 года»[163], он скоро возвращается в столицу и продолжает работать в библиотеке.

Петровский посещает Белого и К. Н. Васильеву в Кучине под Москвой, где с марта 1925 по апрель 1931 г. они снимают две комнаты, и иногда подолгу живет там у них в гостях[164]. 1 ноября 1926 г. Белый надписал экземпляр «Московского чудака»: «Дорогому, глубоколюбимому Алеше от брата по устремлению»[165]. 7 апреля 1927 г. Петровский присутствует на интимном собрании самых близких Белому людей, чтобы отметить 25-летие его литературной деятельности. Чаще всего они встречаются на приватных собраниях «ломоносовской группы» московских антропософов, на которых участники изучают лекционные курсы Штейнера и занимаются эвритмией[166]. Иногда Белый, идеолог группы, выступает на них или сам проводит курс. «Органам» известно было об этих «контрреволюционных» встречах на московских квартирах, и в мае 1931 г. арестованы были главные их участники[167]. Белого тогда еще не рискнули тронуть[168], но почти все его окружение к концу года оказалось либо в ссылке, либо в лагерях. Как впоследствии вспоминал П. Н. Зайцев, из «ломоносовской группы» «только один <...> Алексей Сергеевич Петровский получил три года “Медвежьей горы” (лагерь на севере под

---

[161] *Жемчужникова М. Н.* Указ. соч. С. 52—53.

[162] См.: *Андрей Белый и Иванов-Разумник.* С. 306 (примеч. 2).

[163] Там же.

[164] Например, он живет у них в июне—июле 1926 г. (*РД*).

[165] Автографы поэтов серебряного века. Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 108.

[166] См.: Ломоносов и «ломоносовцы» // *Спивак Моника.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 212—220.

[167] См. п. 104.

[168] См.: *Спивак Моника.* Андрей Белый в следственном деле Антропософов // Лица. Биографический альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 262—340.

Ленинградом)»[169]. Из двадцати семи антропософов, представших перед судом, такая суровая мера была применена лишь к Петровскому и Б. П. Григорову. Остальные получили ссылку.

Срок ему сокращают как ударнику[170]. 2 апреля 1933 г. Белый пишет В. О. Нилендеру: «...что ж не зайдете? Я все болею; и сейчас на выздоровлении; перенес 5 гриппов. Дело вот в чем: А. С. Петр<овский> возвращается через 1—1 ½ месяца. В Москве ему не удержаться (паспортизация); он хочет жить в Лебедяни (с Е<леной> Н<иколаевной>)[171], но просит друзей найти ему перевод. Говорил я с Цявловским, Воронским, Эфросом; все указывают на "*Акад<емию>*"[172]. В "Гихле" — вряд ли можно (там сокращения "классиков"). Пишу одновременно Шпетту об этом[173]. Я сейчас нигде, кроме "Гихла", не бываю; и вообще нигде вечерами; доктора гонят к морю, чтобы залечить стародавний катарр горла. Очень, очень, очень прошу Вас, что можно, предпринять для А. С. Надо постараться общими усилиями достать ему работу. <...> 1-го мая еду в Коктебель. А. С. очень хочется ехать в Лебедянь; но там достать работы нельзя: вся его ставка на переводы»[174]. (В мае Петровский был освобожден, но продолжал работать вольнонаемным при лагере, жил за Дивьей горой.) В Коктебеле у Белого 15 июля происходит первое кровоизлияние в мозг, и он испытывает сильные головные боли. 29 июля он уезжает домой совсем больной. 27 сентября «...появился радостный, поюневший А. С. Петровский: "Я теперь полноправный; вот — паспорт, для проживания в Москве". Паспорт был готов ему уже 8-го сентября, а он — томился: "Еду в Ясную, — нагуляться в лесу: тянет в природу". Мы бурно ликовали с ним»[175].

---

[169] Полный текст воспоминаний Зайцева готовится к печати. Отрывки из них опубликованы: *Зайцев П.* Московские встречи (Из воспоминаний об Андрее Белом) // Публ. и примеч. В. Абрамова // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 557—591; *Зайцев П. Н.* Воспоминания об Андрее Белом / Публ., вступ. статья и примеч. В. П. Абрамова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 77—104.

[170] «Сохранился записанный рукой Белого на боковом отвороте папки для бумаг адрес А. С. Петровского: "Мурм. ж/д. Станция Сорока. ...8-ое отделение Бел.-Балт.-Лаг. 1 пункт. А. С. Петровскому" <...> В лагерных сводках отмечалось, что Петровский "к работе относится с любовью. Работу проводит тщательно, продуманно. Дисциплинирован, активное участие принимает в культработе. Поведение хорошее". Поэтому ему "за ударную работу на Белморстрое срок сокращен на 6 месяцев"» (*Спивак Моника.* Цит. соч. С. 549).

[171] Е. Н. Кезельман — сестра К. Н. Бугаевой (см. п. 104, примеч. 12).

[172] Имеется в виду издательство «Academia».

[173] См. письмо Белого к Шпету от 1 апреля 1933 г.: *Шторх М. Г.* Немного прошлого // Начала. 1992. № 1. С. 64. Гихл (точнее ГИХЛ) Государственное издательство художественной литературы.

[174] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 123.

[175] *Спивак Моника.* Цит. соч. С. 451.

Белый уже тяжело болен, и 8 декабря его отвозят в клинику. Петровский ухаживает за старым другом, дежурит у постели, подменяя жену и П. Н. Зайцева. Месяц спустя Белый скончался. После его смерти Петровский был среди тех, кто поделился своими сведениями о Белом с профессором Г. И. Поляковым, сотрудником знаменитого московского Института мозга[176]. Он занимается вместе со вдовой писателя разбором его архива и составлением обзора литературного наследства[177]. В 1934 г. К. Н. Бугаева, жена Белого с лета 1931 г., Зайцев и Петровский совместно составили и откомментировали посмертное «Собрание стихотворений» Белого для издательства «Academia». Подготовленное и доведенное в январе 1935 г. до верстки, издание в свет не вышло. Как свидетельствует современник, оно было инициировано директором издательства Л. Б. Каменевым, однако «сменивший Каменева на посту директора Янсон приказал рассыпать набор»[178].

Петровский принимает также участие в редактировании юбилейного полного собрания сочинений Л. Н. Толстого (1928—1958): полностью подготовил и откомментировал 46-й том (1937), сличал корректуры с автографами при подготовке ряда других томов. Н. П. Киселев познакомился с комментариями Петровского еще до выхода тома и 24 июня 1934 г. писал Я. Л. Барскову: «Поручили бы А. С. Петровскому <приготовить издание третьего тома воспоминаний Белого. — *Дж. М.*>, который сейчас свободен, — он сделал бы такой комментарий, что это было бы чудо; как чудом являются его комментарии к дневникам Л. Н. Толстого»[179]. Он продолжает свою переводческую деятельность (его перевод «Истории европейской гравюры XV—XVII вв.» П. Кристллера вышел в 1939 г.).

С ранних лет он посвятил себя собиранию гравюр и составил одну из богатейших в России коллекций зарубежных гравюр XV—XX вв., большим знатоком которых был[180]. Эта страсть также роднила его с Белым. 10 марта 1932 г. К. Н. Бугаева писала Петровскому: «Очень хотелось бы, чтобы Вы послушали из книги о Гоголе. Б. Н. так привык Вам читать свои вещи еще “на корню”. А тут есть кое-что, прямо Вас каса-

---

[176] Рассказанное Петровским о Белом опубл.: Андрей Белый: Посмертная диагностика гениальности, или Штрихи к портрету творческой личности / Публ. М. Л. Спивак // Минувшее. СПб., 1998. Вып. 23. С. 453, 469, 471, 496, 508. То же: *Спивак Моника*. Посмертная диагностика гениальности... М., 2001. С. 203—314.

[177] См. п. 104, примеч. 18.

[178] *Любимов Николай*. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. М., 2004. Т. 2. С. 25.

[179] *Киселев Н. П.* Из истории русского розенкрейцерства. СПб., 2005. С. 171.

[180] Описание его собрания см.: Гравюры из коллекции А. С. Петровского. Каталог / Сост. Е. И. Кузищина. М., 1980. Коллекция Петровского поступила в Библиотеку им. Ленина в 1968 г. Она насчитывает 2271 л.

юшееся, и во всяком случае не без Вашего участия. Б. Н. недаром так засматривался на Ваши гравюры»[181].

С 1943 г. Петровский опять работает в Ленинской библиотеке. В 1944 г. он командирован Чрезвычайной комиссией в Таллин для оценки книжных и архивных утрат. В 1955 г. он уходит на пенсию. 14 сентября 1958 г. Петровский скончался в Москве после тяжелой болезни. В некрологе, с подписью «Группа товарищей», было написано: «Вспоминать Алексея Сергеевича — это значит вспоминать большой период истории библиотеки имени В. И. Ленина. <...> Много лет стоял он во главе каталога и руководил составлением первой в Советском Союзе инструкции по каталогизации, редактировал Труды библиотеки, организовал и лично участвовал во многих экспедициях для сбора национализированных книжных фондов, и он же всегда был готов помогать читателям, нуждавшимся в справках по любым вопросам. <...> Это был человек большой эрудиции, глубокого внутреннего благородства, и все это у него гармонически сочеталось с удивительной скромностью, простотой в обхождении и исключительной доброжелательностью ко всем людям. <...> Алексей Сергеевич обладал редкой способностью чрезвычайно много давать всем, кто имел случай с ним общаться. Вот почему проститься с Алексеем Сергеевичем пришли, кроме нас, его старых товарищей по библиотеке, люди разных специальностей — ученые, писатели, художники, музыканты»[182].

* * *

Выражаю глубокую признательность за помощь в подготовке настоящего издания А. В. Лаврову, М. Л. Спивак и К. В. Яковлевой. Выражаю особенную благодарность Н. А. Богомолову, без помощи которого издание не было бы осуществлено.

Все известные нам письма Андрея Белого к А. С. Петровскому печатаются в настоящем издании по автографам или копиям. Подавляющее большинство их (письма 1903—1913 гг.) хранится в Отделе рукописей Гос. Литературного музея (ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 33, 33а, 33б; там же и рукописные копии К. Н. Бугаевой: Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 62, 63; ед. хр. 64 содержит копии писем 1931—1932 гг.). Письмо № 92 находится в Отделе рукописей Российской гос. библиотеки (РГБ. Ф. 167 (Метнер). Карт. 2. Ед. хр. 70). Некоторые другие находятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 56;

---

[181] ГНБ. Ф. 60. Ед. хр. 120.

[182] Библиотечная жизнь (Орган <...> Библиотеки СССР им. В. И. Ленина). 1958. № 40 (70), 3 октября.

письма 1911—1932 — № 44, 48, 82, 83, 104, 105) и в Российском гос. архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 125 — п. № 45; Ф. 2833 (В. Н. Орлов). Оп. 1. Ед. хр. 527 — п. № 98). Подавляющее большинство писем А. С. Петровского к Андрею Белому (1902—1917; датировка писем карандашом сделана А. С. Петровским) находится в РГБ (Ф. 25. Карт. 21. Ед. хр. 16). Два его письма (№ 102 и 103) находятся в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 242).

Письма № 62, 63, 79, 80 и 81 впервые были напечатаны (с неточностями) в публ.: *Путешествие на Восток*. Письма № 104 и 105 впервые были опубликованы (с погрешностями) Роджером Кийзом в «Новом журнале» (Нью-Йорк. 1976. № 122). Отрывки из писем № 10, 17, 21, 25 и 103 были напечатаны (с многими неточностями) в составе публикации «Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921)» (*ЛН. Т. 92, кн. 3*). См. также: *Бугаева К. Н.* Краткое содержание и выдержки из писем Андрея Белого к Алексею Сергеевичу Петровскому (1903—1932). 1936—1937 гг. // РГАЛИ. Ф. 391 (Пинес). Оп. 1. Ед. хр. 69.

Среди писем в ГЛМ есть открытка (без подписи) с изображением эльфа, держащего за ножки огромную летучую мышь, которая силится улететь. Адрес: Троице-Сергиевский Посад (Московской губ.). Духовная Академия. Студенту Алексею Сергеевичу Петровскому (почт. шт.: Москва. 1 апрель. 1905; Сергиевский Посад. 2.4.05). Вот ее текст: «Академику <так!> счастливого пути!» На конверте проставлено карандашом: «от Б.Н. Бугаева. 1 апреля 1905». Петровский присоединил открытку к корпусу писем Белого к нему, однако почерк на открытке и на конверте совсем не похож на почерк Белого.

Письма печатаются в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными нормами. Описки и иные внешние погрешности текста исправляются без оговорок. В угловых скобках воспроизводятся недописанные части слов в публикуемых текстах, а также публикаторские дополнения и замечания.

Авторские подчеркивания в тексте воспроизводятся *курсивом*, за исключением специально оговоренного случая (п. 60); подчеркивания двумя чертами — ***полужирным курсивом***; подчеркивания тремя и более чертами — <u>***подчеркнутым жирным курсивом***</u>.

Подстрочные примечания, содержащие пояснения текстологического характера, а также переводы иноязычных текстов сделаны публикатором; если подстрочное примечание входит в состав публикуемого текста, это специально оговаривается: (*примеч. Белого*), (*примеч. Петровского*).

Джон Малмстад

Список условных сокращений

Андрей Белый в поисках — *Малмстад Джон.* Андрей Белый в поисках Рудольфа Штейнера. Письма Андрея Белого А. Д. Бугаевой и М. К. Морозовой // Новое литературное обозрение. 1990. № 9.

Андрей Белый и антропософия 6; 8; 9 — Андрей Белый и антропософия / Публ. Джона Малмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6, 8, 9. Paris, 1988, 1989, 1990.

Андрей Белый и Иванов-Разумник — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб., 1998.

Африканский дневник — *Андрей Белый.* Африканский дневник / Предисл. Н. Котрелева, публ. С. Воронина // Российский архив. М., 1991. Т. 1.

Белый — Блок — Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903—1919 / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова. М., 2001.

Белый — Кожебаткину — «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!». Письма Андрея Белого к А. М. Кожебаткину / Предисл., публ. и коммент. Джона Малмстада // Лица. Биографический альманах. СПб., 2004. Вып. 10.

Бобров — Белому — Письма С. П. Боброва к Андрею Белому 1909—1912 / Вступ. статья, публ. и коммент. К. Ю. Постоутенко // Лица. Биографический альманах. М.; СПб, 1992. Вып. 1.

Ваш рыцарь — «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. 1901—1928. / Предисл., публ. и примеч. А. В. Лаврова и Джона Малмстада. М., 2006.

Взыскующие града — Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках <...> / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997.

ГЛМ — Отдел рукописей Гос. Литературного музея (Москва).
Голлербах — Голлербах Евгений. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000.
ЛН. Т. 92, кн. 1—5 — Литературное наследство. Т. 92 (Александр Блок. Новые материалы и исследования), кн. 1—5. М., 1980—1993.
МБ — Андрей Белый. Материал к биографии. Автограф. 1923 г. // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3.
Между двух революций — Андрей Белый. Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990.
На рубеже двух столетий — Андрей Белый. На рубеже двух столетий / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1989.
Начало века — Андрей Белый. Начало века / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990.
О Блоке — Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1997.
Путешествие на Восток — Путешествие на Восток: Письма Андрея Белого / Публ. Н. В. Котрелева // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988.
РГАЛИ — Российский гос. архив литературы и искусства (Москва).
РГБ — Отдел рукописей Российской гос. библиотеки (Москва).
РД — Андрей Белый. Ракурс к Дневнику (январь 1899 г. — 3 июня 1930 г.). Автограф // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100.
Рудольф Штейнер — Андрей Белый. Собрание сочинений: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Общ. ред. В. М. Пискунова; сост., коммент. и послесл. И. Н. Лагутиной. М., 2000.
Флоренский и символисты — Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004.

Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского

1. ПЕТРОВСКИЙ – БЕЛОМУ

<*Москва. Январь 1902 г.*>

Уважаемый Борис Николаевич,

Не откажитесь исполнить одну просьбу. Дело вот в чем. Компания Новоселова задумала издать серию брошюр религиозно-философского характера[1], причем для одного из выпусков намечено воспользоваться какой-то главой (листа 2 печатных) «Истории и буд<ущности> теократии» Вл<адимира> Сол<овьева>[2]. Мне поручено узнать у Мих<аила> Серг<еевича> Сол<овьева>[3] 1) Продано ли *право издания* соч<инений> Вл<адимира> С<оловьева> «Общественной пользе»[4]? 2) Входит ли «Ист<ория> и буд<ущность> теокр<атии>» в это издание[5]? 3) Имеют ли право Новоселов и К° издать отдельную главу этой книги, или надо разрешение собственника? 4) Если собственник Мих<аил> Серг<еевич>, то как он к этому отнесется? Впрочем, для переговоров будет командировано другое лицо, а это только предварительные сведения. Не будете ли Вы так добры спросить обо всем этом Мих<аила> Серг<еевича>? Я бы охотно сделал это сам, но очень устал сегодня; все же живете много ближе и видаетесь едва ли не ежедневно[6]. Вы бы меня очень одолжили. (Когда узнаете, известите как-нибудь меня.)

Был в лаборатории[7] и на выставке 36[8] (с Погожевым)[9]. Он очень мил, но я часто не в состоянии бываю понять его мысли, право. Особенно относительно худ<ожественного> т<ворчества>. Ничего не понимаю.

Ваш А. Петровский

Издание, разумеется, не имеет *никакого* коммерческого характера: исключительно пропаганда идей, коим нельзя не сочувствовать.

Датируется по содержанию.

[1] Новоселов Михаил Александрович (1864 – после 1938) – духовный писатель, публицист, учредитель «Кружка ищущих христианского просвещения»; издатель «Религиозно-философской библиотеки» (1902–1917), насчитывавшей всего 39 выпусков (брошюры, включавшие наряду с написанным самим Новоселовым в основном фрагменты религиозных сочинений других авторов). Подробно см. статью А. В. Панова и С. М. Половинкина // Русские писатели 1880–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4 (М—П). С. 353–354; Письма М.А. Новоселова к Л.Н. Толстому / Публ. Е.С. Полищука // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. [Т.] 15. С. 371–381. Апрель 1901 г.: «А.С. <Петровский. – *Дж. М.*> меня заинтересовывает религиозно-философским кружком Новоселова; он собирается ехать к последнему в Вышний Волочек» (*МБ*). Ср: «...очень углубленные разговоры с Петровским о Мережковском, Розанове, Новоселове, Тернавцеве» (апрель 1901 г., *РД*). Октябрь 1901 г.: «А. С. Петровский знакомится с В. А. Тернавцевым, видается с Новоселовым; и – рассказывает мне об исканиях новоселовского кружка» (*МБ*).

[2] Книга «История и будущность теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни)» (1885–1887) В. С. Соловьева (1853–1900) вышла отдельным изданием в Загребе в 1887 г. В первом издании «Собрания сочинений Владимира Сергеевича Соловьева» она была снабжена следующим примечанием редактора: «“История и будущность теократии”, как известно, осталась неоконченною, но значительная часть того, что должно было составить второй и третий томы, вошла в сочинение “La Russie et l'Eglise Universelle”, изданное в Париже в 1888 году. – *М. С.*» (Т. IV. 1883–1887. СПб., 1902. С. 214). См. запись в *РД* о январе 1901 г.: «...продолжаю изучать Вл<адимира> Соловьева (“Национальный вопрос”, “История теократии”)». Отметим, что М. А. Новоселов был знаком с В. С. Соловьевым с 1899 г..

[3] М. С. Соловьев (1862–1903) – педагог, переводчик, издатель и редактор первого собрания сочинений своего старшего брата В. С. Соловьева; сын историка С. М. Соловьева. Он довел издание до седьмого тома; оно было закончено Г. А. Рачинским.

[4] Издательство «Общественная польза» (СПб.) выпустило первое издание собрания сочинений философа (1901–1907). Авторские права В. С. Соловьева сохранялись за семьей; М. С. Соловьев был литературным душеприказчиком покойного брата.

[5] «История и будущность теократии» была напечатана в четвертом томе первого собрания сочинений Соловьева (1902). Фрагменты из сочинений Соловьева неоднократно перепечатывались в «Религиозно-философской библиотеке» Новоселова – вып. 4 (1901), 6 (1908), 7 (1909), 14 (1910) и 19 (1915), – но ничего из «Истории и будущности теократии» в этой серии напечатано не было.

[6] Белый был знаком с М. С. Соловьевым и его женой, а также с их сыном Сергеем с конца 1895 г. – со времени их вселения в тот дом на углу Арбата и Денежного переулка, в котором проживала семья Бугаевых (в квартире на третьем этаже, а семейство Соловьевых в квартире на втором). Впоследствии Белый писал: Соловьевы «поощряют меня в моих странствиях мысли; необычайные отношения возникают меж нами» (*О Блоке*. С. 27).

[7] В это время Петровский вместе с Белым и другими общими друзьями много работал в химической лаборатории Московского университета по качественному анализу. См. примеч. 9.

[8] Первая выставка общества «36-ти» художников проходила с 28 декабря 1901 г. по 3 февраля 1902 г. в помещении Строгановского училища в Москве. Участвовало 34 художника. Экспонировано было 162 произведения живописи, графики, скульптуры, театрально-декорационного и декоративно-прикладного искусства. Выставку посетило 10 тысяч человек (см.: *Лапшин В. П.* Союз русских художников. Л., 1974. С. 215—216). Общество, состоявшее из группы москвичей-передвижников, возникло осенью 1901 г. 16 февраля 1903 г., после второй выставки (27 декабря 1902 г. по 2 февраля 1903 г.) оно объединилось с «Миром искусства» и создано было новое объединение: «Союз русских художников». См.: От выставок «36-ти» к Союзу русских художников // *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России начала XX века. М., 1976. С. 15—57; Выставки 36-ти художников // *Лапшин В. П.* Союз русских художников. С. 27—36.

[9] Погожев Павел Митрофанович (1880 — ?) — химик, студент Московского университета. Белый познакомился с ним (и с Петровским) в октябре 1899 г. (*РД*). Осенью 1899 г. «...первые недели знакомства в кружке зоологов: сына Зографа, Гиндзе, Воронкова и студента Погожева, как-то сбоку приклеившегося к Петровскому и ходившего за ним» (*На рубеже двух столетий.* С. 439). К декабрю того же года: «...вычерчивается круг студентов: Петровский, Погожев, С. Л. Иванов, Воронцов <так>, Гиндце <так>, Владимиров, Суслов, Аршинов, Шигорин, Сомов, Вячеслов, Печковский, Розанов, Ю. Н. Зограф» (*РД*). До окончания естественного факультета университета в 1903 г. Белый часто виделся с Погожевым: «...на четвертом курсе выделился кружок плоской крыши, куда вылезали <пить чай> (Погожев, Петровский, Печковский, Иванов, Аршинов и я)» (*На рубеже двух столетий.* С. 419). Ко времени 1899—1903 гг. относится недатированная записка Петровского к Белому: «Я вчера видел Погожева и передал ему Вашу просьбу. Он зайдет в четверг часов в 7—8».

2. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 27 января (?) 1902 г.

Простите. Не могу быть у Вас сегодня. Нездоров.

Ваш А. Петровский

Открытка. Почт. шт.: 27.1902. <I?> Отправлена по адресу: Угол Арбата и Денежного пер. д<ом> Богданова.

3. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

<Москва. Октябрь 1902 г.>

Мне пришли вчера в голову следующие соображения относительно Вашей статьи[1]. Может быть, кое-что из них покажется Вам стоящим внимания[2].

1) Сколько помнится, в изложении статьи г. Т*[3] у Вас не встречается выражение «иной тип благочестия». Хорошо бы было ввести его в изложение в кавычках, потому что дальше, в разборе, оно часто упоминается[4].

2) В разборе хилиазма лучше было бы не приводить текста Мф. 12[5] — ... ибо 1) это не единственный текст во Евангелии против хилиазма, 2) он может быть истолкован иначе, 3) отдельно взятый ничего не опровергает и производит поэтому раздражающее впечатление. Хорошо бы выяснить немного католический характер хилиазма: папы покровительствуют социализму. На церковное же понимание хилиазма лучше только намекнуть, не развивая. Если у Вас так и сделано, простите.

3) Нельзя допустить, что Т. не различал «новой земли» и «нов<ого> неба» от 1000-летнего царства[6]. Тут недоумение, хилиаст ли он! Раскрытию (т.е. опровержению) хилиазма это, впрочем, не мешает, потому что публика и «нов<ую> землю» поймет в смысле хилиастическом.

4) Слова** В<ладимира> Сол<овьева> лучше *изложить своими словами*, не пользуясь термином[7], которого читатели (90%) не сумеют переварить и, несмотря на объяснение его, поймут как 4-ю Ипостась, или же вовсе не поймут. Впрочем, как знаете.

5) Хорошо бы подчеркнуть успех статьи Т. (Мещерский[8], Шарап<ов>[9], Рцы[10] и т.д.). Потому что если бы статья прошла незаметно, то не стало <так!> бы ее раздувать.

5) <так> Переписывать надо на одной поверхности листа: это очень важно в типографском отношении.

6) Не указать ли связь «земли во слове» с модным ныне «оправданием плоти», réabilitation: de la chair (правописание не ручаюсь)[11].

7) Применяя к решению вопроса о хилиазме метод С. М. Соловьева[12], мы видим, что продукт чистой поливановской культуры — Ив<ан> Льв<ович> П<оливанов>[13] — церковность; продукт же незаконной, внебрачной, внецерковной культуры — Л. Кобылинский[14] — рабочий вопрос, царство Божие на земле — хилиазм. Этим доводом против хилиазма пользоваться в печати, конечно, нельзя.

---

* В. А. Тернавцев (*примеч. Петровского*).

** *Над словом проставлено*: мысль.

8) Многое другое приходило мне в голову, но умолкаю из боязни утомить Ваше внимание. Мой поклон С<ергею> Ми-х<айлови>чу.

Датируется по содержанию. Над письмом карандашом проставлено: 1904? Написано на двух листах, вырванных из тетради.

[1] Имеется в виду: Интеллигенция и церковь (По поводу доклада В. А. Тернавцева, читанного на первом заседании Религиозно-философского общества) // Приднепровский край. 1902. № 1680, 16 декабря, № 1682, 18 декабря. Подпись: Б. Н-ев. Перепечатана: *Лавров А. В.* Затерянная статья Андрея Белого // Studia Slavica Hungarica. 1988. № 34 (1—4). С. 223—235. Статья была отправлена в газету, издававшуюся в Екатеринославе, видимо, в ноябре 1902 г. Ее напечатание устроил Э. К. Метнер, постоянный сотрудник газеты в это время.

[2] 6 декабря 1902 г. Петровский писал Э. К. Метнеру: «Что касается статьи Бугаева, то я тоже сомневаюсь, чтобы она могла быть напечатана. К тому же она довольно нескладно написана. <...> Он думает, что его читатели и слушатели такие же Бугаевы: все поймут с полслова и простят. Говорить с ним об этом довольно бесполезно» (*Лавров А. В.* Затерянная статья Андрея Белого. С. 223—224). Судя по тексту статьи, Белый учел некоторые замечания Петровского.

[3] Тернавцев Валентин Александрович (1866—1940) — писатель-богослов, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода; член совета Религиозно-философских собраний, организованных в Петербурге в конце 1901 г. Статья Белого представляет собой отклик на программное выступление Тернавцева, произнесенное на первом, учредительном собрании 29 ноября 1901 г. Доклад, «Великая задача Церкви», был напечатан без подписи (и ведома) автора в «Гражданине» (1902. № 35, 12 мая).

[4] В тезисно-цитатный пересказ доклада Белый включил эту фразу: «В ней “потенциально скрыт особый тип благочестия и служения — иной, чем благочестие священническое”» (*Лавров А. В.* Затерянная статья Андрея Белого. С. 228). Дальше в статье Белый не раз ее цитирует.

[5] К концу статьи Белый приводит сокращенную цитату из Матфея 12, 28—29. Перед тем он пишет: «Учение о хилиазме разделялось многими христианами первых веков (Ириней, Иустин, Мефодий и др.), разделяется анабаптистами и неоднократно проскальзывало в религиозном сознании современных христиан. <...> побудило высказаться церковь против этого учения на втором вселенском соборе (381 г.)» (*Лавров А. В.* Затерянная статья Андрея Белого. С. 234).

[6] После цитаты из Матфея Белый цитирует доклад Тернавцева: «Пророческие песни о кончине мира, “новом небе, новой земле” — дают христианству мистико-трагический смысл». Затем он пишет от себя: «Эти слова, как видно, приурочиваются автором доклада к осуществлению царства Божия на земле. Однако: “И увидел я новое небо и новую землю” (Откр. Глава XXI, [1]). Эти слова относятся уже ко всеобщему концу, а не к концу всемирной истории. Они не могут быть истолкованы в желательном для хилиастов смысле. В формулировке вопроса о царствии Божием на земле опять-таки проскальзывает неопределенность, двусмысленность, а мы повторяем, что двусмысленность первичной формулировки того или иного вопроса неизбежно влечет за собою ряд серьезных недоразумений» (*Лавров А. В.* Затерянная статья Андрея Белого. С. 235).

[7] По-видимому, имеется в виду то место в статье, где Белый пишет: «Вл. Серг. Соловьев дает идеальному началу человечества мистическое имя Софии, Премудрости Божией» (*Лавров А. В.* Затерянная статья Андрея Белого. С. 230). Затем он может быть, следуя соображениям Петровского — приводит контаминацию источ-

ных и сокращенных цитат из девятого чтения основного теологического труда В. С. Соловьева «Чтения о Богочеловечестве» (1877—1881).

[8] Мещерский Владимир Петрович (1839—1914) — публицист; издатель газеты-журнала «Гражданин» (1872—1914). Белый не упоминает его фамилии, но указывает на то, что доклад Тернавцева впервые был напечатан в «Гражданине».

[9] Шарапов Сергей Федорович (1855—1911) — публицист консервативного направления, друг В. В. Розанова. Белый указывает, что доклад перепечатан «С. Шараповым в его сборнике "Яровые"» (*Лавров А. В.* Затерянная статья Андрея Белого. С. 227).

[10] Рцы (Романов Иван Федорович, 1861—1913) — публицист, друг В. В. Розанова, который заметил, что он, будучи «предан православию», взял «самый псевдоним свой от диаконского "рцы", "рцем"» (*Розанов В. В.* Уединенное. М., 1990. С. 101). «Трех людей я встретил умнее или, вернее, даровитее, оригинальнее, самобытнее себя: Шперка, Рцы и Фл-го» (Там же. С. 71); «глубочайшие умом, Флоренский, Рцы, — религиозны же» (Там же. С. 80). Рцы в статье Белого не упомянут.

[11] Должно быть «réhabilitation». Белый нигде не указывает на «оправдание плоти».

[12] Соловьев Сергей Михайлович (1885 –1942) — поэт, прозаик, исследователь жизни и творчества своего дяди В. С. Соловьева, религиозный публицист, переводчик, священник (католик); сын М. С. и О. М. Соловьевых; ближайший друг Белого с отроческих лет. Он учился в гимназии Л. И. Поливанова. Подробно о нем см. воспоминания Белого; предисловие А. В. Лаврова («"Продолжатель рода" — Сергей Соловьев») к кн.: *Соловьев С.* Воспоминания. М., 2003, С. 5—32.

[13] Поливанов И. Л. — педагог, сын Л. И. Поливанова, в частной гимназии которого Белый учился в 1891—1899 гг.

[14] Кобылинский Лев Львович (псевдоним: Эллис; 1879—1947) — внебрачный сын Л. И. Поливанова (см.: *Соловьев С.* Воспоминания. С. 227—228); поэт, критик, переводчик, религиозный публицист; один из организаторов (наряду с Белым) и деятельный участник содружества «аргонавтов»; см.: *Лавров А.В.* Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 137—169. В письме к Э. К. Метнеру от 22 ноября 1912 г. Эллис дал такую самохарактеристику: «Я признаю себя фанатиком, романтиком безнадежным <...> признаю себя человеком ограниченного поля зрения, человеком наивным, по-детски глупым во многих вещах, соглашаюсь, что я, как все люди, разбитые еще в детстве, вернее, разбитые до рождения, — хаотичен и болезненно-фантастичен и химеричен, что я малодушен и слабоволен, неуравновешен, лишен вовсе объективности, слишком доверчив и вспыльчив, часто себя переоцениваю, не сдержан, парадоксален, эгоистичен в мелочах и невнимателен к другим» (*Rizzi Daniela.* Эллис и Штейнер // Europa Orientalis. 1995. № XIV: 2. С. 283). См.: *Начало века.* С. 39—64; а также: Воспоминания «фанатика и скептика». Эллис об Андрее Белом / Предисл., публ. и коммент. Джона Малмстада // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 385—407.

4. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

<Москва. 1 июня 1903 г.>

1 июня

Я встретил вчера на пути от Вас инспектора Фоминского[1] и передал ему о Вашем желании получить место преподавателя

чего-нибудь подходящего[2]. Он обещал иметь Вас в виду и посоветовал обратиться в пятницу к окружному инспектору Державину (вероятно, известному Вам)[3] и заявить ему о своем желании. Забежать к Вам сегодня перед отъездом никак не могу. Передайте мой поклон Александре Дмитриевне[4].

Весь Ваш
А. Петровский

Датируется по содержанию. Над письмом Петровский проставил дату «1904?».

[1] Фоминский Василий Неофитович — инспектор студентов имп. Московского университета.

[2] Сразу после смерти отца 29 мая 1903 г. и окончания университета Белый пытался устроиться на службу: «будущая наша жизнь предносится; не зная хорошо наших материальных дел, я решаю, что поступление на филологический факультет есть роскошь, что надо искать заработка, и обращаюсь к ректору Университета А. А. Тихомирову и попечителю Округа Некра<сову> с просьбой содействовать мне в нахождении преподавательского места; пишу соответствующее заявление в Округ» (июнь 1903 г., *МБ*). «Профессор Лахтин появляется у нас и уведомляет меня, что мне приготовлено место преподавателя естествознания в женском Александровском Институте; но я уже вновь передумал: я окончательно решил поступить через год на филологический факультет, что я и объявляю Лахтину, спрашивая его: имеет ли смысл мне брать место на один год? Он — соглашается: не имеет» (октябрь 1903 г., *МБ*).

[3] Державин Владимир Иванович — окружной инспектор Управления Московского учебного округа.

[4] Бугаева А. Д. (урожд. Егорова; 1858—1922) — мать Белого.

5. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Москва. 3 июня 1903 г.

Москва. 3-го июня

Многоуважаемый и дорогой мне Алексей Сергеевич,

Пишу Вам наугад по случайно импровизированному адресу. Не заедете ли к нам в деревню погостить[1]? Мне это было бы чрезвычайно приятно. Смею надеяться, что Вы приедете. Мама Вас тоже просит. В случае, если Вы решитесь приехать к нам, то хорошо, если бы заехали так 15-го, 12-го, 16-го июня, а то и раньше. Что же касается нас, то мы до *вторника*[2] наверное в Москве, а после не ручаюсь. Пишу это для того, чтобы Вы могли соразмерить время с ответом мне сюда или туда. Буду ждать.

Готовый к услугам и любящий Вас

Борис Бугаев.

Мне, повторяю, было бы приятно Вас видеть.

Почт. шт.: Москва. 5.VI.1903; <нрзб.> 6.VI.1903. Адрес на конверте: *Николаевская Железная Дорога*. Станция *Подсолнечная*. Его Высокородию Алексею Сергеевичу *Петровскому*.

[1] Ср. запись об июне 1903 г. в *МБ*: «Недели две мы проводим с мамой в Москве; в нашей квартире — тихо и грустно; <...> все уже мои товарищи поразъехались, за исключением Петровского, Владимировых, у которых я часто просиживаю вечера; <...> Между тем подготовлялся наш отъезд в "*Серебряный Колодезь*"; мама пригласила к нам Владимирова и Петровского; все вместе мы тронулись в деревню; и моя тетя (Е. Д. Егорова) с нами. Вторую половину июня мы провели все вместе. <...> мы с А. С. Петровским пребываем в тоске и в томлении». Имение Бугаевых Серебряный Колодезь (Старогальская волость Ефремовского уезда Тульской губернии).

[2] Вторник — 10 июня 1903 г.

6. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Подсолнечная. 7 июня 1903 г.

Подсолнечная. 7 июня 1903 г.

Дорогой Борис Николаевич,

Получив Ваше любезное приглашение, спешу выразить Вам свою благодарность и намерение посетить Вас в середине сего месяца. Выехать думаю числа 17-го, а м<ожет> б<ыть>, раньше, хотя едва ли. Во всяком случае, пожалуйста не причиняйте себе никаких хлопот относительно лошадей и пр., потому что что-нибудь может задержать меня, а тогда и я и Ваши лошади будут поставлены в неловкое положение. Зато, может быть, Вы найдете возможным в двух словах дать понятие о маршруте. Брать билеты прямо до Ефремова, или же до Тулы, а там уже дальше? И по какой дороге ехать? Мой поклон Ал<ександре> Дм<итриевне>. Я буду очень рад погостить у Вас, тем более, что мне весь июнь нечего делать.

Весь Ваш А. Петровский

Адрес верен: Ник<олаевская> ж. д. ст. Подсолнечная А. С. П.

7. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Серебряный Колодезь. 10 июня 1903 г.

Дорогой Алексей Сергеевич, —

путь к нам таков: билеты брать на Ефремов в Москве, пересадка в Туле на Сызрано—Вяземскую. Ехать лучше всего из Москвы с пассажирским 3 ч. 20 м. В Туле ждать около 2-х часов. Жду с удо-

вольствием. Будет и Вас<илий> Вас<ильевич>[1].

Весь Ваш
Борис Бугаев

Уезжаем в четверг.

Почт. шт.: Ефремов. Тульской губернии. 10.1903.VI; 11.1903.VI. Открытка с репродукцией картины: «Przebudzenie wiosny (Arnold Böcklin)» <«Пробуждение весны» (Арнольд Бёклин)>. Текст письма написан под картиной. Отправлена по тому же адресу, что и п. 5. В 1900–1902 гг. Белый переживал сильнейшее увлечение творчеством швейцарского художника Арнольда Беклина (1827—1901), одного из наиболее ярких выразителей символизма в живописи конца XIX в. «Беклиновские» мотивы отразились в ряде юношеских стихотворений, в «Северной симфонии (1-й, героической)» (1900) и «Симфонии (2-й, драматической)» (1901) . См.: *Лавров А. В.* Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 136.

[1] Владимиров В. В. (1880—1931) — живописец, гравёр, сознательно обратившийся к символизму; участник кружка «аргонавтов». Дружил с Белым со второй половины 1890-х гг. (они учились вместе в гимназии Л. И. Поливанова); см. главу «Кружок Владимировых» (*Начало века.* С. 26–35). См.: *Демиденко Ю. Б.* В. В. Владимиров — художник первой книги Блока // Труды Гос. музея истории Санкт-Петербурга. Вып. IV. Музей-квартира А. Блока: материалы научных конференций. СПб., 1999. С. 253—265.

8. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Серебряный Колодезь. 31 июля 1903 г.

Многоуважаемый и дорогой Алексей Сергеевич,

Считаю приятной обязанностью напомнить Вам о выраженном Вами желании посетить нас[1], если не воспрепятствуют обстоятельства. В случае если таковое намерение у Вас есть, мне и всем нашим было бы крайне приятно Вас видеть. Остаюсь преданный Вам

Борис Бугаев

P.S. В. В. Влад<имирову> я соответственно пишу. В случае, если приедете, напишите о дне выезда.

Почт. шт.: Ефремов. Тульской губ. 31.VII.1903; 1.VIII.1903. Открытка с фотографией художника Арнольда Бёклина. Отправлена по тому же адресу, что и п. 5 и 7.

[1] «Между тем готовится открытие мощей Серафима: Владимиров и Петровский собираются на торжество в Саров — прямо от нас» (июнь 1903 г., *МБ*). «Числа 5-го» (*РД*) июля они уехали из Серебряного Колодезя, пообещав вернуться туда после пребывания в Сарове с известиями о происшедшем там. 25 июля 1903 г. Белый писал Э. К. Метнеру: «...как Вы нашли Алексея Сергеевича, какова его эпопея? Был у

Вас мой товарищ Владимиров? Я жду их в половине августа к себе, но думаю, что оба меня обманут» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 19). 9 августа Белый писал ему, что Петровский «упорно молчит, несмотря на обещание сообщить мне о Сарове из первых источников и неоднократные напоминания об этом» (Там же. Ед. хр. 20).

9. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Подсолнечная. 7 августа 1903 г.

Подсолнечная. 7 авг<уста> 1903 г.

Пишу Вам, дорогой Борис Николаевич, из местности, носящей красивое и значительное имя «Под-солнечной». Из Сарова[1] вернулись мы с В<асилием> В<асильевичем> 4 авг<уста>, отправившись туда 8-го июля и проведя на месте ровно 2 недели. Я очень виноват перед Вами, что ничего не писал оттуда, но Вы, конечно, извините меня, когда ближе познакомитесь с оправдательными документами. Очень трудно было разобраться в впечатлениях и подвести им итог. Во всяком случае, теперь я могу с уверенностью сказать, что ошибся в своих гаданиях: ничто не кончилось, узел запутался еще больше, развязка отложена на неизвестный срок[2]. В современном настроении я мог бы только (да и то неуверенно) отметить элемент воинственности, немножко марсельезы, фанфары. Во время самых торжеств настроение* было очень сложное, преобладал элемент подавленности, оставленности. Мы, а с нами и вся масса богомольцев провела дни 17—19 июля вокруг стен Саровской пустыни, ни разу не проникнув за ограду, я не говорю уже в собор, голодные, неимущие, где главу преклонить, ибо в наше время только «лисицы имеют норы»[3]. Одну ночь нас, впрочем, приютил один монах. Очень значительна по бездонно глубокой символичности была ночь на 19 июля. В соборе совершалось открытие мощей. Шла всенощная — торжественнейший момент. Вся толпа разместилась у стен, так как внутрь не пускали казаки. (Толпу осаживали, гнали, били — но тут как-то все утихло.) Накупили желтых восковых свечей и зажгли их. Этим мы как бы участвовали в том, что совершалось за стеною, и жаловались Господу Богу на свою участь. Ужасно было сознание, что вот за стеной совершается... Там царь, князья, архиереи... А мы, собравшиеся со всех краев России, нищие, жалкие, оставленные, стоим «вне», во мраке глубокой ночи (11—

* *Описка в оригинале:* настроенное.

12 час.) наши свечки светятся, но не освещают, не разгоняют мрака; но ведь и мы «Церковь», но «церковь новозаветная, церковь странников и нищих духом». Замечательно, что той же участи подверглись и те, которые были всего ближе сердцу пр<еподобного> Серафима[4] — его Дивеевские сироты — монашенки[5]. Им, конечно, были обещаны лучшие места, пропуски, почести и т.д., а между тем их гнали, били (буквально), никуда не пускали, издевались над ними. Сестра моя[6], бывшая в числе 150 монахинь Див<еевского> мон<асты>ря, представлявших на торжествах в Сарове этот монастырь, рассказывала, что она плакала от смертельной тоски и отчаяния: «вскую мя еси оставил»[7]. Вы, конечно, слышали о голоде. Он тоже не лишен был некоторой bizarrerie*. Очень упорно держатся толки что мощи пр<еподобного> Серафима будут, «невидимо перейдут» в Дивеево. Говорит об этом и юродивая Прасковья Ивановна[8]. Кстати: Государь пробыл у нее 1 ½ часа без свидетелей (только имп<ератрица> А<лександра> Ф<едоровна>). О чем говорили, неизвестно, но вышел радостным и веселым. Обещал снова быть. Ничего не знаю о Вас, дорогой Бор<ис> Ник<олаевич>, и беспокоюсь. Напишите по городскому адресу: Б. Спасский, д<ом> Дурдиной, Каретн<ый> ряд. Быть у Вас не могу никак. 1 сент<ября> начало лекций в академии: надо теперь окончательно решать свой дальнейший путь[9]. Пока ничего не знаю. Был два раза у Эм<илия> Карлов<ича>[10]. Подробности при свидании. Простите за бестолковое письмо. Напишите. Я о Вас беспокоюсь: ведь и Вы не веселились. Поклон А<лександре> Д<митриевне> и М. Ф.[11].

Любящий Вас А. Петровский

[1] «Саровская Пустынь <...> находится в Тамбовской Епархии, в Темниковском уезде, в 38 верстах от г. Темникова, на границах Нижегородской и Тамбовской губерний, на расстоянии от Москвы в четырех стах <...> верстах, в лесу, на возвышенной горе, между двумя речками Сатисом и Саровкою, соединившимися вместе под монастырем» (Общежительная Саровская Пустынь. М., 1884. С. 7).

[2] «...мы с А. С. Петровским переживали незабываемые вечера грозных предчувствий какого-то огромного будущего; А. С. в эти годы всегда поднимал во мне переживания грозного, над нами нависшего “конца”; гром апокалиптических событий из будущего ясно чувствовался <...> старец Иоанн, появляющийся на страницах “*Симфонии*”, сложился во мне под впечатлением наших разговоров с Петровским о Серафиме, Дивееве» (май 1901 г., *МБ*). 2—4 июля 1903 г. Белый писал Э. К. Метнеру: «Скоро откроют мощи Серафима. Теперь все тянется та пелена проносящихся туч, о которых, помните, я предупреждал Вас зимой. <...> Теперь вокруг Серафима пыле-

* Странности (*фр.*).

вые смерчи — все так двусмысленно вокруг него. Я жду напряженно неожиданностей, которые теперь вероятны как в хорошую сторону, так и в дурную. Почему-то я боюсь за всю эту многотысячную толпу, за Императора. События мистического оттенка могут *завязаться* с удвоенной силой, что *развяжет* многое из современного. Может быть, развяжутся руки, может быть, *все* будет связано: я и боюсь и надеюсь. Важно то — что у меня есть предчувствия» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 18).

[3] «И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8, 20).

[4] Св. Серафим Саровский (в миру Прохор Исидорович Мошнин; 1754 или 1759 — 1833) — иеромонах Саровского монастыря (пустыни), прославившийся как величайший подвижник (был долгие годы отшельником, затем затворником); в 1903 г. канонизирован Русской православной церковью. В письме к Э. К. Метнеру от 3 марта 1903 г. Белый сообщал: «Все чаще и чаще мне начинает казаться, что старец Серафим — единственно несокрушимо-важная и нужная для России скала в наш исторический момент. Величина его настолько нужна, что у меня неоднократно являлось по отношению к нему особое, неразложимое чувство — чувство Серафима, — напоминающее в меньшей степени... Христово чувство, *но о другом...*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 10). Подробнее см.: *Malmstad John E.* Andrey Bely and Serafim of Sarov // Scottish Slavonic Review. 1990. Vol. 14. P. 21–59; Vol. 15. P. 59–102.

[5] См. главы VIII—XI, XIX «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой» (Составил Архимандрит Серафим (Чичагов). М., 1896). Летопись содержит рассказы о жизни и духовных подвигах Серафима и насельницах основанного им Дивеевского женского монастыря.

[6] Елена Сергеевна (1878 — ?) — старшая сестра Петровского. После окончания с золотой медалью Московской женской классической гимназии С. Н. Фишер стала монахиней Серафимо-Дивеевского монастыря, в 1920-е годы переехала в Оптину пустынь. «...с А. С. Петровским мы чаще и чаще беседуем о Серафиме, Сарове, Серафимо-Дивеевской обители, где у него в монашках сестра; я читаю биографию Серафима и все более и более проникаю в дух апокалиптический Дивеева; А. С. переписывается с Дивеевом» (март 1901 г., *МБ*).

[7] «Для чего ты меня оставил» (*церк. слав.*). Слова Иисуса со креста: «около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Илí, Илú! лама́ савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27, 46).

[8] О ней см.: Жизнеописание блаженной Прасковьи Ивановны, так называемой Паши Саровской. Современное состояние Серафимо-Дивеевского монастыря // Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Гл. XXXII. С. 834—851. С фотографиями ее и ее дома.

[9] «А. С. Петровский мне сообщает, что твердо решил идти в монахи; и по окончании Университета поступает в Духовную Академию» (январь 1903 г., *МБ*). Он поступил в Московскую духовную академию осенью 1903 г., но не закончил ее.

[10] Метнер Э. К. (псевдоним: Вольфинг; 1872—1936) — литератор, музыкальный критик, философ-культуролог, с 1909 г. руководитель издательства «Мусагет»; брат композитора Н. К. Метнера. «...однажды на прогулке мы встречаемся с Э. К. Метнером; и Петровский меня знакомит с ним; с той поры он много и долго говорит о Метнере, подготовляя мою прочную встречу с ним в 1902 году» (сентябрь 1901 г., *МБ*). Знакомство переросло в тесную дружбу, и Метнер стал одним из первых людей, высоко оценивших юношеские сочинения Белого. «Борис Бугаев — один из

весьма немногих лиц, с которым я могу говорить, а не болтать только. Борис Бугаев — единственный человек из ныне живущих и мне лично знакомых, который понимает меня до конца <...> Борис Бугаев по своему духу — самый близкий мне человек. Начиная с общих вопросов и кончая интимнейшими настроениями, убеждениями, созерцаниями — у нас одинаково. <...> Бугаев — высокий тонкий 21-летний студент. Голова его построена очень хорошо; она свидетельствует о способности этого колоссального ума со временем уравновеситься, стать "белым"; голова эта, в которой затылок и лоб поражают, взятые в отдельности, но гармонируют вместе, есть голова оптимиста, жизнерадостного олимпийца, поэта и философа в одно время. Мистицизм просвечивается лишь в глазах, в которых есть что-то волчье, хаотичное и нестерпимо сильное. Фигура — стройная, хотя недостаточно гибкая; движения порывисты и не лишены дикой грации. Бугаев — это для меня пробный камень русского человека. Если из него не выйдет чего-нибудь очень значительного, чего-нибудь более крупных размеров, нежели Влад. Соловьев, то я ставлю крест способностям русского человека. Так сильно, как он, никто из русских, кроме Пушкина и Лермонтова, не начинал. Его "Симфония" — гениальна» (запись Метнера от 16 сентября 1902 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9). Подробнее см.: *Юнггрен Магнус*. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001.

[11] По-видимому, та же «Мария Феодоровна», упомянутая в п. 19; по всей вероятности, прислуга в имении Бугаевых.

10. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Серебряный Колодезь. 18 августа 1903 г.

Серебряный Колодезь. 18-го августа 1903 г.

Дорогой Алексей Сергеевич!

«И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. Так же как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили; но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный и истребил всех» (от Луки XVII 26—29). «Сошло с небес от царственных престолов на средину погибельной земли всемогущее слово Твое, как грозный воин. Оно несло острый меч — неизменное Твое повеление и став наполнило все смертью. Оно касалось неба и ходило по земле. *Тогда вдруг сильно встревожили их мечты сновидений, и наступили неожиданные ужасы*; и будучи поражаем — один там, другой тут, полумертвый объявлял причину, по которой он умирал, ибо встревожившие их сновидения предварительно показали им это, чтоб они не погибли, не зная того, за что терпят зло» (Прем. Соломона XVIII 16—19)[1]. «Смотрите же.......чтобы день тот не постиг

вас внезапно: ибо он, *как сеть*, найдет на всех живущих по всему миру земному» (от Луки XXI 34, 35).

Несомненно: время Антихриста приблизилось (100, 200 лет, а может, ближе) — вот впечатление, оставшееся у меня от прочтения вторично Летописей Серафимо-Дивеевского Монастыря[2]. Теперь в Дивееве 1000, а может, и больше монахинь. А тогда не превысит и 3000 тысяч <так!> (помнится, на это есть указание). «Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно вам... У вас многое не умножится, а малое не умалится. *В последнее же время будет у вас изобилие во всем, но тогда уже всему конец*» (слова Серафима к Дивеевским монахиням, стр. 226). «Какой собор будет! Какая колокольня! А келии и ограда будут каменные и во всем будет у вас изобилие!» После этого о<тец> Серафим вдруг заплакал и сказал: «но тогда жизнь будет краткая. Ангелы едва будут успевать брать души...» (Лет., стр. 275). Вот две выдержки, *дающие тон нашему отношению к святыням*... Вашему письму я не удивляюсь, я радуюсь скорее... Пусть, пусть... Если даже *там* было настроение оставленности, покинутости, то можете себе представить, что я чувствовал... Что-то горькое, обиженное поднималось в душе — ропот, каприз... И описание чудес не производило на меня никакого впечатления в то время, когда все у нас радовались, удивлялись, благоговели... Я был совершенно равнодушен к газетным восторгам (немного плебейским, ибо вторая мысль здесь такова: «Вот видите, видите — чудеса»... В чудесах я никогда не сомневался. Твердо верил, что и они будут... Верил в большее даже)[3]. День накануне 18<-го> был светозарен. Закат вещий, мажорный, ослепительно-пышный церковной пышностью (ризы, облачения...) (Эти закаты начались июля с 7-го и тянулись вплоть до августа)... Итак 18<-го> все обещало невозмутимое счастье, а 19<-го> — и день тускло-летний, и в настроении незаслуженная горечь, оставленность[4]. Теперь, когда все уже отходит и когда я знаю от Вас *общее* впечатление, — узнаю в нем многое, что мне казалось обидным...

Но да не смутят эти «*странности*»... Если все близко, ничего не распутается, ибо «так же было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили; но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный и истребил всех» (Лука XVII).

Мне ясно, что Саровские торжества выяснили одно: конец *все-таки* близок относительно — *ближе, чем думают*. Если «*Жених грядет в полунощи*»[5], то кто грядет к 11 ½ часам?

Я знаю, кто...

Вот сейчас я сижу и пишу Вам... Яблочник играет на гармонике, день осенний, ограниченно-милый, чуть-чуть грустный; все летит — облетает, и опять *та же мысль*: «Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не при<о>бретающие; и пользующиеся миром, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего. *А я хочу, чтобы вы были без забот* (Павел 1 к Кор. VII 29—32). *Беззаботным относительно мира сего странникам* следует идти в пустыню, если в мире «*крупной росой упадая, слезы Обиды легли*» (Вл<адимир> Сол<овьев>)[6].

«Я пустынею робко бреду
И несу ей *свечу восковую...*
Ничего от пустыни не жду,
Ни на что не ропщу, не тоскую»[7].

А в городах, где скопились люди века сего, там нехорошо, душно, *слепо*. Лучший провидец ужасов людей века сего — Блок[8] — начинает писать нижеследующую нелепицу про города:

По городу бегал черный человек,
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.
Медленный, белый подходил рассвет.
Вместе с человеком взбирался на лестницу.
Там, где были тихие, мягкие тени,
Желтые полоски вечерних фонарей —
Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались за занавески, в щели дверей.
Ах, какой бледный город на заре!
Черный человек плачет на дворе...[9]

Сами видите: что уж хорошего!.. И вот еще (Блок):

Небо тихо вспыхнуло заревом стыда...
Может быть, скатилась красная звезда[10].

И скатилась... Пронеслась, как метеор, по мутному небу, рассыпая искры. Это был конечно Ницше —: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел *звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны*» (Откр. 9,1). «*Прогресс, цивилизация — кожура, стягивающая безбрежность хаоса*» (приблиз<ительно> слова Ницше)[11]. Поневоле запоешь вместе с Вяльцевой[12], обращаясь к людям века сего: «*Я уезжаю*, друг мой милый... *Ах, да пускай*» и т.д. Я не знаю, но чувствую, *все* как-то приблизилось ко мне... (В фе-

номенальном же обратно: год отдыхаю, сколачиваю деньги лекциями, а засим *опять* иду на фил<ологический> фак<ультет>[13]. Это решено бесповоротно.)

Неожиданно мы едем в Саров. Вероятно, в конце сентября[14]. Значит, в Москве буду не раньше 28, 29<-го> (по возвращению из Сарова). Настроение ужасное все лето. Не тоска, грусть и т.д., а кошмар, но переношу без ропота (иногда ропщу) — во всяком случае, знаю, что это только период, а не что-либо бесповоротное.

Недавно со мной произошло «*приключение странное*»: мне совершенно отчетливо представилась схема моей судьбы: я увидел себя лет 30—35 решающим какое-то важное и ужасающее меня самого *дело*... (какое, не знаю, но во всяком случае *определяющее*, а не неопределенное).

Потом еще образ: постигшая меня болезнь (что-то вроде черной оспы)... И наконец последнее: меня побивают до смерти камнями (следствие принятого *определяющего* решения). Мне лет 40. Не знаю почему, это меня скорей обрадовало, *определило*, вывело из настроений ужаса, а не наоборот.

Дорогой Ал<ексей> Серг<еевич>, пожалуйста, пишите о себе: выяснилось ли Ваше дальнейшее? Куда намерены ехать? Будете ли в Москве к началу октября? Буду ждать с нетерпением ответа. Пишите.

Да хранит Вас Бог. Остаюсь преданный Вам и любящий

Борис Бугаев

P.S. Мое уважение Вашим родителям[15].

Почт. шт.: Тульск. г. Ефремов. 21.1903.VIII; Москва. 22.1903.VIII. Адрес: *Москва*. Его Высокородию Алексею Сергеевичу *Петровскому*. Каретный ряд. Большой Спасский переулок. Дом *Дурдиной*. От Б. Бугаева.

[1] Не вполне точная цитата из Прем. Соломона 18, 15—19.

[2] См. п. 9, примеч. 5. «А. С. Петровский подкладывает Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря; и с той поры эта книга становится моей настольною книгою; образ Серафима, весь чин молитв его, оживает в душе моей; с той поры я начинаю молиться Серафиму; и мне кажется, что он — тайно ведет меня; образ Серафима как невидимого помощника вытесняет во мне образ покойного Вл. Соловьева; я весь живу Дивеевым и сообщениями из Дивеева сестры А. С. Петровского, монашенки этой обители» (октябрь 1901 г., *МБ*).

[3] Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 25 июля 1903 г.: «Я все время напряженно следил за погодой, начиная с 8-го и кончая 20-тыми числами. 11 июля началось какое-то генеральное очистительное разряжение атмосферы. Грозы *ужасающего* характера, а потом, в дни торжеств какое-то усмирение, после торжеств — то же, а 19-го какой-то... срыв... Читаю о чудесах, говорю вслух: "*слава Богу*", а в душе —

грусть, грусть... Я ждал, быть может, большого (воскресения мертвых, катастрофы), а все сошло по-видимому *благо-получно*... чуть-чуть серединно... Я не знаю, чего я ждал, но мне грустно» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 19).

[4] «В дни саровских торжеств <...> я наблюдаю закаты, но они мне кажутся какими-то официальными, церковными, очень пышными и торжественными, но — холодными. Меня охватывает резкая скорбь: только теперь я ощущаю отсутствие отца; но чувства свои я утаиваю» (июль 1903 г., *МБ*).

[5] См. Евангелие от Матфея 25, 6: «Но в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему».

[6] Цитата из стихотворения «Две сестры. Из исландской саги» (1899) В. С. Соловьева.

[7] Первая строфа из стихотворения Л. Д. Семенова «Свеча», впервые опубликованного в журнале «Новый Путь» (1903. Ноябрь. С. 151; курсив Белого). Белый знал его от поэта, с которым сблизился в 1903 г. «...почти каждый день ко мне приходил Леонид Дмитриевич Семенов; мы с ним совершали длинные прогулки по Москве, чаще всего оканчивающиеся сидением на лавочке в Новодевичьем Монастыре; мы посещали могилы Соловьевых, отца, Поливанова, Владимира Соловьева; и у этих могил происходили горячие и оживленнейшие разговоры наши о Боге, о России, о самодержавии и революции, о стихах, о Блоке, о Мережковских» (июнь 1903 г., *МБ*). О нем см.: *Начало века*. С. 277—281. Ему посвящена гл. III воспоминаний Вл. Пяста «Встречи» (М., 1997).

[8] Отношения Белого с Александром Александровичем Блоком (1880—1921) нашли подробное отражение в их переписке и в воспоминаниях Белого. См.: *Белый — Блок*; *О Блоке*.

[9] Стихотворение «По городу бегал черный человек...» (апрель 1903 г.), как и другое, цитируемое у Белого ниже, было послано ему Блоком в письме от 1 августа 1903 г. (автографы стихотворений при письме отсутствуют). 19 августа Белый писал Блоку: «Ваши стихотворения мне очень нравятся, хотя и менее, чем те, которые Вы мне прислали в предыдущую присылку (еще зимой). А странны они... "Черные человечки" — ой знаю, знаю... У Вас в Петербурге, говорят, *этого* еще больше» (*Белый — Блок*. С. 94).

[10] Заключительные строки стихотворения «День был нежно-серый, серый, как тоска...» (июнь 1903 г.). 19 августа Белый писал Блоку: «Странное дело: стихотворение "*День был нежно-серый, серый как тоска...*", изумительное по глубинной реальности, незабвенности, мне напомнило Врубеля — этого никем не оцененного титана русской живописи» (*Белый — Блок*. С. 94).

[11] «Читаю с бешеным увлечением Ницше ("Происхожд<ение> трагедии", "Заратустру", "По ту сторону добра и зла", "Веселую науку", "Странник и его тень")» (декабрь 1899 г., *РД*). «Приблизительная цитата» напоминает знаменитое сопоставление Аполлона, символа порядка, меры, и Диониса, символа хаотических начал, в «Рождении трагедии из духа музыки» (1872) Фридриха Ницше (1844—1900). При разговоре о Серафиме Белый часто упоминает Ницше. См., например, его письмо к Э. К. Метнеру от 19 марта 1903 г.: «Это лейт-мотив Серафима, кивающий мне — не то это белый, переломленный пополам смеющийся старик, не то грустно молчащий человек с мягкими усами и в больничном халате, то же в белом — то же святой. И вот — путается — Ницше, Серафим. Серафим, Ницше... Оба прошли — пришли. Один окапывал святое место, другой навсегда замолчал, *потому что все узнал*. Когда начинали играть на музыкальном инструменте — он *тихонько рычал*, *"зная"*<...> Бог мне судья, если он <Ницше> не восхищался тогда, когда на всю Европу "*они*" огла-

сили его безумие. Ницше — святой, и биография его должна быть "*житием*". И вот опять этот звеняще-надорванный, радостно-удивленный аккорд из неизвестных далей пробил оконные стекла и хочется крикнуть: "*Серафим, Распятый Дионис! К вам иду*"» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 11). Белый, может быть, знал, что в январе 1889 г. Ницше, к удивлению своих друзей, стал подписывать письма и телеграммы: «Распятый», или: «Дионис». Он лишился рассудка в этот месяц.

[12] Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871—1913) — эстрадная певица, исполнительница цыганских романсов, артистка оперетты.

[13] См. п. 4, примеч. 2. Белый поступил на филологический факультет Московского университета в сентябре 1904 г., но его не закончил.

[14] 9 августа 1903 г. Белый писал Э. К. Метнеру: «...мы с мамой собираемся ехать в Саров на богомолье вероятно в конце сентября» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 20). 27 августа 1903 г. Петровский писал Метнеру: «Получил от Бугаева письмо. Мать его, под влиянием газетных сообщений, решила со всем штатом, а значит, и с ним, двинуться в Саров в конце сентября. М<ожет> б<ыть>, ему удастся проездом забежать к Вам. Настроение у него в настоящую минуту, кажется, минорное, но примиренное, спокойное, утешенное. Готовится прочесть зимой несколько лекций и в будущем году поступить на филологический факультет» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26). Это намерение Белый с матерью осуществил лишь в конце августа 1904 г.

[15] Петровский Сергей Александрович (1846—1917) — журналист, историк, публицист. Подробно о нем см. статью Л. А. Новикова (Русские писатели 1880—1917. Биографический словарь. Т. 4 (М—П). С. 590—591). От брака со второй женой, Ольгой Ивановной (урожд. Новиковой), он имел нескольких детей.

11. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 27 августа 1903 г.

Москва. 27 авг<уста> 1903

Дорогой Борис Николаевич,

ко мне приехал из Василь Сурска двоюродный брат, поступающий в Университет, и мне приходится шататься с ним по Москве (до Ивановой колокольни[1] и театра Корша[2] включительно) или играть в рамс[3], что, конечно, крайне скучно, а главное, мешает возможности сосредоточиться и войти в настроение беседовать с Вами. На помощь пришла Ваша старинная приятельница, луна, поставившая меня в счастливую невозможность сопровождать его сегодня в Оружейную Палату[4] или куда-то в этом роде. Более отвратительного животного, чем какое я видел на небе в 7 часов вечера 25 авг<уста>, я никогда не видал, нижé в тот вечер, когда мы втроем (с Э<милием>К<арловичем>) беседовали в храме Христа Спасителя о Павликовском[5] и о Пиковой Даме.

Громадная, мутная, как промасленный лист бумаги, зелено-желтая (я избегаю более точных эпитетов, которые вертятся у

меня в голове, — чтобы... «гусей не раздразнить») — Луна поднималась на ужас земнородным, предвещая, по меньшей мере, какую-нибудь из казней египетских, чуму и т.п. Так что я счастлив, заплатив за удовольствие ее видеть инфлюэнцой и желудочным расстройством. Атмосфера, липкая, удушливая, была насыщена злокачественным туманом и дрянными испарениями Цветного бульвара. Желто-шафранный закат довершал картину. Мне нужно было пройти на Сретенку, и я ясно почувствовал, что несдобровать, — и действительно захворал бессонницей и проч., но духом бодр и спокоен. На письмо Ваше могу ответить только словами Христа: «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что лето близко...» (Мф. 24, 32). Достоевский, Ницше — не листья ли это уже «смоковницы»[6], не размягчаются ли ветви, не доносятся ли до нас порывы знойных летних ветров? От смоковницы возьмите подобие: «Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников» (Лука 21, 24) — грозят окончиться в Палестине. «Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и подымите головы ваши, потому что приближается избавление ваше» (Лука 21, 28).

Сережа приехал ко мне из деревни (со свадьбы Блока)[7]. Жалели, что Вас не было[8].

Блок говорит, что когда Вы будете изранены, чтобы приходили к нему чай пить. Прозрения Ваши, о которых пишете, представляются мне подлинными. Помните, я рассказывал Вам один свой сон, года два с лишком тому назад. Я видел, что некий Святитель, архиерей в пышных ризах и митре подает кому-то, определяемому как моему товарищу, доску, истыканную гвоздями, — символ подвижничества или мученичества, а мне — Евангелие. Первое я и тогда относил к Вам, и огорчался, потому что не чувствовал призвания к миссионерству (так я понимал предложение Евангелия). В настоящее время первое совпадает с Вашим прозрением, второе же, по-видимому, тоже начинает осуществляться: я подал прошение о принятии меня в Академию без экзамена[9]; и хотя еще не получил ответа, но имею все человеческие основания ожидать благоприятного. И я теперь чувствую, что мне не было иного выбора и иного пути, кроме пути «священнического служения», и нет на земле высшего счастья, я ничего не желаю и не хочу желать *для себя*, как стать служителем Тайн. Это венец категории: «для себя», достигнув которого я надеюсь с ра-

достью и спокойно забыть себя и отказаться всецело от себя — для служения, на которое буду призван Волею Божьей. Буди! буди![10]

Я рад, что ход Саровских событий не смущает Вас. Пусть. «Имеющий теперь суму, пусть возьмет ее». И далее: «...а неимеющий пусть продаст одежду и купит нож»[11]. Была покинутость до отчаяния, оставленность до смертельной тоски (сестра плакала от тоски), но была и радость гонимых и блаженство ненавидимых «миром».

Не бойся, малое стадо!

Сестра писала мне не так давно, что был у них еп<ископ> Антоний Волынский (родом Храповицкий)[12] и занимался исцелениями. Напр<имер>, у одной глухонемой девочки он спрашивал, как ее зовут, и так настойчиво, что она принуждена была сказать свое имя. Другой девочке, у которой руки были сведены, велел перекреститься, что та и исполнила. Староверке с двумя больными детьми сказал, что дети страдают за грехи (ее?) и когда грехи простятся, то и дети выздоровеют. За ним теперь бегают толпы народа. То же делал и м<итрополит> Филарет[13]. Владыку Антония (*не* митрополита) боятся в Синоде, потому что он уже не раз высказывал наклонность к неожиданностям и выходкам, а также один из немногих, чувствующих себя архиереем.

Помнится, мы говорили с Вами о воске и меде, наших священных символах. Мне пришло в голову, или уяснилось, что прозрачный, густой, душистый мед — это наша земная радость о небе, наше счастье о Господе, точнее — земная радость святых; матово-желтый налёт воска — великая скорбь святых о земле, та тень печали, которая пала на лик Серафима, печали, «тающей, как воск» в лучах Солнца[14]. Пасека — чистое место. Пасечники, «белые деды»[15], немножко вещие, но совсем иного склада, чем мельники, никогда не колдуны. Любопытно, что на границе с Германством мед и воск теряют аромат, сладость, пластичность, мягкость и переходят в янтарь, тоже очень значительный, глубоко символичный. Но в янтаре слышится переход к Индии, к восточной мистике. Не правда ли, неожиданно и на многое наводит.

Напишите, когда будете проездом в Москве. Навестите Э<милия> К<арловича> в Нижнем[16]. Кланяйтесь Вашим. Господь с Вами. Не забудьте в Сарове помолиться и обо мне. Я не забываю Вас (иногда...).

Любящий Вас

А. Петровский

Летопись оставьте у себя. Мне одна Дивеевская монахиня подарила на память новое издание[17].

[1] Колокольня Ивана Великого (1505—1508, надстроена в 1600 г. при Борисе Годунове) в Московском Кремле.

[2] Русский драматический театр (театр Корша), основанный Ф. А. Коршем (1852—1923) в 1882 г. Самый крупный и популярный в Москве общедоступный театр. В 1917 г. Корш продал его.

[3] Рамс (*англ.*) — род карточной игры.

[4] Оружейная палата – один из музеев Московского Кремля, где представлены коллекции оружия, драгоценностей, торжественной одежды, символов власти и пр.

[5] Ср. письмо Петровского к Э. К. Метнеру от 27 августа 1903 г.: «Более отвратительного животного, чем какое я видел на небе в 7 часов вечера 25-го авг<уста>, я никогда не видал, ниже́ в тот вечер, когда мы, позапрошлой весной, беседовали втроем в сквере Храма Христа Спасителя о Павликовском и Пиковой Даме» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26); «...я с ужасом узнал, что латинский и немецкий языки будет у нас <в поливановской гимназии. — *Дж. М.*> преподавать прославленный своей злостью и издевательствами Казимир Климентьевич Павликовский. Я много знал о нем из рассказов Бори, который совсем не выносил Павликовского» (*Соловьев С.* Воспоминания. М., 2003. С. 251). См. также: *На рубеже двух столетий.* С. 292—298, 302—304; *Волошин М. А.* Собр. соч. М., 1006. Т. 7, кн. 1. С. 186—187. Белому, а вслед за ним и Соловьеву он представлялся одним из посланцев, предрекавших появление апокалиптического «Зверя» (см. письмо Белого к Блоку от 18 или 19 декабря 1904 г.; *Белый — Блок.* С. 187—188). До поливановской гимназии Павликовский преподавал в Первой гимназии в Москве, где одним из его учеников был Э. К. Метнер. На деле, что признавали годы спустя и Соловьев и Белый, Павликовский был замученным жизнью и глубоко несчастным человеком.

[6] Ср. запись Белого в мае 1901 г.: «Достоевский, Ницше и Соловьев, как это ни покажется странным, суть три отца, которым надолго обязано все будущее, а особенно русское будущее; без них мы были бы лишены нашего фундамента, на котором если не нам, то ближайшим потомкам предстоит выстроить грандиозное здание» (*Лавров А. В.* Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 136).

[7] С. М. Соловьев был шафером на свадьбе Блока и Л. Д. Менделеевой 17 августа 1903 г. в церкви села Тараканово.

[8] В письме от 28 апреля 1903 г. Блок пригласил Белого шафером на свою свадьбу (*Белый — Блок.* С. 61). Предполагалось, что С. М. Соловьев будет шафером жениха, а Белый — невесты. В ответном письме от 9 мая Белый принял приглашение, оговорившись, однако, что он, может быть, не сможет приехать на свадьбу (*Белый — Блок.* С. 62). 14 июля он известил Блока о своем окончательном отказе (*Белый — Блок.* С. 82).

[9] Ср. письмо Петровского к Э. К. Метнеру от 27 августа 1903 г.: «...я подал прошение о принятии меня в число студентов Моск<овской> Дух<овной> Академии без экзамена. <...> Я чувствую, что это именно тот путь, который надо было мне выбрать» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[10] Буди! буди! — то же, что «Аминь! аминь!».

[11] См. Евангелие от Луки 22, 36: «Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму́; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч».

[12] Антоний (в миру — Алексей Павлович Храповицкий; 1863 или 1864 — 1936) — церковный деятель и писатель, представитель консервативного крыла в православии. В 1890 г. получил сан архимандрита, в 1897 г. — епископа, с 1902 г. — архиепископ Волынский. В 1921—1936 гг. глава Архиерейского собора и Синода Русской соборной зарубежной церкви.

[13] Филарет (в миру — Василий Михайлович Дроздов; 1782—1867) — с 1826 г. митрополит Московский.

[14] Ср. Пс. 96, 5: «Горы, как воск, тают от лица Господа, от лица Господа всей земли». Ср. письмо Петровского к Э. К. Метнеру от 27 августа 1903 г.: «Бугаев, помнится, писал Вам о меде и воске как наших священных символах. Это очень верно. Душистый, густой, прозрачный мед — наша земная радость о небе, наше счастье о Господе, точнее, радость святых; матово-желтый налет воска — великая скорбь святых о земле, та тень печали, которая пала на лик Серафима, печали, "тающей, как воск" в лучах солнца. Мед и воск в высокой степени церковны и, в народном сознании, священны» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[15] «...мы с Сережей углубляемся в толкование Евангелия; мы подглядываем действие благодати в современности; наш мистический опыт этого времени — узнание апокалиптических переживаний в связи с "*белым*" цветом; смеясь, мы говорим друг другу, что мы исследуем "*белые начала*" жизни; в них — веяние наступающей великой эры пришествия Софии Премудрости и Духа Утешителя» (декабрь 1900 г., *МБ*). Ср. запись об августе 1901 г. в тетради Белого: «В то время как розовое христианство дышит пресловутой "*мировой скорбью*" (?), белое — полно радости близкого воскресения. <...> если христианство прошедшего было розовым, христианство близкого будущего — бело» (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 127). См. также рассуждения Белого о цветовой символике в статье «Священные цвета» (1903): *Белый Андрей*. Арабески. Книга статей. М., 1911. С. 115—129.

[16] В конце 1902 г. Э. К. Метнер уехал из Москвы на постоянное жительство в Нижний Новгород, где получил должность цензора. 1 августа 1902 г. он сообщал Петровскому: «Назначен я в Нижний Новгород отдельным (т.е. единственным) цензором» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 6). Уволился с этой должности Метнер в марте 1906 г. 1 февраля 1906 г.: «Те два-три месяца, которые я здесь пробуду, суть не иное что, как длинная *coda* трехлетней симфонии моего цензорства. Исключительно материальные соображения вынуждают меня не швырять отставки в лицо одному из самых гнусных правительств, которое когда-либо стояло во главе народов» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9).

[17] Имеется в виду второе издание «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», вышедшее в Петербурге в 1903 г.

12. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Серебряный Колодезь. 6 сентября 1903 г.

Дорогой Алексей Сергеевич,

мне приятно было слышать, что Вы определили свое будущее. Что касается меня, то что я могу Вам сказать на это? Я могу только молчаливо обнажить голову и этим внешним приемом почтить Ваше решение. Итак, ни слова о нем.

Далее: мне было бы чрезвычайно приятно и, пожалуй, нужно бы (это второстепенно) видеть Вас проездом через Москву. Если будете свободны, не зайдете ли к нам часов в 5 или 6 вечера 15-го сентября, — конечно, если только Вам некуда будет девать время или если Ваш васильсурский родственник очень Вам надоест.

Простите лаконизм письма. Человек дожидается в передней. Спешу сдать письмо (неожиданно поехали в город).

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев

P.S. Мой привет всем Вашим.

Почт. шт.: Ефремов. 6.1903.IX; Москва. 7.1903.IX. Отправлено по московскому адресу Петровского.

13. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Сергиев Посад. 10 сентября 1903 г.

М<осковская> Дух<овная> Ак<адемия>.
10 сент<ября> 1903 г.

К сожалению, дорогой Борис Николаевич, я не буду иметь возможность видеть Вас 15-го, ибо уже переселился в Дух<овную> Акад<емию>[1]. Буду, вероятно, 20—21 и 25—26. Н<иколай> Карл<ович> кончил сонату[2], я ее слышал целиком. 3-я часть — adagio — начинается с *похоронного*! мотива, переходящего в хорал, но отнюдь не andante, напротив, очень бурный и стремительный, настойчивый. Вы понимаете? Изумительно в точку. Советую прослушать, хотя до октября он, вероятно, будет в Берлине[3]. Счастливого пути. Не забудьте меня у гроба пр<еподобного> Серафима. Поклон Вашим.

Любящий Вас А. Петровский

Закрытое письмо. Почт. шт.: Сергиев Посад. 10.1903.IX; Москва. 11.1903.IX.

[1] Императорская Духовная академия находилась на территории Троице-Сергиевой лавры.

[2] Речь идет о Сонате для фортепиано f-moll, op. 5 (1902—1903; третья часть начинается Largo divoto, которое превращается в Maestoso) Н. К. Метнера (1879—1951), композитора, пианиста, брата Э. К. Метнера. Белый познакомился с ним в сентябре 1902 г. (*РД*). «Все почти вечера провожу я у Метнеров в непрерывных беседах с Эмилием Метнером; эти дни — новое откровение музыки для меня; Метнер углубляет мое отношение к музыке, иллюстрирует свои мысли при помощи брата своего, пьяниста (впоследствии известного композитора), исполняющего ряд сонат Бетховена и Шумана; <...> Тут же мне открывается все значение музыки его брата; при мне (за стеной кабинета Э. К. Метнера) он сочиняет свою *сонату* и играет мне "*Stim*-

mungsbilder"» (сентябрь—октябрь 1902 г., *МБ*). В статье «О теургии» Белый писал об альбоме пьес для фортепиано «Stimmungsbilder» <«Картины настроений»> и о слышанной им «гениальной сонате» Метнера (Новый Путь. 1903. Сентябрь. С. 115). Ср. письмо Петровского к Э. К. Метнеру от 21 января 1903 г. о том, что он с Белым прослушали в авторском исполнении финал сонаты: «Мы его так захвалили сегодня с Бугаевым, что он, кажется, не не шутку рассердился. Дело в том, что хвалили мы его, конечно, не с чисто музыкальной точки зрения, а под разными углами, напр. богословским и т.д. <...> скажу за себя и за Бугаева, что нам соната дала бездну уверенности в победе и силы, очень нужных в нынешнее скверное и опасное, грозовое время» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26). 30 января 1903 г. Белый писал Э. К. Метнеру: «Недавно был у Николая Карловича, который насмерть поразил меня восхищенной радостью финала своей сонаты. Это — небывалое явление, достойное 9-ой симфонии Бетховена (право). Весь день я был сам не свой и, кажется, обидел Ник<олая> Карловича глупо-неумеренной похвалой» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 8). См. также воспоминания Н. И. Сизова о Н. К. Метнере: «В 1915 году состоялся мой концерт из произведений Николая Карловича <...> В программе упомянутого концерта была Соната f-moll, ор. 5, глубоко любимая Андреем Белым» (*Метнер Н. К.* Воспоминания. Статьи. Материалы. М., 1981. С. 123).

[3] Ср. письмо Э. К. Метнера к Белому от 31 августа 1903 г.: «Сейчас получил письмо от Коли. Он едет с мамой в Берлин. Приглашен на открытие памятника Вагнеру...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед.хр. 22).

14. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Сергиев Посад. 23 октября 1903 г.

23 окт<ября> 1903

Сегодня годовщина свадьбы Эм<илия> Карл<овича>[1]. Я послал поздравительную телеграмму, подписав ее также и Вашим именем.

Кое-что оказалось, при ближайшем с моей стороны знакомстве, по-видимому непоправимым (как думаете и Вы).

Ваш А. Петровский

Был у Гр<игория> Ал<ексеевича> Р<ачинского>[2], сильно бранится.

Открытка. Почт. шт.: Сергиев Посад. 24.1903.X; Москва. 24.1903.X.

[1] Ср. запись Метнера от 2 января 1903 г.: «..я был обвенчан в 11 ч. утра 23 октября 1902 года. Шаферами были Борис Бугаев и Алексей Петровский, Коля и оба брата Анюты <...> Бугаев и Петровский были восхищены Анютою и всячески старались...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9). Он женился на Анне Михайловне Братенши (1877—1965); она затем стала женой его брата, Н. К. Метнера. Год спустя, 21 октября 1903 г., Петровский писал Э. К. Метнеру: «Ваш шафер хранит пучок флер д'оранжа и белую ленточку. Еще сегодня он отпирал ящик стола, поглядел на цветы и улыбнулся Вам, а также и себе, улыбкой спокойной дружбы и доброжелательства, светлого воспоминания. И странное дело: цветы не завяли, свежи, как прежде. Ваш

шафер не раз уже заглядывал в ящик, и каждый раз душа его наполнялась спокойной радостью, радостью Жениха о Невесте», — а 19 ноября продолжал письмо: «*19 ноября*. Ваша свадьба имела для меня какое-то громадное символическое значение, которое я еще не привел в ясность. Взгляд на цветы (*пишу через месяц*) каждый раз волнует меня, так же, как музыка Ник<олая> К<арловича>. Мне слышится в них именно что-то очень далекое и страшно милое и близкое, родное, имеющее в себе залог будущего. Волнуют своей музыкальною идеей, имеющей еще для меня какое-то особое личное, не знаю какое значение. Я познакомился с Анной Мих<айловной> — невестою, она так и запечатлелась в памяти в подвенечном платье — вечной Невестой. Вы пишете, что женское "я" — в музыке голубое, голубая тональность. Для меня голубое тоже символизирует женственное начало мира, и я хорошенько не понимаю, каким образом Б<орис> Н<иколаевич> видит в розовом символ души мира» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[7] Рачинский Г. А. (1859—1939) — религиозный публицист, переводчик, редактор трех последних томов первого собрания сочинений В. С. Соловьева, полного собрания сочинений Ф. Ницше на русском языке (незавершенного), член редакции «Вопросов философии и психологии», председатель Московского религиозно-философского общества им. Владимира Соловьева, один из руководителей Общества Свободной Эстетики, редактор издательства «Путь». Белый познакомился с ним в ноябре 1901 г. (*РД*). О нем см.: *Начало века*. С. 102—112. Подробно: *Малмстад Джон*. Андрей Белый и Г. А. Рачинский // Russian Literature (Amsterdam). 2005. LVIII. № I/II. С. 127—147.

15. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Москва. 27 октября 1903 г.

Дорогой Алексей Сергеевич,

Спасибо, что не забыли меня в телеграмме. Спасибо. Пользуюсь случаем сообщить Вам одну важную для меня вещь.

После Вашего отъезда для меня продолжались утомленности с Гр<игорием> Алекс<еевичем>, с Кобылинским[1], с Павл<ом> Ник<олаевичем>[2] (я был в теос<офском> собрании и изругал Mlle Кохманскую[3] узкой и ограниченной сектанткой) и т.д.

Совершенно неожиданно произошло вот что: приехали Мережковские[4]. Я был у них с намерением ругаться, — помня все недоговоренности и «*bizarerries*»*, помня прошлогоднюю отчужденность[5]. Сначала я ощетинился и мрачно молчал, а З<инаида> Н<иколаевна> говорила отчужденности, ругала Брюсова[6] и меня — все шло феноменально...

Вдруг пришло «*что-то*» Христово — бархатно-мягкое, грустно-задумчивое. Я сказал что-то, в чем промелькнуло «*это*»...

---

* Странности (*фр.*).

Вдруг Дм<итрий> С<ергеевич>, не говоря ни слова, поцеловал меня в ответ на *то* мелькнувшее... Затем произошло мгновенное, неизгладимое и незабываемое... Я поцеловал Дм<итрия> С<ергеевича> и Зинаиду Николаевну — и прочел у них в глазах *«все»*, что есть у Ник<олая> Карл<овича> о 2-ой теме. Образовался мгновенный пролет, и я видел слезы на глазах у Дм<итрия> Сергеевича... Тут я узнал, что они — Христовы **[7]. Я узнал, что у них ничего нет секретного, а что Дм<итрий> Серг<еевич> только мечтает *вместе молиться* (без всяких обрядов — попросту и больше ничего) или вместе ходить в Церковь. Он все ближе и ближе к Церкви, все больше и больше хочет в ней остаться, до *«minimum'a»* уменьшает проявление *«нового»* имени в старом. З<инаида> Н<иколаевна> увлекается летописью Серафимо-Дивеевского Монастыря (она их с увлечением читала), находит близость в духе Серафимовом[8], признает лишь, что не всем следует этим путем идти к спасению...

Как бы в пику *неизгладимому* с Гр<игорием> Ал<ексеевичем>, у меня произошло нечто неизгладимое с Мережк<овскими>, и я рад, что опять со мной где-то виденная (может быть, во сне, может быть, узнанное из сонаты Ник<олая> Карл<овича>) драгоценность.

Не знаю, для чего пишу Вам все это. Просто хочется поделиться радостью. Христос с Вами.

Уважающий и любящий Вас

Борис Бугаев

Почт. шт.: Москва. 27.1903.X; Сергиевский Посад. 28.1903.X . На конверте: По Ярославской железной дороге. Станция *Сергиево*. В Сергиевскую Лавру. В здание Духовной Академии. Студенту Алексею Сергеевичу Петровскому.

[1] «В этот же месяц происходят частые и продолжительные встречи всех товарищей; возникает кружок "*Аргонавтов*", идеологами которого являемся мы с Кобылинским (уже выбравшим псевдоним "*Эллис*"); собираются: главным образом на моих воскресеньях, у Владимировых, у Эртелей, у Соколовых ("*Грифа*"), у С. М. Соловьева, у Рачинских, с которым я все более и более дружу» (октябрь 1903 г., *МБ*).

[2] Батюшков П. Н. (1864—1930) — теософ, востоковед, научный сотрудник Библиотеки Румянцевского музея (с 1907 г.). «...к "*аргонавтам*" особенно причислялись: В. В. Владимиров, его сестры, я, Эллис, Батюшков, Петровский, Сизовы, С. М. Соловьев, Челищев, Эртель, Н. П. Киселев, Н. И. Петровская» (октябрь 1903 г., *МБ*).

[3] Кохманская Екатерина Михайловна. «В эти же дни я начинаю посещать первый теософский кружок, собирающийся у Кохманской при ближайшем участии

** Или по крайней мере то, что я, то, что Эм<илий> Карл<ович> зовем Христовым, то же и у Мережковских (*примеч. Белого*).

Батюшкова (А. С. Гончарова — уехала в Париж); <...> "*теософы*" отталкивают меня от себя; и я прерываю посещение кружка, но с Батюшковым — продолжаю дружить, хотя несколько подсмеиваюсь над теософией» (сентябрь—октябрь 1902 г., *МБ*). Ср.: *Белый Андрей.* Касания к теософии: «*1902 год.* <...> Осенью бываю в кружке Кохманской, где спорю упорно с Писаревой; выношу полное разочарование в теософах. Продолжаю спорить лишь с Батюшковым» (*Андрей Белый и антропософия 9.* С. 450).

[4] В юности Белый испытывал определенное идейное воздействие произведений Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865—1941) и построений его и его жены Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869—1945) о новом христианстве. Он познакомился с ними 6 декабря 1901 г. у М. С. и О. М. Соловьевых: «Мережковские исключительно мне не понравились; Соловьевым — еще более; и мы решили, что они — от Антихриста. *8 декабря.* Встреча у Мережковских с З. Н. Гиппиус; во время разговора с ней мне она уже стала нравиться» (декабрь 1901 г., *МБ*). «...эти месяцы я усиленно полемизирую с Мережковскими; Соловьевы переписываются с ними; я, окончательно убежденный в неправоте их позиции, пишу длинное письмо Мережковским за подписью "*Студент-естественник*". Письмо производит сильнейшее впечатление на Мережковских» (январь 1902 г., *МБ*). 17 февраля 1902 г. Белый еще раз встречался с ними на публичной лекции Мережковского о Гоголе в Историческом музее в Москве (Петровский также был на ней). «Интимная беседа с Гиппиус и Мережковским в "*Славянском Базаре*", после которой начинаются мои бурные ссоры с О. М. Соловьевой и частая переписка с Гиппиус» (февраль 1902 г., *РД*). Письма Мережковского к Белому опубликованы А. Холиковым (Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 135—185). Белый не отмечает свою встречу с ними в Москве в октябре 1903 г. ни в *МБ*, ни в *РД*.

[5] «Некоторая размолвка с Мережковскими» (декабрь 1902 г., *РД*). Ср. письмо Петровского к Э. К. Метнеру от 18 мая 1903 г.: «Были в Москве Мережковские. <...> Сильно изменились с прошлого года, стали, кажется, мягче» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

[6] «Всем нам <"аргонавтам". — *Дж. М.*> Брюсов был несколько чужд» (октябрь 1903 г., *МБ*). Отношения Белого с Валерием Яковлевичем Брюсовым (1873—1924) нашли подробное отражение в их переписке и в воспоминаниях Белого; см.: Переписка с Андреем Белым (1902—1912) / Вступ. статья и публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85 (Валерий Брюсов). С. 327—427.

[7] Во время их пребывания в Москве Белый свел Мережковских с епископом Антонием в Донском монастыре (о нем см. п. 18, примеч. 3). В начале ноября 1903 г. Белый писал Э. К. Метнеру: «Антоний пришел в духовный восторг, Мережковский целовал у Антония руки, а я про себя потирал руки, радуясь, что мой эксперимент дал блестящие результаты. Потом Мережковский, хватая себя за голову, все твердил: "*Нельзя разрывать с 2000-тным* <так!> *опытом Церкви*". И мне: "*Слушайтесь Антония*". Между прочим: они читали "*Летопись С<ерафимо->Дивеевского Монастыря*" и увидели в *Серафимове чувстве* нечто близкое» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 27).

[8] «"Да, есть люди" – говаривал Метнер мне — "что-то в них есть христианское, проступающее в язычестве; есть христианство, и есть лишь '*христовство*', которое опирается не на догматы, а на чувство Христа"» (*Белый Андрей.* Начало века. «Берлинская» редакция (1922—1923) // РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 12. Л. 98). Ср.: «...вместе пытаемся мы определить сущность того невыразимого состояния, которое для меня связано с "*Христовым импульсом*"; Метнер называет это чувство "*христовством*" в противоположность "*христианству*"» (сентябрь—октябрь 1902 г., *МБ*). 9 апреля

1903 г. Белый писал Метнеру: «Да, конечно, в тот самый вечер, когда Вы сказали о Христовом чувстве, мы стали заговорщиками» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 13). В первой половине ноября 1903 г. Белый писал Блоку о встрече с Мережковскими в Москве и о поездке к Антонию: «Дм<итрий> Сергеевич мне дорог бесконечно за то, что у него есть "*Христово*" и "*Оно*" зла не мыслит и все покрывает» (*Белый — Блок*. С. 119).

16. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Сергиев Посад. 24 января 1904 г.

М<осковская> Д<уховная> А<кадемия>
24 янв<аря> 1904

Молитесь, да не внидете в напасть! Мне кажется, дорогой Борис Николаевич, что время неблагоприятно. Слышится какая-то угроза. Я видел сегодня любопытный сон. В квартире у нас (в редакции «М<осковских> Вед<омостей>»)[1] оказалась клетка с белым барсом — большой великолепной белой кошкой. Так бы и погладить его и спрятать голову в мягкой белой шерсти. Но проволочная клетка показалась мне тонка, и я поспешил спрятаться в одну из дальних комнат. Действительно барс прогрыз клетку и погнался за мной, так что я едва успел вынуть у двери ключ и вставить его с внутренней стороны, запереться. Барс зашел с другой стороны к другой двери, но и ту удалось запереть, хотя непрочно, замок еле держит. Но верх двери был стеклянный и стекла кто-то вынул: барс решил прыгнуть в отверстие. Тут уже пришлось сражаться: я ударил его несколько раз молотком по лбу, чем немало удивил его. Затем я проснулся, прежде чем что-либо выяснилось. Это, конечно, только схема. Интересно, что у барса был сторож, который его кормил и запирал в клетку, стриженный, из солдат, державший, конечно, мою сторону, но ничего не могший поделать с барсом. Подозрительно, что барс его любил и не трогал. Кстати, замечу, что есть основания подозревать, что барс был выбелен. Перед этим сном был какой-то другой, тяжелый, кошмарный. Мне чувствуется, как возрастает какая-то моя ответственность и требование готовности и как велика моя неготовность. Одновременно усиливается и угроза войны.

Читали ли Вы статью Соловьева о Лермонтове[2]? Не узнали ли Вы в Фоме Лермонте старого рыцаря Вашей 1-ой симфонии[3], а в самом Лермонтове его сына? Довольно точная аналогия. Кстати, пренеприятное впечатление производит на меня 8-ой том Вл<адимира> С<оловьева>[4]. Ему бы не следовало писать 8-го тома:

явный упадок, неминуемо долженствовавший привести его к гибели. Я бы дерзнул сказать, что в 8<-м> томе мне слышатся отзвуки пиэтизма, религиозного упорства, грозящего манией. Судьба Пушкина[5], судьба Лермонтова — конечно, это верно и правильно, но как-то слишком просто, даже плоско. Что же? Все великие люди погибли. Так уж не пройтись ли по всей истории, запечатлевая каждого из них. Мне не верится, чтобы Вл<адимир> С<оловьев> был незлобив, как стараются его выставить Величко[6] и др. Нет, решительно 8<-й> том не обещает в нем вождя или пророка. Если бы он выжил, ему угрожала бы религиозная мания. Насколько незлобивей и чище сердцем Ницше. Сереже надо победить своего знаменитого «дядю». Впрочем, всегда готов взять свои слова обратно. Нет, не смысл любви[7], показал он раны Лермонтова: много бессердечных слов и выходок.

Молчу о «повести об Антихристе»[8].

До скорого свидания, дорогой Борис Николаевич. Право, как-то тревожно.

Любящий Вас

А. Петровский

P.S. В статье о Теургии после двух цитат из Апокал<ипсиса> Вы поставили в скобках «курсив наш»[9]. Великолепно. У Иоанна курсива нет, да и не надо. Мой поклон Ал<ександре> Дм<итриевне> и Ник<олаю> Ив<ановичу>[10] и другим.

[1] В 1888—1896 гг. С. А. Петровский служил редактором-издателем этой газеты.

[2] Публичная лекция «Лермонтов» (1899) впервые была опубликована в восьмом томе Собрания сочинений Владимира Соловьева (1903; С. 387—404), под ред. Г. А. Рачинского). Там, в частности, Соловьев писал: «В пограничном с Англиею краю Шотландии, вблизи монастырского города Мельроза, стоял в XIII веке замок Эрсильдон, где жил знаменитый в свое время и еще более прославившийся впоследствии рыцарь Томас Лермонт. Славился он как ведун и прозорливец, смолоду находившийся в каких-то загадочных отношениях к царству фей и потом собиравший любопытных людей вокруг огромного старого дерева на холме Эрсильдон, где он прорицательствовал и между прочим предсказал шотландскому королю Альфреду III его неожиданную и случайную смерть. Вместе с тем эрсильдонский владелец был знаменит как поэт и за ним осталось прозвище стихотворца, или, по-тогдашнему, рифмача — Thomas the Rhymer; конец его был загадочен: он пропал без вести, уйдя вслед за двумя белыми оленями, присланными за ним, как говорили, из царства фей. <...> наш поэт <...> гораздо более близкий по духу к древнему своему предку, вещему и демоническому Фоме Рифмачу, с его любовными песнями, мрачными предсказаниями, загадочным двойственным существованием и роковым концом» (С. 391—392). Соловьев расматривал Лермонтова как «прямого родоначальника» ницшеанского умонастроения, переживавшего трагедию противоречия между высокой теургичес-

кой миссией и низким уровнем нравственного сознания. В «Начале века» Белый писал: «Лермонтов — арена борьбы: в него вцепилась романтика Вл. Соловьева; в него, как клещ, впился Розанов: Лермонтов в двойном понимании сам двойной, — образ ножниц, разрезающих души» (С. 38).

[3] «Северная симфония (1-я, героическая)» (М., 1904) вышла в свет в середине октября 1903 г. Работа над ней была завершена в конце 1900 г.

[4] Восьмой том содержит статьи 1897—1900 гг. В начале знакомства Белого с Петровским последний часто критиковал Соловьева. «А. С. не доверял учению Вл. Соловьева о Софии; ему виделся тут эротизм и "*халдейство*"; он говаривал: "*Соловьев был халдей*"» (май 1901 г., *МБ*).

[5] Имеется в виду статья «Судьба Пушкина» в восьмом томе (С. 26—53).

[6] Величко Василий Львович (1860—1903) — поэт, публицист, драматург, критик. Был в дружеских отношениях с В. С. Соловьевым. Белый встречался с ним у М. С. и О. М. Соловьевых (*На рубеже двух столетий*. С. 367). В своей книге «Владимир Соловьев. Жизнь и творчество» (СПб., 1902) Величко писал: «В основе каждого его слова и поступка были строгая честность мысли, уважение к чужим, даже оспариваемым, но искренним взглядам и доброжелательство к ближним» (С. 3); «Личное обаяние открыло ему путь к людским сердцам» (С. 22); «Он бывал для друзей истинным очагом тепла и света <...> готов был сам смеяться над собой и дозволял это другим. <...> Умение ценить и лично любить людей, невзирая на значительную рознь во взглядах, было отличительной чертой Владимира Соловьева» (С. 195). См. также восьмую главу с характеристикой личности философа (С. 141—181).

[7] Имеется в виду «Смысл любви» (1892—1894) Соловьева. «...бешеное увлечение стихами Вл. Соловьева, его статьей "Смысл любви"» (сентябрь 1900 г., *РД*).

[8] Лекция Соловьева об Антихристе была прочитана в Петербурге весной 1900 г. Книга В. С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением повести об Антихристе, и с приложениями» вышла в Петербурге в 1900 г. Она была переиздана в восьмом томе его собрания сочинений. «В это время (в конце апреля, в начале мая) произошла встреча моя внутренняя с Вл. Соловьевым и разговор мой с ним в день, когда он читал у Соловьевых свой третий разговор с "*повестью об Антихристе*"; в этом разговоре мне стало ясно, что мои гимназические "*откровения*" в троицеарбатской церкви в 1898 году, приведшие к написанию сцены из "Пришедшего", — правда, что конец — "*близится*"; и надо готовиться к бою с Антихристом и ко встрече с Христом; я должен был в тот же вечер прочесть Влад. Соловьеву мой отрывок, но за поздним часом мы отложили чтение до осени, когда Соловьев должен был быть в Москве. М. С. Соловьев после говорил мне, что мой отрывок ему более нравится, чем "повесть об Антихристе". <...> я готовился переговорить осенью с Владимиром Соловьевым, к которому после нашего с ним разговора я стал относиться как к учителю» (апрель—май 1900 г., *МБ*). Соловьев умер 31 июля 1900 г.

[9] В статье «О теургии» (Новый Путь. 1903. Сентябрь) Белый приводит цитаты из Откровения Святого Иоанна Богослова на с. 121 (Откр. 2, 17) и с. 123 (Откр. 3, 12), каждый раз с отметкой: «(курсив наш)». Ср. письмо В. Я. Брюсова к Белому (около 20 сентября 1903 г.): «"О теургии" не совсем меня удовлетворило. <...> Есть непростительные промахи. Как могли вы, например, написать "курсив наш" (и вообще-то такого "ежедневного сочетания повседневных слов" можно и не писать) — при выписке из Апокалипсиса! Ну разумеется, курсив *наш*, чей же еще? не Иоаннов же!» (Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 368—369). Еще 5 октября 1903 г. Петровский писал Э. К. Метнеру по поводу статьи «О теургии»: «В сентябре Нов<ого>

Пути превосходный рассказ Сологуба <«Жало смерти»> и непростительная статья Б<ориса> Н<иколаевича>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26). Метнер ему ответил: «Я имею многое возразить против нее, но "непростительного" я в ней ничего не вижу» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7).

[10] По-видимому, «аргонавт» Н. И. Сизов (1886—1962), композитор, пианист и педагог.

17. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Москва. 26 января 1904 г.

Многоуважаемый и дорогой Алексей Сергеевич*,

да. Сон Ваш неспроста. У нас после Вашего отъезда произошел ряд событий и внутренних и внешних. Обнаружилось непрерывное схождение *чего-то третьего*, но потом все вдруг оборвалось: стало душно и грозно. Я заболел: так сказалось это извне... Между нами: (Нина Ивановна хотела застрелиться[1], думая, что все сорвано для нее навсегда — но это были тучи с периферии). Затем к воскресенью прошлому (8 дней тому назад) все просветлело. И опять началось что<-то> исступленно-рвущееся навстречу и радостное, но и оно стало омрачаться 1) Сережей Соловьевым, который меня едва не склонил изорвать карточку З<инаиды> Н<иколаевны>[2], 2) Л. Д. Блок едва не оказалась *тем*, что на теософском плане *София*, т.е. (на теургическом) *Любовью*[3]. Вокруг этого началось что-то твориться. Раз мы пришли к Блокам вечером со свечами, с розами и с флер-д'оранжем[4]; сидя за самоваром, все стали что-то замечать — скорее радостное, но я, почти совершенно затуманенный, вдруг увидел злую телеграмму (спешную и весьма нужную), посланную неизвестно куда и откуда. Так и не удалось прочесть ее содержание, но увидел — оно оказалось бы аналогичным Вашему сну.

Наконец в день отъезда Блоков мы все сидели у больного Сережи, которого схватила скарлатина[5]: этим закончился период с 1-го января (я ясно почувствовал это). Скажу Вам на ухо: не было ли тут какого-то наказания за 1) фанатизм, 2) за внутрен<нее> желание объявить Л. Д. Блок... (я боюсь за Сережу: оказывается — он такой фанатик...)[6].

В то же время происходила путаница с Бальмонтом: Кобылинский грозил его вызвать на дуэль[7]. Меня стали упрекать, что

---

* *В оригинале описка*: Сергей Алексеевич.

я предаю товарищей. Я послал письмо Бальмонту, с требованием, чтобы он извинился перед К<обылинским>, но он предупредил меня. Кобылинский формально принял извинение в таких дерзких словах, что Бальмонт, окончательно взбешенный, отказался иметь с ним дело. Видите ли — и на поверхности происходила какая-то рябь. А внутри и очень большая. Но будем стойко держаться — «*да не внидем во искушение*»[8].

Весь Ваш, готовый к услугам и любящий

Борис Бугаев

Христос с Вами. Ваш сон знаменателен.

Почт. шт.: Москва. 26.1.04; Сергиев Посад. 27.1904.1.

[1] 19 января 1904 г. А. А. Блок писал матери: «*16-е.* <...> пошли к Соколовым, куда я привел Бугаева и Эртеля <...> Нина Ивановна была в ужасном настроении, Соколов произвел дурное впечатление, фальшивое, вечер был неудачен» (*Блок Александр.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 86). О «мистериальном» романе Белого с писательницей Ниной Ивановной Петровской (1879—1928), женой С. А. Соколова (Кречетова), поэта и главы издательства «Гриф», см.: *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 159—162, 167; Письма Андрея Белого к Н. И. Петровской / Публ. А. В. Лаврова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 13. С. 198—214.

[2] В январе 1904 г. Белый, Петровский, С. М. Соловьев и А. А. Блок с женой «сидели за чаем веселой пятеркой. <...> Обсуждались "Весы", пробный номер которых с портретами Брюсова, Гиппиус тут же лежал; Соловьев, ненавидевший Гиппиус, вырвав портрет поэтессы, со свойственной ему способностью все доводить до конца, ставя даже не точки над "и", а огромные дыры, колом пробиваемые (он шутил монструозно), топтал каблучищем портрет поэтессы» (*Начало века.* С. 321). Соловьев «вскоре при нас выдрал яро портрет поэтессы <...> С. М. был фанатик, *теолог*: он в Гиппиус видел себе конкурентку, *теолога*, как и он сам, но – враждебной религии» (*О Блоке.* С. 66—67).

[3] К свадьбе Блока с Любовью Дмитриевной Менделеевой (1881—1939) С. М. Соловьев отнесся как к мистерии. Белый скептически реагировал на это: «В начале сентября или в конце августа я получаю письмо, извещающее меня о свадьбе Блока (от С. М. Соловьева); оно — поражает меня какими-то недоговоренностями; из письма С. М. мне ясно, что он переживает волну какого-то странного мистицизма, мне в данную минуту чуждого; мое настроение – определенно богоборческое» (сентябрь 1903 г., *МБ*). В «Воспоминаниях о Блоке» Белый пишет: «К октябрю попадаю в Москву; узнаю от С. М. о подробностях свадьбы; <...> верю чуткости друга, но все ж не могу я понять, что там, собственно, было, откуда взволнованность эта в С. М. <...> переживают мистерии так, а не свадьбы; <...> По описанию С. М. Соловьева я понял: "*мистерия*" (что-то неописуемое); так подобало; невеста Менделеева, по Соловьеву, вставала воистину существом необычным; она понимала двузначность, двусмысленность своего положения: быть невестою Блока, быть новой, дерзающей на световые пути» (*О Блоке.* С. 52). Когда Блок с женой приехал в Москву 10 января 1904 г., они лично познакомились с Белым. «Первые дни пребывания Блоков в Москве я к ним приглядывался; в тот же вечер с Петровским и с ними посиживали у Сережи» (*Начало века.* С. 320). Они провели две недели в постоянном общении друг

с другом («Этот месяц живет в моем воспоминании месяцем, проведенным с Блоками», *МБ*). Пережита была радость «единения в мистической идее Владимира Соловьева» (*Соловьев С. М.* Воспоминания об Александре Блоке // Соловьев С. Воспоминания. М., 2003. С. 390). Блок позднее назвал эти московские встречи «мистическими» (письмо к С. М. Соловьеву от 8 марта 1904 г. — *ЛН. Т. 92, кн. 1.* С. 370). Наиболее подробно Белый описал пребывание Блоков в Москве 10—24 января 1904 г. в «Воспоминаниях о Блоке» (*О Блоке.* С. 58—79). См. также главу «А. А. Блок в Москве» в «Воспоминаниях об Александре Александровиче Блоке» Белого (Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 231—264).

[4] 20 января 1904 г.: «Обедать с Сережей. Вечером <с Сережей> и Бугаевым (розы, свечи, страх)» (*Блок Александр.* Записные книжки 1901—1920. М., 1965. С. 59).

[5] 24 января (в день отъезда Блоков из Москвы) Блок записал: «У Сережи — скарлатина» (Записные книжки. С. 60). Ср. воспоминания Белого: «Сережа <...> раздувая все более пафосы к идеологии с Блоком — до чертиков, до фанатизма, <...> под северным ветром, схватив скарлатину, внезапно свалился в постель» (*Начало века.* С. 333).

[6] «В ту пору С. М. был настроен особенно догматично по отношению к пониманию соловьевских идей; <...> искали развить в окружающей жизни все то, что намечено в линии пересечения философии, поэзии, мистики Соловьева; <...> С. М. проводил среди нас деспотически свой *догматизм* <...> он порою влачил нас <...> в точность "*сектантства*"» (*О Блоке.* С. 64). 18 февраля 1904 г. С. М. Соловьев писал Блоку: «Боря уже заколебался и стал думать, "не поспешили ли мы" поверить моим комбинациям» (*ЛН. Т. 92, кн. 1.* С. 364). 26 февраля он писал ему же: «Ты верил сам (по твоим письмам) во вселенское значение Блочихи <...> Перед всеми я могу без колебаний заявить только одно: "Любовь Дмитревна есть Божье знамение", и больше ничего» (Там же. С. 368).

[7] С Константином Дмитриевичем Бальмонтом (1867—1942) Белый познакомился весной 1903 г., а с его поэзией — еще в гимназические годы: «Бальмонт, мне еще мало известный, становится для меня любимейшим поэтом» (июнь—сентябрь 1897, *МБ*). В письме к матери от 14—15 января 1904 г. Блок сообщал: «*13-е, вторник.* <...> Уходим с Бугаевым, идем пешком. Захожу за Любой. После чаю едем на собрание "Грифов"; <...> Звонок. Входит пьяный Бальмонт (последующее не распространяй особенно). <...> Кобылинский, разругавшись с ним, уходит (очень неприятная сцена). <...> *Приписываю 15-го в четверг.* <...> Андрей Белый с матерью отдали визит. Андрей Белый написал тут же письмо Бальмонту, что пока он не извинится перед Кобылинским, Бугаев не может иметь с ним дела» (*Блок Александр.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 83—85).

[8] «И не введи нас в искушение» (Мф. 6, 13; Лк. 11, 4).

18. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Москва. 4 мая 1904 г.

Дорогой Алексей Сергеевич! Пишите, пишите, пишите. Я в деревню уезжаю сегодня. Я спокоен[1]. Ласковая бархатность и глубокое отдохновение, и грусть, грусть. Приезжайте летом. В. В. Владимиров не может ехать в лодке по реке с Вами. Он бу-

дет работать у Мамонтова[2]. Стало быть, в этом отношении Вы свободны. Имею Вам много, много сказать. У Антония не был[3]. Бог с ним. Я ничего не имею против него. Наши дороги разные — вот и все. Желаю Вам благополучно сдать экзамены. Остаюсь любящий Вас, искренне Вам преданный Б. Бугаев. 4-го мая. 04 года.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 4.5.04; Сергиев Посад. 5.5.04.

[1] Имеются в виду сложные отношения Белого с Н. И. Петровской в это время.

[2] Мамонтов Савва Иванович (1841—1918) — крупный промышленник и меценат; владелец имения Абрамцево (под Москвой), в чьих мастерских по его приглашению работало много художников.

[3] Ср. письмо Белого к Блоку от апреля—мая 1904 г.: «Ты не то что Антоний, который в меня бросил камнем суровости в тот миг, когда я, и без того разбитый и уничтоженный, ждал от него слов утешения. Кроме всего: он высказал *такое* незнание меня и в то же время так грубо определил насильно, чем мне нужно быть, что я из гордости решил не подходить к нему ближе, но застегнуться на все пуговицы. Больше мне нет смысла бывать у него» (*Белый — Блок*. С. 151). Антоний, епископ (Михаил Флоренсов; 1847—1918), жил на покое в московском Донском монастыре с 1898 г. Белый познакомился с ним в октябре 1903 г.: «наши поездки с А. С. Петровским» (*МБ*) «к прозорливому епископу на покое, к Антонию, личности замечательной и одаренной прозрением. Антоний, вперив в меня сини зрачков, оправляя белейшую шелковистую бороду, сам принимался бросать нескрометно словами; и вспыхивали сияющие недомолвки из слов; и вставало все то, о чем плакало сердце» (*О Блоке*. С. 56). Про него Л. Д. Семенов «сказал: "Я не знаю, кто больше — Толстой, или этот епископ"» (Там же. С. 77). В дневнике епископа Антония имеется запись о Белом, в которой подмечено душевное смятение писателя в пору их общения (1903—1904 гг.): «Это юноша изящный, нежный; ему нужно чистое дело, а не туман. <...> Я не пророк, но я вижу, что если он вовремя не остановится, то погибнет совсем. Я знаю, он эти опыты <развития в себе оккультных сил. — *М. Дж.*> давно уже стал делать, с тех пор как умер отец. Растреплется совсем, а жаль, он человек талантливый» (*Иеродиакон Андроник*. Епископ Антоний (Флоренсов) — духовник священника Павла Флоренского // Журнал Московской патриархии. 1981. № 10. С. 67—68; первая часть публ. о нем в № 9 журнала). О нем см.: *Ельчанинов А.* Епископ-старец (Воспоминания об епископе Антонии Флоренсове) // Путь. 1926. № 4. С. 157—170; Путь. Орган русской религиозной мысли. М., 1992. Кн. 1 (I-IV). С. 505—512; *Флоренский и символисты*. С. 435, 439, 443, 444.

19. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Серебряный Колодезь. 10 мая 1904 г.

Серебряный Колодезь. 04 года 10 мая.

Дорогой Алексей Сергеевич,

Вы теперь держите экзамены. Желаю Вам всякого успеха. Теперь, конечно, Вам нет времени мне писать, а после, быть может, напишите. Считаю долгом со своей стороны напомнить Вам,

что я Вас жду в деревню с величайшим удовольствием. Если захотите у нас поскучать, пожалуйста приезжайте. Мы все (а я особенно) Вам будем рады. Вот уже с неделю я в деревне, совершенно один, захлебнувшийся тишиной, которой был лишен много месяцев. Знаете, в жаркий день как приятно броситься в воду и уйти с головой в холодные, освежающие струи. В таком положении нырнувшего, и все еще медлящего вынырнуть, я нахожусь, когда на вопросы Марии Феодоровны отвечаю... мычаньем, ленясь говорить.

Но уже теперь передо мной пробегают последние месяцы какого-то лихорадочного, тяжелого бреда[1], в котором, или, вернее, под оболочкой которого, *все та же звенящая, грустно-задумчивая, совершенно-неизгладимая нота Вечности, которая и прежде, давно, мне звучала, которой полна окружающая меня тишина.* И несмотря на то, что впереди еще не рассеялись дымные угрозы, в глубине души полная тишина и покорность... чему бы то ни было... если только «*оно*» будет полно ласковой грустной Вечностью. Я теперь хочу плыть по ветру, идти туда, где мне слышится *Привет*, и если я встречаю *Привет* не там, где ожидал, мне все равно. В этой покорности я узнаю покорность *жертвы*, которая сознала себя тождественной со жрецом. И если ослепительная нежность дня обусловлена омывающими ее грозами, я выхожу навстречу грозе. Благословение, не наше благословение почиет на любви и сострадании, и мы не смеем самочинно повертывать нашу лодку против течения, но можем не быть *легкими*, если в *легкости вся наша сила*. В *этой* легкости я вижу улыбку Христа[2], больше мне *ничего не нужно*! Я хочу любить Христа и только, и только, без наград, без возмездий, без форм — я хочу легко и свободно вопреки чему бы то ни было любить Христа, и, *чувствую, это моя единственная сила.*

Христос с Вами, дорогой Алексей Сергеевич! Спасибо Вам! Вы мне очень дороги!

Любящий Вас Борис Бугаев

Почт. шт.: Ефремов. 12.1904.V; Сергиевский Посад. 14.5.04.

[1] Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от первой половины мая 1904 г.: «Почти у *всех членов нашего кружка с аргонавтическим налетом были ужасы сначала мистические, потом психические и наконец реальные*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 35).

[2] В этом же письме Белый сообщал: «И вдруг, когда мне казалось, что черта перейдена, все как-то сразу улыбнулось — мягко, дружески, любовно. И нежное Христово дуновение точно осветило меня белым, чуть-чуть розовым цветом».

20. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Серебряный Колодезь. 2 июня 1904 г.

Дорогой Алексей Сергеевич, приезжайте, пожалуйста. Очень, очень буду рад! Не сделаете ли Вы мне огромное одолжение: Тетя Катя[1] забыла при переезде присланную мне книгу и письмо. Если у Вас будет время, если Вы будете в наших краях, то, пожалуйста, зайдите и попросите Дарью[2] Вам передать. Может быть, Вы захватите их с собой. Да, вот еще что: голубчик, если можно, приезжайте один без Печковского[3]: я так измучился, *что только с Вами* да еще с очень немногими *могу не устать*. Я очень люблю А<лександра> П<етровича>, *но он все-таки труден для меня теперь*. До скорого свидания.

Остаюсь любящий Вас Б. Бугаев

Открытое письмо. Почт. шт.: Ефремов. 2.1904.VI; Москва. 3.6.04. Отправлено по адресу: *Москва*. Садовая. Большой Спасский пер<еулок>, д<ом> Лебедева (где Земельный Банк). Его Высокородию Сергею Александровичу Петровскому *с передачей* Его Высокородию Алексею Сергеевичу Петровскому.

[1] Егорова Екатерина Дмитриевна (1861 — ?) — младшая сестра А. Д. Бугаевой, тетка Белого. О ней см.: *Между двух революций*. С. 429—432.

[2] Кухарка Бугаевых в Москве. О ней см.: *Начало века*. С. 571, примеч. 49.

[3] Печковский Александр Петрович — студент-химик, участник кружка «аргонавтов»; переводчик.

21. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 2 июня 1904 г.

Москва. 2 июня 1904

Не знаю, дорогой Борис Николаевич, доведется ли мне отдохнуть подле Серебряного Колодца. Дние лукави суть[1]. У меня неожиданно родился брат. Под какой звездой? Ecclesiae depopulatae*? Поэтому его назвали Сергеем Сергеевичем. Земля, как Вам, вероятно, известно, вступила в дружественное «Весам» созвездие «Пустот» и вращается в нем довольно упорно[2]. Звезды закатились. Боги погасли (или наоборот: боги закатились, звезды погасли). Ходят только обрывки, лохмотья туч да ветер с севера, холодный, безлюдный и безбожный. Мама больна и, вероятно, будет еще долго больна, серьезно, и, может быть, даже опасно. От Сергея

* Разграбленной церкви (*лат.*).

Сергеевича помощи, конечно, ждать нельзя. Павел Николаевич[3] не имеет на лето уроков и, быть может, прибежища. Ник<олай> Мих<айлович>[4] получил 2 по латыни и ищет места. Лев Льво-в<ич> бьется головой о стену в припадке пессимизма и продолжает выпускать иммортели[5]. Были в Москве Мережковские, ездили к Толстому просить денег на журнал (?)[6]. По улицам кружатся пыльные вихри от холодного ветра. Граждане закрывают окна и форточки, бегают зажмурившись. Шмит была у Блоков и потом жаловалась Рачинскому: «Какой Блок нервный!»[7]. Рачинский хочет жаловаться на нее министру Вн<утренних> Дел: она перевела и издала за границей при помощи свящ<енника> Толстого, перешедшего в католичество[8], 2 первые части (без третьей) «La Russie e<t> l'Eglise universelle»[9]. Объявлена мобилизация в Моск<овской> губ<ернии>: боюсь за Э<милия> К<арловича>[10]. На экзамене имел столкновение с Введенским из-за неовитализма[11], который входит в его «систему», но не вмещается в моей. Мотаюсь в городе, бегаю целыми днями и не знаю, позволит ли мамина болезнь отлучиться к Вам. Простите, если заставил понапрасно посылать лошадей. Приношу мои извинения (и поклоны) Александре Дмитриевне. Вам надо писать за неделю, а я сегодня не знаю, что будет завтра, ни что было вчера. Ни снов, ни знамений. Или я не умею читать.

Будьте благополучны и счастливы.

Любящий Вас

А. Петровский

P.S. Всячески, однако, постараюсь выехать 5-го[12].

[1] Яко дние лукави суть — т.е. «потому что дни лукавы» (Ефесянам 5, 16). Фраза использовалась Серафимом Саровским в беседах с Н. А. Мотовиловым.

[2] Ср. письмо Петровского к П. А. Флоренскому от 27 мая 1904 г.: «Земля вступила в созвездие "Пустоты" (подруги "Скорпиона" и "Весов"), и мне приходится стать не на шутку позитивистом, чтобы не повиснуть окончательно в воздухе. Глупейшее состояние: все нити перепутались и оборвались» (*Флоренский и символисты*. С. 579–580).

[3] Батюшков. См. п. 15, примеч. 2.

[4] Малафеев Николай Михайлович — член кружков Владимировых и «аргонавтов», посещал «воскресенья» Белого в 1903–1904 гг.; врач. «А Н. М. Малафеев, из крестьян, воловьими усилиями умственных мышц, без образовательного ценза пробившийся к проблемам высшей культуры <...> под градом ударов бился за право окончить медицинский факультет и уехать в деревню: служить народу; эту программу он выполнил; <...> В 1902–1905 годах он постоянно оспаривал нас, символистов, <...> сам он чутко воспринимал символизм и утонченность стиля, и ядреную колкость фразы; но он подчеркивал: достижения наши останутся бирюльками, если

мы не вернем народу того, что народ нам дал в виде прав на культуру» (*Начало века*. С. 31 –32).

[5] В конце декабря 1903 г. Эллис выпустил в свет сборник «Иммортели», включавший переводы избранных стихотворений Бодлера, отрывков из статей о его творчестве и писем к Бодлеру (*Эллис*. Иммортели. Вып. I-й. Ш. Бодлэр. М., 1904). Книга была встречена резкой критикой (см., например: *Аврелий <В. Я. Брюсов>*. Новый перевод Бодлера // Весы. 1904. № 4. С. 42). Второй выпуск «Иммортелей», содержавший переводы из П. Верлена, Ж. Роденбаха, М. Метерлинка, Сюлли-Прюдома, Данте, Д. Леопарди, Байрона и других поэтов, а также стихотворные переложения отрывков из Екклезиаста, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра и стихотворения Эллиса, в которых давались характеристики переводимых поэтов, вышел в апреле 1904 г. Белый нашел переводы Эллиса неудачными (*Начало века*. С. 453, 670).

[6] См. запись за 11 мая 1904 г. в дневнике Л. Н. Толстого «Ясная Поляна. <...> приезжают Мережковские» (*Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965. Т. 20. С. 190). «Весной 1904 г. <...> Мы поехали за границу через Москву, так как было условлено ранее, с молодыми родственниками Льва Толстого, что мы из Москвы поедем в Ясную Поляну» (*Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 128). Визит подробно описан в ее книге «Живые лица». О вопросе финансирования журнала «Новый Путь» она не пишет.

[7] В июне 1904 г. С. М. Соловьев писал Блоку: «Анне Николаевне я не пишу и не буду писать до последней крайности. Рачинский и Петровский считают ее зловредной и достойной тюремного заключения» (*ЛН. Т. 92, кн. 1*. С. 374). Речь идет о сотруднице газеты «Нижегородский листок» А. Н. Шмидт (1851—1905), считавшей себя духовной ученицей В. С. Соловьева и живым воплощением его софиологических представлений. Ее религиозно-мистические сочинения были опубликованы посмертно: Из рукописей Анны Николаевны Шмидт. С письмами к ней Вл. Соловьева. <М.>, 1916 (там есть и биографический очерк с портретами; издание подготовил С. Н. Булгаков; см.: *Голлербах*. С. 209–213). «Это А. Шмидт, не имея никакого философского образования, собственным умом построила гностическую систему, где повторяются известные мысли древних гностиков, каббалистов и Бемэ. Она выступила с проповедью новой церкви, которая должна родиться из православия, проповедовала третий Завет, учила о женственной природе третьей ипостаси. В марте 1900 г. Шмидт послала Соловьеву письмо на 16 страницах, где изложила свои "верования и чаяния" и учение, которое она считала "полученным ею от Бога". Соловьев был очень заинтересован. <...> Но далее Соловьев должен был быть неприятно поражен и встревожен. Бедная женщина воображала себя "ангелом церкви", а Соловьева считала новым воплощением Христа, своим возлюбленным женихом» (*Соловьев С. М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 399; см. также его «Воспоминания». М., 2003. С. 379). Белый общался с ней в сентябре 1901 г.: «...я посвящен М. С. Соловьевым в историю со Шмидт; читаю письма А. Н. Шмидт на тему "*3-ий завет*"; в конце месяца — встреча со Шмидт; и ответственный разговор с нею» (*РД*). В апреле 1903 г. имелось «свидание с А. Н. Шмидт у С. М. Соловьева» (Там же). См.: *Начало века*. С. 135, 141–145. Ее встреча с Блоком произошла в Шахматове 12—13 мая 1904 г. 16 мая 1904 г. Блок писал Белому, что она «впечатление оставила смутное, во всяком случае, хорошее — крайней искренности и *ясности ума*, лишенного всякой "инфернальности" — дурной и хорошей. Говорила много тонких вещей, которые мне *только понятны*» (*Белый — Блок*. С. 153).

[8] Толстой Николай Алексеевич, русский православный священник, принявший католичество восточного (униатского) обряда и ставший католическим священником; родственник писателя А. К. Толстого; знакомый В. С. Соловьева по салону

С. П. Хитрово; жил за границей. В письме в редакцию газеты «Русское слово» (1910. № 192, 21 августа) он утверждал, что 18 февраля 1896 г. Соловьев присоединился к католической церкви. Письмо вызвало спор, который продолжается до сих пор. См.: *Лосев А.* Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 360—364; *Соловьев С. М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 346—348.

[9] В каталоге нет упоминания такой книги парижской Национальной библиотеки. Есть только указание на первое издание «La Russie et l'Église universelle» (Paris, 1889) и второе (Paris, 1906), выпущенное другим издательством, но идентичное. После кончины М. С. Соловьева в 1903 г. Г. А. Рачинский стал редактором собрания сочинений В. С. Соловьева и опекуном молодого С. М. Соловьева, с которым он редактировал второе издание собрания сочинений философа в 1910-х гг. Он имел полномочие подать в суд на всякое нарушение писательских прав в связи с неавторизованными публикациями его сочинений.

[10] Япония порвала дипломатические отношения с Россией 24 января 1904 г., и вскоре начались военные действия. Э. К. Метнер крайне негативно относился к войне, возникшей между двумя империями (см. его письмо к А. С. Петровскому от 30 января 1904 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 27). 20 июня он писал Белому: «Помолитесь за меня, дорогой Борис Николаевич! В Нижегородской губернии (как я конфиденциально и достоверно узнал) делаются приготовления к мобилизации всего нижегородского запаса. Если мобилизация действително состоится, то я только чудом могу спастись от войны. Я — спокоен. Но внутри *все* протестует против войны вообще, этой войны и т.д.» (РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 40). Через три дня он опять писал: «Я пережил ужасные минуты. Третьего дня получил призывной лист. <...> Теперь я в *безопасности*. Медицинским осмотром установлено (опять-таки совершенно неожиданно для меня), что я страдаю страшным малокровием и совершенно неспособен вынести походной жизни. Мне дали отсрочку на 1 год» (Там же. Ед. хр. 41).

[11] Введенский Алексей Иванович (1861—1913) — профессор Московской духовной академии по кафедре систематической философии и логики, на которой он преподавал историю философии; постоянный сотрудник «Московских ведомостей» (псевдоним: А. Басаргин). Подробно см.: *Голубцов Сергий.* Московская духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. М., 1999. С. 22—24.

[12] 3 июня 1904 г. Петровский писал Э. К. Метнеру: «Покамест еду отдыхать (едва ли!) к Бор<ису> Ник<олаевичу> недели на 2» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 27). Ср. *МБ* об июне 1904 г.: «Ко мне приезжает Алексей Сергеевич Петровский и проводит дней десять (если память не изменяет); мы много катаемся; я его учу верховой езде; мама приглашает фотографа из Ефремова, который снимает нашу усадьбу; и нас всех. Мы с А. С. много беседуем о разнообразных проблемах; и расстаемся в самых дружественных чувствах».

22. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Москва. 1 июля 1904 г.

Многоуважаемый и дорогой Алексей Сергеевич,

Я в Москве до 4—5-го июля*[1]. Поедемте к Блок<у>[2], или, быть может, Вы зайдете ко мне? Остаюсь готовый к услугам.

---

* В оригинале описка: «июня» вм. «июля».

Искренне преданный
Борис Бугаев

Открытое письмо. Почт. шт.: Москва. 1.7.04. Отправлено по адресу: Большой Спасский переулок (там, где Земельный Банк), д<ом> Лебедева, кв. № 6. Его Высокородию Алексею Сергеевичу Петровскому (в случае отсутствия прошу передать).

[1] 30 июня 1904 г. Белый вернулся в Москву.

[2] 5 июня 1904 г. Блок писал Белому из Шахматова: «Позволь мне счесть установленным, что Ты приедешь в конце июня или начале июля» (*Белый — Блок*. С. 158). 20 июня Белый ответил: «P.S. Наверное буду у Тебя 1, 2, 3 июля. Только что получил Твое письмо» (С. 167). 4 июля Блок опять писал: «Мы прождали Тебя 1-го, 2-го, и 3-го, все надеялись и много раз слышали звонки. Я продолжаю Тебя ждать ежедневно» (С. 167).

23. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Быково. 4 июля 1904 г.

Дорогой Борис Николаевич,

Переехав на дачу, я пустил в окрестных полях и лесах такие прочные корни, что не могу решиться даже на поездку в Москву[1]. Известите открыткой, когда будете в Москве на обратном пути от Блок<а>. Кланяйтесь Сереже, Блоку и др.

Весь Ваш
А. Петровский

Адрес: Москва, Мясницкая, д<ом> Немчинова, правление Вагонн<ого> завод<а> Серг<ею> Ал<ександровичу> Петр<овскому> для передачи.

Открытое письмо, отправленное по арбатскому адресу Белого. Почт. шт.: 4.1904.VII; Москва. 5.7.04. Отец Петровского имел дом на ст. Быково Московско-Казанской ж.д. (он там умер).

[1] Тем не менее Белый сообщал матери 10 июля 1904 г.: «Сейчас приехал Алексей Сергеевич. Хочет со мной ехать к Блоку. Еду на два дня. Прошение подал. Вместо 12-го в понедельник буду 17-го в субботу. Милая мамочка, Блок в отчаянье, что я не буду у него: у них нет своих лошадей» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358). Ср. *МБ* об июле: «Наконец я решаюсь ехать к Блокам без С. М. Соловьева; А. С. Петровский, оказавшийся в Москве, выражает желание со мной ехать в Шахматово; мы — едем». Белый с Петровским выехали в Шахматово, видимо, 10 июля. С. М. Соловьев приехал туда позже. Уехали все трое из Шахматова 15 июля. Пребывание в Шахматове наиболее подробно описано Белым в «Воспоминаниях о Блоке» (*О Блоке*. С. 83—102). См. также: «Воспоминания об Александре Александровиче Блоке» (Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 270—291) и *Начало века*. С. 364—381.

24. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Быково. 1 августа 1904 г.

Быково. 1 авг<уста> 1904 (День Первого Спаса).

Вот уже несколько дней, как я почувствовал какую-то связь с Вами, дорогой Борис Николаевич, и захотелось написать Вам, чтобы поделиться кое-какими, может быть, общими переживаниями. Прежде всего замечание общего характера: мне кажется (и притом упорно), что лозунг современности (т.е. настоящего лета, осени и, думается, зимы) — Врубель, и тема современности — тема врубелизма[1]. Это мне показалось еще, помните, во время прогулки у Блока[2] и не оставляет до сих пор. Даже пейзажи (которых Врубель не писал) я могу видеть не иначе как сквозь призму Врубеля. Я представляю себе совершенно новую манеру писать пейзажи, которая относилась бы к Левитану[3] как идея к понятию, т.е. гораздо более *реальную*, если предположить, что Левитан абстрактен в своей музыкальности. И это будет Врубелевский пейзаж. Врубель дионисичен, но трагизм его совершенно особенный, не легкий (Гелиад[4], Орфея[5], вообще античный), но страшно серьезный, как мрак и тишина перед грозой, нарастающего напряжения и ожидания, я бы сказал пересыщенного напряжения, когда упавшая пылинка может произвести трагический разряд... Все это мое описание однобоко и не исчерпывает Врубеля — но ведь Вы его сами знаете, — и моя цель только показать, что Врубель не тупик, как Вы однажды заметили[6], ибо ничто трагичное не тупик. Замечу еще, что Врубель апокалиптичен. Далее если лозунг — Врубель, то Вы понимаете, в каком отношении к этой общей теме будет находиться тема спиритизма и господина Чорта. Спиритизм в некотором роде — sit venia verbo* — насморк Врубелевской темы.

Я лежал грустный и избитый и читал рассказы Сологуба[7], упиваясь его боттичеллиевской нежностью и грустью. У Сологуба есть общее с Чеховым[8]. К тому же он изумительно русский писатель[9], до того, что Эм<илий> Карл<ович> рискует его не понять. Итак, я читал Сологуба и был настроен грустно и радостно, примиренно-язычески, — когда пришло известие о рождении Царевича Алексея[10]!! И вот уже три дня, как я в восторге и счастлив до слез. Счастлив не прочно, но как веяние. И почув-

* С позволения сказать (*лат.*).

ствовал, что и Вы, вероятно, счастливы, и захотел сообщиться с Вами. Кто мог думать, что его назовут Алексеем! И как могли назвать его иначе? Какой бы ужас, если бы Александр или подобное! Я горжусь, что ношу то же имя, и плачу от радости, что его зовут Алексеем. Но кем же он будет если 1) его зовут Алексеем, 2) он сын Николая (II), 3) его так мучительно ждали (4 дочери и аборт), 4) он родился в такое время, 5) было только 2 Алексея — царь и царевич и оба значительные мистически — отец и сын Петра I, 6) он рожден по молитве Серафиму и после открытия его мощей — *через год*, 7) предсказанный Дивеевской блаженной. Теперь после исполнения обещаний должны посыпаться милости на Саров и Дивеев; я жду, что Дивеев сделают Лаврой. А дальше... «Главный врач — саровские мощи». Когда Сережа это рассказал, я вздрогнул, почувствовав, что теперь снова пришел черед Саровской мистерии. Рождение Царевича только утвердило. Опять и с новой силой я охвачен темой конца.

У Вас будет, а может быть, и есть, Блок[11]. Мой поклон ему. Серг<ей> Алексеевич говорил, что Блок прилежно готовит сборник[12] и хочет озаглавить (по одному из 6 отделов) «стихи о Прекрасной Даме»[13]. Что скажете. По-моему, не особенно удачно. Рождается впечатление: «стихи о...», «стихи на тему о...», «упражнения в стихах на тему о...». Одним словом, «de la littérature au sujet de» *... Слишком пахнет литературой. Мне пришло в голову другое заглавие очень аппетитное, например «Lumen coeli» — а можно было бы затем выставить как эпиграф к первому отделу «Lumen coeli, Sancta Rosa»[14]. Это было бы не хуже, чем Urbi et orbi[15]. Впрочем, согласен, что это несколько напыщенно и больше шло бы к какому-нибудь будущему сборнику Сережи[16], чем Блока. Если Вам не покажется безвкусицей, сообщите Блоку, или лучше ничего не говорите, если найдете, что это заглавие глупо, с чем я с радостью соглашусь, ибо имею даже готовые доводы в пользу этого мнения. Как знаете.

Надеюсь через неделю ехать говеть и причащаться в Зосимову пустынь[17], где давно не был, и думаю пробыть с неделю там, отдохнуть и набраться целомудрия. Знаете ли Вы какое это пиршество духа прожить неделю одному в монастырской гостинице (обычно пустой) и каждый день ходить к утрене (в 3 ч. ночи), к обедне (о счастье!) и к вечерне. Обедать и ужинать в братской

---

* Литература на тему о (*фр.*).

трапезе. Пить чай у игумена и знакомых иеромонахов. Атмосфера изумительной чистоты и целомудрия. После «Нового Пути»[18] это производит впечатления купанья в свежей прозрачной и холодной воде, водного утешения. Главное — целомудрия. Без этой атмосферы страшно устаешь душой, пресыщаешься. Печковский это знает. Отсутствие целомудрия в религиозных писаниях «Нового Пути» делает его для меня чужим, а временами прямо нестерпимым[19], ибо делает мутными все источники знания и видения. С другой стороны, необычайное целомудрие духа «исторической церкви» делает то, что только одна она, имея чистые глаза, может видеть ясно в мистическом, и куда бы я ни ушел, я никогда не оторвусь от нее и не разорву с ней, ибо из земного и человеческого я больше всего люблю целомудрие, каков бы ни был сам.

До свидания. Поклон Александре Дмитриевне. Будьте счастливы.

Любящий Вас
А. Петровский

P.S. Все это письмо написано полубессознательно, хотя не спиритически. Мне любопытно знать, не ответит ли оно Вам на что-нибудь. Надеюсь скоро увидеться. Буду в Москве около 15-го.

[1] Ср. письмо Петровского к Э. К. Метнеру от 29 июля 1904 г.: «Лозунг современности (лета, осени, жду что и зимы) для меня теперь Врубель» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 27). Подразумевается прежде всего «демоническая» или «диоинисическая» (по Ницпе) тема в творчестве Михаила Александровича Врубеля (1856—1910). «Метнер, читая мои стихи того времени <1901—1903 гг. — *Дж. М.*>, предупреждал об опасности, о ядовитости темы моей: "Этот яд врубелизма вас губит!" — он вскрикивал в письмах» (*Начало века*. С. 284). В подверженности «врубелизму» Белый признавался в письмах к Метнеру. В письме от 17 ноября 1902 г. он, после посещения выставки «Мира искусства», сообщал: «...колоссальная выставка!.. Впервые я увидел Врубеля, полно представленного ("*Сирень*", "*Фауст*", "Демон" и др.). Это в буквальном смысле гигант; впечатление от его картин — подавляющее; <...> А. Бенуа мне говорил, что *теперь*, по его мнению, выше Врубеля нет никого» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 2). 28 мая 1904 г. Метнер писал Белому: «Два слова о "*Золоте в Лазури*". Сколько там грехов против... или нет, лучше так скажу: погружаясь в Вашу книгу, я местами испытываю двойственное ощущение наслаждения и досады. Дело в том, что не все можно покрывать красками и позолотой. Берегитесь врублевской линии» (РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 39).

[2] Ср. «Воспоминания о Блоке»: «...мы <с Петровским. — *Дж. М.*>, помнится, поговорили о Врубеле, о роскошестве красок пылающей шахматовской природы» (*О Блоке*. С. 100).

[3] Белый сам особенно любил пейзажи Исаака Ильича Левитана (1860—1900). «Мне было без пояснения ясно, что Маковские, Клеверы, — никуда не годная дрянь, а Левитан, Врубель, Нестеров, прерафаэлиты — подлинное искусство» (*На рубеже двух столетий*. С. 339).

[4] Гелиады — в греческой мифологии дочери и сыновья бога солнца Гелиоса.

[5] «Песня живет; песней живут; ее переживают; переживание — Орфей: образ, вызываемый песней, тень Эвредики — нет, сама Эвредика воскресающая. Когда играл Орфей, плясали камни. Мифология в образе Орфея наделила музыку силой, приводящей в движение косность материи. Песня — действительный мир, преображенный музыкой, и воображаемый мир, ставший Евою, в ней же» (*Белый Андрей.* Песнь жизни (1907) // Арабески. М., 1911. С. 58).

[6] По-видимому, Петровский вспоминает «споры об Ибсене, Беклине, Врубеле, "*Мире Искусства*", Маттерлинке <так!> — с Зографами, с Богоявленским, с Петровским» (декабрь 1899, *РД*).

[7] Сборник рассказов Федора Сологуба (Федора Кузьмича Тетерникова; 1863—1927) «Жало Смерти» вышел в свет в июле 1904 г. (М.: Скорпион). Белый познакомился с Сологубом в январе 1905 г. О нем см.: *Начало века.* С. 483—491.

[8] «Умирает Чехов; я пишу спешно для "*Весов*" статью "*О Чехове*". Когда его хоронят в Новодевичьем Монастыре, то посещаю его могилку» (июль 1904 г., *МБ*). См.: *Белый Андрей.* Чехов // Весы. 1904. № 8. С. 1—9; перепечатана в сборнике статей Белого «Луг зеленый» (М., 1910. С. 122—133). Там, в частности, Белый писал: «Наступит пора, и критика глубже оценит истинный характер Чеховского пессимизма. Читая изящно-легкие, всегда музыкальные, прозрачные и грустные произведения его, будут переноситься в тот уголок сердца, где уже нет ни горя, ни радости, а только Вечный Покой» (С. 132). В статье «Ф. Сологуб» Белый писал: «В Чехове начался, в Сологубе заканчивается реализм нашей литературы» (Луг зеленый. С. 153).

[9] В рецензии на «Жало Смерти» В. И. Иванов восхитился сборником: «Книга рассказов Ф. Сологуба, русская по обаятельной прелести и живой силе языка, зачерпнутого из глубин стихии народной, русская по вещему проникновению в душу родной природы, — кажется французскою книгой по ее, новой у нас, утонченности...» (Рассказы Тайновидца. Ф. Сологуб. Жало Смерти // Весы. 1904. № 8. С. 47).

[10] Наследник престола цесаревич Алексей родился 30 июня 1904 г.

[11] При отъезде Белого и Петровского из Шахматова Блок обещал приехать вскоре к Белому в деревню. Однако 25 июля он писал Белому: «Знаешь, я, может быть, не приеду к Тебе в "Серебряный Колодезь", а приду в Москве» (*Белый — Блок.* С. 170).

[12] Соколов С. А. (псевдоним: Сергей Кречетов; 1878—1936) — поэт, владелец издательства «Гриф», редактор журнала «Перевал». Юрист по профессии, в начале 1900-х годов занимался адвокатурой, с 1904 г. — гласный Московского губернского земства. 21 июля 1904 г. Соколов писал Блоку: «Готовите ли Вы к печати сборник? Имейте в виду, что он намечен первым осенним изданием "Грифа"» (*ЛН. Т. 92, кн. 1.* С. 536). 25 июля Блок писал Белому: «...я получил письмо от С. А. Соколова и вижу, что *должен* заняться изданием сборника в "Грифе"» (*Белый — Блок.* С. 170).

[13] Заглавие «Стихи о Прекрасной Даме» впервые появилось в публикации цикла из 10 стихотворений в третьем альманахе издательства «Скорпион» «Северные цветы» (М., 1903); оно было дано В. Я. Брюсовым. Сборник стихов под этим названием был выпущен в свет московским издательством «Гриф» в октябре 1904 г. В нем — три отдела под заглавиями «Неподвижность»; «Перекрестки»; «Ущерб».

[14] Эпиграфы к первому отделу («Неподвижность») «Стихов о Прекрасной Даме» взяты из стихотворений В. С. Соловьева («На Сайме зимой») и В. Я. Брюсова («К близкой»). В первом сборнике стихов Белого «Золото в лазури», вышедшем в марте 1904 г., есть стихотворение под заглавием «Lumen coeli — Sancta Rosa» (*лат.*: «Свет небес, Святая Роза»); оно взято из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829) и является обращением к Деве Марии.

[15] Имеется в виду заглавие четвертой книги стихов В. Я. Брюсова «Urbi et orbi» (*лат.*: «Городу (Риму) и миру»), одна из формул благословения папы римского. Сборник стихов 1900—1903 гг. был выпущен в свет издательством «Скорпион» в октябре 1903 г.

[16] Первый сборник стихов С. М. Соловьева вышел в свет в 1907 г. под заглавием «Цветы и ладан».

[17] Под Москвой известны две Зосимовы пустыни — женская Троице-Одигитриевская в Нарофоминском районе возле ст. Бекасово Киевской ж.д. и мужская Смоленская недалеко от ст. Арсаки Ярославской ж.д. Вероятнее, имеется в виду вторая, расположенная сравнительно недалеко от Сергиева Посада.

[18] Речь идет о журнале «Новый Путь», выходившем в Петербурге в 1903—1904 гг. Гиппиус и Мережковский были его идейными руководителями. Белый опубликовал в «Новом пути» четыре статьи: «По поводу книги Д. С. Мережковского "Лев Толстой и Достоевский" (Отрывок из письма)» (1903. № 1; подпись: Студент-естественник); «О теургии» (1903. № 9); «Поэзия Валерия Брюсова» (1904. № 7); «О целесообразности» (1904. № 9). Подробно см.: *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 179—233.

[19] П. А. Флоренский разделял мнение Петровского о «Новом Пути» и хотел издавать новый «журнал — нечто вроде органа "ордена". Журнал должен быть посвящен вопросам религии <...> "Нов<ый> Путь" во многом не удовлетворяет; редакция боится серьезности, недостаточно обдумала, что она, собственно, хочет говорить» (письмо Белому от 21 мая 1904 г.; *Флоренский и символисты*. С. 453—454).

25. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Серебряный Колодезь 10 августа. 1904 г.

Серебр<яный> Колодезь. 10 августа

Дорогой Алексей Сергеевич,

Мне приятно, что мы совпали относительно царевича Алексея. Вот — царевич. Не он ли? И конечно Алексей, а если Алексей, то капут Иванам. Отныне он должен быть написан на белом знамени. Характерно его рождение в эти судорожные дни. Кстати: что Вы скажете о разгроме эскадр[1]? Мне это представляется эквивалентным взятию Порт-Артура, который в конце концов взят будет[2], *и должен быть взят.* Смотрите: пока не было разряда, *наследник не мог родиться.* Степень освобожденности от дымки сказалась в рождении. Потом: почему вы упомянули о Сарове? Это характерно. Знаете ли: на другой день после нашего пребывания у Сережи, в день моего отъезда я случайно зашел в церковь: оказалось, что это был день Серафима[3], а церковь, куда я заходил, почему-то особенно поминала Серафима. Его большой образ, убранный цветами, лежал на аналое. И тогда я понял, что

приближается, опять приближается *серафимовское веяние*. Накануне, когда мне было так трудно, и не мне только было трудно, вечером вдруг зазвонили. И этот звон меня *вынес над ужасом*. Я и не подумал, что это звон *о Серафиме*. Теперь с мамой едем в Саров от 15-го до 23-го[4].

У меня параллельно два ряда настроений, два ряда совместных переживаний: с одной стороны, я становлюсь сериозно спокойным[5], немного *хмурым* (хмурые люди) и веским, все логическое и трезвое необыкновенно меня привлекает. Читая рассуждения Геффдинга[6] о том, что всякая религия есть лишь проблема о сохранении ценностей, мне хочется радоваться и соглашаться с ним, хочется быть совершенно беспощадным ко всякой теологии, ко всякому догматизму, но внутри под этим «*безумие*» все растет, уходит в глубину, так что его совсем и не видно с поверхности: там «*одно, навек одно*»[7], и опять настойчивый шелест облетающих листьев:

«*Конец уже близок: нежданное близится снова*»[8].

Всякий раз, когда созревают колосья, мне хочется думать, что «*золотое время закатывается*», а к августу вспоминается Владимир Соловьев[9]. Вот о Владимире Соловьеве мы, пожалуй, разойдемся, потому что он мне начинает казаться прозорливцем[10]. И знаете ли: теперь я вдумался в то, что Вы называете «*темой Врубеля*», и мне кажется, что Соловьев весь пропитан врубелизмом. Нужно только, вспоминая о теме Врубеля, отвлечься от самого Врубеля, ибо «*тема его*» в нем не *всесторонне* проявилась: тут мы имеем производное выражение той же темы, которая была в *Шахматове*, когда мы гуляли вчетвером и ловили кувшинки[11]: теперь я согласен с Вами. Но тогда, когда еще не вдумался в *то*, что Вы называете Врубелизмом (я думал — только картины Врубеля), мне не хотелось соглашаться, потому что я очень реально и сильно пережил *другое* выражение ее, которое оканчивается завитком, нахальным росчерком, портящим первоначально величественную подпись — спиритическим насморком. Но вникните: Вл. Соловьев, поэзия Блока, сам Блок (ужаснувшийся: я получил от него отчаянное письмо, доказывающее, что он таки временно (?) «*провалился*» — письмо, на которое я постарался ему ответить со всей энергией, на какую способен)[12] — все это опять-таки связано с темой Врубеля:

«Вновь Хаос к нам пришел
И воцарился в мире:
Сорвался разум мировой

И миллионы лет в эфире,
Окутанном туманной мглой»[13] —

когда все это происходит, во внешнем «*густая*» тишина:

«Как будто душа о желанном просила
И сделали ей незаслуженно больно,
И сердце простило, но сердце застыло
И плачет, и плачет, и плачет невольно»[14].

Это в час, когда:

«Суровые ели
Застыли вдали без движенья,
Пустыня без цели
И путь без стремленья»[15]...

Но ветер: «дерева пробужденные
Вдруг прошумят и застынут опять»[16]...

И вот тогда-то встает согбенная фигура и морщинистое лицо* Вл. Соловьева, собирающего грибы, между «*елей*». И бежит, бежишь прямо к нему, а он, обивая платком пыль с неуклюжих и довольно грязных сапог: «Хе-Хе[17]!.. Историческая драма сыграна». «Кто в самом деле уразумел, что старого нет больше и не помянется, что прежняя история взаправду кончилась, хотя и продолжается в силу косности какая-то игра марионеток на исторической сцене» (почти предсмертные слова его)[18]. А на другой день — жара, дымка, гарь, тягота, врубелизм во всем, а в открытом окне согбенный лик Вл. Соловьева, нагнувшегося над рукописью «*Теоретической философии*»[19]. Сидит, скрипит пером, сомневается даже и там, где Спиноза и Кант не усумнились.

Право же, я понимаю культ Соловьева.

То, что было у Блоков, я тоже никогда не забуду[20] — *принимаю, и решаюсь понимать.*

Прощайте, дорогой Алексей Сергеевич. Надеюсь, скоро увидимся в Москве.

Остаюсь любящий Вас и преданный

Борис Бугаев

P.S. Блок не был у меня.

Почт. шт.: Ефремов. 12.1904.VIII; Москва.13.8.04. Отправлено по адресу: *Москва.* Садовая. Большой Спасский переулок, д<ом> Дурдиной (где Земельный Банк), кв. № 3.

* *Первоначально*: «согбенное, морщинистое лицо»; *затем Белый надписал* «фигура и», *но забыл переменить «согбенное» на «согбенная»*.

[1] В письме к П. А. Флоренскому от 12 августа 1904 г. Белый сообщал: «Только что недавно получил письмо от Алексея Сергеевича и по нему увидел, что мы тоже значительно совпадаем. Оба страшно обрадовались рождению царевича Алексея, можно ли было дать иное название ему, родившемуся в столь смутное время. Радуюсь войне: чем хуже, тем лучше. Заметьте, что разгром одних эскадр и рождение наследника совпали: последняя дымка, скопившаяся до войны, теперь разрядилась, и от этого наследник мог родиться: прежде дымка ему мешала» (*Флоренский и символисты*. С. 465). Разгром русской эскадры произошел 29 июля 1904 г. под Порт-Артуром.

[2] 20 декабря 1904 г., после осады 148 дней, военно-морская крепость Порт-Артур была сдана японскому противнику.

[3] 19 июля — праздник обретения мощей преп. Серафима, Саровского чудотворца (1903 г.)

[4] «Я думаю выехать из деревни 20-го августа и затем с мамой поехать в Саров» (письмо Белого к П. А. Флоренскому от 12 августа; *Флоренский и символисты*. С. 466); «...в конце месяца с мамой едем в Саров; скорей тяжелые впечатления от Сарова, где дочитываю "Филос<офию> рел<игии>" Гефдинга; летучая встреча с Метнером в Нижнем» (август 1904 г., *РД*). 30 августа Белый вернулся в Москву. Белый подробно вспоминает о поездке в Саров в *МБ*: «В начале этого месяца <сентября по новому стилю. — *Дж. М.*> мы с мамой едем в Саров через Нижний и Арзамас; в дороге начинаются холода; между Нижним и Арзамасом мы встречаем старенького священника; мама берет его с нами в коляску (от Арзамаса до Сарова верст 60 на лошадях); всю дорогу он странно кутается в плед (с головой); в дороге маме начинает казаться, что он страшно походит лицом на Серафима. По приезде в Саров священник, поблагодарив маму, скрылся в толпе богомольцев; Саров производит на меня странное, почти тягостное впечатление; всю первую ночь в Сарове я прочитал "Философию религии" Геффдинга; и мне казалось, что впечатление от книги Геффдинга превысило настроение от обители; очень мне не понравились монахи; на другой день мы отправились к источнику св. Серафима, мама там выкупалась; меня поразили больные, бесноватые, в большом количестве встречавшиеся по дороге к источнику; после мы к вечеру уже поехали в Дивеево; Дивеево, наоборот, произвело на меня сильнейшее впечатление; особенно отметил отсутствие стены у обители и канавка, вырытая Серафимом, обсаженная цветами; вечером у нас в номере сидела сестра А. С. Петровского, Елена Сергеевна, монашка со своею подругой; обе нам чрезвычайно понравились. На следующий день мы вернулись в Арзамас, откуда, переночевав, поехали в Нижний; день провели с Метнером; и вернулись в Москву. Поездка в Саров не оставила слишком глубокого впечатления» (сентябрь 1904 г., *МБ*). См. также «Воспоминания о Блоке» (*О Блоке*. С. 104).

[5] Имеются в виду отношения с Н. И. Петровской.

[6] Речь идет о «Философии религии» (1901; русский перевод: СПб, 1903) датского философа и историка философии Харальда Гёффдинга (1843–1931) (см. примеч. 4). Поворот от теургического к теоретико-познавательному символизму сопровождался изменениями в чтении Белого. В Серебряном Колодезе в мае 1904 г. «принимаюсь усиленно штудировать Канта, Вундта; читаю "Очерки психологии" Гефдинга, "*Многообр<азие> рел<игиозного> опыта*" Джемса и "Историю новейшей философии" Гефдинга же» (*РД*). Ср. *МБ* об июне 1904 г.: «...я штудирую различные психологии; возвращаюсь к "*Основаниям физиологической психологии*" Вундта, перечитывая "Психологию" Джемса; читаю Липпса и натыкаюсь на "*Психологию*" Геффдинга, которая мне особенно нравится; Геффдинг становится одним из моих любимейших психо-

логов; проблемами психологии я занимаюсь весь июнь, июль, август (в Серебряном Колодце, в Москве, в Шахматове)». Сохраняем разнобой в написании фамилии Геффдинга.

[7] «Одно, навек одно! Пускай в уснувшем храме...» — начало стихотворения В. С. Соловьева «Знамение» (1898).

[8] Неточно цитируется заключительная строка стихотворения В. С. Соловьева «Сон наяву» (1895): «Конец уже близок, нежданное сбудется скоро». Ср. в четвертой части «Симфонии (2-й, драматической)» Белого: «Перед *видевшим* распахнул шубу Владимир Соловьев, показал себя и крикнул с извозчика: "Конец уже близок: желанное сбудется скоро"» (*Белый Андрей*. Симфонии. Л., 1991. С. 169). Там же: «И разве вы не видите, что *близко*... <...> Что нежданное близится...» (С. 192).

[9] Соловьев скончался вечером 31 июля 1901 г.

[10] Ср. письмо Белого к П. А. Флоренскому от 12 августа 1904 г.: «Иной раз мне кажется, что Соловьев — посланник Божий не в переносном, а в буквальном смысле, а если и не все соответствует в нем тому представлению о посланнике свыше, которое требует от такого посланника легкости и усмиренности (это против Ал<ексея> Сергеевича), то ведь понятие о легкости воззрений чисто догматическое: многое в Соловьеве заставляет признать истинного пророка *вопреки всему*. Часто я внутренне бунтую против соловьевства и потом снова и снова проникаюсь его духом. <...> Если бы Достоевский обладал той степенью прозорливости, как Вл. Соловьев, то вместо "*Братьев Карамазовых*" мы имели бы "*Апокалипсис*"» (*Флоренский и символисты*. С. 465–466).

[11] Ср. «Воспоминания о Блоке»: «...виделась издали освещенная комната с белым букетом кувшинок; собрали их с пруда, который — под церковью; помню: А<лексей> С<ергеевич> был охвачен усердием раздобыть для Л<юбови> Д<митриевны> попышнее кувшинку; она же "*прекрасною дамой*" стояла у пруда, склонивши головку и положив на плечо белый зонт кружевной; А. С., рыцарь, под взглядами "*дамы*" залез по колено в студеную воду; букет вышел пышный» (*О Блоке*. С. 100).

[12] Белый имеет в виду письмо Блока от 25 июля 1904 г.: «Я ничего не могу сказать о настоящем. Ничего не было чернее его. Ничего не вижу, перед глазами протянута цепь, вся в узлах. <...> что-то тяжкое, хмурое, смрадное идет от меня <...> Ты мог заметить это в Шахматове» (*Белый — Блок*. С. 170). Ср. «Воспоминания о Блоке»: «После нашего разговора с А. А. на лугу передал я Петровскому часть разговора; А. С. удивился: — "Да неужели А. А. — провалился: сгорел!" И — отмахнувшись от слов, мы решили бороться с унынием, с "*духом печали*" в А. А.» (*О Блоке*. С. 100). Ответное письмо Белого см.: *Белый — Блок*. С. 171–172. Об этом письме Блока Белый упомянул в «Воспоминаниях о Блоке»: «...А. А. писал редко; и я писал редко ему; мне запомнилось прочно одно лишь письмо; в нем звучала глубокая грусть» (*О Блоке*. С. 102).

[13] Неточно цитируется стихотворение К. Д. Бальмонта «Злая ночь» в сборнике «Только любовь» (1903). В оригинале:

Вновь Хаос к нам пришел и воцарился в мире,
Сорвался разум мировой,
И миллионы лет в Эфире,
Окутанном угрюмой мглой...

В статье «Бальмонт» (1908, 1911) Белый обыгрывает эту цитату, отмечая: «Да, но вместе с мировым разумом сорвался разум Бальмонта, и нет уже мудрости в нем осязать действительность» (Луг зеленый. М., 1910. С. 214).

[14] Заключительная строфа стихотворения «Безглагольность» К. Д. Бальмонта в сб. «Только любовь». Это стихотворение принадлежало к числу наиболее ценимых

Белым. То же четверостишие из него Белый приводит в письме к Брюсову от августа 1904 г. (Литературное наследство. М., 1976. Т. 85 (Валерий Брюсов). С. 377) и в *Начале века*. С. 249.

[15] Неточная цитата из стихотворения В. С. Соловьева «Сон наяву». В оригинале первые две строки читаются: «Печальные ели / Темнеют вдали без движенья». 12 августа 1904 г. Белый пишет П. А. Флоренскому: «Стоят "*душные, знойные дни*", и опять, и опять хватаюсь за Владимира Соловьева и весь бываю объят чувством конца» — и затем цитирует эти строки (*Флоренский и символисты*. С. 465).

[16] Неточно цитируется последняя строка стихотворения В. С. Соловьева «Что этой ночью с тобой совершилося?..» (1894): «Вдруг прошумят и замолкнут опять».

[17] «Соловьев же прятал все наиболее глубокое в себе, высказывая это в парадоксах и сопровождая своим характерным смешком "*Хе-Хе*". Смешок этот так и застыл на портретах его, заставляя подчас — и совершенно напрасно — видеть в Соловьеве нечто демоническое. Но *демонизма как страсти* в нем нет, нет и нет» (письмо Белого к П. А. Флоренскому от 12 августа 1904 г. // *Флоренский и символисты*. С. 466). Ср.: «Бессильный ребенок, обросший львиными космами, лукавый чорт, смущающий беседу своим убийственным смешком: "Хе-хе", и — заря, заря!» (*Белый Андрей*. Владимир Соловьев. Из воспоминаний // Арабески. М., 1911. С. 389).

[18] Цитаты из письма в редакцию «По поводу последних событий» (1 июля 1900 г.) В. С. Соловьева, опубликованного посмертно в журнале «Вестник Европы» (1900. Сентябрь. С. 306, 304). Оно перепечатано в восьмом томе его собрания сочинений (1903). С. 586, 585.

[19] Три статьи «Теоретической философии» (I. Первое начало теоретической философии; II. Достоверность разума; III. Форма разумности и разум истины) впервые были напечатаны в трех отдельных выпусках журнала «Вопросы философии и психологии» в 1897—1899 гг. Перепечатаны в восьмом томе первого собрания сочинений Соловьева (С. 148—221). Ср. письмо Белого к П. А. Флоренскому от 12 августа 1904 г.: «Его "*Теоретическая философия*" (том VII) <так!> и стихи прямо гениальны, особенно: "*Три свидания*", "*У царицы моей...*", все о "*Сайме*", "*Обида*", "*Море*" и т.д.» (*Флоренский и символисты*. С. 466).

[20] До поездки в Шахматово в июле 1904 г.: «В июне со мной происходит странное событие: как-то в полях вдруг мысленно увидел два прекрасных, лазурных глаза, глянувших мне в душу с любовью; я — потрясен, я — почти влюблен в глаза; я спрашиваю себя: "Чьи они? Я их где-то уж видел..." И вдруг — мне ясно: это — глаза Л. Д. Блок; я — смущен: я —ничего не понимаю. Так глубокая любовь, которая вскоре вспыхнула у меня к Л. Д., предощутилась в июне, когда я, не думая нисколько о ней, увидел ее глаза» (*МБ*). О самой поездке Белый так писал в *МБ*: «Пребывание у Блоков мною описано подробно в I-м томе "*Начало Века*" <имеется в виду «берлинская» редакция этих воспоминаний. — *Дж. М.*>. Я прибавлю к этому описанию лишь то, что по условиям времени мне пришлось скрыть; мы все трое: я <так; должно быть: С. М. Соловьев. — *Дж. М.*>, А. С. Петровский, я — по уши влюбились в Л. Д. Блок, но не осознали этого чувства в себе; С. М. Соловьев теоретизировал и догматизировал, А. С. Петровский удивлялся каждому жесту Л. Д., а я — я действительно глубже прочих переживал душевный мир Л. Д. Это пребывание для меня — "*заря*" большой любви к Л. Д., осознаваемой мучительно весь 1904 и 1905 год. <...> По-моему, Л. Д. Блок отчаянно кокетничала с нами, заставляя переживать нас недоумение относительно жестов своих: не то они — выражение ее "*космической*", "*вселенской*" сущности, не то они — легкомысленная игра с нами; она буквально играла роль "*Прекрасной Дамы*", этим вгоняя нас в роль

рыцарей ее. Как бы то ни было, мы все переживали какое-то озарение в Шахматове; для меня оно было тем значительнее, что теперь я уже не мог длить своих прежних отношений с *Н. И.* <Петровской. — *Дж. М.*>; я как бы дал обет прервать с ней *все,* и Л. Д. намеком мне дала понять, что она этот обет принимает; так я стал действительно рыцарем Л. Д.; она стала для меня символом стремления к чистоте; но эта чистота была лишь "*зарей*" огромной, восходящей любви, долженствующей в будущем стать страстью; С. М. Соловьев переживал ее Теократией, символом Женского Первосвященства» (июль 1904 г.). «Август я провожу в озарении воспоминания о Л. Д.; <...> в полях снова я созерцаю *зори,* но эти зори мне говорят исключительно о Л. Д.» (*МБ*).

26. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Сергиев Посад. 9 ноября 1904 г.

М<осковская> Д<уховная> А<кадемия>. 9 ноября 1904.

Многоуважаемый Борис Николаевич,

Получил Ваше письмо[1] и признаю как его необходимость (я жду его почти полгода), так и Ваше право писать подобные письма.

На многое я должен ответить. Прежде всего: относительно себя я не обманывался никогда и Вас никогда не обманывал. Но неправда, что у меня нет своего знания в глубине. То знание, безусловно свое (потому что у Вас его тогда не было), которым единственно я держусь, знание о Христе, я получил на втором курсе Университета. Моя вина, если я его зарыл в землю и не развил, но оно всегда при мне и не может покинуть: прошлое (такое) не изглаждается.

Действительно, я мучаюсь неспособностью зацвести своими силами. Эта неспособность постоянно бывает для меня источником апатии, неврастении и пр. Жду и ищу помощи у Бога и людей. Хватаюсь за каждую тень людского доверия, видя в нем творческое, теургическое начало, помощь и залог своего расцвета. Всегда останусь благодарным Вам за то доверие, которым пользовался. Верю и знаю, что расцвету. Имею и знамения.

Знаю, что я сам по себе ничто, но имею залог св. Духа, залог расцвета и освящения во Христе.

Весь Ваш

А. Петровский

[1] Письмо нам неизвестно.

27. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Москва. 12 ноября 1904 г.

Многоуважаемый и дорогой Алексей Сергеевич!
простите меня за письмо. Я не знаю, что его вызвало. Но оно во многом *несправедливое*. Вы поймете, где и в чем. Но что написал — написал[1]: не выжжешь. Еще раз простите мне мою надорванность[2].

Остаюсь глубоколюбящий Вас

Борис Бугаев

Открытое письмо. Почт. шт.: Москва. 12 ноябрь. 04; Сергиевский Посад. 13.11.04.

[1] Евангельская цитата: Иоанн, гл. 19, 22.

[2] Состояние «надорванности» было вызвано конфликтом Белого с В. Я. Брюсовым, который обострился осенью 1904 г.: «...пока я переживаю состояние человека, выбарахтывающегося из тьмы, его обступившей. <...> С. М. Соловьев говорит мне: "Ужасно, душно в воздухе — наваждение!" <...> Я начинаю ощущать своего "*темного двойника*"» (октябрь—ноябрь 1904 г., *МБ*).

28. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Москва. 29 марта 1905 г.

Дорогой Алексей Сергеевич,
ужасно просим Вас и Павла Алекс<андровича>[1] в четверг вечером к Рачинским в 8 часов[2]. Если можно, захватите Тареева[3], потому что желательно участие кого-либо из проф<ессоров> Д<уховной> А<кадемии>. Ждем. Мой привет и уважение Павлу Александровичу.

Остаюсь готовый к услугам и любящий Вас

Б. Бугаев

Открытое письмо. Почт. шт.: Москва. 29 март 1905; Сергиевский Посад. 30.3.05.

[1] Флоренский П. А. (1882—1937) — священник, богослов, философ, искусствовед, математик. В это время соученик Петровского по Московской духовной академии. Они вместе перевели книгу Р. Зома «Церковный строй в первые века христианства» (М., 1906). Переписка Флоренского с Петровским и с Белым опубликована: *Флоренский и символисты*. Ср. *МБ* о сентябре 1904 г.: «он <Петровский> жил в одной комнате с Флоренским, с которым очень дружил в это время; молодые академики очень часто приезжали из Лавры в Москву; переселение Петровского в Лавру не нарушило наших встреч; мы с ним постоянно встречались».

[2] «В это время организуется Московское религиозно-философское О<бщест>во» (май 1905 г., *МБ*). В письме к Э. К. Метнеру от начала июня 1905 г. Белый сообщал: «Потом грянуло на меня множество дел, хлопоты по устройству разных собра-

ний небольших кружков, хлопоты по учреждаемому обществу в память Вл. Соловьева» (РГБ. Ф. 167. Карт.1. Ед. хр. 45). Первые заседания Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева начались осенью 1905 г. Рачинский состоял его председателем.

[3] Тареев Михаил Михайлович (1867—1934) — профессор Московской духовной академии по кафедре нравственного богословия. Автор кн. «Жизнь и учение Христа» (Сергиев Посад, 1903) и др. Его основной труд: Основы христианства. Система религиозной мысли. 2-е изд. Сергиев Посад, 1908. Т. 1 — Христос; Т. 2 — Евангелие; Т. 3 — Христианское мировоззрение; Т. 4 — Христианская свобода. Пятый (дополнительный) том вышел в 1910 г. В четвертом томе он резко критиковал взгляды В. С. Соловьева (см.: *Лосев А.* Владимир Соловьев и его время. С. 460—466). В. Ф. Эрн назвал его «талантливейшим человеком» (*Взыскующие града*. С. 135). См. также: *Бродский А. И.* Михаил Тареев. СПб., 1994; *Голубцов Сергий.* Московская духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. М., 1999. С. 22—24.

29. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 7 июля 1905 г.

Сейчас уезжаю к Мюрату[1]. Мой адрес будет (до конца июля): М<осковско>-Курск<ая> ж. д. Ст. Ясенки, имение Плеханово. Серг<ею> Казимировичу Мюрату, для передачи мне. Когда поедете к себе — известите[2]. Желаю Вам всего лучшего.

Любящий Вас А. Петровский

Открытое письмо, отправленное на арбатский адрес Белого. Почт. шт.: Москва. 7.7.05.

[1] Мюрат С. К. — «потомок Мюрата <...> кузен П. И. д'Альгейма, учитель французского, — худой, культурный, протонченно вежливый невероятный чудак» (*Начало века*. С. 111). Он «с лицом наполеонского Мюрата, женившийся на Рукавишниковой (сестре И. С., покойного поэта), фыркал из шахмат с Петровским» (Там же. С. 444). Он вошел в коллегию лекторов (по французской литературе) «Дома песни» в Москве.

[2] Белый провел конец июня — начало июля 1905 г. в Москве. В Серебряный Колодезь он уехал после 11 июля.

30. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Сергиев Посад. 15 апреля 1906 г.

М<осковская> Д<уховная> А<кадемия> 1906 15/IV

Дорогой Борис Николаевич,

Не найдете ли возможным, если увидите Вяч<еслава> Иванова[1], спросить у него Ваш список книг о мистериях[2] и *на время*

прислать его мне. Мне он очень пригодился бы и именно теперь (впрочем, и позже), потому что мне нужно представить к маю профессору список книг, предлагаемых к выписке в библиотеку и необходимых мне для моего сочинения о связи христианской литургики с литургикой мистерий. Я в академии до 29 апр<еля>. Позже мой адрес: Владимировы[3] или Рачинск<ий>. Будьте здоровы.

Ваш А. Петровский

[1] Во второй половине апреля 1906 г. Белый поехал в Петербург, где остался до начала мая: «бываю только у них <Блоков. — *Дж. М.*> да у Вяч<еслава> Иванова; участвую во всех прениях на "Башне"; <...> Читаю статью "Феникс" у Иванова <...> "Среды" Иванова. <...> Участие в беседах на "Башне" Иванова» (апрель—май 1906 г., *РД*). Белый познакомился с поэтом, критиком, теоретиком символизма и филологом-классиком Вячеславом Ивановичем Ивановым (1866—1949) в апреле 1904 г.: «Встреча с Вячеславом Ивановым в Москве — всюду: проблема *дионисизма*; темы "религии страдающего бога"» (*РД*). О нем см.: *Начало века*. С. 344—361.

[2] Ср. *РД* о ноябре 1905 г.: «Частые посещения В. И. Иванова, только что переехавшего в Петербург; длинные беседы на темы "Дионис и Аполлон" с ним; беседы на тему *мистерия* в наших днях; я прошу у Иванова списочек научной новейшей литературы об элевзинских мистериях, потому что я только что прочел что-то о самофракийских мистериях и книгу Новосадского "Орфические гимны", но подход к теме мистерий меня не удовлетворяет; меня удивляет, что Иванов или не может мне дать искомого списка литературы, или не хочет». Чтение Белым литературы о древнегреческих мистериях продолжалось. В марте 1906 г.: «читаю книгу Louis Ménar<d>'а о Гермесе Трисмегисте; читаю Зелинского (классика), Вилламовица-Меллендорфа и перечитываю Ницше» (*РД*). См. комментарии Белого к статьям, включенным в его книгу «Символизм» (М., 1910). С. 521—523; он приводит список книг о мистериях на с. 551—552.

[3] В. В. Владимиров, его мать, Евдокия Ивановна (ум. в 1911 или 1912 г.), и его сестры, Анна Васильевна, певица, и Екатерина Васильевна, художница; постоянно бывали на «воскресеньях» Белого в 1900-е годы.

31. БЕЛЫЙ и В. В. ВЛАДИМИРОВ — ПЕТРОВСКОМУ

Мюнхен. 9/22 октября 1906 г.

München. 1906 22/X

Дорогой Алексей Сергеевич.

Мы с Бор<исом> Николаев<ичем> крайне поражены Вашим пребыванием в Гельсингфорсе[1]. — Жду письма с подробностями.

Жму руку.

В. Владимиров[2]

Дорогой Алексей Сергеевич!

Удивлен! Если Вы в Гельсингфорсе, то отчего Вам не быть в Мюнхене[3]? Приезжайте. Жизнь дешева, бездумна[4]. Здесь цветут розы и плещут струи фонтанов[5]. Приезжайте! Стоит *только* дорога; на 60 рублей в месяц можно жить с комфортом и удовольствиями. На 40 рублей прилично прожить. Привет, привет! Адрес: München. Barer Strasse. № 53 II l<inks>. Эм<илий> Карл<ович> будет в сер<едине> ноября[6]. Любящий Вас Б. Бугаев.

Открытка с адресом: Finland. Helsingfors. Hotel Kämp. An Herrn A. Petrovsky. Дата и адрес проставлены В. В. Владимировым. Почт. шт.: München. 23 Okt. 06.

[1] Петровский тяжело заболел в 1906 г. и, взяв отпуск в Духовной академии, уехал в Финляндию. Подробно см. вступительную статью. 20 октября 1906 г. он писал П. А. Флоренскому из Гельсингфорса: «Обстоятельства, о которых не стоит рассказывать, но во всяком случае не личного, а более общего свойства, привели меня в Финляндию, где мне придется пробыть по меньшей мере (думается) до Рождества, а мож<ет> быть, и до весны. Занимаюсь гносеологией и евр<ейским> языком» (*Флоренский и символисты*. С. 581). В письме к матери от 31 октября (н. ст.) 1906 г. Белый спрашивает: «Почему А. С. Петровский в Гельсингфорсе?» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358).

[2] В это время Владимиров учился в мюнхенской Академии художеств у проф. Гуго фон Габермана, одного из основателей «Сецессиона».

[3] Белый уехал из Москвы 20 сентября и приехал в баварскую столицу 21 сентября / 4 октября. «В Мюнхене отдыхаю после невероятного напряжения 7 месяцев; у меня завязывается здесь круг знакомств; в Мюнхене вижусь каждый день с В. В. Владимировым» (октябрь 1906 г., *МБ*). 30 ноября — 1 декабря Белый переехал оттуда в Париж, где остался до конца февраля (ст. ст.) 1907 г. О пребывании в Мюнхене см.: *Между двух революций*. С. 94—127.

[4] 23 сентября/5 октября Белый писал матери: «Я прекрасно устроился в Мюнхене. У меня спокойная, уютная комната, очень хорошо обставленная, уютная хозяйка. За комнату я плачу 30 марок. Есть даже газовое освещение (5 пфеннигов в час), но я устроился так, что у меня лампа. Чувствую себя в Мюнхене как дома. Ни разу во время путешествия не почувствовал себя в неловком положении, несмотря на плохое знание языка. <...> Мюнхен очень по мне: здесь все мне нравится; это скорее огромная зала, чем город. Погода теплая, прекрасная. Два дня с утра до вечера гулял с В. В. <...> все очень дешево. Жить можно дешево: думаю прожить здесь не менее 5-ти месяцев, а за это время работой скопить еще рублей 200—300. А ранней весной мы хотим с В. В. отправиться в Италию на месяц (ведя совершенно примитивный образ жизни) и вернуться чуть ли не пешком через Тироль. Мне бесконечно уютно и радостно с В. В.» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358). А 9/22 октября он ей же писал: «Погода стоит жаркая. Ослепительное небо, золотые каштаны, зеленые пирамидальные тополя. Перед Университетом плещут фонтаны и зацветают розы» (Там же).

[5] Ср. письмо Белого к матери от 1/14 октября: «Сейчас стоят голубые, теплые, совсем летние дни: белые троттуары, бледно-серое кружево стильных домов, плеск фонтанов и золотые, золотые деревья. Я так доволен, так бесконечно доволен, что уехал за границу: нервы мои отдыхают» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358). См. также письмо к М. К. Морозовой от 29 сентября/12 октября: «...сейчас лето, плеск фонтанов, голубое небо» (*Ваш рыцарь*. С. 80).

[6] 4/17 октября 1906 г. Э. К. Метнер писал Белому: «Вследствие того, что <...> Колин концерт откладывается до 4 ноября ст. стиля, мы будем в Мюнхене позднее, нежели предполагали» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 2). 9/22 октября Белый писал матери: «...когда Метнеры попадут в Мюнхен, передай им корреспонденцию мою, если таковая есть. Пришли с ними мне коробочку пряников мятных или вяземских. Мы с В. В. будем очень благодарны» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358). 26 октября/8 ноября Метнер сообщал Белому: «Мы будем в конце ноября в Мюнхене. Привет Владимирову» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2). Э. К. Метнер с женой, А. М. Метнер, и братом Н. К. Метнером приехали в Мюнхен 16/29 декабря 1906 г., уже после отъезда Белого. Они прожили там до июня 1907 г. См. комментарии З. А. Апетян в кн.: *Метнер Н. К.* Письма. М., 1973. С. 80.

32. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 1906—1907?

Борис Николаевич,

Вы вчера сказали барышне (с.-д.), беседовавшей с Вами об устройстве какого-то вечера, что программу и все необходимое для хлопот об этом вечере Вы передадите мне для передачи ей. Так как застать Вас теперь вероятно мудрено, то не будете ли Вы добры в свободную минуту приготовить пакет с этим «всем необходимым» и передать горничной. Я же зайду и возьму его. Мне кажется, что так поступить и удобнее и экономнее в смысле времени.

Ваш А. Петровский.

Датируется по отметке Петровского: «1906 1907?»

33. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 1908—1909?

Дорогой Борис Николаевич,

Д'Альгеймы[1] прислали мне билет на сегодняшний концерт, но я нездоров, сижу дома и идти не могу.

Не хотите ли им воспользоваться или кому-либо передать.

Ваш А. Петровский

Датируется по отметке Петровского: «1908—1909?»

[1] Камерная певица Мария Алексеевна (Мари) Оленина-д'Альгейм (1869—1970) и ее муж барон Пьер (Петр Иванович) д'Альгейм (1862—1922), французский писатель, критик, журналист. Белый познакомился с ними в доме Рачинских осенью 1902 г.: «Увлечение Олениной-д'Альгейм и знакомство с д'Альгеймами» (октябрь

1902 г., *РД*). Ср. *МБ* о сентябре—октябре 1902 г.: «В эти же месяцы происходит мое знакомство и начавшееся сближение с домом Рачинских, где я заражаюсь культом Олениной-д'Альгейм; я знакомлюсь у Рачинских с певицей и высказываю свои воззрения мужу певицы». В своих «Воспоминаниях» С. М. Соловьев пишет: «Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм пела романсы иностранных композиторов не в переводе, а всегда на языке автора: она пела больше всего по-немецки, иногда по-французски и даже по-английски, по-итальянски и даже по-польски. Публике предлагались программы с переводом на русский язык этих песен, и эти переводы всегда исполнял Рачинский. <...> Боря Бугаев и Алексей Сергеевич Петровский также были совершенно очарованы пением д'Альгейм» (С. 334). В 1908 г. д'Альгеймы основали в Москве «Дом Песни», ставший центром пропаганды новых идей в музыке. Белый принимал активное участие в его деятельности. В главке «Д'Альгейм» Белый в частности писал: «Роль четы д'Альгеймов <...> огромна; они двинули вперед музыкальную культуру Москвы; Оленина появилась, как помнится, в 1902 году; концерты ее длились до конца 1916 года» (*Начало века*. С. 425). См. также письмо Петровского к П. А. Флоренскому от 25 октября 1908 г. о возникновении «Дома Песни» и о роли Белого в нем (*Флоренский и символисты*. С. 586), а также: *Белый Андрей*. Певица // Мир искусства. 1902. № 11. С. 302—304.

34. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Боголюбы. 10 июля 1910 г.

Милый Алексей Сергеевич,

отчего молчите?[1] Видел в Москве Ник<олая> Петровича[2]: *знаю*[3]. Послал с Ник<олаем> Петр<овичем> письмо. Ну, Христос с Вами.

Привет Гр<игорию> Алексеевичу[4].

Проездом в Москве Вам надо видеть Эллиса[5]. Письма пропадают.

Любящий Вас Б. Бугаев

Печатается по копии К. Н. Бугаевой с отметкой: «Луцк. 10 июля 1910 (Оленино 15 июля)». По-видимому, датировка почтовых штемпелей на несохранившемся конверте.

[1] «В последние дни июня уезжаю в Москву, где, кажется, ночую в "*Мусагете*". А. С. Петровский сообщает мне, что едет в Швейцарию, в Берн, на курс Штейнера» (июнь 1910 г., *МБ*).

[2] Киселев Н. П. (1884—1965) — участник кружка «аргонавтов», в 1913—1915 гг. секретарь редакции издательства «Мусагет»; книговед; впоследствии сотрудник Гос. библиотеки им. В. И. Ленина и Всесоюзной книжной палаты. О нем см.: *Начало века*. С. 389—392; *Маркушевич А. И.* Николай Петрович Киселев // Федоровские чтения. 1974. М., 1976. С. 110—122; *Грачева О. А.*, *Сокольская К. П.* Библиотекарь, библиограф, историк книги // Николай Петрович Киселев: Биобиблиографический указатель. М., 1984. С. 3—11; предисловие А. И. Серкова в кн.: *Киселев Н. П.* Из истории русского розенкрейцерства. СПб., 2005. С. 5—78.

[3] Намек на увлечение Киселева, Петровского, Белого и других общих друзей розенкрейцерством и теософской системой Рудольфа Штейнера, сведения о которых в культурных кругах Москвы и Петербурга распространяла в то время А. Р. Минцлова. 1 января 1910 г. Минцлова писала В. И. Иванову: «Меттнер <так!> — *не* в Москве, и у него, и у Киселева (это *тоже* один из приведенных ко мне А. Белым "Мусагет" и *очень* интересный человек) — У них обоих есть охрана и ограда» (*Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 479). 4 марта 1910 г. она писала Иванову: «...это большая радость — свидания мои с Киселевым, Петровским, Меттнером — я их нашла сильными, стойкими, верными и безусловными вполне — Эллис и Нилендер — как-то странно спокойны, строги и сдержанны, <...> Гр. Ал. Рачинский говорит, говорит без умолку, везде, повсюду <...> это ужасно... <...> Я, кроме этих 5 людей, пришедших ко мне от А. Белого, — не говорила *ни с кем* в Москве <...> Но все, кто знают Меттнеров, Петровского, Киселева — *знают*, что эти люди — молчат...» (Там же. С. 96). 25 мая она писала ему же: «Киселев, Петровский, Меттнеры — глубоко верны, бесстрашны, тверды и не отступят никогда» (Там же. С. 103), имея в виду — от ее розенкрейцерского «коллектива из ⊕» (февраль 1910 г., *МБ*). В «Касаниях к теософии» Белый писал, что 1910 год «стоит под знаком ⊕» (*Андрей Белый и антропософия 9.* С. 451). См. также: *О Блоке.* С. 359—361. Киселев впоследствии стал членом Антропософского общества.

[4] В это время Петровский гостил в имении А. А. Рачинской, сестры Г. А. Рачинского. 4 марта 1910 г. Минцлова писала В. И. Иванову: «Сегодня у меня был Петровский, и я его попросила пойти к Гр. Ал. и как-нибудь унять его <...> было бы ужасно, если бы ему пришлось сделаться орудием гибели» (*Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 96).

[5] Петровский мог бы иметь и «эзотерические» и издательские дела с Эллисом. Пробуждение интереса Эллиса к штейнеровской теософии относится к весне 1910 г. Уже летом он пишет Э. К. Метнеру: «Влияние Штейнера на меня — всепоглощающее» (*Rizzi Daniela.* Эллис и Штейнер // Europa Orientalis. 1995. № XIV: 2. С. 284). В это время Петровский принимал деятельное участие в делах нового издательства «Мусагет», инициаторами которого являлись Эллис, Белый и Э. К. Метнер. 27 сентября 1909 г. Метнер писал Белому из Веймара: «Комитетом я признаю только *Вас, Эллиса* и *Петровского*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 14). В конце 1909 — начале 1910 г. Петровский отредактировал выполненные Эллисом переводы Бодлера и держал корректуры книги: *Бодлер Шарль.* Стихотворения в прозе / Пер. Эллиса. Она была выпущена в свет «Мусагетом» между 17 и 24 сентября 1910 г.

35. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Мюнхен. 5/18 августа 1910 г.

Мюнхен. 1910 5/VIII

Милый Борис Николаевич. Целый вечер просидел, вспоминая Вас, под кровом Кати Кобус[1]. Das Leben ist schön nicht wahr?[2] Через неделю буду в Берне. Ни от кого ни строчки. АП.

Открытка с изображением красного бульдога, силящегося открыть бутылку шампанского зубами. Наверху: SIMPLICISSIMUS. Künstler Kneipe. Внизу: 57 Tür-

kenstr.: 57. Telephon 2682. Kathi Kobus. Отправлена по адресу издательства «Мусагет» (Пречистенский бульвар, д. 31, кв. 9). Почт. шт.: München. 18.8.10; Москва. 9.8.10.

[1] «"Simplicissimus" — сборный пункт художественной богемы Мюнхена. Крошечный кабачок, а приди сюда весь Мюнхен, весь Мюнхен сумеет рассадить за двумя десятками столиков умная Kathy Cobus, сорокалетняя хозяйка с черными, хмурыми глазами, одновременно и строгими: усадит — и не будет тесно» (*Белый Андрей*. Мюнхен вечером // Киевские вести. 1908. № 165, 22 июня). «Часто вижусь с В. В. Владимировым <...> часто бываю в кабачке "*Simplicissimus*", где у меня образуется свой кружок знакомых» (ноябрь 1906 г., *МБ*). 18/31 октября 1906 г. Белый писал матери: «Пока же я почти никого не принимаю к себе. Я хожу иногда вечером в кафе "*Simplicissimus*". Это известный в Мюнхене ресторан, где собираются почти все художники, писатели, поэты, артисты и т.д. Немецкую передовую молодежь как-то я быстро понял, и она меня совсем не удовлетворяет. В большинстве случаев все это добрые, культурные, симпатичные люди, но без особого внутреннего содержания. Общий уровень конечно выше нашего. Но у нас есть гораздо более выдающиеся, тонкие, глубокие люди. Немецкая молодежь почему-то ужасно охотно со мной знакомится и наперерыв стремится пригласить к себе, но я немного отношусь к ним свысока. В "*Simplicissimus*"е то и дело приходится раскланиваться. Многие удивляются моим знанием. Хозяйка "*Simplicissimus*"а меня зовет Herr André (ей сообщили поляки, что я известный русский поэт)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358). См. также главку «Кафе "Симплициссимус"» (*Между двух революций*. С. 110—114).

[2] Жизнь прекрасна, не правда ли? (*нем.*).

36. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Боголюбы. 6 августа 1910 г.

Дорогой, милый Алексей Сергеевич!

Привет Вам, привет Мюнхену, привет Kathy, привет, привет, привет. Жду письма. Как? Люблю, помню. Завтра еду в Москву[1].

Любящий Б. Бугаев

Печатается по копии К. Н. Бугаевой. С отметкой: «Луцк 6/VIII 1910 (приписка к письму Поццо)».

[1] В конце июня 1910 г. Белый ездил через Москву в Боголюбы (Волынской губ.) под Луцком, в имение В. К. и С. Н. Кампиони, отчима и матери А. А. Тургеневой. Он прожил там весь июль. См. п. 39, примеч. 2.

37. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Мюнхен. 17 августа /30 августа 1910 г.

Мюнхен. 1910 30/VIII

Милый Борис Николаевич. Я получил письмо из Луцка с Вашей припиской[1], но *ни одного* письма ни от кого из Москвы.

При таких условиях как писать! Я очень рад, что познакомился со Штейнером[2]. Впечатление от него и от того, что за ним, неописуемо. А ведь я только слушал лекции и еще не познакомился лично (познакомлюсь в Берне, где будет меньше народу)[3]. Бесконечно много учишься, глядя на него. Да, это то. Да, среди нас есть знающие и могущие в той мере, которая представлялась сказочной. И у Шт<ейнера> это в соединении с четкостью и положительностью, со святостью, которой так недоставало Блаватской[4] и которая исключает всякую тень шарлатанства — на чистоту. Много страшного — сверхчеловеческой борьбы, синих и лиловых и пурпурных струй. —

Радостно и бодро.

Никакой возможности видеть в нем *только* теософа. Конечно, не с ним, но мысль, что *это* возможно в такой законченной и неоспоримо убедительной форме, — дает много утешения и бодрости. Будет. Да будет! Верьте, что будет, хотя бы нас испепелила наша слабость. Я совершенно спокоен.

Любопытны и теософы. Есть очень значительные, но и в массе много очень подвинутых.

Мюнхеном я мало жил — как-то он мне сейчас не к настроению. Легкий город. Бывал часто в Пинакотеке[5]. Видел театр марионеток. Раз в Simplicissimus'е — пил какое-то вино с персиками, угощал старого тапера. Вы его, верно, помните. Kathy Kobus расхаживала, распределяя гостей, что-то рассказывала с эстрады на диалекте — — —

Часто переношусь в Луцк[6] — и там душа расцветает. Прощайте, милый, любимый.

Ваш А. П.

[1] См. предыдущее письмо.

[2] Рудольф Штейнер (1861—1925) — австрийский философ (родился в Кральевиче, в славянских местностях Австро-Венгерской империи), доктор философии, гётеанист, исследователь Ф. Ницше, с 1902 г. руководил Немецкой секцией Теософского общества. Он провел июль—август 1910 г. в Мюнхене. 17—26 августа он читал курс 11 лекций «Тайны библейского миротворения», а 26 августа лекцию «Сегодняшнее состояние философии и науки». 11/24 августа 1910 г. Петровский писал Э. К. Метнеру из Мюнхена: «Штейнер для меня несравненно больше, чем я ждал, хотя личной беседы я еще не имел с ним. Это нечто ослепительное по властности и силе. Глядя на него, все время учишься, как уже давно не учился» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35).

[3] С 1 по 12 сентября 1910 г. Штейнер читал цикл лекций «Евангелие от Матфея» в Берне. 13-го он читал там публичную лекцию «Сущность человеческой судьбы», а 14-го публичную лекцию «Теософия и библия».

[4] Блаватская Елена Петровна (1831–1891) — дочь известной писательницы Е. А. Ган, писательница и общественная деятельница; в 1875 г. основала вместе с Г. Олкоттом Теософское общество в Нью-Йорке. В 1879 г. главная квартира Общества была перенесена в Адьяр (Индия). В «Касаниях к теософии» Белый отметил: «*1896 год.* Читал книги Блавадской <так почти всегда у Белого. — *Дж. М.*> и интересовался сведениями о теософич<еском> О<бщест>ве» (*Андрей Белый и антропософия 9.* С. 449). В 1905-м и еще раз в 1909 г. он читал ее «La doctrine secrète» («Тайную доктрину»).

[5] Главные в то время художественные музеи Мюнхена — Старая Пинакотека, где в основном собрана живопись эпохи Возрождения, преимущественно нидерландских и немецких мастеров, и Новая Пинакотека, экспонирующая европейскую живопись и скульптуру конца XVIII — начала XX в. Здесь речь идет о Старой Пинакотеке. В письме к матери от 9/22 октября Белый сообщал: «Вдумчиво изучаю старых немцев и почти каждый день до 12 часов (в 12 иду обедать) сижу в гравюрном кабинете Пинакотеки» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358). См. также: «Пинакотека как дрожжи мысли» (*Между двух революций.* С. 100–106). Петровский всю жизнь собирал гравюры.

[6] В августе 1910 г.: «Приезд в Боголюбы Поццо, потом А. С. Петровского, едущего за границу и заехавшего по дороге в Луцк» (*МБ*).

38. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Мюнхен. 18/31 августа 1910 г.

Мюнхен. 1910 18/VIII

Милый Борис Николаевич. Посылаю Вам скрипача из Simplicissimus'a. Сегодня переезжаю в Берн (Poste-Rest<ante>*). Написал Вам в Демьяново[1]. Получили ли?

Открытка с портретом музыканта Ferdinand Dunajec'a. Почт. шт.: Москва. 21.VIII.10; 21.8.10.

[1] В мае 1910 г., после разрыва с А. Р. Минцловой, Белый ездил в Демьяново, имение В. И. Танеева (Клинский уезд Московской губ.), где его мать жила на даче. Он оставался там до конца июня: «Июнь проводил я в Демьянове, имении В. И. Танеева, где протекло мое детство, где не был я с 1891 года» (*Между двух революций.* С. 354). «Жизнь в "Демьянове"; странное восприятие мест, где я ребенком рос; брожу по парку и полям и вспоминаю клумбы, кустики, лужайки, с которыми некогда столькое было связано; парк, казавшийся ребенку гигантским, кажется маленьким» (июнь 1910 г., *МБ*). Белый оттуда ездил через Москву в Боголюбы. В августе Белый оттуда вернулся в Москву: «...я с Кожебаткиным отыскиваю квартирку для Тургеневых (Аси, Наташи, Тани); мы меблируем ее: тяжелые вопросы о финансах. <...> с тяжелыми заботами, откуда достать деньги для уезда за границу с Асей, я еду в Демьяново, прихватив Нилендера и Эллиса» (август 1910 г., *МБ*).

* До востребования *(фр.)*.

39. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Варшава. 27 ноября 1910 г.

Милый, милый Алексей Сергеевич. Хорошо едем[1]. Ася важничает[2]. Совсем взрослая; милая, милая, милая. <*здесь А. А. Тургенева приписала*: Ну можно ли глупей? — *а Белый:* вовсе не глупо!>

Целую

Б. Бугаев

Приписка А. А. Тургеневой: Алешу целую.

Открытка с видом: Warszawa. Aleje Ujazdowskie. Отправлена по адресу: Виндавская ж. дорога. Станция Оленино. Имение А. А. Рачинской. Для А. С. Петровского. Почт. шт.: Оленино. 29.11.10.

[1] 26 ноября (9 декабря) 1910 г. Белый и А. А. Тургенева отбыли из Москвы в заграничное путешествие. Белый подробно описал его в книге очерков «Путевые заметки». См.: *Белый Андрей.* Офейра. Путевые заметки. Ч. 1. М., 1921; *Белый Андрей.* Путевые заметки. Т. 1: Сицилия и Тунис. М.; Берлин, 1922 (во втором издании более полная редакция текста). Второй том «Путевых заметок» при жизни автора отдельным изданием в свет не вышел; он опубликован: *Африканский дневник.*

[2] Тургенева Анна Алексеевна (Ася; 1890—1966) — художница, антропософка. Белый относил свое «сближение с Асей (она рисует мой портрет)» к апрелю 1909 г. (*РД*). В конце июня 1910 г. он поехал в Боголюбы под Луцком: «...ряд ответственнейших разговоров с Асей Тургеневой» (июль, *РД*). Ср. *МБ* об июле 1910 г.: «С первых чисел еду через Киев в Луцк, к Кампиони, где встречаюсь с Асей Тургеневой и где окончательно вырешается наша судьба; <...> дикая, веселая, странная жизнь, на фоне которой происходит мое сближение с Асей и решение уехать в Италию осенью». «Решение о пути с Асей бесповоротно» (август, *МБ*). Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 15 августа 1910 г. («Я живу в Москве вот уж пятый день»): «Я счастлив; дни, проведенные с Асей, были для меня блеском, восторгом, песней; <...> через Асю я опять омытыми от слез глазами смотрю на мир; и мир — ясен; в Асе я нашел смысл и счастье жизни; бережно, тихо должен я созидать путь к ней. Мы близки друг другу: если у меня будет жена, то это будет — Ася, или никто; <...> Ася едет в Москву; будет здесь 5 месяцев; в эти пять месяцев мы решим, будет ли она моя на всю жизнь» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 16). В сентябре: «Приезд Тургеневых и С. Н. Кампиони в Москву; я, так сказать, водворяю их на квартире; тяжелые разговоры с Метнером о деньгах на поездку и с мамой о том, что я отныне с Асей и что с мамой я уже не буду жить» (*МБ*). «Просто *вырыв* из Москвы» (ноябрь 1910 г., *МБ*). В. Ф. Эрн так описывал ее в письме к жене от 2 ноября 1910 г.: «Вчера видели предполагаемую невесту Белого. <...> Когда мы были на Дункан в зале Благородного собрания, она была недалеко от нас, сбоку, с Петровским. Лицо прелюбопытное, русалочье. Голову поднимает все кверху, шея необычайно красива (Татьяна говорит, что она знает об этом и нарочно показывает шею — ох, женщины, женщины!). Глаза загадочны и моментами пронизывают, все время горят огоньком. Я глядел на нее внимательно. Не думаю, чтобы она сулила Борису Николаевичу безмятежное счастье. Она произ-

водит несомненное впечатление, эстетически сильное, но хорошее или дурное — трудно сказать» (*Взыскующие града*. С. 292 -293).

40. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ И А. А. ТУРГЕНЕВОЙ

Бобровка. 2 декабря 1910 г.

Бобровка 1910 2/XII

Милые Ася и Борис Николаевич — (или Ася и Боря). —

Получил Вашу открытку из Варшавы. Когда мы Вас проводили, Лев[1] сказал: «Вот отпустили детей одних в Америку». Так и стали Вас звать детьми. Это то же, что обезьянки в Боголюбове[2], помните? Где Вы сейчас? В Венеции или уже дальше?[3]

Сижу в Бобровке[4] и отчаянно работаю, отрабатываю[5]. Милая Бобровка. Тепло, снежно, туманно. Луны не видно за облаками и туманом, но было светло как днем, поля словно курятся светом, и жизни не слышно, точно и не было никогда. Все забыто, замыто, отошло, только память прошлого. Кресла, чехлы, пьянино[6]. Один камин красной пастью что-то твердит о плане страданий. Сегодня поленья повалились, прогорев в буйный костер крестообразно, и только одно осталось пылающим столбом. Кто-то был сожжен на нем сегодня? Таинственная вещь камин. Растопляю его не без жуткого благоговения. Никогда не горит он просто.

Так-то. Целую обоих. Милые, милые, милые, — можно ли быть глупее?

А. Петровский

Пробуду до 7 декабря. Пишите на «Мусагет»[7].

[1] Эллис.

[2] Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру из Монреале (самый конец декабря 1910 г.): «Внизу собралась толпа, человек 20 мальчишек: они кричат и радуются, что *madame*, здесь так все называют Асю, — обезьянка...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 25).

[3] 29 ноября/12 декабря 1910 г. Белый и А. А. Тургенева проездом были в Венеции: «Венеция превзошла все мои ожидания; она — сплошное великолепие. Всего один день мы там, а уже с грустью покидаем» (*Белый — Кожебаткину*. С. 149). 30 ноября/13 декабря проездом были в Риме.

[4] Село Бобровка Тверской губернии — имение А. А. Рачинской, за Ржевом, возле станции Оленино Виндавской железной дороги. Белый и Петровский жили там в феврале и в декабре 1909 г., а затем в январе 1910 г. (на короткое время) и подолгу в апреле—мае 1910 г.: «жизнь там вдвоем; чтение Бема <так!>; приезд Минцловой; возвращение к Пасхе в Москву» (*РД*).

[5] Петровский работал над переводом «Aurora, или Утренняя Заря в восхождении» Якова Бёме. Перевод был выпущен издательством «Мусагет» в 1914 г.

[6] Ср. начало стихотворения Белого «Перед старой картиной» (1910): «Кресла, чехлы, пьянино...». Оно впервые было опубликовано в «Антологии» издательства «Мусагет» (М., 1911).

[7] Символистское издательство «Мусагет» было учреждено в Москве осенью 1909 г.; Белый, наряду с официальным руководителем издательства Э. К. Метнером, был одним из его инициаторов и в начале его существования одним из основных и влиятельных сотрудников. См.: *Толстых Г. А.* Издательство «Мусагет» // Книга. Исследования и материалы. Сб. LVI. М., 1988. С. 112 - 133; *Безродный М. В.* Издательство «Мусагет»: групповой портрет на фоне модернизма // Русская литература. 1988. № 2. С. 119 - 131; *Безродный Михаил.* Из истории русского германофильства: издательство «Мусагет» // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник на 1999 год. М., 1999. С. 157—198; *Безродный М. В.* Издательство «Мусагет» // Книжное дело в России в XIX — начале XX века. СПб., 2004. Вып. 12. С. 40—56.

41. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Палермо. Вторая декада (н. ст.) декабря 1910 г.

Милый Алексей Сергеевич,

глупо хорошо в Палермо[1]; тепло. Очарован морем; досадно без языка; мы с Асей злимся на это; но дивно хорошо; скорей бы выслали денег; ужасно неожиданно дорого[2]; с Асей безумно как хорошо; злюсь только, что никак не устроимся; никаких домиков на берегу, только пансионы[3]; это — глупо; но розы, пальмы, горы, солнце, море — дивно хорошо. Целую.

Б. Бугаев

Приписка А. А. Тургеневой: Алешенька, все стараюсь быть <*нрзб.*>, да не выходит. Обезьянки, и только.

Открытка с видом: Grand Hotel Villa Igiea — Palermo. Отправлена по адресу: *Москва.* Е. В. Натальe Алексеевне Тургеневой. Пречистенка. Штатный пер. Дом Данилова (25), кв. 13. *Russie.* Moscou. Почт. шт.: Москва. 12.12.10.

[1] Белый и А. А. Тургенева приехали в Палермо 4/17 декабря 1910 г. «Приехали благополучно. <...> Палермо: место изумительное; море бирюзовое, тихое, нежное; город небольшой; кругом — апельсинные рощи, кипарисы и поля кактусов; цветут громадные розы, жонкили и прелестные цветы; на улицах пальмы. Остановились в "*Hôtel des Palmes*" <...> В нашем *Hôtel*'е Вагнер докончил "Парсифаля"» (письмо Белого к матери; почт. шт.: Palermo 17 Dic<embre>. 10; Москва. 10.12.10. РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[2] В письме (почт. шт.: Москва. 12.12.10) к Э. К. Метнеру из Палермо Белый сообщал: «Пока в отеле: безумно дорого: здесь Вагнер кончил "Парсифаля" (прожил 6 месяцев) и наконец поссорился с хозяином нашего отеля (старичком), который все это и рассказал нам. Никак не можем устроиться» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 21).

[5]18/31 декабря 1910 г. Белый писал матери: «...в Палермо мы почти каждый день делали экскурсии, подыскивая виллу; но на берегу моря вилл нет; есть или очень дорогие отели, или грязные хижины рыбаков» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

42. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Палермо. 6/19 декабря 1910 г.

Христос с Вами. Что Вы? Тревожусь о Вас! Ответьте. Люблю и помню. Б. Бугаев.

Открытка с видом: Palermo. Chiesa della Martorana, costruita nel 1143. Отправлена по адресу: *Москва.* Пречистенский бульвар, д. 31, кв. 9, в *«Мусагет»*. Алексею Сергеевичу Петровскому. Russie. Moscou. Почт. шт.: Palermo. 19. <12.10>. Москва. 12.12.10; 12.XII.1910.

43. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 19 декабря 1910 г.

Москва. 1910 19/XII

Боря милый, дальше я должен уже писать на «ты», хотя и жалко бросать наше привычное и почтительное «вы». Спасибо за письмо. Я тоже написал вам обоим из Бобровки в Палермо — poste-restante. Может быть, оно еще лежит там. В Москве все пока мирно. Ритмический кружок собирается[1]. Мусагетские среды завоевывают популярность, ходит много народа. У Льва были скандалы с Лид<ией> А<лександровной>[2], но как будто приходят к концу. Он развивает невероятную деятельность в смысле пропаганды Шт<ейнера>, основывает кружки[3], каждый день умножает число прозелитов, хочет обратить Трубецкого и Мар<гариту> Кир<илловну>[4]. Но все это без эксцессов, тихо и даже благодатно, а пожалуй, даже без особого шума и медиумически-истерических нот. Приехала Hedwig[5]. Она, кажется, будет жить на даче у Метнеров. Очень изменилась. Серьезная, ходит, точно что-то значительное несет, с сосредоточенным вниманием. Проговорил на днях до четвертого часа с Бердяевым[6] — наше первое знакомство. В результате оказалось, что «существенных разногласий нет, но различны устремления воли». Это объясняется его наклоном к католичеству и совершенной, притом сознательной неприемлемостью католичества для меня, думаю, что и не

для меня одного. Слишком зыбка грань между силой и насилием. Совершенная противоположность устремлений. Католичество призывает благословение на оружие (крестовые походы) — мы склонны оружием своим сделать благословение. Нам все земное, все, что осенено куполом неба, — священно и *бесконечно* дорого и исключает агрессивность в отношении к себе. Несравненно больше гуманизма и белизны, несравненно глубже концепция вселенскости, меньше ума и больше детскости. Ведь не мужи и жены войдут в Царствие, а дети[7]. Был ли иезуит — дитёй когда-либо? Мне тут многое выяснил разговор с Бердяевым. Слаще запах православия, и тем опаснее и неосуществимее его идеал гуманизма[8], который светлее солнца и белее снега.... Не думаю, чтобы когда-либо Бердяев стал очень близок. Сейчас же пока, конечно, очень незрел — слишком умен.

О много<м> не пишу, потому что, вероятно, пишут другие. В Бобровке исступленно переводил Бема. Это мне много дает, но все же сил бесконечно мало, а радости совсем нет, и давно. А с горем своим сердце так же мало мирится, как и с чужим. К чему это исключение? Чужое принимаешь как страдание, а свое должен — как радость. Я этого не понимаю. Горе и должно приниматься как таковое, свое ли или чужое — все равно. Претворение же его (как и земли) должно совершиться какими-то иными путями, с сохранением за ним всех его прав на личное и неприкосновенное существование в своем собственном виде. Иное претворение неприемлемо. (Это по новой категории гуманизма!) Да будет горе, как и сестра его радость! И оба да предстоят Престолу. Трудно вызвать к бытию эту идею, но она очень существенна для моего «Леонардизма», не правда ли?

Еще не видел Э<милия> К<арловича>, но думаю, что препятствий к высылке тебе 300 р. не будет[9]. Проживите хоть зиму и весну. Лето будет уже легче и в России. И не утомляйтесь слишком заботой о заработке — лучше бы сначала месяца два пожить повольней, а уж потом поквитать все сразу.

Много намолол такого, чего и сам не понимаю. Пора кончать. Целую обоих — постоянно помню, и вспоминаю, и вижу, и радуюсь за обоих, и даже недостаточно разделяю.

Прощайте, милые. Будьте хранимы.

А. Петровский

[1] Ритмический кружок начал свою деятельность при «Мусагете» в апреле 1910 г. с целью всестороннего изучения русского стиха: «...встреча с Сидоровым, Шенроком, Дурылиным и организация моего ритмического Кружка» (апрель 1910 г., *РД*). Белый сообщал об этом Э. К. Метнеру в марте 1910 г.: «Завтра в два часа дня в "Мусагете" соберется кружок студентов, желающих заниматься а) теоретической эстетикой, b) историей искусств, с) ритмом; я дам им задачи на лето» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 13). Затем Белый уехал в Бобровку (предисловие к «Символизму» датировано: «1910 года, апреля 5. Бобровка»). См. *МБ* о мае 1910 г.: «Минцлова требует, чтобы я в мае ехал в Италию, в Ассизи, куда должен приехать Иванов; там, <в> Ассизиде, должна произойти наша встреча с розенкрейцерами и "посвящение"; но я <...> после совета с Метнером, решаю отказать<ся> от "*чести*" ехать в Италию; А. С. везет это решение Минцловой в Петербург, а я спешно готовлю кружок ритмистов, читаю лекции им в "Мусагете", распределяю работу по ритму меж ними». Работа продолжалась осенью: «Усиленная редакционная деятельность в "*Мусагете*", ритмический кружок, ряд заседаний, вопросы номенклатуры» (сентябрь 1910 г., *МБ*); «Работа ритмического кружка» (октябрь, *МБ*). См.: *Между двух революций.* С. 350–353; *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 515). Тарту, 1981. С. 101–106.

[2] Тамбурер Л. А. (урожд. Гаврина; 1870–1931) — зубной врач, друг семьи Цветаевых; она познакомила Эллиса с сестрами Цветаевыми; ей посвящены стихотворения М. Цветаевой: «Последнее слово», «Эпитафия», «Жажда» и др. В письме к П. И. Юркевичу от 23 июля 1908 г. Цветаева назвала ее «зубоврачихой — разочарованной барыней слегка в декадентском вкусе» (*Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. М, 1995. Т. 7. С. 716). 3 ноября 1911 г. Цветаева писала М. А. Волошину: «Слушай мою историю: если бы Дракконочка <Тамбурер> не сделалась зубным врачом, она бы не познакомилась с одной дамой, которая познакомила ее с папой; я бы не познакомилась с ней, не узнала бы Эллиса, через него не узнала бы Н<иленде>ра, не напечатала бы из-за него сборника, не познакомилась бы из-за сборника с тобой, не приехала бы в Коктебель, не встречалась бы с Сережей, — следовательно, не венчалась бы в январе 1912 г.» (Там же. Т. 6. С. 56).

[3] Эллис занимался пропагандой идей Штейнера преимущественно среди сотрудников издательства «Мусагет» и в кругу близких ему лиц. С декабря 1910 г. он устроил «негласный специальный курс по теософии, куда записались 5 самых способных и ценных слушателей <...> Мы стали собираться в помещении редакции "Мусагета" по субботам» (*Майдель Рената фон.* «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 230–231). Петровский был одним из слушателей. 16 февраля 1911 г. С. П. Бобров писал Белому из Москвы: «...немного ведь у нас пусто в "Мусагете" без Вас — Метнер бывает довольно редко, а Эллис... — тот совсем ушел в теософию и кроме как о Штейнере ни о ком и ни о чем не говорит и старается взять "Мусагет" приступом, дабы обратить его в гиблую квартиру теософов. <...> и куда ни придешь — является Эллис и только и слышишь: "Акаша-Хроник — следующее воплощение — Девахон — астральное число" — и так без конца! — "Доктор Штейнер сказал так-то, доктор думает так-то, доктор любит то-то и то-то... доктор равен Франциску Ассизскому... Доктор пять часов в день беседует с иными существами и видит Христа..." Вы себе не можете представить, что это такое! Везде у Эллиса возникают постоянные перепал-

ки из-за этого — это так неприятно! Сам он под влиянием этой — простите меня — абракадабры — странно разнервничался и производит впечатление человека психически нездорового. <...> Беспрестанное, нелепое, никчемное кощунство ("доктор Штейнер, который все знает..."), постоянное смешивание теософии с христианством, объявление манихейства истинной религией, *что не случайно*! — связь с магией, захватывание всего в мире и — ах, из этого всему конец!» (*Бобров — Белому*. С. 156—157). См. также: *Maydel Renata von*. Vor dem Thore: Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. Bochum/Freiburg, 2005. P. 98—100.

[4] Трубецкой Евгений Николаевич (1863—1920), брат С. Н. Трубецкого, религиозный философ, церковный историк, общественный деятель; профессор кафедры философии и энциклопедии прав Московского университета с 1906 г., и Маргарита Кирилловна Морозова (урожд. Мамонтова; 1873—1958), вдова М. А. Морозова, «сказка» Второй симфонии Белого, учредительница Московского религиозно-философского общества памяти В. С. Соловьева, в руководящий совет которого входил Трубецкой на протяжении всего его существования, и издательства «Путь», в котором Трубецкой играл видную роль, были в самых близких отношениях. Их переписка длилась с 1906 по 1918 год; подборка писем за 1909—1911 гг. представлена в публикации: «Наша любовь нужна России...». Переписка Е. Н. Трубецкого и М. К. Морозовой / Вступ. статья, сост., публ. и коммент. Александра Носова // Новый мир. 1993. № 9. С. 172—229; № 10. С. 174—215. Значительная часть их переписки вошла в кн.: *Взыскующие града* (см.: Указатель публикуемых документов. С. 722—723). В декабре 1910 г. Трубецкой выехал с семьей за границу на четыре месяца. И он и Морозова критически относились к учению Штейнера.

[5] Friedrich Hedwig (Фридрих Ядвига) — близкий друг семейства Метнеров, финансировала издательство «Мусагет»; у нее были родственники в Москве. В своих воспоминаниях об Э. К. Метнере М. К. Морозова писала: «Это была девушка лет 25-ти, немка, жившая постоянно в Пильнице (близь Дрездена), довольно красивая, культурная, имевшая большие личные средства. Она мечтала его превратить в немца и перевести на постоянное жительство в Пильниц, но "этого никогда не будет" — писал мне Эмилий Карлович <...> Так как Эмилий Карлович всегда мечтал основать культурное издательство в Москве, то она дала ему довольно крупную сумму денег, чтобы начать это дело. Так возникло книгоиздательство "Мусагет". Протянувшись шесть лет, отношения его с этой девушкой кончились разрывом...» (*Морозова М. К.* Мои воспоминания / Публ. Е. М. Буромской-Морозовой, примеч. Д. М. Евсеева // Наше наследие. 1991. № 6 (24). С. 107). Имя издательницы держалось в строгой тайне от сотрудников издательства.

[6] Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ, публицист, критик, ведущий сотрудник издательства «Путь». См. *РД* о январе 1909 г.: «Интимная беседа с Н. А. Бердяевым, после которой начинается идейная *дружба* меж нами (до... 17-го года)». О нем см.: *Белый Андрей*. Из воспоминаний о русских философах / Публ. Джона Малмстада // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 9. С. 329—339.

[7] См.: Мф. 18, 3.

[8] См. статьи, собранные в этапный сборник Бердяева «Философия свободы» (М.: Путь, 1911). Уже летом 1911 г. Бердяев резко выступил против неославянофильского направления «Пути». См.: *Голлербах*. С. 170—180.

[9] В середине декабря (н. ст.) 1910 г. Белый отправил и телеграмму и письмо А. М. Кожебаткину с просьбой послать ему обещанные деньги от «Мусагета» (*Белый — Кожебаткину*. С. 150).

44. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Монреале. 18/31 декабря 1910 г.

Милый Алексей Сергеевич,

едем в Тунис; в Монреале холодно[1]; вот общая внутренность монреальского собора; не правда ли великолепие; всё — мозаика[2]. Сегодня с Асей были у службы; сидел золотой епископ там, где — а; где «b» сидел ряд красных шелковых певчих; где «с» — ряд синих шелковых певчих; за «d» помещается только духовенство; миряне по сю сторону «d». Привет. До Туниса.

Открытка без даты.

[1] Не позднее 11/24 декабря 1910 г. Белый переехал в Монреале, городок в 5 км от Палермо. В письме к матери (почт. шт.: Monreale. 24.12.10; Москва. 16.XII.1910 и 17.12.10) он сообщал: «Мы — в Монреале; <...> Две комнаты с выходом на веранду. Внизу апельсинные рощи в глубине под обрывом; дальше виднеется Палермо; еще дальше синее Средиземное море» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359). 18/31 декабря 1910 г. он писал ей же: «...здесь, в Монреале, мы с Асей все больше сидим; льются теперь дожди, по ночам из-за гор блещет зарница; сегодня утром был гром. <...> Не пиши в Монреаль; через 3 дня едем в Тунис» (Там же). Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру из Радеса (середина января н. ст. 1911 г.): «...и бежали... в Монреаль, где тоже было недешево, холодно, где нас душили, коптили, морозили и где помещение наше с невероятно красивым видом дребезжало, как жестяная коробка. Мы жили в жести и в камне, что зимой... порой нестерпимо; наконец в наших окнах развалились рамы; дождь и мокрота пролились в комнаты. Мы бежали в Тунис» (*Путешествие на Восток*. С. 152).

[2] Монреальский собор (1174—1189) — памятник норманно-сицилийского стиля, знаменитый своими мозаиками работы греческих (византийских) мастеров. 18/31 декабря 1910 г. Белый писал матери: «...они толпятся на площади перед собором, напоминающим арабский дворец; собор 12 века, сплошь мозаичный, один из лучших по мозаике в мире» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359). См. также: *Белый Андрей*. Путевые заметки. Т. 1: Сицилия и Тунис. С. 136—151.

45. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Тунис. 23 декабря 1910 г. / 5 января 1911 г.

С новым годом!

Милый, милый!

Спасибо за хорошее письмо: спасибо! Пишите больше: ближе <лю>бишь. Так нужны мне письма. Привет издалека. Тунис[1] — сплошное красочное пятно; одурел от непохожего: сутки качало море, встретили солнечный восход уже в берегах Африки; восход был великолепен; зеленые воды залива; вдали — горы, еще

дальше белый Тунис; где-то в стороне пророзовела стая пеликанов. А потом пошли арабы, арабы, арабы[2]! Привет.

Б.

Адрес. Тунис. Poste restante. Ася целует. Пишите: так нужны письма.

Открытка с видом: Tunis. Porte Rab-el-Khadra. Почт. шт.: Tunis. 5.1.11 и 6.1.11; Москва. 29.XII.1910 и 30.12.10. Отправлена по адресу «Мусагета».

[1] Белый прибыл в Тунис 22 декабря 1910 г./4 января 1911 г.

[2] 23 декабря 1910 г./5 января 1911 г. Белый писал матери: «за площадью вскоре — арабская часть города, узкие, живописные улицы, множество великолепных арабов, и бедуинов, и негров; арабы в белых, синих и коричневых бурнусах; затащили нас в лавку, заставили меня купить феску, купили восточных духов — *мускуса*; я еще до сих пор ошеломлен; в глазах — красочные пятна» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359). 26 декабря/8 января 1911 г. он писал ей же: «Тунис – весь белый, ослепительно белый, особенно арабская часть города <...> бесконечность узеньких путаных улиц с плоскими крышами, резными воротами и пестрыми изразцами; везде мечети; арабы сидят на корточках у открытых дверей на циновках. Как они великолепно драпируются в плащи; как разнообразны, пестры их костюмы; белая, синяя, черная, коричневая, желтая или красная туника, а поверх – великолепный, почти всегда белый, плащ, или феска, перевязанная цветным платком. <...> как-то вечером пошли гулять по арабской части города: но там — мрак; в мраке, как привидения, скользят арабы, а то мелькнет черная, хохочущая рожа негра; я из-за Аси побоялся идти вглубь; и мы вернулись» (Там же).

46. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Тунис. 31 декабря 1910 г. / 13 января 1911 г.

Милый, милый Алеша!

Будьте тверды. Сейчас встретили русский новый год[1]. Всего нового. Новая заповедь дана нам: «Се творю все новое»[2]. Ася улыбается Вам: смотрим в камин; там все сказочное. Завтра едем на постоянное жительство в арабскую деревушку; сняли настоящий арабский домик с плоской крышей[3].

Наверху проставлено: Адрес. Africa. Tunisie. Maxulla-Radès (près de Tunis). A Madame Rebeyrol — buraliste de Radès. Мне.

Приписка А. А. Тургеневой: Целую Алешу. С Новым годом!

Открытка с видом: Tunis. Le Quartier Bab-Souika. Отправлена по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Tunisie. 14.I.1911; Москва. 9.1.1911.

[1] 9/22 января 1911 г. Белый писал матери: «В тот вечер, когда Вы с Тетей Катей сидели за елкой и Ты писала мне открытку, мы с Асей сидели перед камином в Hôtel'e

Eymon, курили арабское благовоние, пили шампанское, встречая русский *новый год*, и вспоминали Москву» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[2] См.: Откровение 21, 5: «И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны».

[3] 9/22 января 1911 г. Белый сообщал матери: «Сейчас мы уже 9 дней как в Радесе, арабской деревне. У нас очень мило; Ты спрашиваешь, есть ли солнце; о, да: было два-три холодных дня. Но в помещении у нас холодно; здесь вообще холодов не бывает; арабы же так строят дома, чтобы дома могли укрывать от жары; в доме поэтому вдвое холодней, чем наружи <...> Но мы с Асей забираемся наверх; у нас там комната с изразцовым полом, два рабочих стола, громадная кисть финиковой пальмы и устроенная прямо на полу софа: перед софой цветы, грелка и прибор кальяна: кальян — это куренье, где дым проходит сквозь воду, очищаясь от никотина. <...> У нас — целый дом; 6 маленьких комнат во втором и третьем этаже; в первом этаже только вход; <...> вечером сидим на крыше; против нас арабское кафе; в черной ночи так ярко виднеются стены кафе, циновки на возвышениях; на циновках торжественно, важно полулежат белые бурнусы; иногда раздается протяжное, гортанное, грустное пенье» (Там же).

47. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Максулла-Радес. 1/14 января 1911 г.

Милый Алеша,

буду и я Тебя называть Ты. Да — очень близко и очень остро прозвучало мне Твое последнее письмо о «*страданье*», да и то, где Ты писал о бобровском камине.

Как ушло? Нет, не верю: пусть будет острота страданий, но то, что прошло, возвратится, не может погибнуть, мы вызовем: не мы, так наши придут. Будет, будет бобровский камин открывать бесконечные дали, и мы будем туда глядеть в окруженье... кого, чего??

И Она — с нами...

Я не хочу мириться с тем, что все — прошло: отошло, заглохло. Если к нам *не придут*, мы сами пойдем. Слышишь ли Ты меня? Я говорю сейчас от полноты моего счастья. Ася для меня — самое дорогое существо. Но именно теперь, когда она со мной, «*московское*» звучит мне — о, какими звуками! И как не хватает мне... Ты знаешь чего? Оно было не от страданья — от полноты: и не могло оно остаться миражем: а терновый венец нам уготован; и надо это с гордостью, с радостью принять: принять и высоко пронести.

Ничего не кончилось — слышишь?

«Ныне вы не увидите Меня; а потом вновь увидите: и радости вашей никто не отымет от вас»[1]...Ты не забыл — 10 лет! Он —

идет: только десять лет, и... Как же можно думать, что прошло: отошло. Не вчера мы встретились. Что же, несмотря на всю нашу разность, навсегда нас спаивает? О, конечно не дружба, не личное расположение, а... *«благая весть»*. Помнишь, — года мы не видели ни одного луча после каких ослепительных зорь[2]? Но прошли года: и опять луч был. Ну, и пусть же еще года будут в мраке: разве луч погаснет? Не *«во имя свое»*, не во имя счастья — и в этом восторг распятья: я восхищен: я все вынесу. Вынесешь и Ты: пусть же земная пыль безобразит нас: не верю — слышишь! не верю...

Не знаю, правильно ли пишу: не ясно понимаю, что пишу, но... довольно... Стой на своем месте! Стойте все — и все, все химеры между вами, гасите: до августа 1911 года никто из нас не смеет говорить: отошло. А если и тогда не будет... ну, будет когда-нибудь: не для нас, так для *«нашего»*. А мы — мы узнаем, для чего мы несли свой крест.

Теперь о католичестве: мне кажется, Ты не совсем прав: больше, чем когда-либо, ощущаю я правду воинствующего меча. В католичестве есть моменты нашего, *«московского»*: я это понял в «Монреале». Помнишь мою idée-fixe о хмурых людях: Монреаль — хмурый город с лучшим из мною когда-либо виданных соборов. И он *жив до сих пор*. Видел я несколько лиц среди монреальских аббатов, и это — наши; сам крест собора — ⊕ такой формы[3]. Ноты Парсифаля[4] звучат там и доныне.

И *«вихляющийся»* Бердяев в ноте *мужественного меча* все-таки мне понятен.

Милый брат: как Ты сейчас мне близок и дорог. Как хотел бы я сказать... да нет.. не скажешь. Пиши. Христос с Тобой.

Любящий Тебя

Б. Бугаев

Ася целует.

Адрес. Afrique. Tunisie. Maxulla-Radès (près de Tunis). A Madame Rebeyrol, buraliste de Tunis. Мне. Вышлите скорей деньги. Вышлите книги и обложки.

Заказное письмо отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Maxulla-Radès. 14.1.11; Москва. 26.1.11 и 27.1.11.

[1] Ср. Евангелие от Иоанна 16, 22: «Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас».

[2] Ср. *МБ*: «*1901 год. Этот год переживался мною как единственный год в своем роде: переживался он максимальнейшим напряжением; первая часть его мною переживалась как исключительно благая: это был первый год нового столетия, так сказать новой эры*; впоследствии Рудольф Штейнер сказал, что в начале столетия даже зори переменилися; этот год стал для целой группы людей, разрозненных в то время и друг друга не знавших, — *эпохой зари*; <...> Главенствующие осознания этого года: 1) Откровение Софии, 2) Духа Иоанновой, *белой* зари, 3) Осознание, что "*уже — заря*", 4) Ожидание Денницы».

[3] Символом розенкрейцерства (крестом, вписанным в круг).

[4] См. главку «Монреальский собор»: «и вечное око проплакало в них, переполнивши чашу, Грааль; эта чаша — собор; здесь -- свершилось сошествие; чуется: шествие рыцарей храма — с востока на запад» (*Белый Андрей*. Путевые заметки. Т. 1. С. 136). «...крестоносное войско восстало из этого места сквозь бездну времен; <...> на минуту возникнет зов времен: зов Титуреля: — "Где ты Персеваль?"» (Там же. С. 142). В основе либретто оперы-драмы Рихарда Вагнера «Парсифаль» (1882) лежит легенда о Граале, чаше Тайной вечери. Вагнер главным образом заимствовал текст из стихотворного рыцарского романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (1198--1210).

48. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Максулла-Радес. 3/16 января 1911 г.

Милый Алеша,

начинаю Вам письмо — с вида[1]: вот «А» — стена; вот дверь, сюда из нашего дома с 3-его этажа мы выходим на крышу; а вон — арабские, снежнобелые четыреугольники и каменно-белые купола домов.

Вчера из туч глядела луна — все было светлое, белое на луне; мы с Асей долго ходили на крыше, и все «*сходило с своих мест*»; каждый дом здесь — кажет «*идею в Платоновском смысле*». Ася — мой восторг, моя жизнь.

А вот вид из другого окна.

Милый Алеша, это другой вид из окна, верней 1/10 вида; море невыразимо; я пишу Вам.

Вот: люблю Вас, помню; ради Бога скажите, чтобы я был au courant* «*Мусагета*»; более месяца ни от кого ничего; пишите, пишите — пишите больше: помните, я не могу столько писать: 1) работать надо, 2) я пишу 20—25 человекам, и не могу писать много, 3) Ася, с которой надо быть. Она — восторг. Люблю Вас, милый,

Ваш Боря

* В курсе дел (*фр.*).

Спасибо, близкий, за письмо: мы с Асей *очень*, *очень* его поняли. Б.

Приписка А. А. Тургеневой:

Алеша милый,

спасибо за письмо. Из наших от вас единственного. Остальные черты молчат.

Наконец мы уселись, кажется, месяца на 2. Живем в арабском доме на краю арабской деревни. Она вся белая с плоскими и круглыми крышами подымается в гору. С другой стороны вид на море, поля и далекие горы.

Еще красивей, чем в Monreale, и как-то ближе можно с этим сродниться. В Monreale — как-то все оставалось чуждо.

Важничаем — на крыше и тут, на турецком диване.

Алешенька милый, я тебя мало видела в Москве, и мне жаль.

Ну, увидимся. Пиши.

Целую.

Почт. шт.: Maxulla-Radès. 16.1.11; Москва. 9.1.1911.

[1] Письмо сопровождается двумя рисунками Белого, выполненными чернилами.

49. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Максулла-Радес. 13/26 января 1911 г.

Дорогой, милый Алексей Сергеевич,

на этот раз пишу Тебе совершенно деловое письмо, которое я прошу Тебя частями прочесть Кожебаткину[1], а другою частью Эмилию Карловичу. 1) *Кожебаткину*:

Я сейчас в совершенно невозможном положении относительно «*Мусагета*». Я имею основания, как член Редакции, думать, чтобы хотя бы главное, происходящее в «Мусагете», мне сообщали. Конечно, это на обязанности *Секретаря*. ***Я ровно ничего не знаю***. Печатается моя книга; ни звука: я по некоторым основаниям удерживаю присылку *Предисловия*[2], пишу: печатается ли книга — ни звука. Прошу мне прислать вышедшие книги[3] — ни звука; спрашиваю, дошли ли 8 моих фельетонов[4] — ни звука; пишу, чтобы фельетоны мои собирали, ибо из них составится книга[5] — ни звука; пишу, чтобы напечатанные фельетоны мне выслали[6] — ни звука; спрашиваю о ритмическом кружке (протоколы мне

обещали высылать) — ни звука. Могу думать, что нет «*Мусагета*», ни Александра Мелетьевича, ни ритмического кружка, ни «*Арабесок*», — ничего: только вскользь из Твоего письма, да Миши Сизова[7], да маминова <так!> вижу, что «*Мусагет*» есть[8]. *Такое гробовое молчание*, когда связан делами и сроками с «*Мусагетом*» — невыносимо. Далее: я дал Алекс<андру> Мел<етьевичу> доверенность распоряжаться моими рукописями; естественно, мне нужно знать, что стало с 8 фельетонами. *Ни звука*. Я начинаю жалеть, что дал Ал<ександру> Мел<етьевичу> доверенность: с Конторой Редакции «Мусагета» мне придется *все оборвать*, что неудобно мне, и сноситься прямо с Эм<илием> Карл<овичем>, или Тобой. И вот я прошу, дорогой, передать Ал<ександру> Мелетьевичу, чтобы он ясно и точно сказал 1) Почему нет сведений о том, что стало с фельетонами? 2) Почему Асе не высылают обложек[9]? 3) Посылают ли С. Н.[10] фельетоны? 4) Какие книги вышли? 5) Получили ли мое предисловие? 6) Когда выходят «*Арабески*»? 7) Согласно ли Издательство издать книгу моих фельетонов? 8) Согласен ли Секретарь Редакции со мной сноситься лично; если да: то я немедленно по всем пунктам жду ответа; если нет: я прошу убедительно освободить меня от необходимости сноситься с Редакцией, *принципиально немой*, ибо вся моя работа только тогда возможна, если* я поставлен в курсе дела: пусть сносится со мной Ахрамович[11]. ***Я требую*** (слышишь ли, требую), чтобы меня ставили в известность и отвечали на вопросы; писем на 12 от Кожебаткина ***ни звука***...

Кроме внешних недопустимостей и сложностей из этого *гробового молчания* для меня возникла недопустимая денежная путаница. Уезжая, я хотел взять еще лишних несколько сот рублей (это передай Кожебаткину); если бы взял, то не пришлось бы проживаться. Кожебаткин меня уверил, что тотчас же по получению телеграммы вышлет, что на это нужно день-два; хорошо: приезжаю в Палермо и в тот же день телеграфирую на адрес Hôtel'я; проходят день, другой, третий; четвертый, пятый, шестой; в отеле за это время грабят ужасно[12]; день вместо 20 нормальных франков стоит *не менее 50—60. Съехать до получения денег — нельзя*. На седьмой день, после трех телеграмм, стоивших мне франков 20, приходят деньги[13], из которых здоровый *куш отдаю за... ожида-*

---

* *Над словом вписано*: когда.

ние. Проклинаю путаницу; от этого стеснен в деньгах; приезжаю в Тунис — та же история; мы находим в Радесе сносное помещение, но 8 *дней* сидим в Hôtel'e, ожидая ответа на телеграмму[14]; приходят деньги и... снова из них плачу за ожидание; передай Ал<ександру> Мел<етьевичу>, что он уже испортил мое путешествие; пишу ему далее, чтобы условиться, как быть в следующий раз, и вот прошло уже 16 *дней — ни звука*!! Мы с Асей ругаемся; прошу Тебя, милый, передай Кожебаткину, что на ожидание денег в Палермо и Тунисе, сверх двух дней (там два — здесь два = 4) мы ждали: 7 и 8; итого: 12 дней лишних мне пришлось платить по 50 франков в среднем, то есть 50 х 12 = *600 франков*, то есть более чем 200 рублей вылетело на *ожидание*!! Посуди сам, есть отчего придти в ярость: на эти 200 выброшенных рублей мы теперь были бы в Каире. Итого: *Кожебаткин нас лишил Каира.* Ася читает мои слова и подтверждает их. Прими всерьез мои слова: ввиду того, что я буду с Асей еще несколько месяцев за границей, я заранее должен знать, как мне урегулировать сношение с «*Мусагетом*». Прошу это письмо прочесть Эмилию Карловичу: и далее, если и впредь будет так идти дальше, я прошу всех «*Мусагетцев*» заступиться за меня; хорошо Вам в Москве, но каково в *Африке* зависеть от чудачеств Кожебаткина!!!

Так: после того, как я писал Кожебаткину о том, что на ожидание *денег* пришлось платить деньги и просил пунктуальности, после того, как Эм<илий> Карлович мне писал, что вышлют 300 рублей[15], после моего письма о том, что кроме 300 мусагетских я прошу хотя бы часть за фельетоны 150 р., — мне высылается не *300 и* потом *150* (за фельетоны), а — *200* и далее — молчок! Я пишу, что письма идут 12 дней, что у меня в кармане 170 франков, что телеграммы посылать не буду и прошу немедленно по получению выслать; проходит дней *16* — ни звука, ни денег; еще *два-три дня*, и я живу в долг! Это — недопустимо; *я серьезно требую*, чтобы *нормально* от меня требовали отчета, как я должен требовать отчет. А получается сплошная неразбериха; и от этой неразберихи запутывается моя работа, портится настроение и все наши планы с Асей висят в воздухе. Кожебаткин ждет 5 телеграмм, но *вообще телеграфировать я не намерен* (дорого). Итак, милый, жду от Тебя, чтобы Ты возбудил *дело обо мне: я обвиняю*!![16] Пусть Сизов, Киселев, Эллис, Нилендер[17], Эм<илий> Карл<ович> и Ты вступятся за меня, если будет продолжаться впредь путаница.

Прошу это прочесть или изложить Кожебаткину и Эмилию Карловичу.

Ну вот. Христос с Тобой.

Любящий Тебя

Б. Бугаев

Только Тебе.

P.S. Африка манит. Европа неинтересна[18]; попасть в Африку и не использовать — стыдно. И вот у нас с Асей есть настроение: ехать в Каир, потом в Иерусалим. Ехать можно, но... нужна отчетливость в деньгах; несколько месяцев 300 рублей + хотя бы 100 фельетонных; зажариваю для этого фельетоны. Милый, Ты меня понимаешь: если Кожебаткин будет все путать, ничего не выйдет. Вот почему нужны нам разные финансовые выяснения: а для этого — отчетность. Я поручил посылать фельетоны Кожебаткину. Что он с ними делает? Во-вторых: я медлю писать ему доверительное письмо о Кавказском имении[19], все по той же причине — гробовому молчанию. Что оно значит?

Еще раз обнимаю Тебя.

Ася целует.

В конце письма несколько мелких зарисовок арабских типов и сцен (рукой А. А. Тургеневой) и **приписка А. А. Тургеневой**: Египет или Италия? Алешенька, как? Италию мы почти не видели, но Египет и даже кусочек Азии. Как? Алешеньку целую. Алешенька: был ли у д'Альгеймов и как с ними?

Отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Maxulla-Radès. 26.1.11; Tunis. 26.1.11; Москва. 20.1.1911 и 21.1.11

[1] Кожебаткин Александр Мелетьевич (1884—1942) — издательский работник, владелец издательства «Альциона», секретарь издательства «Мусагет» в 1910—1912 гг. Переписка Белого с ним опубликована: *Белый — Кожебаткину.*

[2] Речь идет о книге статей Белого «Арабески», выпущенной в свет издательством «Мусагет» 2—9 марта 1911 г. Предисловие к ней датировано: Тунис. Январь 1911 г.

[3] Со времени отъезда Белого за границу «Мусагет» никаких книг не опубликовал. В письме к Белому от 11 января 1911 г. Э. К. Метнер жаловался на то, что сотрудники издательства «бездельничают» и не посылают давно обещанные переводы (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

[4] В Монреале Белый начал работу над путевыми очерками — с целью публикации в газетах. Из предполагаемых гонораров он планировал оплатить дорожные расходы и отчасти свой долг «Мусагету» за полученные авансы в счет будущих книг. Как видно из следующих писем, вполне разумный план Белого почти сразу столкнулся с трудностями. Газета «Утро России», в которой Белый опубликовал несколько фелье-

тонов в 1910 г., не хотела печатать путевые очерки (см. п. 50) и опубликовала лишь один из них – «Арабы (Из писем с дороги)» (Утро России. 1911. № 77, 5 апреля).

[5] Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 1 января 1911 г. из Монреале: «сейчас жарю ежедневно по фельетону; кажется, сумма фельетонов обещает составить книгу "*Путевые заметки*": собираюсь предложить "*Мусагету*"» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 25). Его путевые впечатления вошли в «Путевые заметки», готовившиеся в 1912 г. к изданию в «Мусагете». После того как Белый порвал отношения с этим издательством, они были переданы издательству «Сирин». Однако первый том книги (в переработанном виде) был опубликован лишь позднее (см. п. 39, примеч. 1).

[6] Присланные Белым фельетоны еще не были напечатаны.

[7] Сизов Михаил Иванович (1884–1956) – физиолог, педагог, критик и переводчик (псевдонимы: М. Седлов, Мих. Горский и др.); сотрудник «Мусагета»; антропософ. См. запись в *РД* о мае 1909 г.: «ряд очень ответственных и важных разговоров о "*коллективе*": с Петровским, Киселевым, Метнером и приехавшим из Петербурга М. И. Сизовым». Ср. *МБ* об октябре 1910 г.: «Эзотерические собрания нашей "*пятерки*" с молчанием (я, Метнер, Сизов, Киселев, Петровский), которые, кажется, в обузу всем, но во имя прихода "*кого-то*" для "*чего-то*" ("*бред*" исчезнувшей Минцловой ею навязан нам в наследство, так сказать)». Эти «эзотерические собрания» продолжались у Сизова вплоть до отъезда Белого за границу. Летом 1910 г. «Мусагет» выпустил в свет «Одеяние духовного брака» Рейсбрука Удивительного в переводе Сизова. Подробнее о нем см.: Розенкрейцеры в советской России: Документы 1922–1937 гг. / Публ. А. Л. Никитина. М., 2004. С. 228–234.

[8] 4 января 1911 г. А. Д. Бугаева писала сыну: «Меня навещают, заходил<и> Петровск<ий>, Нилендер, Батюшк<ов>, Васил<ий> Васильев<ич Владимиров> и др. <...> Слышала, что в "Мусагете" очень оживленно. Э. К. <Метнер> очень занимается деятельно делами редакции» (РГБ. Ф. 25. Карт. 12. Ед. хр. 6). 10 января 1911 г. она ему же писала: «Ты спрашиваешь, есть ли что нового в Москве, – особенно ничего, если не считать всяких мелочей. В "Мусагете" всё идет оживленно и дружно. Эмилий Карлович очень входит в дела редакции. Всё это я слышала от Нилендера, который был у меня не раз» (Там же).

[9] 17/30 декабря 1910 г. Белый писал А. М. Кожебаткину: «Ася просит прислать оттиски на разных бумагах "Stigmata" и "Альманах"» (*Белый – Кожебаткину*. С. 152). А. А. Тургенева оформила обложки трех книг, изданных «Мусагетом»: «Stigmata. Книга стихов» Эллиса (вышла в свет 16–23 февраля 1911); «Антология» (2–9 июня 1911); «Цветник царевны. Третья книга стихов (1909–1912)» Сергея Соловьева (28 января – 4 февраля 1913). 11 января 1911 г. Э. К. Метнер писал Белому: «Обе обложки Аси мне очень понравились, особенно для "Стигматов"» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

[10] Кампиони (урожд. Бакунина, в первом браке Тургенева) Софья Николаевна – мать сестер Тургеневых. Белый посылал ей фельетоны для передачи Кожебаткину.

[11] Ахрамович (Ашмарин) Витольд Францевич (1882–1930) – литератор, с которым Белый познакомился в августе 1909 г. (*РД*). В сентябре проходил ряд организационных заседаний нового издательства «Мусагет»; в них «участвовали: Эллис, Петровский, Сизов, Киселев, Рачинский, Э. К. Метнер, я, Кожебаткин, Ахрамович, Степпун, Гессен, Нилендер» (*РД*). Впоследствии Ахрамович сменил Кожебаткина на должности секретаря издательства.

[12] 4/17 декабря 1910 г. в день приезда в Палермо Белый послал телеграмму Кожебаткину: «Envoyez vite explications viennent. Bougaieff. Palmes» («Вышлите <денег> быстро. Объяснения следуют. Бугаев. <Hôtel de> Palmes» (*фр.*)) (*Белый – Кожебат-*

кину. С. 150). А через несколько дней он отправил ему открытку, в которой писал: «Что же телеграмма с переводом? В ожидании ответа и денег каждый день обходится в три раза дороже» (Там же).

[13] 11/24 декабря 1910 г. Белый писал Кожебаткину: «деньги получил» (*Белый — Кожебаткину*. С. 151).

[14] 22 декабря 1910 г./4 января 1911 г., в день приезда в Тунис, Белый отправил телеграмму Кожебаткину: «Vite vite trois cents. Tunis. Hôtel Eymon. Bougaieff» («Быстро, быстро триста <рублей>» (*фр.*)) (*Белый — Кожебаткину*. С. 155). В этот же день он также послал ему две открытки с просьбой: «Скорей 150 рублей (по переводу и адресу) Hôtel Eymon» (Там же. С. 156).

[15] 19 декабря 1911 г. Э. К. Метнер писал Белому из Москвы: «...тем не менее Вы не беспокойтесь; мы будем Вам высылать *пока* 300 р.; дальше будет видно; м<ожет> б<ыть>, Вы переедете в Ниццу, где дешевле, или просто сократите срок пребывания за границей, напр<имер,> до весны» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 6).

[16] «Я обвиняю!» («J'accuse!») — фраза из письма Э. Золя к президенту Французской республики, посвященного делу Дрейфуса (L'Aurore. 1898. 13 janvier), ставшая крылатой.

[17] Нилендер Владимир Оттонович (1883—1965) — филолог-классик, переводчик; сотрудник издательства «Мусагет», который выпустил в свет его перевод «Фрагментов» Гераклита в начале октября 1910 г. Состоял в дружеских отношениях с Белым с середины 1900-х гг.

[18] 30 января/12 февраля 1911 г. Белый писал матери из Радеса: «Ты пишешь, чтобы мы лучше возвращались в Европу... Ну нет! После Туниса бледно и пресно жить... хотя бы в Италии: все покажется бедно; и притом: сейчас во Франции холода до 20° ниже нуля; в Италии выпал снег; ехать в Европу — мерзнуть. <...> тут свободнее, шире, прекраснее Европы; и если мы из Радеса уедем, то уедем либо на юг Туниси к Сахаре, либо на юг Алжирии, либо, что почти наверное... мы едем в Египет, к пирамидам. Египет на востоке от нас, и путь на Египет есть путь медленного приближения к России вдоль берегов Африки и малой Азии <...> Из Египта мы тогда поедем в Иерусалим» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[19] Речь идет об устройстве дел, связанных с участком земли вблизи Адлера — отцовским наследством Белого, который Белый в первой половине 1910-х гг. неоднократно в надежде избавиться от долгов и материальной нужды пытался продать. См.: *Андрей Белый и Иванов-Разумник*. С. 37, 39 (примеч. 9). 11 января 1911 г. Э. К. Метнер писал Белому: «...все-таки надлежит экономить и Вам; <...> Я бы советовал Вам как можно скорее двинуть Ваше дело с кавказским имением. Пишите скорее обещанные письма нам и Вашей маме» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

50. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 18 января 1911 г.

Москва. 1911 18/I

Боря милый. Спасибо за письмо. Не надо писать часто и тем более отвечать на письма, ибо все написанное Мише, или Льву[1], или Метнеру, или Кожебаткину становится до некоторой степени достоянием общим. У нас тут несколько расхворался Гр<иго-

рий> Ал<ексеевич> и даже принужден был ехать лечиться в Ригу. Тревожиться за него особенно не надо: перевозбужденность на почве неврастении[2], но далеко не такая сильная, как в прошлый раз четыре года тому назад, нервные дерганья и т.д. Все же грустно. Я проводил его[3] и на обратном пути заезжал в Петербург, навестил Вяч<еслава> Ив<ановича>. (Э<милий> К<арлович> тоже у него был в декабре[4].) Он сильно поддался в сторону церковности, признает мораль и право: «Этим я сдаю последнюю порцию мистического анархизма»[5], подчеркнул он с грустной résignation*. Несколько отдалился или заслонился от нас. Или же мы отдалились. С нежностью расспрашивал о тебе (Вас?) и об Асе, которая ему очень понравилась на карточке. — Марг<арита> Вас<ильевна>[6] передала Шт<ейнеру> пачку оставленных ей его писем к А.[7]. «Он улыбнулся и сказал, чтобы я не торопилась. О ней говорить еще рано, Вы понимаете почему?», но не объяснил, почему рано. — В «Мусагете» все благополучно, хотя довольно медлительно. На днях должны выйти одновременно «Арабески»[8], «Стигматы»[9] и книга Э<милия> К<арловича>[10]. Приступили к «Логосу»[11]. О ритмическом кружке я попрошу Сидорова[12] написать тебе. — Лев кроток и тих необычайно. Почти не ругается, все хороши, со всеми мирится, пишет детскую пьесу, умилителен до невозможности. Прокурор прекратил его музейское дело: на этот раз *окончательно*[13]. Я невыразимо рад этому — Киселев сидит мирно и безвыходно. Миша пишет сам. — Дружу с нагрянувшими д'Альгеймами. Нат<аша>[14], вероятно, писала о своем свиданье с ними, так что не распространяюсь. — Пусто мне в Москве сейчас очень, но чувствую, как дни пошли на прибыль, солнце к лету, ближе надежда. Утешаюсь близостью. В трудные минуты прикасаюсь памятью, и это немедленно исцеляет — раньше я както не мог, не умел этого. Все очень тихо. Кроткие вечера. Милый друг, мир Вам. Целую и обнимаю и люблю. Не думайте много о наших здешних делах, будьте покойны. И нам будет спокойнее знать, что Вы не тревожитесь, а мы часто с Вами. До встречи доживем, и сейчас это все, что надо.

АП.

Асенька, спасибо за письмо, а в памяти я и так уверен. Вчера был концерт М. А.[15], удавшийся. Вечером был потом у д'Альгеймов. Они очень милы и трогательны. П. И.[16] отозвал меня и спро-

---

* Покорностью (*фр.*).

сил, имею ли я известия о Наташе и о тебе[17]. Оба очень постарели за это лето. Программа концерта тайно была посвящена вам обеим. Была Миньона, die junge Nonne (Наташе), arme Peter*[18] (увы! для меня — это уже второй раз — смешно и трогательно, больше трогательно, чем смешно) и т.п. Я догадался, а потом П. И. признался, что это так. Ну что с ними делать! Решительно не способен с ними ссориться. Будут еще два концерта в Москве, затем турнэ по провинции и отъезд за границу. Напишу еще — на днях приехала Таня[19] — надо ее устраивать. Пока прощай. Целую и люблю.

АП.

Непременно привезите мне хоть немножко мускуса и амбры. Это моя мечта.

[1] М. И. Сизов и Эллис.

[2] 10 января 1911 г. Н. А. Бердяев писал В. Ф. Эрну: «Беда у нас с бедным Григорием Алексеевичем. Ему настолько сделалось плохо, что его отвезли в Ригу на поправку» (*Взыскующие града*. С. 310). Рачинский находился на лечении в клинике нервных болезней доктора Э. Э. Соколовского в Риге. Он лечился там и раньше. См.: *Голлербах*. С. 83—84.

[3] 26 января 1911 г. А. Д. Бугаева писала Белому: «Алекс<ей> Серг<еевич> уехал с Рачинским в санаторий, в Финляндию. Рачинский опять нервно заболел» (РГБ. Ф. 25. Карт. 12. Ед. хр. 6).

[4] 19 декабря 1910 г. Э. К. Метнер сообщал Белому: «В Петербурге я навестил один раз Вячеслава; просидел до 2-х ч. ночи; очень хорошо поговорили. Вячеслав стал лучше, чище, мягче; он, по-видимому, действительно очень любит меня» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 6).

[5] Имеется в виду философско-эстетическая доктрина, выдвинутая Г. И. Чулковым в его книге «О мистическом анархизме. Со вступительной статьей Вяч. Иванова “О неприятии мира”» (СПб., 1906). Белый увидел в мистическом анархизме профанацию основ символизма и подверг это учение беспощадной критике. Его рецензия на книгу напечатана в «Золотом руне» (1906. № 7/9. С. 174—175). Едва ли не все статьи Белого 1907—1908 гг. прямо или косвенно включают в себя элемент полемики с «мистическим анархизмом».

[6] Сабашникова М. В. (1882—1973) — художница, дочь кяхтинского купца В. Сабашникова, двоюродного брата издателей М. и С. Сабашниковых; первая жена М. А. Волошина; антропософка. Автор воспоминаний «Die grüne Schlange» (1968; русский перевод: Зеленая змея. СПб., 1993; М., 1993). В это время она часто ездила по Европе в окружении Рудольфа Штейнера, слушая его лекции.

[7] Имеется в виду Анна Рудольфовна Минцлова (1866—1910?) — деятельница теософского движения, переводчица, одна из первых русских учениц Штейнера. Перевела на русский язык его «Теософию» (СПб., 1910) и его лекцию «Тайна Розы и Креста». Подробно о ней см. «маленькую монографию» Н. А. Богомолова «Anna-Rudolph» (*Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 23—110).

[8] См. п. 49, примеч. 2.

[9] См. п. 49, примеч. 9.

* Молодая монахиня, бедный Петр (*нем.*).

[10] Книга Э. К. Метнера «Модернизм и музыка. Статьи критические и полемические (1907—1910). Приложения (1911)» была выпущена в свет «Мусагетом» под его обычным псевдонимом («Вольфинг») лишь в 1912 г. (19 июня — 2 июля).

[11] «Логос» — русское издание международного ежегодника по философии культуры, выпускавшееся «Мусагетом» до 1914 г. В мае 1910 г. вышел первый номер. В нем была напечатана рецензия Белого на книгу Э. Бутру «Наука и религия в современной философии» (СПб., 1910) (С. 282—284; подпись: Борис Бугаев); во втором номере «Логоса» опубликована статья А. Белого «Мысль и язык (Философия языка А. А. Потебни)» (С. 240—258). Белый больше в нем не участвовал. О «Логосе» см.: *Безродный М. В.* Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 372—407; *Емельянов Б. В., Ермичев А. А.* Журнал «Логос» и его редакторы. Екатеринбург, 2002.

[12] Сидоров Алексей Алексеевич (1891—1978) — книговед, искусствовед, художественный критик, поэт; член «Ритмического кружка» при издательстве «Мусагет». Автор предисловия к книге: Гравюры из коллекции А. С. Петровского. Каталог. М., 1980. С. 3—6.

[13] «...эллисовский, музейский инцидент срывает с работы; развиваю бешеную энергию в деле ликвидации инцидента» (август 1909 г., *РД*). Эллиса обвиняли в порче книг библиотеки Румянцевского музея. См.: «Инцидент с Эллисом» (*Между двух революций*. С. 328—332, примеч. на с. 535—538).

[14] Тургенева Наталия Алексеевна (1886—1942) — сестра А. А. Тургеневой, жена А. М. Поццо, деятельница антропософского движения.

[15] Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм (см. п. 33, примеч. 1). «Lieder Abend, данный 17-го января в малом зале Благородного собрания <...> Заключительных песен Шумана и Шуберта, в которых г-жа Оленина-д'Альгейм является такой несравненной толковательницей, мне, к сожалению, не довелось дослушать» (*Г. К.* <*Г. Конюс*>. Концерт д'Альгейм // Утро России. 1911. № 14, 19 января).

[16] Пьер, т.е. Петр Иванович д'Альгейм (см. п. 33, примеч. 1).

[17] 11 января 1911 г. Э. К. Метнер писал Белому: «Д'Альгеймы приехали злые-презлые; негодуют и на Асю и на Наташу. Я еще два раза подолгу беседовал с Наташей и очень подружился с ней» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7). Сестры Тургеневы были племянницами М. А. Олениной-д'Альгейм.

[18] Имеются в виду две песни Шуберта — «Mignon», D. 321 (1815; также: D. 726 (1821) и D. 727 (1821)) и «Die junge Nonne», D. 828 (1825) — и «Der arme Peter» Шумана, op. 53, № 3.

[19] Тургенева Татьяна Алексеевна (1896—1966) — сестра А. А. Тургеневой, жена С. М. Соловьева (с 1912 г.); впоследствии заведовала рукописным отделом Государственного литературного музея.

51. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 29 января 1911 г.

Москва. 1911 29/I

Милый Боря. Получил Твое деловое письмо несколько дней спустя после того, как Кожебаткин решился наконец Тебе написать. Я имел с ним разговор. Обвинения в неаккуратности при-

сылки денег он с себя снимает, слагая все запоздания на банки, праздники (заперта контора К. П. Метнера[1] и банки) и т.д. Относительно же молчания тут вряд ли можно помочь. Лучше уж буду я писать чаще и деловитее[2]. Во всяком случае, буду иметь надзор на<д> ним, Тебя же прошу обращаться с запросами также и ко мне. Таким образом надеюсь удастся держать Тебя сколько-нибудь в курсе дел. Отвечаю по пунктам: 1) «Арабески» отпечатаны и должны выйти со дня на день[3]. 2) «Стигматы» тоже[4]. Лев забраковал обложку на серой бумаге и остановился на желтоватой. Рисунок на серой действительно вышел неясно, напр<имер> зверка почти нельзя было разобрать, верх башенки сливался с штриховкой тени, и т.д. Красной будет только буква S, так лучше. Оттиски будут посланы Асе, ожидание же ее ответа слишком задержало бы без того запоздавшую книгу. Позабочусь, чтобы было послано Дансу[5] (оттиск или книга? — *ответь*). 3) Приступают к печатанию «Альманаха» (желательно бы, и еще не поздно, Твоих стихов)[6], «Прекр<асной> Дамы»[7] и «Логоса»[8]. 4) Книга Твоих «Пут<евых> Зам<еток>» конечно будет издана и фельетоны собраны (позабочусь и о посылке С. Н.)[9]. С фельетонами вышла задержка: «Утро России» держало и не печатало[10]. Оно хиреет и тяготится, по-видимому, «отсутствием общественности», как выразился Алексеевский[11]. Тогда их переправили в «Речь», где и появился 4 дня тому назад первый фельетон[12]. В «У<тре> России» пойдут фельетоны африканские, где отсутствие общественности возмещено «экзотичностью». 5) В «Русск<ой> Мысли» напечатано о Толстом и, вероятно, будет речь о Достоевском[13]. 6) Предисловие к «Араб<ескам>» получено. 7) О ритмич<еском> кружке написал тебе Ахрамович[14]. 8) Возобновились после праздников Мусагетские Среды[15]. Читал Лев о Символизме и католичестве, были прения Степпуна[16] с Бердяевым, Львом и Топорковым[17], очень блестящие. Следующую среду Сережа читает о Дельвиге[18]. Было людно и хорошо. Лев говорил очень хорошо, четко и «не от себя», с веянием кого-то и чего-то, что больше его. Вообще Лев — одно утешение. 9) Нилендер перевел «все что есть» Парменида и Фалеса[19]. 10) В Университете забастовки сплошные[20]. Вероятно, будут закрыты до будущего года. Причина — циркуляр министра, отменяющий в корне автономию. 11) Григ<орий> Алексеевич все еще в Риге. По-видимому, у него было незначительное кровоизлияние в мозг (т.е. удар)[21]. Поправляется. Видел недавно во сне одну знакомую: Она улыбаясь сказала мне: «заповедь новую даю

вам, да любите друг друга», я ответил: «да ведь мы любим», она опять улыбнулась, и сон прекратился. — Тревожиться о нем не надо. 12) Наташин адрес: Italie, Portofino, Mare Ligure, Ristorante Nazionale, M. Pozzo[22]... 13) Миша, Киселев — благополучны, и писать о них нечего, пусть пишут сами. 14) С д'Альгеймами дружу, но видаюсь не часто, очень трогательны. 15) Обо мне ничего нового. Благополучен. 16) Кажется, теперь все. Да вот еще: 10-го февраля вечер о Соловьеве, приедут Вяч. Ив<анов> и Блок[23]. Тогда напишу. С Бердяевым в наилучших отношениях. «Пути»[24] предлагает Тернавцев перевод Ньютонова толкования на Апокалипсис[25]. Там колеблются. Вот бы нам! Меня радует, что Ты пишешь о пустыне. Поклонись ей от меня: я давно и верно люблю ее и знаю (?) Нубия была Твоей родиной, там Ты был девушкой-христианкой, смотрел на закат и слушал рыкание львов — таким видела Тебя однажды Клеоп<атра> П<етровна>[26].

Асе: Египет и кусочек Азии, и Италия, когда утомит многообразие и потянет работать. Целую и обнимаю обеих вместе и зараз.

Любящий их А. Петровский

[1] Метнер Карл Петрович (1846—1921) — отец Э. К. Метнера; один из директоров акционерной компании «Московская кружевная фабрика».

[2] В письме к А. М. Кожебаткину от середины февраля (н. ст.) 1911 г. Белый сообщал: «...я ужасно на Тебя досадовал это время за молчание и за опоздание денег. Но Ал<ексей> Серг<еевич> мне написал, что тут вина не Твоя; и извиняюсь... Но все же с молчанием о "*Мусагете*" принципиально не мог мириться; теперь Ал<ексей> Серг<еевич> будет мне писать» (*Белый — Кожебаткину*. С. 157).

[3] См. п. 49, примеч. 2.

[4] См. п. 49, примеч. 9.

[5] Данс (Michel Auguste Danse; 1829—1929) — гравер, преподаватель гравировального искусства в Брюсселе; А. А. Тургенева училась у него.

[6] Речь идет о сборнике стихов «Антология» издательства «Мусагет» (М., 1911), вышедшем в свет 2—9 июня 1911 г. Альманах собрал все «движущие силы» символизма и привлек к участию ряд молодых и начинающих поэтов. В нем Белый опубликовал два стихотворения: «Перед старой картиной» и «Вещий сон» (оба затем вошли в сборник стихов Белого «Королевна и рыцари. Сказки», 1919).

[7] Имеется в виду книга «Стихи о Прекрасной Даме (1898—1904)» (2-е изд., испр. и доп.), которая была выпущена в свет «Мусагетом» в 1911 г. (12—19 мая) как первая книга «Собрания стихотворений» А. А. Блока.

[8] Имеется в виду второй выпуск ежегодника см. п. 50, примеч. 11.

[9] См. п. 49, примеч. 5 и 10.

[10] См. п. 49, примеч. 4. В середине февраля (н. ст.) 1911 г. Белый писал А. М. Кожебаткину: «Вот хотя бы молчание о том, что "*Утро России*" не хочет печатать мои фельетоны, для меня почти удар, ибо все мои надежды на то, что количеством фе-

льетонов я покрою 3000; для этого надо *60* фельетонов; и мне их легко писать, ибо пишу то, что вижу» (*Белый — Кожебаткину*. С. 157).

[11] Алексеевский Аркадий Павлович (1871—1944) — член редакции «Утра России», родственник Леонида Андреева. 19 февраля 1911 г. Э. К. Метнер писал Белому: «...центральный интерес дня в настоящее время политическое состояние как внутреннее, так и *внешнее*; *«Речь»* и *«Утро России»* печатают Ваши путевые фельетоны без особенной охоты, т.к. это не совпадает с переживаемым Россией моментом; Вас печатают главным образом потому, что считают своим сотрудником и ждут от Вас в будущем фельетонов на общественные и литературные темы. На это обстоятельство Вы не должны закрывать глаза» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

[12] «Речь» опубликовала в течение 1911 г. семь нумерованных фельетонов Белого в серии «Путевые заметки»: 1) «Венеция» (№ 24, 25 января»); 2) «От Венеции до Палермо» (№ 32, 2 февраля); 3) «Палермо» (№ 43, 13 февраля); 4) «Пестрый сфинкс» (№ 151, 5 июня); 5) «Смех и слезы» (№ 179, 3 июля); 6) «Радуга Монреаля» (№ 200, 24 июля); 7) «Тунис» (№ 267, 29 сентября).

[13] Имеется в виду статья «Лев Толстой», опубликованная в первом номере журнала «Русская мысль» за 1911 г. (Отд. II. С. 88—94); она вошла в состав брошюры Белого «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой», выпущенной «Мусагетом» в 1911 г. (10—17 ноября). 1 ноября 1910 г. Белый выступил в Московском религиозно-философском обществе с лекцией «Трагедия творчества у Достоевского». Она не была опубликована в «Русской мысли», а ее содержание нашло отражение в брошюре «Трагедия творчества». 11 января 1911 г. Э. К. Метнер писал Белому: «Мы хотим издать Вашу лекцию о Достоевском брошюрою, но существуют две редакции; которую взять как основной текст?» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

[14] Ахрамович служил секретарем Ритмического кружка при «Мусагете» в 1910—1912 гг. Отчет о собрании кружка 17 января 1911 г. был послан Белому Ахрамовичем (РГБ. Ф. 25. Карт. 8. Ед. хр.19).

[15] Имеется в виду кружок «Молодой Мусагет», собиравшийся по средам в студии скульптора К. Ф. Крахта (см.: *Между двух революций*. С. 333, 343).

[16] Степпун (Степун) Федор Августович (1884—1965) — философ, историк, социолог культуры, прозаик; выслан за границу советским правительством в 1922 г. С 1926 г. занимал кафедру социологии в Дрездене, а с 1946 г. — профессор Мюнхенского университета. См. его «Памяти Андрея Белого» (*Степун Федор*. Встречи. Мюнхен, 1962. С. 160—186). 27 января 1911 г. С. П. Бобров писал Белому: «Вчера же вечером в "Мусагете" Эллис делал маленький доклад об отношении католицизма к символизму — собственно, это предисловие к "Stigmata", которые все еще не вышли (как и Ваши "Арабески"...). Был Бердяев, Степпун. Степпун возражал Эллису — очень остроумно и весьма ядовито. И хоть на него набросились Эллис, Бердяев и Топорков, они с ним сделать ничего не могли» (*Бобров — Белому*. С. 155). Петровский дает прямо противоположную оценку исхода прений в письме к Г. А. Рачинскому от 30 января 1911 г.: «В среду было собрание в "Мусагете". Лев читал о символизме и католичестве, очень складно. Затем беседа между Степпуном, Львом, Бердяевым и отчасти Топорковым, прекрасно резюмированная Львом. Ваше сердце порадовалось бы: сильно Степпуна пощипали, и в то же время очень элегантно» (Там же).

[17] Топорков Алексей Константинович (1882—1934) — философ, публицист.

[18] См. письмо С. М. Соловьева к Белому от 9 февраля 1911 г.: «Я сегодня вечером читаю в Мусагете о Дельвиге» (*ЛН. Т. 92, кн. 3*. С. 379). См. также письмо С. П. Боброва к Белому от 16 февраля 1911 г.: «В прошлую среду в "Мусагете" Сергей Соловьев читал статью о Дельвиге. Статья оказалась очень маленькой и доста-

точно поверхностной. Было очень много народу. Был Вячеслав Иванов, Брюсов. После лекции Иванов говорил с Сергеем Михайловичем и совершенно уничтожил его (это не было прениями)» (*Бобров – Белому.* С. 158).

[19] «Мусагет» выпустил только «Фрагменты» Гераклита в переводе Нилендера (см. п. 49, примеч. 16). Его переводы из древнегреческих философов Парменида (р. ок. 540 или ок. 520 до н. э.) и Фалеса (ок. 625 — ок. 547 до н. э.) остались неопубликованными.

[20] Имеются в виду происходившая в начале 1911 г. в Московском университете длительная студенческая забастовка и сопровождавшие ее репрессивные меры (исключение нескольких тысяч студентов). В знак протеста против политики министра просвещения Л. А. Кассо ректор А. А. Мануйлов, его помощник М. А. Мензбир и проректор П. А. Минаков подали в отставку и были уволены. За ними добровольно покинул университет ряд профессоров и доцентов. К 10 февраля 21 профессор и 67 доцентов вышли в отставку (см.: Утро России. 1911. № 32, 10 февраля). 15 февраля 1911 г. А. Д. Бугаева писала Белому: «У нас теперь в Москве большой переполох. Университет накануне закрытия, подали в отставку 45 профессор<ов> с приват-доцентами. Мануилов, Мензбир, Умов и много-много других, лучшие профессора все подали в отставку. Событие небывалое, что будет дальше — неизвестно» (РГБ. Ф. 25. Карт. 12. Ед. хр. 8). 22 февраля она писала ему же: «В университете всё затихло. Все лучшие профессора подали в отставку, читать лекции некому. Никогда ничего подобного не было в университете» (Там же).

[21] 7 февраля 1911 г. С. Н. Булгаков писал А. С. Глинке: «Григорий Алексеевич в санатории в Риге. У него был легкий удар, повлиявший на двигательные центры, но надеются, что он справится, но должен будет еще пожить там» (*Взыскующие града.* С. 334).

[22] См. письмо Э. К. Метнера к Белому от 11 января 1911 г.: «Наташу Ваше "послание" уже не застало в Москве. Она недавно уехала с Поццо в Италию» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7). Александр Михайлович Поццо (1882—1941) — по образованию юрист, редактор московского журнала «Северное сияние»; муж Н. А. Тургеневой; антропософ, автор статей на антропософские и культурологические темы. Белый познакомился с ним в Боголюбах летом 1910 г. (*РД*), а в июне 1911 г., также в Боголюбах: «дружба с Поццо и с Наташей» (*РД*). В середине ноября 1911 г. Белый и Ася переехали в Москву в квартиру Поццо: Плющиха, 6-й Ростовский пер., дом Орлова (д. 11, кв. 2). Он с женой, Белым и Асей участвовал в строительстве первого Гётеанума в Дорнахе (Швейцария) в 1910-х гг.

[23] Речь идет о заседании Московского религиозно-философского общества 10 февраля 1911 г. в память десятой годовщины со дня смерти В. С. Соловьева. Доклад В. И. Иванова «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания», прочитанный на заседании, был опубликован в кн. «Сборник первый. О Вл. Соловьеве» (М., 1911). 11 февраля 1911 г. М. И. Сизов писал Белому: «Вчера Соловьевский вечер прошел без заметного подъема. Народа было много. Блок заболел и не приехал, его реферат "Рыцарь—Монах" читал я» (*ЛН Т. 92, кн. 3.* С. 379). Доклад Блока был напечатан в том же сборнике.

[24] Деятельность московского издательства «Путь», организованного весной 1910 г. и объединявшего русских религиозных философов и публицистов, подробно освещена в монографии *Голлербаха*; отдельно рассмотрены в ней взаимоотношения Белого с «Путем» (С. 127—134).

[25] «Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна. В 2-х ч.» (1733) Исаака Ньютона (1643—1727) были изданы не издательством «Путь», а пет-

роградским товариществом А. С. Суворина в 1915 г., однако без обозначения переводчика.

[16] Христофорова К. П. (ум. 1934) — по свидетельству *МБ*, двенадцатилетний Боря Бугаев познакомился с ней в начале 1893 г., в тот период, когда ее сыновья входили в его «детское общество». Он часто бывал у нее осенью 1904 г., а в сентябре 1908 г. «К. П. Христофорова мне дарит "Doctrine Secrète" Блавадской; углубляюсь в стансы Дзиан» (*МБ*). В октябре 1908 г. Белый начал «посещать теософский кружок К. П. Христофоровой» (*МБ*). В статье «Андрей Белый и Рудольф Штейнер» А. А. Тургенева пишет, что в 1909 г. Белый от нее впервые получил портрет Штейнера (Мосты. 1968. № 13/14. С. 239). О поздних отношениях Белого с «истеричной Христофоровой» (*МБ*) см. отрывки из *МБ* о 1913—1915 гг. (*Андрей Белый и антропософия 6, 8, 9*). Два письма к ней опубл. мной как второе приложение к этой публикации (*Андрей Белый и антропософия 9*. С. 468—469). Петровский также посещал ее кружок в 1908 г., но вместе с Белым порвал с ним отношения (см. второе письмо Белого к ней). 6/19 февраля 1911 г. Белый писал М. К. Морозовой: «Я слышу — я помню — я узнаю... свое далекое прошлое: я *ведь* родом из Африки (так говорят про меня теософы)» (*Ваш рыцарь*. С. 163).

52. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Максулла-Радес. 11/24 февраля 1911 г.

Дорогой, милый Алексей Сергеевич!

Несмотря на указания Эм<илия> Карл<овича>, несмотря на твои заявления, что будут мне высылать 300 рублей, мне продолжают высылать двести; высылают, правда, чаще, чем в месяц, но... дело не в этом. Дело в том, что, получая 200 рублей, чувствуешь себя дураком. И связанным по рукам и по ногам[1]. Может быть, в Германии и можно прожить на сто рублей путешественнику, в Африке, будучи брошен на расстоянии, на 100 рублей на человека не *проживешь*. На 150 — да. Я это твержу, твержу, твержу, и мне отвечают: высылаем 300; и высылают двести. Да, можно прожить на 200 рублей, лишая себя всего, не будучи в состоянии съездить *ни на одну* экскурсию. Но... обязывать человека, приехавшего в первый и в последний раз в места, где все полно интереса, сидеть, не выходя из комнаты... Может быть... мне «*Мусагетом*» оказывается благотворительность и из милости мне... дают на содержание... Словом, объяснять, почему 300 рублей единовременной высылки значит для меня более *200 + 100* (в 2 приема), я *устал*. Если все это не недоразумение, а *план*, то мне надо так сказать прямо: высылаем-де 200; ну, я и подчиняюсь, хотя это волю мою связывает жестоко. Получаю-де благотворительные *200*, «*и чего ты... пищишь: благодари!..*».

В самом деле, как мне понимать? Вот получил 500 франков; у Аси обтрепалась шляпа (30 франков), Ася лечит зубы (у нее разыгрались); того и гляди 50 фр.; за прожитие из пяти сот отдаю 200; итого: *на жизнь* остается 200 франков. Куда бы то ни было двинуться нельзя: *сиди в Радесе!* Но все же я завтра еду в *Керуан* (священный город Тунисии)[2]; на поездку кладу *100 фр.* Итого останется *100.*

Ведь я же все писал, почему нужно *300*; мне виднее, чем Вам; судить о том, сколько мне нужно, нельзя из-за 2000—3000 верст расстояния.

Если б знал, что придется всю поездку так тревожиться, ни за что не согласился бы, чтобы высылали порциями; или бы не поехал, или бы 1500 взял на руки. Это было бы вдвое дешевле. Черт знает, что делают; истекает срок платы за наем меблир<ованного> помещения. Если я буду в неизвестности о моих планах, куда же мне деваться: придется платить; плачу за месяц вперед, а завтра получаю деньги для отъезда. Ведь чепуха!!! И вот после Кожебаткинской телеграммы «*5-го высылаю 300*», после всех на этом основании построенных планов получаю... *200.* На кой черт мне эти двести? Зачем же тогда обнадеживать. Эм<илий> Карл<ович> писал: «*будет высылать 300*»[3]; Ты писал тоже. Кож<ебаткин> телеграфировал; и ни разу не получил *300*, и всякий раз из-за *ложно* ожидаемых *300* путаница.

О свобода, свобода!..

Я очень благодарен «*Мусагету*», но если бы я знал *детали* и аккуратно выда<ва>емые порциями деньги, если б знал, что срок каждого следующего получения неизвестен, я ***отказался*** бы принять «*мусагетскую помощь*»; ибо она — и... словом, несу каждодневные неудобства...

Лучше бы у частного лица взял помощь... до продажи имения!

Прости, дорогой, что пишу Тебе в таком жалобном тоне, но под влиянием разговора с Асей сейчас решил Тебе частным образом пожаловаться.

Ради Бога никому не передавай моих жалоб, ни Эм<илию> Карл<овичу>, ибо думаю, что этот план — его. Объяснять же ему, что на *200* рублей я прожить не могу: *неловко*, не хочу объяснять.

Писать Кожебаткину устал, но... складываю руки; все проекты летят к *черту* из-за несдерживаемого обещания «Мусагета». И мне труднее писать фельетоны, ибо мне... нужно передвигаться. «*Голубя*» же в Африке писать я *не в состоянии*[4].

Любящий Тебя

Б. Бугаев

Приписка А. А. Тургеневой: Алешенька, он черт и вечно ворчит.

Заказное письмо, отправленное по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Maxulla-Radès. 24.2.11; Москва. 19.2.11 и 20.2.11.

[1] См. письмо Петровского к Э. К. Метнеру от 22 февраля 1911 г. из Бобровки: «Сейчас получил еще письмо от Б. Н. Он горько сетует, что все планы расстраиваются и много денег уходит даром только вследствие системы порционных ежемесячных посылок. Вот уже второй месяц я не получаю от него иных писем. По-видимому, он нервничает здорово, а это наконец даже невыгодно для "Мусагета". Что Вы скажете на мою мысль: выслать ему сразу (аккредитивом, например) остающуюся тысячу. Деньги не придется ни посылать, ни вынимать: у него будут только аккредитивы (или чеки?) на всякие банки, и он будет располагать собою и своим временем, планами, деньгами. Все это абсолютно необходимо для него и полезно для нас. Какая нелепость ежемесячные посылки – в Африку, когда полмесяца идет на дорогу. Добро бы в Европу. Ведь этот проект возник, когда мы думали, что он будет в Италии, а потом его применили и к Африке! Если Вы одобряете, известите его поскорей о решении: он успокоится. Наконец, мне жаль и Асю, которой тоже приходится страдать. Иного исхода не вижу. Все равно надо будет выложить 3000, и лучше в той форме, которая обеспечивает "Мусагету" его наибольшую работоспособность. А так и путешествие его испорчено, и "Мусагету" мало толка. Получив все, он уже не будет пенять ни на кого, кроме себя, или все же будет меньше пенять на других. Наконец, если невозможно послать аккредитивом, а надо будет вынуть 1000, то ведь это не слишком подведет мусагетскую кассу. Словом, разберитесь» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35). Как видно из последующих писем Белого, рекомендация не была принята Метнером.

[2] Поездку в Кайруан (город к югу от Туниса) Белый и А. А. Тургенева совершили 26—27 февраля (н. ст.) 1911 г. О «священном городе Тунисии» см.: *Белый Андрей*. Дервиш (Из путевых заметок) // Велес. Первый альманах русских и инославянских писателей. Пг., 1912—1913. С. 85—103; Кайруан // Воля России (Прага). 1923. № 1. С. 1—19; *Африканский дневник*. С. 331—348; *Между двух революций*. С. 372—376.

[3] 19 декабря 1910 г. Метнер писал Белому: «...мы будем Вам высылать *пока* 300 р.» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 6).

[4] Ср. письмо Белого к А. М. Кожебаткину от середины февраля (н. ст.) 1911 г.: «Но *ужасно*, почти невыносимо писать в Африке "*Голубя*", когда притягивает -- *араб*» (*Белый — Кожебаткину*. С. 157), а в другом письме, также к нему от того же времени, Белый сообщал: «Но *прелесть* здешних мест при мысли о скором отъезде парализует возможность писать "*Голубя*". Какой там "*Голубь*", когда каждый прохожий араб затягивает» (Там же. С. 159). Среди книг, которые Белый обещал написать, чтобы покрыть авансы, было продолжение задуманной им трилогии «Восток или Запад»,

первая часть которой — роман «Серебряный голубь» (вторая — будущий роман «Петербург»). Предполагалось, что роман будет печататься «Мусагетом». 19 декабря 1910 г. Метнер писал Белому: «...раньше осени не начнется печатание "Голубя", т.е., следовательно, не раньше *окончания* нашего операционного года, т.е. мы не обернемся в этом году теми средствами, кот<орые> в нашем распоряжении» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 6). Белый приступил к работе над романом в октябре 1911 г. См. также письмо Белого к М. К. Морозовой от 6/19 февраля 1911 г. (*Ваш рыцарь.* С. 161).

53. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Кайруан. 13/26 февраля 1911 г.

Милый Алеша,

прости за бурность письма. Стыдно. Забудь его. Сейчас в Кэруане. Уже пустыня дает себя знать. Когда подъезжали к городу, горизонт был покрыт столбами мчащихся песчаных облак; всюду верблюды; безлюдие; да кой-где черное пятно бедуинской палатки; на мертвенно белесоватом грунте малиновое пятно татуированной бедуинки. Христос со всеми вами! Любящий Б. От Аси привет.

Открытка с видом: KAIROUAN. Fête Arabe à la Porte Djeladine. Отправлена по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Kairouan. 26.2.11; Москва. 21.2.11

54. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Кайруан. 14/27 февраля 1911 г.

Милый. Четыре часа езды отделяют нас от пустыни[1]. Но если бы поехали до *Сбитла* (начало пустыни), уехали бы в *Гафсу* (оазис), в Тозор, далее — к туарегам, далее — далее — далее —; и сели бы верхом на экватор. Поэтому едем в Радес.

Б. Б.

P.S. С Аськой ругались несколько часов, ехать ли дальше или возвращаться в Радес.

Приписка А. А. Тургеневой:

Алеша милый, видели заклинателя змей и от него в восторге[2]; он вокруг танцует полусонный; кобра бросается и укусить не может; красив и тонок необыкновенно; встречаются арабы, похожие на Киселева; пишу спичкой; перо у Б. Целую. Пиши, что Танька[3]?

Открытка с видом: KAIROUAN. Intérieur du Souk. Почт. шт.: Kairouan. 27.2.11: Москва. 21.2.11 и 22.2.11. Отправлена по адресу «Мусагета».

[1] 26—27 (н. ст.) февраля 1911 г. Белый писал А. М. Кожебаткину: «Мы у преддверия пустыни, но и тут... (прости) шутливо ругаемся на Москву. Нас отделяет от подлинного начала Сахары железнодорожная ночь. Но Ты вместо 300 прислал 200. И мы, не увидев пустыни, возвращаемся в Радес. Ждем ответа в Египте» (*Белый — Кожебаткину*. С. 161).

[2] См. главку «Кобра» в *Африканском дневнике* (С. 355—357).

[3] Т. А. Тургенева.

55. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Максулла-Радес. 16 февраля / 1 марта 1911 г.

Дорогой Алеша!

Первое впечатление по возвращению из Кэруана — недоумения, и опять-таки почти досады. Лежит телеграмма от Александра Мелетьевича; вот ее текст: «*isvesti poloutchil li pismo 1500 Maroc ot nemeykago isdatilia. Kojebak*». Это еще ничего; а предыдущая телеграмма была с, кажется, большей путаницей; нельзя телеграфировать по-русски. Вот и тут: я прочел, что 1500 марок идут из Марокко. 1500 марок мне *не*откуда получать. Это — раз. Во-вторых: ответить три дня не мог, ибо были в Керуане. В-третьих: денег никаких не получал; ни писем: ни от Кожебаткина, ни от немецкого издателя. Да и не знаю, как соотнести начало письма с концом. Должен ли я ждать письма от Кожебаткина или от немецкого издателя. В-четвертых: время идет; недели две я подробно писал об Египте. Каждый день промедление. Лучше уж пусть мне пишут заблаговременно письма; а если телеграммы, то внятно.

Что касается Египта, то пароход идет в Мальту раз в *неделю*. Путаница на путанице. Путаница путаницу путаницей погоняет...

Я вовсе не злюсь; я сейчас от души смеюсь... Только — за несколько тысяч верст невозможно сноситься. Никакого Кожебака не знаю... Кто это? Какие *1500* марок? Я от немецкого издателя получил 3 месяца назад в Москве письмо, и шел вопрос об авторизации «Голубя» «400 — или 500» марок[1]. Далее — ответ должен был быть получен в Москве. Но, *конечно*, я менее всех Вас знаю, получился ли ответ, ибо Кожебаткин, конечно, не написал бы.

А теперь телеграмма, в которой ровно ничего не понимаю и которую рассматриваю только как этап всяческой медлительности и, главное, неопределенности.

Ну, будь здоров. Всего хорошего.

Любящий

Б. Бугаев

Теперь письма: море ужасно и страшные опоздания почты*.

Алеша, милый, передай Эмилию Карловичу, что я получаю телеграммы за подписью «*Кожебак*». Он — поймет ужас моего положения...

Я все это время писал, читал и думал о Тунисии, Марокко, Алжирии. Вижу «М» (с большой буквы) и прочитываю Марокко; из Марокко шлют 1500 чего-то — радостно. Кожебаткин извещает об этом. И вдруг читаю: *Кожебак*. Тут я плюнул: диавольское наваждение.

Не могу успокоиться. Никаких единорогских карточек я не заказывал[2]. И появление *Кожебака* на горизонте — меня приводит в исступление. Заверяю сим, что *Кожебаков* не знаю, в сношении с оными не вступал, да и впредь вступать не желаю. Я — честный гражданин моего отечества и российский подданный. *Кожебак*!.. Да ведь это хуже, чем *гусак*[3]!!!

На краю первого листа приписка А. А. Тургеневой: Алешенька, конечно, главная беда в том, что Кожебак.

Письмо отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Maxulla-Radès. 1.3.11; Tunis. 1.3.11.; Москва. 22.II.1911 и 23.2.11.

[1] Имеется в виду гонорар за перевод «Серебряного голубя» на немецкий: Andrej Bjely. Die silberne Taube. Roman. Einzige autorisierte Übertragung aus dem Russischen von Lully Wiebeck. Frankfurt a/Main, Rütten und Loenig. 1912.

[2] Имеются в виду шуточные визитные карточки неких «единорогов» «Виндалая Левуловича Белорога» и «Огыги Пеллевича Кохтик-Ррогикова», которые осенью 1903 г. Белый и Петровский рассылали своим знакомым и в редакции журналов «Новый Путь» и «Мир искусства» (см.: *Белый — Блок*. С. 116). 21 октября 1903 г. Петровский писал Э. К. Метнеру: «Из-за Огыги и Виндалая (?) вышел целый скандал. Пуритане обиделись и испугались. Увидели заигрывание с ужасом и безумием человека, смертельно испуганного ужасом. Знаете в симфонии Шуберта: двойник стучится в окно, и насмерть испуганный хозяин делает вид, что признает в нем шутника-знакомого. Это глупо. Б<орис> Н<иколаевич> давно уже прошел через все это и может без ужаса шутить с ужасами, легко и весело, даже с состраданием. К тому же, все эти

* Последующий текст — на двух отдельных клочках бумаги.

единороги премилые создания, бедные, забытые незаслуженно, непризнанные, как великаны в Симфонии» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 26). См. также недатированное письмо (после 20 октября 1903 г.) С. М. Соловьева к А. А. Блоку (*ЛН. Т. 92, кн. 1.* С. 347).

[3] Намек на центральный инцидент в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя.

56. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Максулла-Радес. 19 февраля / 4 марта 1911 г.

Дорогой Алеша,

посылаю №№ 16 и 17 «*Путевых заметок*». Попроси Александра Мелетьевича сказать, получены ли №№ 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15 «*Путевых заметок*» (последние от 12 до 15 посланы в одном пакете)[1]. И напиши мне. Ну, Господь с Тобой.

Твой Б. Бугаев.

P.S. Сейчас получил уведомление о переводе. Не знаю, сколько, но едем в Египет. В начале мая возвращаемся. *Едем в среду.* Если *300*, едем.

Открытка с видом: CARTHAGE. Voûte à briques tubulaires dans les thermes de Bordj-Djedid. Почт. шт.: Maxulla-Radès. 4.3.11; Москва. 27.II.11 и 28.2.11. Отправлена по адресу «Мусагета».

[1] В письме из Радеса от 8/21 февраля 1911 г. Белый сообщал Э. К. Метнеру: «А вот партия моих фельетонов. Посылаю отрывки №№ 12—15 "*Путевых заметок*". Скоро высылаю партию следующих» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 30). 19 февраля 1911 г. Метнер ответил: «Кожебаткин обещает Вам отвечать и просит присылать фельетоны на его имя, т<ак> к<ак> иначе задержка в их распределении, т<ак> к<ак> я бываю в Москве большею частью 1 раз в неделю» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7), а 21 марта Метнер ему же: «Все Ваши письма, открытки и фельетоны, о кот<орых> Вы запросили, получены» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7)

57. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Тунис. 22 февраля / 7 марта 1911 г.

Милый Алеша!

Едем в Египет[1]. Получили деньги: спасибо, спасибо; когда получите, то адрес: Afrique. Egypte. Kaire. Poste restante. Побаиваемся моря: минимум — трое суток; максимум — четыре. Христос с Вами.

Б. Бугаев

Пишу А<лександру> М<елетьевичу>[2] и Э<милию> К<арловичу>[3].

Открытка с видом: KAIROUAN. Un Souk, vue intérieure. Почт. шт.: Tunis. 7 MARS 11; Москва. 1.3.11. Отправлена по адресу «Мусагета».

[1] 23 февраля/8 марта Белый и А. А. Тургенева отплыли из Туниса в Египет через Мальту (9 марта). 26 февраля/11 марта Белый писал матери «с парохода»: «Вот уже четвертый день мы в дороге. Выехали из Радеса 8-го утром. В три часа выехали на пароходе из Туниса» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[2] 7 марта (н. ст.) 1911 г. Белый писал А. М. Кожебаткину: «Деньги получили; и были ужасно обрадованы; только что похоронили Египет, ибо через неделю было бы несравненно труднее ехать; но получили деньги за день до отхода парохода в Мальту. Спасибо! Очень радуемся, что едем: только море... Ну да пострадаем» (*Белый — Кожебаткину*. С. 162).

[3] См. открытку с тунисским штемпелем (7. Mars. 11), адресованную Метнеру: «Спасибо — очень. Деньги получили. Завтра едем» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 31).

58. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Бобровка. 23 февраля 1911 г.

Бобровка. 1911 23/II

Боря милый,

Вчера получил здесь Твое письмо и сегодня две открытки. В Бобровке я уже несколько дней и пробуду до 3 марта. Дело в том, что я, зрело взвесив, решил поступить снова в Музей и уже привел в исполнение: на прежнюю должность и прежнее жалованье (а с половины лета, вероятно, большее)[1]. Мотивы: главный — внести несколько больше порядка и ритмичности в жизнь, нагрузить баластом, а то слишком швыряет без всякой нужды; наконец, мне тесно сидеть в комнате и переводить, хочется потереться с людьми. Бросить же, если понадобится, всегда успею. Не толкуй этого поступка как маловерия. Так вот перед вступлением в должность я и уехал на две недели сюда. Скоро весна, то тает, то опять мягко снежит. Небо голубое по-весеннему (есть голубое с молоком и без молока; последнее редко, но гораздо драгоценнее), облака с нежными краями. Балкон обтаял и просыхает. — Денежные дела твои, думается, лучше всего урегулировать так: выслать Тебе сразу (если не деньгами, то аккредитивом на банки, как удобнее) остающуюся тебе до трех тысяч сумму. Тогда ты будешь, по крайней мере, хозяином своих передвижений. Ежемесячные посылки в Африку (!), конечно, нелепость, и немцы никогда не додумались бы до такой глупости. Решили посылать месячно

<так!>, имея в виду Италию; это еще туда-сюда, а потом продолжали применять и к Африке. Я написал в таком смысле Э<милию> К<арловичу>[2] и Ал<ександру> Мел<етьевичу>. Думаю, что это лучший и действительный исход, и жалею, что не пришли к нему раньше. Не представляю себе, чтобы это было связано с какими-нибудь затруднениями для «Мусагета». При всей возможной точности с Африкой не наладить сообщений. — Фельетоны печатаются, но не еженедельно. В «Киевскую Мысль» (?) послать надо будет после[3], когда столичные газеты несколько будут уже использованы, а то они все же косятся на подобное совместительство. Зато в «Русской Мысли» пристроить часто их мне представляется удачным и вовсе не много убыточнее. В «Р<усскую> Мысль» надо будет тогда какой-нибудь законченный цикл, напр<имер> Египет[4]. Ты имей в виду это, когда будешь писать, а потом можно будет снова для газет. С. А. Поляков просит у тебя чего-нибудь для «Сев<ерных> Цв<етов>»[5] — Гр<игорий> Ал<ексеевич> все еще в Риге, хотя здоров. Наташа на днях возвращается. Университетский вопрос на том же месте[6]. Ушли еще Церасский[7] и Алексеев[8], и несколько доцентов. С Китаем благополучно[9], но все же на Востоке заметно оживились. Там сейчас жестокая чума. — Прощай, милый, рад, что кончается зима! Хотел Асе приписать, но уже негде. Целую ее, и укротителя змей, и всех, похожих на Киселева.

АП.

Мне стало грустно, что Ася подумает, что я не поумнел: пожалуй, уж не буду целовать укротителя.

Ответ на п. 55–57.

[1] Имеется в виду решение вернуться на работу в библиотеку Румянцевского музея, в которую Петровский поступил работать в 1907 г.

[2] См. п. 52, примеч. 1.

[3] Белый опубликовал в газете «Киевская мысль» в 1909 г. четыре статьи: «Гоголь» (№ 78, 19 марта); «Пророк безличия» (№ 133, 15 мая); «Московские письма. 1. Современная молодежь» (№ 161, 13 июня); «Символизм» (№ 190, 12 июля). После этого он больше там не печатался, хотя и просил Кожебаткина устроить публикацию путевых очерков в этой газете (*Белый — Кожебаткину*. С. 160).

[4] Путевые очерки Белого не были опубликованы в «Русской мысли». Очерк «Египет (Из путешествия)» был опубликован в журнале «Современник» (1912. № 5. С. 190–214; № 6. С. 176–208; № 7. С. 270–288).

[5] Поляков Сергей Александрович (1874–1942) — переводчик, владелец московского издательства «Скорпион», выпускавшего альманах «Северные цветы», и издатель журнала «Весы». Белый опубликовал «Пришедший. Отрывок из ненаписанной

мистерии» в третьем альманахе (1903); в пятом альманахе (М., 1911) произведений Белого не было помещено. См.: *Белый Андрей.* Десять лет «Северных цветов» (Северные цветы на 1911 г., собранные кн-вом «Скорпион». М., 1911) // Русская мысль. 1911. № 10. Отд. «В России и за границей». С. 22—25. О нем см.: *Malmstad John E.* From the History of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Poljakov // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 71 102.

[6] См. п. 51, примеч. 20. 1 марта 1911 г. А. Д. Бугаева писала Белому: «В Москве теперь хорошо, тихо, теперь ведь пост. Но история в университете всё продолжается, почти все профессора подали в отставку, и чем всё это кончится, неизвестно» (РГБ. Ф. 25. Карт. 12. Ед. хр. 6).

[7] Церасский Витольд Карлович (1849—1925) — астроном, профессор Московского университета. «Заслуженный профессор московского университета В. К. Церасский подал на имя исполняющего обязанности ректора заявление о том, что по болезни не может дальше продолжать чтение лекций, а равно заведовать университетской обсерваторией» (Утро России. 1911. № 35, 13 февраля). Ср. «Русское слово» от 13 февраля 1911 г. (№ 35): «Заслуженный профессор по кафедре астрономии В. К. Цераский <так!> подал заявление об уходе из состава профессоров. Заявление его об отставке мотивировано невозможностью продолжать работать при создавшемся тяжелом положении. <...> Таким образом, сообщение одной из московских газет об уходе профессора В. К. Цераского по болезни не вполне точно. Свидетельство о болезни действительно представлено им декану факультета, но лишь как оправдательный документ того, что в настоящее время он читать лекций не может вследствие болезни».

[8] Алексеев Александр Семенович (1851—1916) — профессор государственного права Московского университета. «*Отставка проф. А. С. Алексеева.* Вчера на имя проф. Н. В. Давыдова получена из Ниццы от проф. А. С. Алексеева, бывшего декана юридического факультета, телеграмма, в которой он извещает о том, что он также подает в отставку» (Утро России. 1911. № 39, 18 февраля).

[9] Имеется в виду напряженность в российско-китайских отношениях. В самом начале марта в газетах писали о возможности оккупации русскими войсками Кульджи, но затем ситуация смирилась. 1 марта 1911 г. А. Д. Бугаева писала Белому: «Теперь в Китае творится нечто ужасающее, от чумы вымирают целые города. Я без ужаса не могу газет читать» (РГБ. Ф. 25. Карт. 12. Ед. хр. 6).

59. БЕЛЫЙ — Т. А. ТУРГЕНЕВОЙ

Мальта. 24 февраля / 9 марта 1911 г.

Милая Таня! Привет из Мальты; через три часа едем в Александрию; переезд трое суток[1]. Море спокойно. Адрес: Afrique. Egypte. Kaire. Poste restante. Мне. Мальта — странная[2]. Искренне любящий Б. Ася целует.

Письмо хранится в подборке писем Белого к Петровскому в ГЛМ.

Открытка, адресованная Петровскому и отправленная по адресу «Мусагета». С видом: Malta. Royal Naval Hospital with Dghaisa. С текстом: *The Royal Naval Hospital, Malta,* is situated in the Grand Harbour, Valetta. It was built in 1830. Behind the Hospital is

the Naval Cemetery. A Dghaisa is a Maltese native boat of a peculiar type seldom seen elsewhere. Почт. шт.: Valetta. 9(?).3.11; Москва. 3.3.11.

[1] 26 февраля/11 марта Белый писал матери «с парохода»: «В 9 часов утра девятого были уже около Мальты; в 10 часов были в гостинице, а в 4 часа дня тронулись в Порт-Саид (смотри на карте)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[2] Ср. открытку, отправленную Белым А. Д. Бугаевой 24 февраля/9 марта 1911 г.: «Пишу из Мальты: странный город; весь в лестницах. У горожанок на голове — целые паруса (черные)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

60. БЕЛЫЙ И А. А. ТУРГЕНЕВА — ПЕТРОВСКОМУ

Около Крита. Море 27 февраля / 12 марта 1911г.[1]

Море. 12 марта 911 года. *Около Крита.*

Дорогой Алеша,

Уже четвертый день не видали *земли и не жалеем* нисколько[2]. Сейчас только прошел пароход вдали, *которого я не видала.* Завтра в шесть часов *будем в Порт-*Саиде и *послезавтра после* завтрака едем на *поезде в Каир.* Уже теплеет и каждый день приходится удивляться *новым краскам и освещеньям,* и каждый день приходится переставлять часы, ибо (*Фатма*) восточнее и восточнее. *Беда в том, что, по-моему, едем* не на восток, а на запад; но, по-моему, не приходится этому удивляться, *потому что компас* врет.

Мальта каменный *корабль*; мальтиянки *в «una ailu»*, т.е. вместо уборов носят = <**рисунок А. А. Тургеневой**: женщина, лицо и голова которой закутаны шалью> *черные шелковые* паруса. *А мальтийцы Борино* отвращенье; Мальтой залюбовались с моря, но *из нее выскочили скорей* с руготней и оскорблениями. *Хуже сицилийцев и даже* неаполитанцев.

Зато здесь на корабле мы очень уютно устроились.

Боря философствует <так!> *с* капитаном *о Канте*[3], Ася кушает печенья и *хлопает* ушами, *нет, глазами* (ушами!!). *Между прочим, Боря пренеприятный* человек, и главное, спорщик (говорит правду) *и глупый болтун.* <**рисунок А. А. Тургеневой**: голова мужчины с густой бородой, и от руки Белого: наш капитан> *Капитан похож на Данса*[4] и так же, как Данс, надевает *ермолку и после обеда прогуливается* (смотри выше) *по палубе и после идет спать.* С нами едут *свиньи*, 45 китайцев, 16 немцев; 1 *баран* и двое *русских,* мы[5]. *Вчера* весь день проиграли в крестики, *и потом воевали. Боря очень обиделся* на то, что Аська меня обыграла и оккупировала *центр завоеванной страны.* Сейчас стояли на капитанском мости-

ке, смотрели на луну. *Капитан хочет, чтобы Ася* его нарисовала *для* «meine Frau»*. Зовет нас в Индию, и мы очень сжились с пароходом[6]; не хочется высаживаться *на землю*; через 20 дней с лишком были бы *в Индии. На пароходе мы единственные* пассажиры; разгуливаем вместе с бараном *по палубе. Очень хочется влезть на* мачту, да конфузно Боре (*а мне нет*)[7] и Асе. *Просто Боря трусик* (опять ссоримся, не можем ладно написать).

Через два дня — будем писать Тебе с вершины (*неправда, с пирамиды никому не напишу*) пирамиды.

Алешенька, целую, с таким чертом больше не пишу. Боринька милый хороший ангел.

Загладил свою вину: просил прощенье.

Милый Алеша, целую.

P.S. А Тунис — прекрасен; Туниса, Радеса, арабов жаль.

Начали письмо на уровне восточной части Крита, а теперь уже вечер, и с одной стороны идет уже Египет, другой Малая Азия.

Дальше рисунки с надписями А. А. Тургеневой и Белого: Сфинкс, с надписью: «*сфинкс*»; пальмы и пирамида, на верху которой сидит человек, пишущий письма, которые летят от него в воздух, с надписью: «*Боря пишет тебе письмо — пирамида*»; плачущая женщина, с надписью: «*Ася плачет над Борькиной глупостью*» и «Ася плачет над тем, что я ее не взял на пирамиду».

Написано на бланке со штампом «Hamburg-Amerika Linie» и отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Cairo.16.III.11; Москва. 12.III.1911 и 13.3.11.

[1] Письмо написано совместно Белым и А. А. Тургеневой. Текст Тургеневой воспроизведен здесь *курсивом*.

[2] В письме к матери от 26 февраля/11 марта 1911 г. Белый сообщал: «Качка. Ася первый день пролежала; второй сидела на палубе, а уже сегодня со мной ходила по всему пароходу. <...> От моря не страдаю ни капли. Даже намеков на морскую болезнь не было. Ася же все время боится, что заболеет» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[3] Ср. письмо Белого к А. А. Блоку от 26 февраля/11 марта 1911 г.: «...пароход немецкий из Гамбурга; добродушный бородач-капитан в кают-компании по вечерам говорит об угле, культуре и Канте и угощает пирогом с яблоками и домашним печеньем» (*Белый — Блок*. С. 388—389).

[4] См. п. 51, примеч. 5.

---

* Моей жены (*нем*).

[5] 26 февраля/11 марта 1911 г. Белый писал матери: «...мы единственные пассажиры. За нами ухаживают; обедаем и завтракаем в обществе бородатого капитана, его помощника и механика. Команда все китайцы; 45 китайцев и 15 европейцев. Мы с Асей рады, что не на пассажирском пароходе; нет глупых туристов и уютнее, как-то более по-домашнему» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359). Ср. письмо к Блоку от того же дня: «...команда вся почти состоит из китайцев; 45 китайцев и 15 европейцев» (*Белый — Блок*. С. 388).

[6] Ср. письмо к матери от 26 февраля/11 марта 1911 г.: «Наш пароход идет с грузом рельс от Гамбурга, через Испанию — Мальту — Порт-Саид, Красное море, Индейский океан на Филиппины, Японию и Китай; <...> офицеры, смеясь, зовут нас дальше в Японию» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359), а в письме к ней от 2/15 марта Белый сообщал: «...очень сдружились с капитаном (добродушным стариком-немцем); он звал нас с собой в Индию и Китай, куда шло судно "*Arcadia*"» (*Путешествие на Восток*. С. 158).

[7] Фраза в скобках дважды подчеркнута А. А. Тургеневой.

61. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Порт-Саид. 28 февраля / 13 марта 1911 г.

Милый Алеша. Привет из Порт-Саида[1]! Есть Тебе письмо коллективное[2], да сейчас ночь и конвертов нет. Придет на днях. Сейчас первую ночь после Радеса проведем в европейской комнате... Какая гадость! Порт-Саид международен; пыжится быть европейцем. Жалеем пароход. Останется прекрасное впечатление от дней в море. Жду «Арабесок». Целую Б. Бугаев.

На краю: «Мусагету» привет.
Приписка А. А. Тургеневой: Целую. Ася.

Открытка с видом: PORT-SAID — Canal Docks. Почт. шт.: Port-Said. 14.3.11; Москва. 10.III.11 и 11.3.11. Отправлена по адресу «Мусагета».

[1] См. письмо Белого к матери от 2/15 марта 1911 г.: «13 вечером приехали в Порт-Саид, маленький город, лежащий между пустыней и морем; 14 утром с поездом поехали в Каир» (*Путешествие на Восток*. С. 158).

[2] А. А. Тургенева приписала: «и преглупое». Имеется в виду п. 60.

62. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 2/15 марта 1911 г.

Алеша!

Нет слов, нет мысли, нет чувств, нет желанья сказать, что такое пирамиды и Сфинкс[1]. Б. Бугаев.

Открытка с видом: CE CAIRE, Rue au Quartier Arabe. Почт. шт.: Cairo. 15.III.11; Москва. 12.III.1911 и 13.3.11. Отправлена по адресу «Мусагета».

[1] В тот же день Белый послал открытку матери: «Пишу Тебе, потрясенный Сфинксом. Такого живого, исполненного значеньем, взгляда я еще не видал нигде, никогда. Вчера ночью на осликах мы с Асей ездили к нему мимо чудовищно-прекрасных пирамид. Луна была ослепительна. На голубом небе, прямо из звезд в пустыню летит взор чудовищного сфинкса; и он – не то ангел, не то – зверь, не то прекрасная женщина. Когда феллах под головой сфинкса сжег магний, он казался белой букашкой; а в вспышках магния насмешливо кривилось лицо сфинкса. Кругом на мертвенном фоне песку тянулись черные тени верблюдов и феллаха; все в черном или белом, точно призраки; вырастали там и здесь из песку; а кругом – пустыня тихая, мертвая. Такой картины не забуду я никогда» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

63. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 2/15 марта 1911 г.

Каир 15-го (2)* марта

Дорогой Алеша,

Пишу Тебе деловое письмо, а между тем в голове все другое: второй день полнейшая немота и отупение, во-первых, от усталости и перемены страны (в Египте нет ни одной черты, схожей с Тунисом), а главное, от пирамид и Сфинкса: сроки, деньги, обязательства, когда хочется не только Тебе, а первому встречному *только* показать рукой в сторону пирамид и молча опустить глаза: *стыдно*, до стыда хорошо; деньги, сроки, обязательства, — и провал мира: рой летящих тысячелетий; множество туристов, толпа феллахов-грабителей, чудовищно-великолепно-дурацкий отель у подножия пирамид *равны* нулю; они не способны ни на йоту заглушить «Голос Безмолвия»[1], исходящий от Сфинкса. Вопиющим стыдом стоят пирамиды Гизеха и Хеопса перед нами, а Сфинкс... но вот что осталось у меня от всего этого, или, вернее, вот внешние обстоятельства: мы с Асей приехали в грязный отель и тотчас же, по жаре, пустились бежать по Каиру, попали в великолепный парк с верандой над Нилом, сидели, пили чай, любовались египетскими парусными лодками и громадными пальмами, стоящими над головой; я писал глупые открытки — открытки пигмея-туриста «*друзьям*»; так с легкостью мы вдруг вздумали посетить пирамиды; солнце уже садилось; и, должно быть, в наказанье за легкость вовсе сбились с ног, отыскивая трамвай, а у

* *У Белого описка: «3». Она исправлена на «2» Петровским.*

Асеньки отнялись ноги, и она уже ругалась на меня. И вот, когда выехали из Каира (солнце уже село), кругом пошла пустыня, меня охватило горькое чувство досады, даже злобы неопределенной — стыда, что я, турист, еду к пирамидам, а потом даже так *«черт возьми самые эти треугольники»*, словом, нечто вроде бунта и тоски, как у посвящаемых у преддверия храма, или у бесноватых перед воздвигнутым над ними крестом; а пирамиды воздвигались ближе и ближе; пока Ася смотрела на них, я в трамвае поворачивался спиной, как бы жмурясь от солнца; и вот трамвай стал в пустыне перед нелепым «Отелем пирамид»[2], где мы потом сдуру обедали, где официант спрятал нас за колоннами ради нашего скромного вида (дамы были в дэкольте и туалетах, а мужчины в сюртуках) и где с нас содрали за скромный обед почти фунт стерлингов (т.е. около 26 франков): была луна; мы пошли к пирамидам; *«безумие и ужас»*[3]...

Туристы все убрались. Мы стали карабкаться по ступеням и сели у входа вовнутрь — черного жерла, убегающего вниз под углом в 60° к горизонту; вход вовнутрь пирамиды Хеопса у самого подножия; между тем нам казалось, что под нами пропасть. Над головой же — убегающее в небо море ступеней; и все же вершины не могли мы видеть; она скрадывалась; кругом мертвенно белое море песку, сбоку над гигантским черным ребром пирамиды ослепительная луна на голубом небе; тени ступеней, пустыня — и никого; лишь прилепленная сбоку белая фигурка застывшего феллаха; долго мы сидели; вся окрестность являла собой сплошное закрытое, слепое око; откройся оно, подними оно веки — весь Каир, вся история рассеялась бы песчинками вдаль; у меня осталось впечатление невыносимое, значительное до омертвения (А. Р.[4] — мертвенела всегда)... После обедали среди глупо-великолепных, нас презирающих... После хотели в Каир, а... попали на осликов; ослики повезли нас по песчаным холмам между Хеопсовой пирамидой и п<ирами>дой Гизеха к Сфинксу. Сфинкс... но не стану писать: в итоге он — нежный, милый, грациозно-воздушный, и... он удивляется, нестерпимо страдает он от окружающих мошек-туристов, но ***еще*** терпит... Что-то будет, когда перестанет терпеть?.. После, при лунном свете ходили в храм Сфинкса; долго еще мы все как-то застревали в песках и развалинах... Только в первом часу вернулись домой... Теперь устроились — сегодня вечером — туда же; кажется, мы прочно заведемся у пирамид...

Сфинксу отбил нос Наполеон[5]...

Обрываю — перехожу к делам, и вдруг ощущаю мертвенность, окаменение; с вчерашней ночи я — автомат. Дама наша ушла, и адрес вписываю под конец. Во-первых, — спасибо за деньги; хотя и безумно дорого, но не раскаиваюсь; одна ночь у пирамид стоит двух лет жизни... Благодарю Бога, что здесь... Каир неуютен, несимпатичен... Вообще Египет вовсе не то, что милая Тунисия, но... Египет перевертывает всю душу... Опять Египет!.. Перехожу к делам.

Мы устроились по-здешнему баснословно дешево, но уютно и чисто: это случайность, и этому мы обязаны агентству; без агентства мы погрязли бы в грязь, нас ели бы клопы и т.д., что ввиду случаев чумы в Порт-Саиде *неблагоразумно* (в стране тоже есть чума: насколько *арабы чисты*, настолько феллахи, турки и греки грязны до ужаса; а все дешевейшие в туземном квартале места принадлежат им; вот тарифы цен; в отеле первого разряда пансион минимум — 25 франков с человека, т.е. 50 франков для двоих; в ресторанах 2-го разряда минимум — 12—15 франков, т.е. 25—30 фр. с двоих); кроме того, *все* вдвое дороже и далее; стоит сделать шаг, и летит дикая толпа феллахов; вещи несут десять человек, и нужно идти на кулачки, чтобы было иначе; потом все они орут и чуть ли не из рук вырывают деньги (турецкие городовые дерутся кулаками, но на них феллахи — нуль внимания). Словом, Египет — самая дорогая страна из всех дорогих стран, если принять во внимание все это, то мы устроились баснословно дешево: у нас милая чистая комната и пансион за две недели 8 ½ фунтов, т.е. 221 франк. Покупки перед дорогой, расплата с Радесом, дорога (неделя почти) все это обошлось круглым счетом (+ *грабительство, которого первые два дня никто избежать не имеет сил*) 25 фунтов ст<ерлингов>, т.е. около 680 франков; сегодня на переезд, расплату с каирским отелем вышло 2 фунта; плату отдали вперед (здесь — обычай таков) 8 ½ фунтов от 15-го (2) марта — до 29 (16) включительно. Осталось у нас 15 фунтов, то есть 390 франков. Теперь: если принять во внимание, что *дерут ужасно*, всякое место осмотра платно; далее, что здесь на лето мы с Асей купим одежд (одежда аглицкая *самая дешевая*); ввиду наступления лета (в России будем в конце апреля) *выгоднее* всего купить здесь. (В России — втридорога.) Через две недели с лишком, может, через три (если сможем) во что бы то ни стало трогаемся. Итак,

резюме; к 29 марту (16) *должны* получить деньги; хотим (морем дешевле всего ехать) несколько дней провести в Иерусалиме и Назарете. И далее отдохнуть недели две в Греции (где очень дешево)[6], цены же билетам до Конст<антинопо>ля с Пиреем (Афинами) или без Пирея *одни*. Итак, когда получишь письмо, то тут и объяснение просьбы и очень *сериозное требование, чтобы у нас были деньги*; к 29-му марту (16-му) или плывем, или *вносим плату* вперед за пансион, от 390 франков ничего не останется. Покажи мое письмо Эмилию Карловичу.

Деньги, деньги — сроки, плата, а тут — тысячелетия...

Сегодня вечером спускаемся внутрь пирамиды Хеопса... не без жути: *жерло страшное...*

Письма одного *твоего не получили* (заключаю по Мишиному[7] письму). *Завтрашний четверг* (4-го марта) встречаем на вершине Хеопсовой пирамиды в девять, *десять часов вечера*. Услышите ли?

Покажи письмо Э<милию> К<арловичу>.

Всем радость.

Адрес (смотри на обороте)[8].

Пожалуйста, постарайся, чтобы нам выскочить вовремя и не застрять. Передай все это А<лександру> М<елетьевичу>[9].

Милый, целую.

Б.

Адрес.

Afrique. Egypte. Kaire. A Monsieur Boris Bougaïeff chez Madame Pech. 23, Rue Kasr-el-Nil. 3 étage (Maison Sabach).

Заказное письмо, отправленное по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Cairo. 16.III.11; Москва. 12.3.11 и 13.3.11. Под адресом: Крайне спешное. За отсутствием — Киселеву.

[1] Книга Е. П. Блаватской (1889).

[2] Имеется в виду известный отель «Mene House». См.: *Африканский дневник*. С. 428, 450—452.

[3] Первая фраза рассказа Л. Андреева «Красный смех».

[4] Анна Рудольфовна Минцлова — см. п. 50, примеч. 7.

[5] « — "Не глядите в лицо <Сфинкса>!" — "Безнаказанно в очи Божества не взирают..." И вот Бонапарт: отбил нос голове этой, выпалив пушкой в него, и... был брошен на остров Елены...» (*Африканский дневник*. С. 429).

[6] Это намерение, о котором Белый пишет в нескольких письмах, не было осуществлено (см. п. 68).

[7] Имеется в виду письмо М. И. Сизова.

[8] Первоначально записанный здесь адрес был вымаран.

[9] А. М. Кожебаткин. См. письмо Белого из Каира к нему (*Белый — Кожебаткину*. С. 162—163).

64. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 8/21 марта 1911 г.

Милый Алеша,

Прости, что ругаюсь. Ну как не ругаться — посуди: восьмой день в Каире, пленные, маемся, себя без пальто и рубашек оставляем, платя лишнее: жарища смертельная, обливаемся испариной; город душный — пылища. Из Каира теперь бегут — «*хамсин*» начался: ветер из пустыни — жгучий, дыханье захватывает; ни спать, ни бодрствовать. Разморились с Асенькой. Блохи съели, поганые: все тело в волдырях; огромные блохи — таких нигде не видывал; Асенька умеет ловить блох, а я — нет; они меня, канальи, заели. Неба не видать — пелена песков все закрыла: этот самый хамсин теперь будет дуть часто, гляди — завтра и послезавтра. Сидим ждем, что банк получит чек. Днем уже невозможно выйти: я завел себе каску из пробки, чтобы не жарило солнце, и синюю вуаль от песку. Асенька вуаль не позволяет носить...

Вчера к вечеру ездили в зоологический сад. Сад великолепный, тропический: «*все цветет и рвется вон из меры*». И «*на сердце много сладкой веры*»[1] — да вот только Москва для нас с Асенькой подгуляла: не угодила... А сад хорош! Каскады рубино-фиолетовых цветов, рододендроны претолстые, все виды пальм и обезьян; на деревьях свистят птицы — райские, изумрудные; по дорожкам претолстые, хвостатые, головастые, голенастые бегают ящеры. Сидели в гроте препрохладном: всюду припрыгивала водичка, а в щели грота впрыгивали зайчики солнца. Порой пьянил нас дурман цветов. От сада поехали по Нилу. Голоногий феллах подхватил нас на руки и снес по воде через воду в парусную фелюгу. И был закат беззорный, зеленоватый и мертвый, съеденный пылью; но светозарился Нил. Гигантские пальмы тонули в синей мгле пустынного востока.

Хорошо!..

Сегодня сидим. Когда сидим дома — хорошо; как письма — огорчаемся, злимся: не так нам москвичи пишут. Не умеют москвичи в Африку писать. Африка — не Европа. С ней надо считаться; ....

Прости — шучу, голубчик. А наше пребывание в Египте есть смесь из незабвенно-прекрасного и чудовищно-мерзкого. Оттого и ругаемся. Вчера восхитительный вечер; сегодня — гнусный хамсин.

<Без подписи; видимо, продолжение оторвано>

Датировка К. Н. Бугаевой на ее копии письма: «8.IV.11». По соотнесенности письма («восьмой день в Каире») с днем прибытия Белого в Каир (14 марта) день написания: 21 марта (н. ст.).

[1] Неточная цитата из «Фантазии» (1847) А. А. Фета: «Всё растет и рвется вон из меры, / Много снов проносится знакомых, / И на сердце много сладкой веры».

65. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 14/27 марта 1911 г.

Дорогой Алеша!

Что «*Мусагет*» и кто «*Мусагет*»? Не удивись моему письму. Сейчас глубоко задумался. Вот уже три с половиной месяца я не имел ни одного официального сведения о «Мусагете». С «Мусагетом» письменно сноситься нельзя. Ты для меня единственное *звено* с Редакцией. Много бы я за это время хотел узнать, спросить, быть в курсе: с «*Мусагетом*» сноситься нельзя. Э<милий> К<арлович> в деревне; оттого о мелочах ему не пишу; Тебе стыдно писать, ибо Ты *не контора* «Мусагета». Например: почему «*Арабески*» не вышли, почему вовремя для них не купили бумаги, почему *никакая* книга вообще не вышла, почему Блок мне пишет, что «*Мусагет*» упорно молчит (стало быть, ему *не отвечают*)[1], почему я до сих пор не знаю, получены ли письма мои к Тебе, Метнеру, Кожебаткину, как бумаги с кавк<азским> имением[2], можно ли мне устроиться в «*Р<усском> С<лове>*»[3]. *К несчастью*, доверенность на ведение моих лит<ературных> сношений я дал Кожебаткину, с которым сноситься *нельзя*, ибо он — китайский богдыхан (так же трудно сноситься, как <с> богдыханом). Я очень ценю Кожебаткина, но должен сказать, что никто никогда не приводил меня в такое бешенство, как он; за то, что его разгильдяйство систематически портило нам с Асей пребывание за границей я готов... *ему мстить*, если он вина всех путаниц.

Вообще у меня создалось за это время представление, что *мы — мы*, «*Мусагет*» же как функционирующее место что-то чужое, почти как «*Скорпион*». Мы — Метнер, Ты, Киселев, Сизов, Лева, Сережа, Григ<орий> Алексеевич, пожалуй Нилендер. «*Мусагет*» же — черт его знает, кто «*Мусагет*»... Я даже себя ловлю на том, что, когда приеду в Москву, первым жестом потянет уви-

деть *своих*; но тут же себя я ловлю, что при мысли о том, что нужно идти своих видеть в «*Мусагете*»... *передернет*.

Далее, в смысле изданий: «*Мусагет*» ничего не издает. За ноябрь, декабрь, январь и февраль получил я тощую книгу «*Stigmata*», которую видел уже почти отпечатанной в ноябре. «*Арабески*» *почти готовы* с сентября[4]. Я, автор, хотел бы их видеть отпечатанными. Почему же 6 месяцев лежат *два недопечатанных листа* и после 6 месяцев оказывается, что нет бумаги. Что же думало эти 6 месяцев издательство? За 6 месяцев 100 раз можно было бы иметь бумагу. Опасный симптом: не начало ли это — «*прозябания*», которое «*Скорпион*» влачит уже года... Мы решили издавать брошюры. Уезжая, я сдал одну статью[5]. Конечно, все кануло в «*Лету*». Я даже думаю, что не лучше ли бы издавать *листки* (если на журнал у нас нет денег) и *действовать*, чем *мусагетиться* так вообще без издательской деятельности. За все время отсутствия я слышу лишь о мусагетских средах; и я не слышал ни об одном издательском проекте. Или я не получаю книг, или я вообще ничего не знаю о «*Мусагете*». Но в таком случае я, как член Редакции, должен бы был быть в курсе; но опять-таки *вечная песня*: секретарь «Мусагета» не умеет писать. При продолжительном отсутствии это комическое обстоятельство становится трагичным для отсутствующего. Черт побери, «*комизм*» за 3000 верст. За три тысячи верст желаешь в издательстве видеть прежде всего исполнительный орган, а не клуб.

Вопрос о деятельности «Мусагета» меня волнует двояко: как прежде всего учреждения, являющегося *знаменем* идеи; я смотрю на «*Мусагет*», как офицер смотрит на штаб-квартиру; если в штаб-квартире неладно, это отзывается на действующей армии. Ныне с «Мусагетом» связаны судьбы русского символизма; меня как символиста *par excellence** это волнует. «*Мусагет*» *не должен замыкаться вне литературы*. Деятельность его как органа движения быть должна. Этой деятельности на расстоянии я не вижу. Это и печалит меня более всего. Но вопрос о деятельности «*Мусагета*» волнует меня и с совершенно иной, корыстной точки зрения: как органа. У меня перед «*Мусагетом*» тяжелое обязательство. Отработать 3000. И все-таки кое-что получать. И вот: *издательству* я предоставляю право печатать меня где угодно. Теперь от предприимчивости «*издательства*» зависит мой долг.

* Самый настоящий, подлинный (*фр.*).

60 фельетонов = 3000 рублей (приблизительно); я написал 1/3 (20) (№ 20-ый высылаю на днях; 19 выслано). Т.е. я *трудом* (реально) отработал *1000*; но долг снимается с меня, лишь когда 20 фельетонов появятся в газетах. За 3 ½ месяца мне прислано 3 фельетона; не 1000, а 150 рублей я пока отработал. И вот: я как заинтересованное лицо упрашиваю секретаря принять все меры к устройству меня в каких угодно газетах (лишь бы не до конца и явно поганых). Теперь от секретаря зависит, должен ли я 150 или 1000. Конечно, вопрос о *деятельности практической «Мусагета»* кровно меня касается. И тут: *не знаю я ничего.*

Ты писал, чтобы я не волновался. Но пойми, что волнение мое *для меня* не напрасное волнение. Если б я был в курсе всех мелочей относительно планов, деятельности «*Мусагета*» и моих дел с ним, я бы и не подал повода к Твоей просьбе не волноваться.

Пять раз мне писали об одном и том же: в середу такого-то С. Соловьев читал в «Мусагете» о Дельвиге[6]. И по крайней мере на пять вопросов моих о том, какие фельетоны получены, не получал ответа. Хоть бы десять раз мне писали о реферате Соловьева, все-таки 10 уведомлений о Соловьеве *не равны* одному уведомлению о том, должен ли Бугаев 1000 рублей или *150* из реально отработанных, но пока находящихся в рукописях деньгах.

Пойми, что у меня и у Аси есть потребность *все знать*. Ведь многое, что Вам известно и надоело, нам абсолютно неизвестно. Университетские волнения, Китай — все это мы знаем по лаконичным извещениям в газетах в двух строчках, петитом. Ни в Сицилии, ни в Тунисе, ни здесь не видали мы ни одной русской газеты. Мы ничего не знаем. Так, сегодня получил письмо от Блока, где сказано: «Ну, вот — китайская война. Поздравляю Тебя со всеми новыми испытаниями и переменами, которые предстоят нам скоро. Все-таки, возвращайся в Россию; может быть, *такой* — ее уже недолго видеть и знать»[7]. Что это: мы с Асей ничего не понимаем. Мы уже ничего ровно о России не знаем 3 месяца. Главное, что мы знаем: в середу, такого-то С. Соловьев читал реферат о Дельвиге...

Видишь, опять ворчу. Не сердись: мои ворчания не злы, а полукомические; пишу с раздражением шутливым, а вовсе не злым. Христос с Тобой. Целую.

Б. Бугаев

Ася целует. Привет всем.

Андрей Бе[illegible]

[illegible] Фотография 1887 года

... 1900-е годы

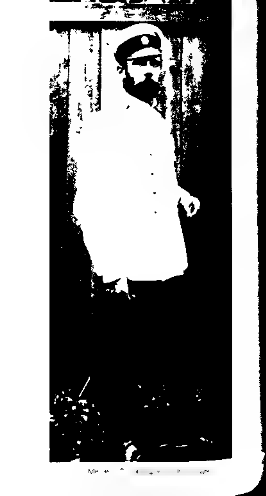

[illegible] 899 год

…й Белый и С. М. …

Белый в гост[illegible]

М[illegible]к[illegible]в[illegible]кий [illegible]иверситет. Художник К. [illegible] 19[illegible] год

…т денческая руппа … «…в …ской химической лаборатории» пояснение Б…
… н … … рава А. С. Петров… … Иванов В. В. Владимиро…
А. … ечковский … М. П… жев В. … пг Андрей Белый 1900-е годы

[illegible] Фотография Москва 897 год

С. М. Соловьев. Фотография [illegible] 1904 года

[illegible] 905 год

А. С. [illegible]етровский. [illegible]графия. Москва. 19[illegible]0-е годы

Андрей Белый. Фотография. Москва, март 1904 год

[illegible] Москва 1904 г

Портрет Андрея Бе[illegible] художни[illegible] [illegible]ак[illegible] 190[illegible]

[illegible]жественны[illegible] ужин в Концерт[illegible] зале [illegible]итературно художественно[illegible]
Фо[illegible]рафия. Москва. 19[illegible] годъ

1911 год

Письмо Андре[illegible]

[illegible]
Фотография [illegible]

[illegible] год

Н К П ДВОРЕЦ ИСКУССТВ.

Большой ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ

Большая Никитская

В Понедельник 6-го Декабря

РОССИЯ В ГРОЗЕ И БУРЕ

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ВЫСТУПЯТ

Адалис, Андрей Белый, Валерий Брюсов, Ада Владимирова, Сергей Есенин, Рюрик Ивнев, Михаил Козырев, Иван Рукавишников, Борис Пастернак, Иван Новиков, Д. Туманный,

осле обыска
Фотография
осква, 1917 год

иша вечера
Москва
бръ, 1920 г.

М[illegible]их [illegible]
В [illegible] Д[illegible] ж[illegible] я[illegible]ря 1932 года).
[illegible]

Андреи Бе[illegible]

П[illegible] Андрея Бе[illegible]
Худож[illegible]

АЛЬМАНАХЪ
ГРИФЪ

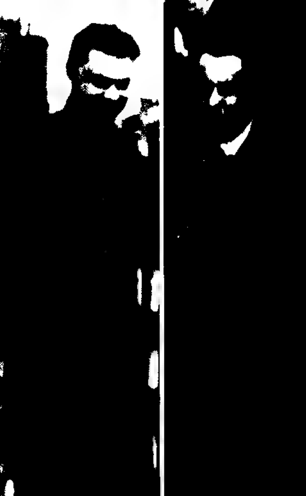
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

МОСКВА

I

Пишу о Дельвиге и Сереже потому, что уже месяц получаем письма с этими извещениями. Получали в Радесе. Теперь, через 3 недели, получаем их в Каире. Вот компендиум того, что знаю о «Мусагете»: Сергей Соловьев читал реферат о Дельвиге (корреспонденты: Сизов, Киселев, Эллис, Соловьев, Бобров[8], Ахрамович (кажется) и еще кто-то). Далее: «"*Мусагет" шествует спокойно и гордо*» (корреспонденция Соловьева). Что спокойно, мы знаем (выпустил за 4 месяца лишь «*Стигматы*»), что гордо... Боюсь: не гордость ли успокоения. Далее: «*Эллис бунтует*» (я тоже бунтую) (Сизов). Далее: Штейнер—Штейнер—Штейнер—Штейнер (Бобров)[9]. Было судилище бедной Станевич (Станевич)[10]. Ритмический кружок в пятый раз переделывает работу о ямбе (Дурылин)[11], в Москве носится безмирно-радужный блеск (корреспондент Сизов). Летим — обратно, к августу[12] (корреспондент Сизов). Педерасты укрепились в эстетике (Соловьев). Иванов торжествовал (Сизов)[13]. Иванов ушел несолоно хлебавши (Соловьев). Эрн читал «О Введэнском и дэмонах» (sic) (Соловьев)[14].

Все это очень интересно, но, право, понять того, что делается в «*Мусагете*», по этим сведениям нельзя. Что педерасты преуспевают — это *luxe-сведения*; когда просишь каши и голоден элементарными сведениями, то это, как и то, что «*летим — обратно*», luxe-сведения.

Не сердись: я пишу, смеясь. Письма Сизова меня утешают и радуют; но мало, мало я знаю о *делах «Мусагета»*, о России, о Китае, чуме.

Наиболее деловые известия получаю от мамы, хотя бы о «*Мусагете*»[15]. Она писала мне, что Э<милий> К<арлович> входит в дела, и все идет хорошо (2 месяца тому назад). Но и это — неопределенно.

Еще раз целую.

Б. Бугаев

Отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Cairo. 27.III.11; Москва. 25.3.11.

[1] 3/16 марта 1911 г. Блок писал Белому: «"Мусагет" что-то не дает о себе никаких вестей» (*Белый — Блок*. С. 389).

[2] См. п. 49, примеч. 19. 30 января / 12 февраля 1911 г. Белый писал матери: «Тебе трудно и обременительно хлопотать о продаже имения. Я списался с Эм. Карл. Метнером и с "*Мусагетом*". Друзья мои берутся устроить продажу. Ввиду этого Кожебаткин имеет от меня доверенность; он придет к Тебе вместе с Эм. Карл. Метнером и Ал. Сергеевичем Петровским поговорить о кавказском имении; дело о продаже движут они; у Кожебаткина большая опытность в ведении бумаг; Эм. Карл. Метнер и Петр<овский> будут осведомлены во всем. Они взялись это дело устроить ради

меня, понимая, как мне нужна спокойная работа года на два на три, чтобы написать что-либо значительное. Сейчас я пишу фельетон за фельетоном; и это утомительно; если же продать или заложить *имение*, я буду хотя бы на 2—3 года обеспечен» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[3] В середине февраля (н. ст.) 1911 г. Белый писал А. М. Кожебаткину: «Если "*У<тро> Р<оссии>*" отказывается печатать мои фельетоны 2 раза в месяц, нельзя ли устроиться мне в "*Русском Слове*". Ведь для меня вопрос *насущный*, вопрос *жизни и смерти*, покрыть *3000* <...> Ради Бога, устрой как-нибудь мое сотрудничество постоянное в "*Русском Слове*"» (*Белый — Кожебаткину*. С. 157). Путевые очерки Белого не печатались в этой газете.

[4] К этому времени «Арабески» уже вышли (2—9 марта 1911).

[5] См. п. 51, примеч. 13.

[6] См. п. 51, примеч. 18.

[7] Белый цитирует письмо Блока от 3/16 марта 1911 г. (*Белый — Блоку*. С. 389).

[8] Бобров Сергей Павлович (1889—1971) — поэт, прозаик, переводчик, критик, стиховед; член «Ритмического кружка» при издательстве «Мусагет». Его переписка с Белым опубликована (*Бобров — Белому*).

[9] Ср. письмо Боброва к Белому от 16 февраля 1911 г.: «Заели нас теософы! Караул! И жаловаться некому! Ходят везде, бродят, о поэзии чепуху говорят и все шипят: Ш... Ш.. Шт... Шт... Штейнер...!» (*Бобров — Белому*. С. 158).

[10] Станевич Вера Оскаровна (1890—1967) — критик, поэтесса, переводчик; впоследствии антропософка. Она с мужем Ю. П. Анисимовым участвовала в поэтическом кружке, группировавшемся при «Мусагете». «Судилище» не упоминается в сохранившихся письмах ее к Белому (РГБ. Ф. 25. Карт. 23. Ед. хр. 6).

[11] Дурылин Сергей Николаевич (1886—1954) — прозаик, поэт, критик, историк литературы и театра; входил в Ритмический кружок при «Мусагете».

[12] Т.е. к времени основания «Мусагета».

[13] См. п. 51, примеч. 23. Сизов сообщал Белому о вечере в письмах от 11 и 18 февраля 1911 г. (*ЛН. Т. 92, кн. 3*. С. 379—380).

[14] 18 февраля 1911 г. С. М. Соловьев писал Белому: «Был вечер Владимира Соловьева в Религиозно-философском обществе. Эрн читал про профессора Введенского и дэмонов. Вячеслав развел что-то гносеологически-педерастическое. Вообще, этот раз он не солоно хлебал в Мусагете» (*ЛН. Т. 92, кн. 3*. С. 379). На вечере 10 февраля Владимир Францевич Эрн (1881—1917), религиозный философ, историк философии, публицист, прочел доклад «Вл. Соловьев как философ», ставший первой главой его работы «Гносеология В. С. Соловьева» (опубл.: «Сборник первый. О Вл. Соловьеве». М., 1911). См. также: *Взыскующие града*. С. 341—343.

[15] См. п. 49, примеч. 8.

66. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 14/27 марта 1911 г.

Милый, милый Алексей Сергеевич!

Получил ли Ты мое письмо, отправленное из Каира 2 недели тому назад[1]? Вот что за две недели ожидания денег выяснилось. В Каир ездиют <так!> только миллионщики; англичане дерут за

куцые пальмы, которые глупо торчат здесь и там, за самый воздух (пыльный), которым дышишь. И вот оказалось: в Египте есть что смотреть; только бедным людям смотреть *не на что*; для них 3—4 дня достаточно, чтобы увидеть доступное им и бежать[2].

Но мы — пленники. Мы ждем денег; 10 дней без толку сидим в жаре и расстраиваем нервы, платя каждый день Бог знает что; вообще *ужасно*, что «*Мусагет*» не дал мне на руки денег. Благодаря зависимости от высылок мы — все наше путешествие пленники; попали в дорогое место — *сиди, плати* в ожидании денег. Несколько сот рублей вылетело уже у нас на *ожидание*. Жить, ожидая получки (опыт показал нам), вдвое дороже. Этого всего, конечно, мы не подозревали. Не виноват и «*Мусагет*», но горько: в кои веки путешествовать, и каждый переезд быть *насильно* прикрепленным к месту, где тебя грабят, грабят, грабят.

Сейчас сидим с Асей расстроенные, измученные, проклинающие Египет. *Десять дней сидим даром*. Ждем денег.

Остаюсь любящий тебя

Б. Бугаев

Отправлено по адресу: *Russie. Moscou. Россия. Москва.* Его Высокородию Эмилию Карловичу Метнеру *для* А. С. Петровского. Тверская. Малый Гнездниковский пер<еулок>, д<ом> Пегова, кв. Метнера. Почт. шт.: Cairo. 27.III.11; Москва. 25.III.11 и 26.3.11.

[1] Имеется в виду п. 63.

[2] Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 14/27 марта 1911 г.: «При первом возможном случае мы бежим из Египта. Мерзостнее Каира я ничего не видал. <...> надо *позорно заклеймить* разбой англичан: гаже нации я не знаю!! <...> мы с Асей в ожидании денег заключимся в четырех стенах... Сады здесь — но сады пыльные; и позор: за вход в пыльный сад — *пол пиастра*. Где это видано, чтобы платили за право пользоваться несуществующей тенью куцой пальмы» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 34).

67. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 17/30 марта 1911 г.

Беру обратно свое черканье на Египет. Египет — прелесть. Мерзость — это Каир[1]. Пишу от пирамид. Привезу Тебе кусочек храма и «*божка*» (из мумии).

Привет, привет. Сейчас сидим усталые. Проехали на осликах по пустыне. Были в подземельях Сераписа[2].

Печатается по копии, сделанной К. Н. Бугаевой. Открытка без обращения и подписи. Почт. шт.: Cairo. 30.III.11.

[1] Ср. недатированное письмо Белого к А. Д. Бугаевой из Каира: «...насколько хороши природа и древний Египет, настолько же грязен, пестр, дорог, неуклюж Каир» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359). См. также его письмо к Блоку от 15/28 марта 1911 г. (*Белый — Блоку.* С. 392). См. также: «Каир», «Арабский Каир», «Древний Каир» (*Между двух революций.* С. 386—397).

[2] Сераписe — египетское божество душ усопших. См.: «Серапеум: гробницы священных быков, или аписов, посвящаемых Фта; <...> когда Озирис стал судьею подземного мира, бык, апи, стал символом Озириса; из Озирапи возник уже Серапис, египетско-греческий; культ Сераписа был введен Птоломеем; огромнейший храм, посвященный Серапису, был средоточен миру <...> Мертвым песком позасыпало здесь Серапеум; случайно напал Мариэтт в середине истекшего века на эти гробницы эпохи Рамзеса Второго; поздней катакомбы (времен Псаметтиха) пристроены к ним; мы туда спускались за темным феллахом» (*Африканский дневник.* С. 445).

68. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 21 марта / 3 апреля 1911 г.

ЧЕРТИ ВСЕ МОСКВИЧИ![1]

Они меня превратили в нахала; умеют издалека критиковать, а сами что ни сделают, достойно критики. Мы с Асей тысячи раз правы. Мы видели Сфинкса, Арабов, прекрасную культуру, о существовании которой не подозревают иные слишком *экономные люди*, предпочитающие *предпоследнее сидение в собственной истерике* ради экономии одному взгляду в глаза Сфинксу. Прав всякий, кто не мытьем так катаньем добьется того, что увидит Египет, поклонится Гробу Господню и т.д.

А потом: если бы «*Мусагет*» мне сказал: «*Ваше путешествие в Египет дорого*», ей Богу, не обиделся бы, понял, и мы с Асей прекрасно провели бы время в *Бискре*, оазисе в Сахаре; а то согласились — и держат нас в ежовых рукавицах. Мы плыли неделю за несколько тысяч верст, чтобы увидеть Египет и Иерусалим; единственная экономия — *увидеть то, для чего бросили и деньги, и нервную энергию*, а не сидеть и выгадывать, по карману ли прокатиться по Нилу, взлезть на пирамиду, покататься на осликах по пустыне; ведь Египет *это* — а не пыльный нос мумии Рамзеса II-го[2] да рассуждения на тему о преимуществах Германии по сравнению с Африкой. Тут мы — моты, мы стараемся видеть и отдохнуть от передряг с Москвой *на Ниле*, у *пирамид* и т.д. И наоборот, когда не хотим смотреть, днями сидим дома, чтоб не тратиться. Каждая изношенная пара ботинок *ужас для нас*. Разве я не прав. Поехал, так добейся того, для чего ехал. А то и Египет, и Палестина, и Тунис — та же Москва.

Буржуазны все письма Метнера, весь его способ глядеть на наше путешествие, и я ему отвечаю эпиграфом «*ретрограда*» Бердяева: «*Мудрость века сего есть безумие пред Господом*» («Философия свободы»)[3].

Да — *тысячу раз мы правы*: отчего он не был в Египте? А то все ездил в свою Германию — и ах до чего *узок, узок* и *буржуазен* в своих предпоследних *взглядах*!

Наш бюджет мерили провинциальным немецким городком, в котором, по Метнеру, — *пуповина мира*[4]. На *пуповине* стоит кружка пива, да пыльный профессор в очках, да могила поэта.

Ну, а мы смотрим с Асей не так и в *пуп мира* не стремимся. Да, кажется, этот *пуп*, по словам Метнера, посмотрел бы на наше появление в нем как на «*шокинг*». Зачем же бюджет наш измеривали *пупом*. На *200* рублей только и можно прожить что в *пупе*; а где есть что посмотреть, не проживешь; наша жизнь на *200* в Радесе была нашей талантливой импровизацией; мы вовсе не обязаны были ее вести; всякий турист в Тунисе ахнул бы от изумления, как ловко мы там устроились. И буржуазно требовать от нас *пупского* бюджета на жизнь, не имея никакого представления о том, что есть жизнь в не *пупских* странах. Не будь великодушным вовсе: никто великодушия не требует. А сунулся быть *рыцарем* — выдержи роль и не смешивай *рыцаря* с *купцом*.

Ты удивляешься моему крику? Голубчик, кричу от того, что из Москвы петля все у́же затягивается. Ах, какая дура — мама! 8 дней продержала в Каире, пропустили все пароходы, пришел *почтовый перевод*, три дня уже у меня, сегодня пошел в Банк, там *по почте* перевод еще не получили[5], тогда как сегодня крайняя необходимость брать билеты в Иерусалим (все пароходы полны); того и гляди не уедем и в субботу, *протратимся здесь* и будем телеграфировать из Иерусалима о деньгах (а не из Греции); в «*Мусагете*» изумятся, пошлют *100*, которые уйдут на *ожидание* и т.д., прежде чем дойдут объяснительные письма. Ведь из Иерусалима, чтоб ехать в Грецию, надо *вернуться* в Порт-Саид, на поезде сесть в Александрию и в Александрии ловить пароход на Афины. И вот опять *денег не хватит*. А все тактика проклятая «*порций*», удобных для *пупа* и не удобных при такой сложной комбинации сроков, пароходов и прочего.

А ведь стоит только взглянуть на карту, чтобы понять, что если от Туниса до Каира (+ жизнь в Каире две недели) стоит

500 рублей, то из Каира в Порт-Саид — Яффа — Иерусалим — неделя в Иерусалиме (Галилея, Мертвое море, ослики) и далее опять Яффа — Порт-Саид — Александрия — Афины (+ неделя ожидания денег), то не *300*, а минимум *500* рублей нужно было выслать. Это *500* рублей я и хотел скомбинировать (300 «*Мусагет*» + *200* мама). Из *200* вышла глупость и оскорбления; и все-таки эти *200* ушли зря (опоздали). Мы опять-таки остаемся при *300*, на которые *нельзя* (взгляни на карту) доехать до Афин и прожить неделю.

О черти!

Отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Cairo. 3.IV.11; Москва. 5.IV.1911 и 5.4.11.

[1] Ср. письмо Белого к Блоку от 21 марта/3 апреля 1911 г.: «Сегодня получил Твое письмо в день трудный: гора неприятностей из Москвы, всякая путаница, сложность» (*Белый — Блок*. С. 394).

[2] «Зала — мумий, открытых неутомимейшим Мариэттом, <...> вот почивает коричневым ликом под колпаком из стекла сам Рамзес, фараон, тонкий иос, гордый профиль, сухие поджатые губы» (*Африканский дневник*. С. 438). Рамсес II — фараон в 1317—1251 гг. до н.э.

[3] Имеется в виду следующее (во второй главе — «Вера и знание» — «Философии свободы»): «Вечное религиозное выражение этой борьбы двух разумов дает Апостол Павел, когда говорит: "Будь безумным, чтобы быть мудрым", и еще: "Мудрость мира сего есть безумие перед Богом". Это и значит, что в "безумии", в отречении от малого разума есть стяжание себе большого разума, а в "мудрости мира сего", в торжестве малого разума отсутствует большой разум, есть "безумие перед Богом"» (*Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 54—55). «Философия свободы» была выпущена издательством «Путь» во второй половине февраля 1911 г. (см.: *Голлербах*. С. 90); ее вторая глава впервые была опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии» (1910. № 102). О работе над «Философией свободы» Бердяев рассказывал Белому в письме от 15 июня 1910 г. (De Visu. 1993. № 2 (3). С. 17. Публ. А. Г. Бойчука). Эпистолярные отзывы Белого о «Философии свободы» приведены в статье: *Бойчук А. Г.* Андрей Белый и Николай Бердяев: к истории диалога // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 2. С. 32. В письме к Белому от 19 февраля 1911 г. Метнер назвал Бердяева «обскурантом» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7). Ср. письмо Белого к Метнеру от 21 марта/3 апреля 1911 г.: «Я сторонник теперь европейского объединения, как и вообще объединения всякой идейности против всякой безыдейности; и потому, конечно не соглашаясь с Бердяевым, все же, все же — (почитайте его книгу) нахожу его полезным бойцом против жидовеющей интеллигенции. Несогласия с Бердяевым *все же* домашний, внутренний спор перед кольцом и его, и *нас охватывающей мертвенности*. А Европа — Бог мой, какой ужас, какая мертвечина в Европе. *Ретроградство* Бердяева есть *то же*, что когда Вы говорите "нет, уж лучше когэнианство". Так же он говорит "нет уж *лучше* ретроградство". Тут ведь у него своего рода тактика... Впрочем, я не стою» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 37).

[4] Такое выражение (или рассуждение) не встречается ни в одном из сохранившихся писем Метнера к Белому.

[5] В письме к матери от 2/15 марта 1911 г. Белый просил ее послать ему 200 рублей *«через Лионский Кредит перевод* на Каир» (*Путешествие на Восток*. С. 160). В

другом, недатированном письме он сообщал ей: «Сидим пока в Каире: ждем денег. Милая, милая, — вижу Ты выслала переводом по почте, а не по телеграфу; и это ужасно печалит; уже с неделю мы готовы к отъезду; остается ждать денег, по телеграфу деньги переводятся самое большое в 1, 2 дня; по переводу, высланному почтой, — 10 дней; эти *десять* дней мы без толку проживаемся в Каире <...> телеграмму Твою получил уже дней 9, а денег все нет. Если получим деньги на днях, на днях же уезжаем; теперь с опозданием денег мы даром прожили здесь по крайней мере *100* рублей; и это обидно» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

69. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 21 марта / 3 апреля 1911 г.

Милый Алеша,

не сердись; моя судьба Тебе изливаться. Если б Ты знал, как мне тихо, и мило, спокойно с Асей, а все *злящее* извне... часто из Москвы.

Злимся, 1) что никто не писал мне о России, 2) что Э<милий> К<арлович> *нелюбовно* мне пишет о Льве[1], 3) что у него опускаются руки[2], 4) что какая-то боязнь за мое *«неумение обходиться с деньгами»*[3] заставила меня бросить 600—700 рублей *за путаницу ожиданий.* Так и сейчас *300* рублей из Каира — *мало, черт возьми!* У нас сломался чемодан, мне нужны рубашки, у Аси нет пальто.

Хорошо, что я упросил маму выслать *200.* А она послала ***не*** по телеграфу. И вот 9-ый день сидим и ждем. На ожидание *опять-таки* (это — ***рок*** моего путешествия) уйдут ожидаемые деньги. И оставаясь *под боком* Иерусалима, мы можем туда *не попасть*, чтобы не рассердить редакцию, удивляющуюся, вероятно, нашему мотовству, хотя скромнее нашей жизни едва ли можно жить.

Альтернатива: не увидеть *Гроба Господня,* находясь рядом, чтобы не испугать боящегося моего *мотовства* Эмилия Карловича, или *увидеть* Гроб Господень и... ***ужаснуть*** Метнера!

Горькая ирония!

И вот по получению письма немедленно скажи «*Мусагету*», чтобы *тотчас* по получению из Афин телеграммы выслали бы нам более *300* рублей, ибо из Афин мы едем в Луцк. Я думал, что само собой разумеется, что, возвращаясь обратно (через месяц ведь мы в России), на обратный путь вышлют больше; но получили порцию, с которой, конечно, застряли бы где-нибудь в Бейруте или Смирне и *проживались,* пока нам не дали возможности доплыть до Константинополя и опять сесть на мель.

Ну, бегу на почту. Оттого так бессвязен. Христос с Тобой.
Остаюсь любящий Тебя
Б. Бугаев

P. S. Я в совершенном бешенстве, ибо *вижу*, почему мне высылают деньги порциями; думают, что иначе я протрачусь. Но получается картина для меня: *игра кошки с мышкой*; *мышка* хочет бежать в Россию; кошка — *цап* ее лапкой в Бейруте и т.д.

О, *немецкая экономия*, заставившая меня бесцельно бросить 700 рублей!!!

На копии, сделанной К. Н. Бугаевой, приводится дата почт. шт.: Каир. 3.IV.11; конверт не хранится с оригиналом письма.

[1] В письме к Белому от 19 февраля 1911 г. Метнер приводит «список правонарушений Эллиса за последнее время» и заключает: «Согласитесь, что Эллис просто сошел с ума! Пожалуйста (беру с Вас слово), не пишите Эллису никаких попрекающих писем: это его не исправит. Да он и неисправим, ибо по психологии католик и обскурант» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

[2] Имеются в виду слова из того же письма: «...издательство как *течение*, едва начавшись, переживает уже серьезный центральный кризис. Быть в духе при таких обстоятельствах довольно трудно и остается махнуть на все рукою и уйти в себя». Ср. письмо Белого к Метнеру от 21 марта/3 апреля 1911 г.: «...все, что Вы пишете о Леве, *есть печальная истина*; но с выводом не соглашусь я, пока не увижу Льва: он ушел из "*Мусагета*" <...> голубчик: не говорите о нем в таком нелюбовном тоне; <...> Вы пишете — опускаются руки. Голубчик — неужели миллионный эксцесс Эллиса тому виной? <...> Не верю в Ваше неверие в "*Мусагет*". Самое страшное тут *не факт кризиса*, а Ваше желание к нему отнестись "*ухождением в себя*" <...> Не верю в Ваше неверие, не утверждаю Ваше ухождение в себя» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 37).

[3] Такая фраза не встречается в сохранившихся письмах Метнера к Белому. В письме от 19 февраля (см. примеч. 1) он только говорит: «Конечно, гонорар Вы получите меньше, и потому Вы должны экономить, т.к. иначе слишком задолжаете редакции». 1 апреля 1911 г. (ответ на письмо Белого к нему от 21 марта/3 апреля) Метнер писал Белому: «Я вовсе не удивляюсь, что Вам надо много денег. Удивляетесь, вероятно, Вы сами и "проэцируете" это удивление в моей голове. Но ропщете Вы напрасно и несправедливо. <...> Что Вы потратили зря 700 рублей, беда не большая; ни одно путешествие, даже заранее строго и систематично распланированное, не обходится без сюрпризов» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

70. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 21 марта / 3 апреля 1911 г.

3 апреля

Дорогой, милый Алеша!

Едва Тебе написал, а уже вновь пишу. И, милый, есть в душе столько, а... по целым дням приходится писать в Москву — уух! Даже в Африке она, *Москва*, не оскудевает неприятностями.

Прежде всего меня, наоборот, радует Твое поступление в Музей[1]. Как знать, скоро, быть может, и я буду искать службу, но — куда? Только и могу сообразить: в Акциз. Ну что ж: послужим — немало писателей служило и служит. А то мы очень разбаловались...

Сегодня, вчера, третьего дня сидим в душном Каире, после которого нас, вероятно, будут держать в карантине — Ася и я: вычисляем, как нам экономить; уж мы и так экономим (например, с Палермо собираемся купить одну необходимую вещь — *пальто* — и откладываем до Туниса, Каира и т.д.). А между тем швыряемся деньгами, как богачи — например: *десять лишних дней* сидим в чертовски дорогом городе без нужды для себя и «*Мусагета*»... за невозможностью уехать. Ну, как экономить еще: разве что питаться сухим хлебом, ехать на открытой палубе — да уж такой я мот, что чужой ***миллион*** готов промотать ради только того, чтобы моя Асенька не простудилась.

Ну и вот додумался до экономии; *сэкономлю... Иерусалим.* Правда, для того и ехали, чтобы Египет и Иерусалим увидеть (в Иерусалим билет всего 25 франков), но... все же 25 франков. И потом — что такое «*Гроб Господень*»? Сантиментальность, русское ротозейство, *последнее*; лучше остаться при *предпоследнем* (с «Логосом»[2] и сбережением). Итак — в Иерусалим не еду. Ася меня оспаривает, говорит, что *ехать надо* во что бы то ни стало, а я говорю ей: это все «*бердяевщина*», «*последнее*»: Ты не читала Канта[3].

Не знаю, как решим. Я стою за то, чтобы не ехать. Да и кроме того, — туда надо ехать с миром душевным, а у меня с мамой — разлад... И все на почве порционных высылок.

Ох, мы — неэкономные! Не экономил я в жизни карьерой, выгодами, — быть бы мне теперь профессором, носить виц-мундир и получать тысячное жалованье, а я — дурак — не экономил: «*Симфонии*» писал. Ну, а теперь сэкономлю, не буду стремиться в Иерусалим, не буду писать «Симфоний».

Но довольно шутить — мне сейчас не до шуток. Судя по тому, что нашими передвижениями заведует Редакция «*Мусагета*», я — лошадка — трепещу: кучера в Москве, лошадь — в Каире: вожжа слишком длинна, по дороге она зацепляется за разные препятствия, не видные кучерам, за морские бури, расписания пароходных обществ, цены билетов, наконец — за наш распавшийся в дороге сундук...

Быть экономнее — вот мы и решили для экономии купить билет до Одессы (огромный процент скидки)... а денег-то — нет, купить не на что; вот лишние *50* рублей прикинется к вынужденным статьям роскоши; кучера не предвидели и этого обстоятельства, как не предвидели они тысячу мелочей, в результате чего *бедная лошадка*, которую просят бежать безухабисто, вожжой направлена прямо на буерак...

Быть экономнее — быть экономнее: но единственная возможность быть экономнее — быть своим собственным кучером. Новая ерунда — и на этот раз до глубины души меня ранившая; тут уже не буерак, кочка — *а пропасть*, в которую из *Москвы* меня спихнул меня <так!> кучер.

И это — разрыв с бедной мамой моей, больным ребенком. И все — «*экономия*».

О, черт!!!

Зная, что в Каир мне пришлют не более *300* рублей, и зная уже заранее, что с *300* рублей из Каира только и можно, что скупо побывать в Иерусалиме, доплыть до Греции и сесть на сундучок на берегу, не имея денег жить в гостинице, — зная это по пароходным обществам указателям и пр. и имея *глупость* стесняться заранее просить *большей* высылки, я написал маме, упрашивая ее *200* рублей; это — поймите — не для мотовства, а чтобы не сесть на сундуке под дождем в Греции. Вот что из этого произошло. К концу 2-ой недели в Каире получаю *300* рублей, которых *мне мало*, и телеграмму от мамы, что деньги высланы: и вот жду *200*. Проходит *8* дней; каждый день все вместе более *фунта*; итого 8—9 фунтов на ожидание; из этих 8 дней *3 дня вычитаю*. Теперь идем брать билет (сегодня понедельник) — ближайший пароход идет в *субботу*[4]. Стало быть, 5 лишних дней, 5 фунтов стерлингов!!! Итого, если позволим себе роскошь купить *необходимости*, то опять-таки Иерусалим — тю-тю!! Если же взять и без Иерусалима билет в Одессу (право пользования высадками 3 месяца), то останешься и без Греции. Скажи, кой черт мне *300*? на что они мне?

Теперь получаю от мамы вместе с чеком из почты письмо, в котором она меня грубо попрекает двумя стами, говорит, что я обираю ее[5]: и за ожидание 8-дневное этой «*благодати*» я плачу *100* рублей.

А все — порции, экономия: экономия на рублях с бесцельным бросанием сотен?!

Теперь: Э<милий> К<арлович> мне неукоснительно пишет о финансовых тр<удностях> «*Мусагета*», о задолжании Эллиса, об экономии и т.д., не зная условий местной жизни. Эллис задолжал 600[6], я — около *3000* тысяч. «*Экономия*», неудобства, связанные с ней, и одновременно попреки мамы за 200 рублей (она — присвоила себе, по крайней мере, 12 тысяч *моих*), наконец нелепица *порций*, мне высылаемых, все это за 4 месяца меня утомило и обозлило. Дружескую услугу «*Мусагета*», который если ценит меня и знает, *что такое моя поездка* (Быть или не быть Андрею Белому), то обязан был меня поддержать — дружескую услугу «*Мусагета*» рассматриваю я отныне как *долг*, отделаться от которого ***моя цель главнейшая***. Не хочу впредь получать и жалованья. *Лучше пойду служить...*

«*Мусагет*», который *так боится* моего задолжания, *вынуждает* меня взглянуть решительно на свое положение. *Я вынужден*, если имение нельзя сразу продать, *через третьего лица осведомиться у мамы* (с которой я сношения разорвал в сущности из-за все той же тактики «*экономии*»), намерена ли она мирным путем выделить деньги мои, *лежащие на ее имени* (Бедная мама — сердце у меня сжимается от вынужденности быть жестоким), *теперь, в мае*. [Если она готова, я хотел бы хотя бы иметь *8 тысяч*][7] (у нее тысяч 14—16; ей принадлежит по закону *седьмая часть*). Видеть ее не могу, будут трагедии, сцены. И поскольку «*Мусагет*» заинтересован в моей задолженности, постольку кого-либо из близких Редакции я *умоляю* это сделать; тогда, слава Богу, ценой *одной жестокости* — я свободен.

А то тактика *порций, боязней, напоминаний, указаний* и глупостей с «*порциями*» меня утомила, *сорвала бы до конца всю поездку* — если б не Ася, моя жизнь, утешение, счастье, свобода, радость!!!

Э<милий> К<арлович> уведомляет меня, что Эллис как бы вне «*Мусагета*», но что он экономически *лишь* связан. Как знать, а ну как завтра Э<милию> К<арловичу> покажется, что и я лишь экономически связан. Не зная завтрашнего дня, не хочу *бремен* для себя и «*Мусагета*» тем более, что отсюда, из *вне-России*, я стал в десять раз более патриотом, так что, может быть, я уже *не* «*Мусагет*». Хочу России со всеми ее некультурностями. И *последнее* ближе мне предпоследнего.

Милый, будь как-нибудь мягче с мамой, если ты согласишься с ней поговорить. Э<милию> К<арловичу> — боюсь: он час-

то, не ведая, делает больно людям. Так, от его слов об Асе, ее иллюстраций книги, *ей сделалось больно*[8].

Мне больно, что я из Африки *граблю «Мусагет»*, мне больно от жестоких слов Э<милия> К<арловича> об Эллисе, за которого отсюда заступаюсь, мне больно, что я должен все это писать, — ах как больно...

Милый, милый, а как все могло бы быть любовно и просто!

Любящий Тебя

Борис Бугаев

Над текстом письма (на первом листе) зачеркнутая приписка Белого: «Покажи это письмо Эмилию Карловичу».

Отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Cairo. 3.IV.11; Москва. 28.III.1911 и 29.3.11.

[1] См. п. 58. Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 21 марта/3 апреля 1911 г.: «Очень обрадовало меня возвращение Алексея Сергеевича в Музей. Наконец-то?» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 37).

[2] См. п. 50, примеч. 11.

[3] Подразумевается ориентация деятельности издательства «Мусагет» и журнала «Логос» на западноевропейскую, и прежде всего германскую, духовную культуру и неокантианскую философию.

[4] Ср. письмо Белого к Блоку от 21 марта/3 апреля 1911 г.: «В субботу едем в Иерусалим. Выяснилось, не хватает сотни рублей; <...> но... побывав в Египте, как же не *изойти из него в Землю Обетованную*» (*Белый — Блок*. С. 395). Суббота — 26 марта/8 апреля 1911 г.

[5] Ср. письмо Белого к А. М. Кожебаткину от 30 марта/12 апреля 1911 г.: «200 рублей, переведенные *по почте* (?) мамой (которых мы ждали 2 недели), *съело ожидание их* (разве не глупо?) + еще мама написала мне жестко и оскорбительно» (*Белый — Кожебаткину*. С. 164). Письмо, о котором идет речь в письмах и к Петровскому, и к Кожебаткину, по-видимому, не сохранилось. В открытке от 21 марта А. Д. Бугаева лишь пишет: «...удивительно, что ты собрался выехать из Каира, не дождавшись, по-видимому, ни моего письма, ни посланных денег» (Там же. С. 166—167).

[6] 19 февраля 1911 г. Метнер писал Белому: «Мне крайне неприятна мысль, что Эллис остается еще в Мусагете только потому, что субсидируется им (по 1-ое января он забрал авансу 625 рублей) и что, имей он иной источник дохода, он ушел бы фактически» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

[7] Фраза в скобках — зачеркнута.

[8] Ср. письмо Белого к А. М. Кожебаткину от 30 марта/12 апреля 1911 г.: «Не нравится мне его *тон* предложения Асе иллюстрировать мою книгу (Ася духовно *моя супруга*, а между тем тон Э<милия> К<арловича> близоруко-небрежен к ней)» (*Белый — Кожебаткину*. С. 164). 19 февраля 1911 г. Метнер писал Белому: «Много ли зарисовывает Ася и умеет ли она быстро импрессионистически набрасывать? Хорошо было бы снабдить Вашу книгу путешествия иллюстрациями. Конечно, отдельно заплатить за них мы не можем <...> Относительно иллюстраций я делаю пока только предложение и ничего не решаю» (Там же. С. 167). В приписке к письму Белого

к Метнеру от 3 апреля (н. ст.) 1911 г. А. А. Тургенева писала: «Наброски — главным образом из Туниса — у меня есть. Но, прежде чем думать о их печатаньи, я должна еще очень посмотреть сама и послать их на суд моему учителю. Думаю, что вы сами знаете, как мало меня интересует вопрос о деньгах. Лучше бы его и не подымать» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 37).

71. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 22 марта / 4 апреля 1911 г.

4 апреля

Милый, вчера Тебе написал; после был страшный припадок мигрени; ох, уж доканала меня Москва. Кабы не Ася, — всегда смягчающая меня, не знаю, что бы сделал. Вчера был для меня *роковой* какой-то день: я лишился и *мамы*, и «*Мусагета*»; подвел итоги всем едва видным, но все же существующим *толчкам* Метнера (не показывай ему этого письма — Бог с ним!) и решил *лягнуться*; хотя я «Мусагету» и *задолжал*, но напоминать об этом *многочастно и многообразно* все-таки неделикатно; и главное, меня бесит, что в количестве моих непроизвольных трат благодетели мои кругом виноваты сами; 3 ½ недели просидим мы в Каире; будь у меня на руках деньги, просидели бы одну и сейчас отдыхали бы в *дешевой* Греции. А то закупорили меня в *каирской жаре* боязнью мне дать на руки деньги, а потом удивляются, сколько я трачу (Каир — один из самых дорогих городов мира).

Сорвали-таки мою поездку. А я так было отдохнул: с Асей так было мне спокойно и солнечно; только что мы с ней повеселели, вздохнули полной грудью, а уже из Москвы — ляганья, попреки, глупость... Глупость «*Мусагета*», попреки мамы и ляганье Метнера (кушаешь-де Мусагетский хлеб-соль — помни, кланяйся, благодари).

Начиная с Палермо пошла чушь. По неведению остановились в грабительском «*H<ôtel> des P<almes>*» и ждали, боясь переменить адреса, 8 дней денег; эти 8 дней равнялись всему житью в Монреале, и осмотру Палермо, и путешествию до Туниса. Прислали 750 франков; тотчас из них 350 заплатили за ожидание. 750 — 350 = *400*; на четыреста франков, т.е. на *72* рубля на человека жили, пили, ели, осматривали город, курили, приехали в Тунис и доживали там. Кажется, немного. Ожидание съело получку. То же в *Тунисе*; ждали *10 дней*; пришли *500* франков; более половина <так!> ушла на ожидание в *отеле* (т.е. не на будущее

житье, а на расплату). Заплатили впредь за дом в Радесе, 60 франков за съемку мебели (только таким путем мы ухитрились дешево устроиться), сделали необходимые для житья покупки, платили за отопление и недельный пансион — и жили 150 франками (из которых же и платили) 3 недели до получения следующих *200.* И т.д. Деньги в Каире были бы за глаза достаточны, если бы они пришли за *полторы недели* ранее и если бы мы вместо 3 ½ недель житья и опять-таки *ожидания* (бесцельного лично для нас, ибо город осмотрели) прожили 7 дней в Каире, 7 в Иерусалиме; теперь бы тихо жили в дешевой Греции.

А между тем мы бросаем *много фунтов стерлингов* на бесцельное сидение и не имеем возможности сделать покупку обносившихся предметов хотя бы в 1 фунт.

Какое *идиотство* со мной сделал «*Мусагет*», скрепя сердце заставил обратиться к маме, подвел под разрыв с ней. Путешествовать очень можно и вовсе *не так уж дорого*, только когда вмешиваются всеведущие опекуны за много тысяч верст (не знающие ни сроки, ни цены, ни условия жизни), *тогда* путешествие превращается *в непроизвольную трату.*

В который раз пишу все это? И мне не верят.

Милый, передай своими словами все это Метнеру. Ты мне скажешь, почему же я ему не пишу[1]. Да трудно писать человеку «*Вы делаете со мной одну муку и глупость*», когда письма полны довольством благодеянием «*Мусагета*» и непрекращающимся исчислением всяких вообще задолжаний.

Вот это-то все вместе и заставляет меня решительно и быстро принять меры *к расплате.* Милый, умоляю Тебя, зайди к *маме*, поговори с ней мягко, выдвинь ей необходимость либо *мгновенной* продажи имения хотя бы за сумму 5000 (3 тысячи «*Мусагету*», *2000* на прожитие), либо пусть она выделит мне хотя бы часть моих денег; ведь она для себя получает ежемесячно 160 рублей, жить я с ней не буду, теперь, когда мы устраиваемся с Асей, — решительный момент. Неужели она хочет нашей нищеты? Обнимаю, целую.

Б. Бугаев

Заказное письмо, отправленное по адресу «Мусагета». Адрес отправителя: Boris Bougaïeff. Afrique. Caire. Rue Kasr-el-Nil. 23. Chez Madame Pech. Почт. шт.: Cairo. 5.IV.11; Москва. 1.4.11.

[1] 21 марта/3 апреля 1911 г. Белый отправил письмо к Э. К. Метнеру, почти идентичное по содержанию с этим. В нем он сообщал: «Мы с Асей разочли сейчас, что по крайней мере *700* рублей брошены даром от одного *факта* отсутствия нескольких сот *на руках* на всякий случай. Во-первых, *несколько недель ожиданий* денег съедало деньги» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 38).

72. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 22 марта / 4 апреля 1911 г.

Дорогой Алеша,

посылаю целый поток писем; никогда в жизни столько не писал; вместо «*Путевых заметок*» пишу письма и утро, и вечер. Не изъясняя мотивов, пишу Тебе кратко; переговори сериозно с Эмилием Карловичем. Мне в Россию вернуться надо — это раз; несколько необходимых покупок сделать *должен*; за границей они дешевле — это два. «*Мусагет*» способен выслать *порцию*, на которую не доедешь опять. И вот: я чужих денег на мотовство бросать не буду; наконец — есть возможность для меня выплатить *долг сразу*. Лучше и выгоднее для «*Мусагета*», чтобы мне выслали слишком много, чем *слишком* мало на возвращение из Греции в Россию. Если слишком много, излишек я верну; если слишком мало, я не уеду *не* купив нескольких нам с Асей необходимых вещей, более дешевых за границей, чем в России; и, стало быть, *опять сяду проживаться в ожидании денег*. Если б мне высылали больше, я не протратился бы на бесцельные ожидания. А то — ведь глупо: выдается с огромной скидкой билет из Александрии в Одессу, *действительный 3 месяца* с правом высадок; вот если бы мне «*Мусагет*» выслал *слишком много*, я сумел бы ему сэкономить на билете, *неожидании в Каире* и пр. А то система боязни и скупости ведет к обратному. Ожидание в Каире + Иерусалим (таки решили ехать) + дорога из Иерусалима в Афины съест все деньги. В Афинах две недели живем, делаем несколько покупок необходимых, приезжаем в Луцк, я еду в Москву и обратно — все это из порции высланных в Афины денег. Между Афинами и Москвой больше нет промежуточных станций. Минимум *400* рублей нужны. Но «*Maximum*» был бы выгоднее и «*Мусагету*», и меня избавил бы от совершенно ненужных мучений, которым я подвергался благодаря *глупым* (отсюда из Африки так кажется) *беспеч-*

венным рассуждениям Метнера о том, что мне нужно и чего нет. Прощай, милый, скоро увидимся.

Б. Бугаев

Немедленно по приезде в Грецию даю телеграмму в «*Мусагет*». Пусть они заранее приготовят деньги, чтобы не было совещаний Кожебаткина с Э<милием> К<арловичем>; *Э<милия> К<арловича>* с *К<арлом> П<етровичем>*[1]; назначения дней получения и наконец высылки. Пишу серьозно: при самом, можно сказать, нищенском пребывании в *Иерусалиме* мы приезжаем в Грецию *почти без гроша. В отелях платят через неделю. Стало быть, неделю питаемся на счет отеля* (об осмотре Афин не может быть и речи — первую неделю сидим, ждем денег, вторую — осматриваем Афины). Если же деньги не придут через неделю, то мы в положении отчаянном; глупо «*Мусагету*» так мучить нас: ведь в Тунисе была вот какая картина: *9 дней* ждали денег; через семь дней плачу последние деньги; в «Лионском Кредите» Москвы дали мне старую золотую стофранковую *монету*; *монету* отель сначала не берет, а у меня *больше нет.* На нас косятся; наконец, упрашиваю взять; справляются где-то, есть ли такие монеты; оказывается — есть: берут; мы с Асей остаемся в *Африке* с несколькими франками в кармане; проходит день, два — денег нет. Мы двояко волнуемся 1) если через день нет денег, у нас — ни единого франка, 2) помещение *дешевое* Радеса может быть снято. Наконец пришли деньги... В Греции может повториться та же картина. «*Мусагет*» ничего не предпримет до телеграммы; телеграмма не застанет Э<милия> К<арловича> в Москве; пока будут друг с другом сноситься и совещаться, не мотаю ли я деньги, не послать ли мне 200 рублей, чтоб усадить на *неделю* в Константинополе, я окажусь с Асей в *более еще* неловком положении, чем в Тунисе.

Итак, по получению этого письма пусть тотчас же приготовят деньги и дадут их Кожебаткину; по получению телеграммы пусть тотчас Дмитрий[2] телефонирует Кожебаткину, а Кожебаткин *тотчас* же переведет по телеграфу. В *Иерусалиме* быть *должно*, как и должны быть для нашего благополучия *две покупки* (не дешевые), и вот все это и заставляет мне Тебе писать.

Пойми, что моя из Африки злость на предполагаемую *медлительность* Кожебаткина была на основании *глупых* положений, в которые нас с Асей ставили.

Эмилий Карлович однажды (*не без вызова*) мне писал, что Кожебаткин тут ни при чем[3]. Извиняюсь перед Кожебаткиным, но злюсь на того, кто вместо Кожебаткина нас мучил.

Заказное письмо, отправленное по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Cairo. 5.IV.11; Москва. 1.4.11. Написано на трех листах, пронумерованных Белым «1,2,3» (ошибочная архивная нумерация: л. 80, 84, 85).

[1] К. П. Метнер — см. п. 51, примеч. 1.

[2] Конторщик «Мусагета».

[3] 1 февраля 1911 г. Метнер писал Белому: «Отец мой очень доволен Кожебаткиным как купцом и дельцом; приходится мириться с некоторыми отрицательными чертами его, кот<орые>, как Вы знаете, и мне крайне неприятны» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

73. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 23 марта / 5 апреля 1911 г.

Милый,

второй день прилив к голове. Сейчас Тебе отругался. И хочется улыбнуться. Все вздор перед Вечностью.

Вся внешняя истерика только сон.

Я счастлив. Каждый день, просыпаясь, вижу, что больше и больше люблю мою Асю.

Как она хороша, весела, тиха, серьезна, нежна, умна, чиста; она — мое дитя, друг, мать, образ *«возлюбленной Вечности»*[1].

(Получил от Блока прекрасное письмо[2].)

Она — крепкая рука помощи, которую послала судьба мне, самое дорогое существо, которое я встретил в мире.

Милый, обнимаю Тебя, обнимаю и Метнера. Как хочу я любить людей. Люди — ёжики и дикобразы. Под иглами — дети. Ася говорит, что я — ёжик, протягивающий иглу за несколько тысяч верст, через десять дней. Это — самозащита от ко мне протянутых игол. Снимем же иглы, не будем колоться, ибо все мы — дети.

Почт. шт. на конверте («Savoja Pension Restaurant Monreale»): Cairo. 5.IV.11 и 6.IV.11; Москва. 1.IV.11 и 3.4.11.

[1] «Образ возлюбленной - Вечности —...» — первая строка стих. Белого «Образ Вечности» (1903) в сб. «Золото в лазури».

[2] Имеется в виду письмо Блока от 12/25 марта 1911 г. (*Белый — Блок*. С. 391).

74. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 24 марта / 6 апреля 1911 г.

6 апреля

Милый Алеша,

как хорошо мне с Асей, как все в нашем путешествии, что зависело от нас, было гармонично; мы хорошо отдохнули бы: но вот за что нас промучили? Так измучила здесь в Каире нескладица с «*Мусагетом*» и Москвой, борьба за Иерусалим и за то, что нужно пыжиться, чтобы в состоянии выехать, что отваливаются руки, чувствуется усталость, и хотелось бы безвольно сидеть в Каире: пусть за нами едут, берут нам билеты, сажают на корабль, сносятся с пароходными обществами. А то забота о нас легка: не высылать достаточно денег; а нам предоставляется выпутываться. От огорчения, усталости этих последних дней вскочил громаднейший флюс[1], и лежать бы, а тут: укладываться, бежать по пёклу — в который раз — в пароходное общество, в банк...

Эмилий Карлович расстраивается от на пять минут опозданного обеда <так!> и не-*свежести* поданного к обеду яйцу, а нас сажает в неудобнейшие условия. Мы — не «*дерюги*», мы тоже имеем капризы и вкусы...

Так вот и я. Уже много дней не могу работать, устал, измучен; в довершение предстоит мучиться с флюсом на корабле и в карантине, или... *опять отложить* отъезд и тратиться...

Благодеяние мне со стороны «*Мусагета*» (действительно — *очень крупная услуга*) для меня обезображено, как огромное полотно гениального художника, обезображенное грубым мазком *невежды* по лицу *Мадонны. Полотно*, конечно, перевешивает грубый мазок, но мазок так отвратительно сейчас лезет в глаза, что с естественной несправедливостью отворачиваешься от *всей картины*, не разбирая, кто прав, кто виноват.

Видишь — опять ругаюсь. Вчера — хамсин[2], сегодня — флюс: то и другое предлоги + в душе действительная обида.

Любящий Тебя

Борис Бугаев

Отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Cairo. 8.IV.11; Москва. 4.4.11 и 4.IV.11.

[1] Ср. *МБ* об апреле 1911 г.: «Каир становится страдой. Моя болезнь и почти вырыв из Порт-Саида в Палестину».

[2] Ср. письмо Белого к Блоку от конца марта/начала апреля 1911 г.: «Измученные семью казнями египетскими: 1) блохами, 2) “*бакшишом*”, 3) грязью, 4) “*хамси-*

ном" (ветром пустыни), 5) зубной болью, 6) англичанами и 7) невозможностью выехать за неимением денег, — бежали в *обетованную страну*» (*Белый — Блок*. С. 396).

75. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Каир. 26 марта / 8 апреля 1911 г.

(8 апреля)

Милый Алеша,

путаница с Москвой, разлад с мамой, каирская духота, приливы крови к голове и ужасный, отнимающий дыханье «*хамсин*» были, конечно, главной причиной неумеренного тона моей руготни, от которой не отказываюсь; доволновался до чудовищного флюса тогда, когда надо было брать билеты на пароход. Уехали бы сегодня, но... вчера 3 минуты буквально висел на вырываемом зубе и в борьбе с доктором разорвал себе рот. Теперь исцарапанный, злой (но флюс лучше). А когда едем — не знаем: все зависит от того, когда идет пароход, да и есть ли еще места (все сейчас едут из Каира). Не удивитесь, если телеграфирую не из Греции, а из Иерусалима. Разве предвидишь флюс; за рванье зуба — 1 ф<унт> ст<ерлингов>; за лишние дни — фунты.

Или и тут быть «*экономнее*», т.е. зуба не вырывать, падая в обморок от боли, бежать на корабль, а если остаться в Каире, то... повиснуть с Асей в воздухе...

Ну не злюсь. Не сердись и Ты. Не сердитесь и Вы — «*Мусагетцы*». Но, право, если бы Э<милий> К<арлович>, любящий комфорт, побыл бы в нашей шкуре, он вопил бы не менее...

В результате всего, может быть, попросим денег из Иерусалима.

Без конверта. На своей копии К. Н. Бугаева приписала: «Возможно, что это продолжение письма от 6/IV».

76. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Пароход. 28 марта / 10 апреля 1911 г.

Алеша!

Христос Воскресе! С парохода. Перед Яффой. Дезинфекция и карантин для 3 класса. Сегодня вечером в Иерусалиме[1]. В се-

редине недели на Мертвом море. К Пасхе в Иерусалиме[2]. Нас опять обжулили агентство и пароход (200 пиастров 20 р.).

Радостных праздников.

Б.

Открытка с видом: Jerusalem. Abendmahlszimmer. Cenacle. Coenaculum. Отправлена по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Jerusalem. 11.IV.11; Москва. 11.IV.1911 и 12.4.11.

[1] Белый и А. А. Тургенева прибыли в Иерусалим 28 марта/10 апреля 1911 г.

[2] Пасха в 1911 г. — 10/23 апреля.

77. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Иерусалим 29 марта / 11 апреля 1911 г.

Иерусалим! Что сказать? Палестина — страна камней и цветов[1]. Горы Иудеи — недостроенный Град. Палестина — жива. Град — достроится... Евреи здесь — прекрасны. Иерусалим по Асе желтый и золотой: прекрасен: Луцк и что-то невыразимое[2]. Храм и Гроб[3] вовсе неожиданны, странны, живы: прошлое, будущее. Церкви здесь *уже* соединились. Сегодня у Гроба Господня склонился араб в феске: пришел и он поклониться[4]... Прекрасно!..

Здесь проживем вместо Греции. Христос Воскресе!*

Да здравствует Россия. Да сгинет *европейская мертвая погань*[5].

Открытка с видом: Piscine Béthesda — Pool of Bethesda — Teich Bethesda. Отправлена по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Москва. 14.4.11. Иерусалимский — нрзб.

[1] Ср. открытку Белого к матери: «Как хорошо в Иерусалиме после Египта. Страна рдеет цветами» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[2] В открытке, отправленной Э. К. Метнеру из Иерусалима (почт. шт. 3.4. (ст. ст.) 11), Белый сообщал: «...радостно ахнул в Иерусалиме. Никакой *цивилизации* (слава Богу!) и связанной с ней мертвечины. Вдруг приехали в Луцк. Но когда пошли в глубь города... попали в тысячелетнее прошлое» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 39).

[3] Гробница Христа в храме Гроба Господня.

[4] Ср. письмо Белого к А. А. Блоку от конца марта/начала апреля 1911 г.: «А у Гроба Господня соединенная Церковь (католик и православный). Нас тронул мусульманин в чалме, пришедший поклониться гробу. Не снимая чалмы, он широко перекрестился» (*Белый — Блок*. С. 396).

[5] О всплеске антиевропейских настроений Белого в это время свидетельствуют и другие его признания — см. письма из Иерусалима к Блоку (*Белый — Блок*. С. 396), М. К. Морозовой (*Ваш рыцарь*. С. 164—166) и А. М. Кожебаткину (*Белый — Кожебаткину*. С. 164—166). 21 марта/3 апреля 1911 г. Белый писал Э. К. Метнеру: «Если

* *Далее — приписка над текстом письма.*

"лаберность" и корректность ведут к исчезанию лица — я стою за "*безалаберность*". Когда узнают, что Вы русский, тон к Вам делается снисходительным, у Вас спрашивают: "Есть ли в России театры?" "*Ах Вы сукины дети*" хочется крикнуть в ответ. "*Да Россия центр живой жизни*". И знаете ли что: не говоря о Вас, Петровском, Эллисе и других — Бердяев кажется мне отсюда *титаном*! Черт возьми! Я — русский: в этом моя величайшая гордость» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 37). В открытке к нему же из Иерусалима (почт. шт. 3.4. (ст. ст.) 11) он писал: «Ура России! Да погибнет *мертвая погань цивилизации*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 39).

78. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 31 марта 1911 г.

Москва. 1911 31/III

Милый Боря, заключаю из письма твоего, что ты моих некоторых не получил, ибо были они калейдоскопом всяких пестрых известий, в ущерб философии. Начинаю с «Мусагета»: «Арабески» вышли давно и были тебе посланы в Тунис[1]. Перед Пасхой должны выйти Блок[2] и 3-ий «Логос», и, м<ожет> б<ыть>, «Альманах»[3]. Итак, за зиму, считая «Стигматы», и 2-ой «Логос» — 6 книг: можно бы оживленнее, да откуда взять оживление? Главный источник его был в тебе, мы с Э<милием> К<арловичем> оживлять не умеем[4], а Лев совсем теперь в сторону, ничего кроме Шт <ейнера> знать не хочет[5]. Приедешь, будет и живее. Сейчас сдал в печать Эккарта[6]. Киселев готовит том «Архива Киселевых» с неизданными стихами Языкова, рисунками Пушкина и всяческой перепиской, сдает на Фоминой[7]. Иванов без движения[8]. Будет издана книга о Канте Яковенки[9], произведшего самое лучшее впечатление на всех (!), особенно на Э<милия> К<арловича>[10]. Куда он крепче Степпуна и Гессена[11], гораздо большего размаха и умнее. Ритмисты трудятся преданно и верно[12], у них готов какой-то учебник и отпечатан на гектографе[13], теперь заняты стат<истическим> листом. Нилендеру приходится выйти из Университета, чтобы поступить в педагоги и т<аким> о<бразом> отбывать воинскую повинность[14]. — Китаю был послан *краткосрочный* ультиматум: он уступил, зато сейчас готовится к неминуемой войне с громадным подъемом[15]. — Университетские забастовки в общем сходят на нет, уволенные профессора кое-как замещаются, студенты сдают экзамены. Не запомню такой тяжелой зимы. А Шт<ейнер> говорит, что это на 25 лет еще затянуло и раньше нечего ждать просвета. — Относительно Кавк<азского>

имения говорили с твоей мамой. Она ничего не имеет против того, чтобы хлопотал о нем Кож<ебаткин>[16], у которого есть знакомый адвокат, а у адвоката связи на Кавказе, с которыми он вошел по этому поводу в переписку. Т<аким> о<бразом>, дело в движении. Стоимость имения выше, чем думали: тысяч 12. Кож<ебаткин> хочет еще попытаться двинуть учебники твоего отца[17], и издание его статей и некоторых сочинений по указаниям Лахтина[18]. Ал<ександра> Дм<итриевна>[19] была очень рада этой мысли. — Ты знаешь, я опять в Музее: увы, это благоразумно. Если Э<милий> К<арлович> пишет о Льве с раздражением, не огорчайся: он, м<ожет> б<ыть>, больше, чем мы все, любит Льва, но утомлен и измучен[20]. У него был болен при смерти отец, и теперь еще опасен. Ведь Э<милий> К<арлович> давно уже на границе агонии: вся душа сжалась в рыдающий комок. Но держится великолепно. Чтобы жить и видеть, надо окаменеть. О, как я его понимаю.

Милый, прощай, уже поздно, целую тебя и Асеньку. Скоро увидимся. Христос с Вами.

А. П.

P. S. В Афины тебе вышлют по первой телеграмме 550 р. (остаток от 3000). Фельетонов получено 19. Напечатано 3 (в «Речи»)[21]. Из «У<тра> Р<оссии>» надо взять. Пусть выйдут книгой. Газеты поглощены политикой и злобами дня.

[1] 21 марта/3 апреля 1911 г. Белый писал Э. К. Метнеру из Каира: «Получил “*Арабески*”, прочел статью “*Песнь жизни*” — Бог мой, схватился за голову: в статье по крайней мере сто опечаток. Есть фразы бессмыслицы. Если бы даже в рукописи были опечатки, то... Ахрамович должен был бы обратиться ко мне. В общем “*Арабески*” и “*Символизм*” ужасают меня в смысле *количества написанного*. И лучше буду я писать притчи, рассказы, чем еще, еще и еще статьи; каждая статья — украденная глава из возможной книги, могущей быть цельной; сумма статей — все еще *конгломерат*, а не *здание*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 37).

[2] См. п. 51, примеч. 7.

[3] См. п. 51, примеч. 6.

[4] Ср. письмо Э. К. Метнера к Белому от 1 февраля 1911 г.: «В “Мусагете” все идет своим чередом, т.е. двигается черепашьим шагом вследствие форс-мажорной неаккуратности авторов» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

[5] 11 января 1911 г. Метнер писал Белому: «Эллис бездельничает и читает Штейнера и о Штейнере и не переводит “Парсифаля”» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

[6] Имеется в виду: Экхарт, Мейстер. Проповеди и рассуждения. Пер. со средневерхне-нем. и вступ. статья М. В. Сабашниковой. Книга была выпущена в свет «Мусагетом» только в 1912 г. (10—17 апреля).

[7] Фомина — первая неделя после пасхальной. Такой том не был издан ни «Мусагетом», ни другим издательством. В альбоме Е. Н. Ушаковой, бабушки Н. П. Киселева, Пушкин помимо рисунков и записей оставил и так называемый «Донжуанский список».

[8] 11 января 1911 г. Метнер писал Белому: «Проспект не может выйти, т<ак> к<ак> Вячеслав не присылает ни статьи об Орфее, ни проспектиков своих (тоже еще не присланных) книг. Не присылает Вячеслав и своей брошюры "*Лев Толстой и Сократ*"» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7). Написанный Вяч. Ивановым проспект серии «Орфей» см.: Труды и дни. 1912. № 1 (январь—февраль). С. 60—63. Брошюра «Лев Толстой и Сократ» не была опубликована и даже написана.

[9] Яковенко Борис Валентинович (1884—1949) — философ, близкий к неокантианству (учился в Германии у Риккерта); историк философии, публицист, переводчик; один из редакторов «Логоса». См.: *Взыскующие града*. С. 348—349. Ни «Мусагет», ни другое издательство не издали книги Яковенко о Канте.

[10] 19 февраля 1911 г. Метнер писал Белому: «Гносеологические мозги Яковенки заплавали наконец на поверхности Мусагета "рядом с цилиндром Кожебаткина". — Он (не цилиндр, а Яковенко) прочел реферат (прилагаю конспект), где высек жестоко Эрна, но, конечно, не прямо, а косвенно; были ожесточенные прения, и наши обскуранты (Бердяев, Эрн) договорились до credo, quia absurdum est <верю, потому что нелепо (*лат.*)>, до мыслей типично-инквизиционно-иезуитски-католических» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7). 21 марта он сообщал Белому: «Dr. Jakovenko думает, конечно, мозгом, всегда мозгом, но это не означает, что все остальное у него замерло и не функционирует <...> Через полчаса после этого мы познакомились <с Яковенко > и говорили так свободно, как если бы давно знали друг друга, несравненно свободнее, нежели со Степпуном, Гессеном, Бердяевым, Эрном. Яковенко мне очень нравится; он бесконечно честен интеллектуально и бесконечно предан своему делу; он — чистейший рожденный философ, и потому производит такое же гармоничное и законченное впечатление <...> Яковенко — трагичен при всей своей силе <...> это — трагизм философского строителя, обязанного воздвигнуть систему после неокантианства» (Там же).

[11] Ср. письмо Метнера к Белому от 21 марта 1911 г.: «Вы, конечно, понимаете, что Степпун и Гессен — мальчики в сравнении с Яковенко» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7). Гессен Сергей Иосифович (1887—1950) — философ-неокантианец, последователь Риккерта; один из руководителей издаваемого «Мусагетом» журнала «Логос».

[12] См. п. 43, примеч. 1.

[13] Сохранившаяся часть учебника ритма опубликована: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1981. Вып. 515 (Труды по знаковым системам. 12). С. 119—131.

[14] В России сельские учителя освобождались от воинской повинности.

[15] Подробнее о нажиме России на Китай в 1911 г. см.: *Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, 2003. С. 256—259.

[16] См. п. 65, примеч. 2.

[17] Бугаев Николай Васильевич (1837—1903) — математик, профессор и декан физико-математического факультета Московского университета. Ни его учебники по математике, ни собрание его статей после 1909 г. не были изданы.

[18] Лахтин Леонид Кузьмич (1863—1927) — математик, профессор Московского университета. Автор биографического очерка о Н. В. Бугаеве (М., 1904). См. также: Введение в анализ. По лекциям проф. Л. К. Лахтина и проф. Н. В. Бугаева (Могилев, 1909).

[19] А. Д. Бугаева.

[20] 1 апреля 1911 г. Метнер писал Белому об Эллисе: «...он раб, католик, догматик и т.д. не по эволюционному капризу сменяющихся воззрений, а по психологии своей; <...> я могу его любить, жалеть, могу пользоваться *частично* его трудом, но считать его внутренно своим не только в "последнем", но даже и в предпоследнем невозможно; это кончено и навсегда. Он был два дня у меня в деревне и положительно измучил меня <...> кончилось тем, что я рассердился, как еще никогда ни на кого из своих друзей, и разбушевался так, что заболел (вообще я себя чувствую прямо отчаянно плохо весь сезон); <...> Мне очень, очень плохо. Хуже, нежели когда-либо. Боюсь, что не справлюсь с собою» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7).

[21] См. п. 51, примеч. 12.

79. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Иерусалим 31 марта / 13 апреля 1911 г.

Иерусалим

Милый, милый Алеша,

все-то Тебе я пишу; прости за брань и ворчанье на путаницу; но из Каира действительно было много причин ругаться; во-первых: мы задыхались в жаре; во-вторых: нас съедали блохи; в окрестностях Каира мы увидели уже все *главное* в течение 8 дней; просидели же около 4-х недель; мама очень обидно написала; «*Мусагет*» прислал порцию; в результате 12—14 лишних дней ожидания 200 рублей съели 200 рублей; от всего даже... разболелся: начались приливы к голове (от нервной напряженности, Каирского безобразия, пёкла и огорчения); кончилось колоссальным флюсом; выдернули зуб; на это ушло 1 ½ фунта, не меньше. Наконец выбрались «*фуксом*»[1]; не дождавшись *перевода* (из любезности выдали нам деньги), удрали; если бы не любезность Банка, просидели бы около 5 недель в Каире[2]...

И вот в Иерусалиме...

Странный лейт-мотив нашего путешествия; он *таки* иногда огорчает. О, как близка мне Ася — ближе, радостней, дороже; глубже, все глубже к ней отношусь. Если б не *она*, как было бы горько.

Вот какой лейт-мотив: «*Не любите мира: ни того, что от мира*»[3]... *Не любит нас мир* в Палермо, в Тунисе, в аглицком отеле, и здесь... в русском *Сергиевском Подворье* — русские, итальянцы, французы, англичане — относились к нам с презрением. Мы везде что-то оскорбляем: нас ненавидят; там за то, что мы —

обезьянки[4], здесь — за то, что русские. *Нет жизни в мире*: мы крошечный островок, подмываемый океаном злобы.

Мои *ярые* письма были вызваны главным образом тоном *холодка*, некоторой слепоты и невнимательным касанием больных мест в письмах Э<милия> К<арловича>. И так-то мы с Асей *одиноки, вдвоем* среди всего нас *нелюбящего* чужого, а тут несправедливые попреки со стороны мамы ко мне, неделикатность Э<милия> К<арловича> по отношению Аси, чуть-чуть меня... раздор и киленье его на несчастного Эллиса, — все вместе очень огорчило. *Одни, одни, одни* мы с Асей... И вот опять в душе страх, грозные сны... И боишься, что мой единственный *столб спасения*, моя Ася... ну что-нибудь и *сюда ударит*...

Не любит нас *мир сей*.

В Египте испытал *подлинное гонение*.

Иерусалим, как здесь хорошо. Хорошо в храме, везде — тут бы забыться от всего мирского, ан... тут опять *назревает гонение*.

Мы приехали в аглицкий отель (самый дешевый); чуждо, пусто, мертво, оскорбительно для Иерусалима... и *все же дорого* (везде дорого). Ну а в *харчевнях* — но разве с нежной Асей так можно?..

Словом, дорого.

А тут, против, целый русский городок: церковь, подворья, консульство. Уж как мы обрадовались мужичкам, русским... Пошли в *Подворье*[5]... Снять у русских: *ведь свои, ведь 4 месяца в русскую газету не заглядывали*, но вот вопрос. 2 комнаты нам дороги, а одна... «*скандал*». Посмотрели: паспортов не спрашивают, отель как отель, в 4 раза чище, уютней, лучше, чем в аглицком, и чуть дешевле.

Рискнули.

Едва поставили чемоданы, как «*пожалуйте паспорта*»; я обмер: за Асю. Нечего делать, дали: ждали — сейчас попросят объяснения (попали-то в *Самодержавие — Православие*); ничего: прописали нас на стене «*Б. Н. Бугаев и А. А. Тургенева*» людям на удивленье[6]. Тотчас с нами пошел тон иной; нас заненавидели, забойкотировали; общество оказалось «*тесным кружком*», где все — вместе. И вот от этого-то нам тяжело. Хоть переезжай, и, пожалуй, придется переехать — а куда? Везде дорого, дороже; аглицкий дешевый отель сменили на *русский*, а из русского (везде орлы, Государь, «*Моск<овские> Вед<омости>*»[7]) хуже, чем гонят; демонстративно отворачиваются, не говорят... И это — в Иерусалиме! Обидно.

Наше путешествие — паломничество по местам, урок жизни, тяжелый, трудный, *необходимый*: во многом умудрился. Нашел мою Асю...

Но, ах, не сладко жить в мире, который нас «*ненавидит*»...

И, милый, знаешь:

Глупость «*порций*», результаты брани моей на Москву, отягчившую и подорвавшую наше сложное путешествие, неполучение писем от Эллиса, предстоящее *трудное* объяснение с мамой, *выговор*, чего доброго, от мусагетского начальства, зависимость, трудность в ближайшем устроиться в Москве, мое решительное большее *порусение*, германство Э<милия> К<арловича> — все вместе делает то, что *предвзято* кошусь и на Москву... Что-то нас с Асей ожидает там — не гонение ль? Не холодок ли и взаимное непонимание со стороны немногих, как и мы, нелюбимых «*миром*». Чем больше привязываюсь к Асе, тем больший страх: потерпит ли нас «мир сей»...

Только с Асей и тепло; извне сейчас на нас — с востока, с запада, с севера, с юга — *негостеприимный дует ветер*. Моя маленькая Ася такая нежная, тихая, добрая, хрупкая. Более чем кто-либо, чувствует она *холодок*. Чем более храбрится, тем, думаю, более тревожится она в душе.

«*Не любите мира: ни того, что от мира*». А тут всюду — мир, мир и мир. Мир в Каире, в Тунисе... в Москве... в Иерусалиме....

Когда прихожу в Храм Гроба Господня, мне кажется, что я — дома. Там: мужички, греки, католики, арабы, турки, абиссинцы; это не Храм, а *дом*; а вот в *доме*, хоть глаз не кажи из комнаты; четыре раза в день за *общей столовой* нас с Асей казнят — за что? За то, что Ася к браку относится серьезней их всех. Она мне сказала: брак *Таинство*, а я *пока* не в Церкви...

Ну?.. Так за что? Разве так все в Церкви они?..

Гонением, презрением обливали нас только что англичане; гонением худшим нас встретили русские.

Сейчас подходил к Асе: лежит маленькая, маленькая, улыбается; говорит: «Все пустяки». А я знаю: ей больно. Я за нею страдаю очень.

«Не любите мира, ни того, что от мира».

Христос Воскресе, Алеша.

Адрес наш. Иерусалим (Jérusaléme). Сергиевское Подворье. Может статься, завтра нас выгонят; может статься, не вытерпим сами. А куда мы денемся. Но встретим *русскую Пасху — здесь.*

Отправлено по адресу «Мусагета». Марка — русская, поскольку письмо было отправлено из Сергиевского Подворья. Почт. шт.: Иерусалим. 31.III [ст. ст.].11; Москва. 15.IV.1911 и 16.4.11.

[1] Случайность, неожиданность (*устар. разг.*).

[2] В открытке, полученной в Москве 14 апреля 1911 г., Белый писал матери из Иерусалима: «Едва уехали. Чек так-таки не получили: деньги выдали из любезности. Если бы не банк, просидели бы две недели из-за ожидания» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[3] Ср. «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1 Ин. 2.15).

[4] См. п. 40, примеч. 2.

[5] Ср. письмо Белого к матери, полученное в Москве 14 апреля 1911 г.: «Проживем здесь вместо Греции. Завтра переселяемся в Сергиевское Подворье; здесь целый русский городок; так странно было увидеть толпы мужичков среди арабов и турок. Остановились в английском отеле; но в Сергиевском Подворье втрое лучше. Русских здесь более всего» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[6] Гражданский брак Белого с А. А. Тургеневой был заключен лишь 23 марта 1914 г. в Берне (Швейцарии). См.: *Между двух революций.* С. 400.

[7] Газета консервативно-монархического направления.

80. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Иерусалим 1/14 апреля 1911 г.

Дорогой Алеша!

То, что писал Тебе (о нас с Асей), быстро уладилось, не знаю почему. Я за табль-д'отом дал понять, что мы презираем бойкотирование нас, и все стали *шелковые.* С одним русским (Прокоповичем — издателем «*Книжного Дела*»[1]) даже разболтались на несколько часов.

Иерусалим: как радостен Иерусалим! Весь он пересекаем во всех направлениях менее, чем в 10 минут. Европейский квартал — Луцк; везде кругом — стены Иерусалимские; население блещет библейскими костюмами; арабы до сих пор ходят, как древние евреи; и живо, живо *доселе* представляешь себе в пестрой толпе Спасителя и учеников.

Кругом — сирийцы, арабы, турки, египтяне, евреи, мужички, греки; евреи — то луцкие, то — в лиловобархатных халатах и меховых шапках; арабские шейхи — копия с изображений «*книжни-*

ков и фарисеев»; здесь и там выступают процессии христиан; впереди — с серебряными булавами блещущие позументами турки (и надо отдать справедливость — великолепно, тактично держатся). Всюду из *сукков*, галдящих улиц — тихие, древние, узкие, ступенчатые улички, бегущие вверх и вниз; свернул — и вот стены, камни, развалины, зелень, а вдали — голубые иудейские горы, гора Елеонская[2]... И кажется, что ты — вне города, за древней стеной; и стена продолжается в природные камни, являя из всей Палестины сплошное *недостроенное строение* (как знать — не место ли нового Града?); и в камнях яркие красные маки и много милых цветов; а вот опять свернул — и стена; а за ней громадные «*кедры ливанские*»; а внизу, вдали — «*гефсиманский сад*»; потом пойдешь по базарам — красавцы арабы в полосатых плащах с громадными веревками на белом головном платке. Арабы Тунисии — белоснежны; под снегом бурнуса — благородно-пестры; сирийцы и палестинцы *откровенно-роскошно-пестры*. И вот ты свертываешь вбок; две-три ступеньки вверх; ограда — и почти у базара кресты, часовенки, палатки — *святости*; сидят многие эфиопы, копты, арабы, абиссинцы; это убежище абиссинцев и египетских коптов (арабов-христиан); тебя поражает, где оно помещается: точно на крыше; ты спрашиваешь: «Где ты?» Ответ: «На крыше Храма Гроба Господня». Так устроено здесь. Храм Гроба Господня — система уступов, пещер, переходов, террас, подземелий и зал, где все племена и все наречия переливаются весело друг в друга; абиссинцы так и живут на крыше; в Храме прежде всего поражают — десятки чалм, фесок, эфиопов, арабок: это *все христиане арабы* (в храме они в фесках) или просто мусульмане арабы, пришедшие *поклониться* Гробу. Как радостно! Часовня Гроба Господня — вот картина: она — в громадном сером полутемном пространстве; в часовне всегда — православный монах и рядом францисканец. Часовня продолжается в абиссинскую часовню: там стоит эфиоп монах; я нарочно вошел туда приложиться к евангелию, и абиссинец меня покропил... Перед часовней всегда почти — служба: сегодня служил католический патриарх (sic!), бородатый, в лиловых шелках, восседал на троне; а вокруг десятки поющих францисканцев, католики-богомольцы; далее — цепь турецких солдат; и тут же за цепью — православные мужички, бабы, аббаты, эфиопы, арабы в чалмах; все — светло фамильярны с Гробом Господним; он-де наш... и — наш... и — наш... Словом — прекрасное столпотворение языков и — ***никакой профанации***, кроме, редкого,

впрочем, наглого взора... туриста-англичанина... То же на Голгофе. Православный иконостас и непосредственно рядом католический алтарь при *общей церкви*. Аббаты подходят сперва к православным иконам, помолятся здесь; отойдут на несколько шагов — и молятся у себя... *Церкви соединены у Гроба и на Голгофе фактически*; и какая в том — радость! Долгоживущие богомольцы — свои люди в Храме; с ключами в руках летала по всему храму какая-то казачка, дружащая с монахами, водя нас по бесконечным переходам; и везде одно — здесь молятся, здесь — отдыхают, там — разглядывают; *и все языки — у себя, в последнем убежище*. Мне это стало ясно. Все, даже, как мне кажется, турки солдаты, любят душой *это место*; и *светло, тепло, весело* у Гроба Господня! *А на крыше живут абиссинцы*!!! Что-то апокалиптическое! *Так будут жить христиане в последние дни*!

Вот факт, которого, верно, не знаешь Ты: под Гробом Господним скопились *многие воды*; бездонная глубина воды. *Говорят, что подлинный Гроб* опущен туда, а нынешний Гроб занимает лишь *место Гроба. И другой факт*: от Мечети Омара ведет потайной ход к Гробу Господню. Ты спросишь: «Что такое мечеть Омара?» А это и есть место с остатками Соломонова Храма[3], где мусульмане указывают и место «*Святого святых*»[4]. Христиане некогда развалины Храма... забросали нечистотами. А калиф Омар, помня, что Магомет считал самым святым местом место Соломонова Храма, воздвигнул здесь великолепнейшую мечеть. Здесь (у мусульман) и Гроб Исаака, и место жертвоприношения Авраама[5]; и место, откуда, по их легенде, взят был на небо Магомет; после Мекки это их *самое святое* место; под мечетью громадные подземелья, принадлежавшие некогда к Соломонову Храму, а потом тут что-то было у темплиеров[6]. С полчаса нас вели по неописуемым подземельям; наконец араб поднял светоч, сказав: «*Харам*» (храм), показывая наверх. Мы были *под* святым местом мечети Омара, т.е. *Соломонова Храма*. Я отколол кусочек скалы; и теперь считаю, что везу кусок — ... «*Соломонова Храма*». Магометане утверждают, что *Христос прочел Слово Соломона* здесь (вспомни *Храмовую легенду*...). И вот от этого *места* идет потайной ход к Гробу Господню: от центра Каббалы, Ветхого Завета, а ныне центра магометанской святости* к новозаветной легкости Гроба Господня... Вещий Символ!

---

* В день Страшного Суда *Кааба*[7] из Мекки перелетит на место Сол<омонова> Храма (*примеч. Белого*).

Сегодня большой магометанский праздник; процессия арабов и турок с музыкой и знаменами шла к Иерусалиму; рассказывают, что у места Гроба Богоматери магометане останавливались, поворачивались к Гробу и пели *священные песни*. Пойми, какая красота в том, что *моленья всех христиан* во многом сливаются, перекликаются с моленьями мусульман и из места сначала Иудейской (Соломонов Храм), а потом и магометанской святости (Мечеть Омара) идет соединяющий подземный ход к... Гробу Господню!

Никакой профанации в Иерусалиме нет: сердцу легко, что живо, есть, было, будет!

Кончаю письмо. Завтра встаем <в> 5 ½ утра, едем в Вифанию[8] с огромной пальмовой ветвью (вербная суббота); эту ветвь нам дал управляющий «*Сергиевского Подворья*». «Это, — сказал он, — *благословенье греческого патриарха, приславшего русским паломникам пальмовые ветви*».

Палестинское Общество[9] обладает целым городком построек. Пол-Иерусалима говорит по-русски. Благодаря тому, что мы — *здесь*, мы увидим все церемонии. Сегодня пришел караван русских из Назарета с *кавасами*[10] (проводниками) и десятками ослов; всего 1 ½ тысячи; сейчас здесь 6000 паломников-мужичков.

Христос Воскресе.

Любящий Борис Бугаев

Отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Иерусалим. 4.1911.IV; Москва. 18.IV.1911.

[1] Издание с таким названием в России не выходило. В воспоминаниях Белый ни о каком «Прокоповиче» не пишет, а: «сразу же переменился тон отношенья ко мне; и я — попал в “общество”; надменный барин оказался другом моего друга Рачинского, от которого много наслышался обо мне; <...> обнаружился, наконец, Турчанинов, знававший В. К. Кампиони, — знакомец Аси; за табльдотом, словом, открылась “Москва в Иерусалиме” — та самая, из которой мы с Асей спасалися бегством» (*Между двух революций*. С. 400—401).

[2] Гора Елеонская — самая высокая из окрестных иерусалимских гор; здесь Христос плакал о будущей участи Иерусалима.

[3] Мечеть Куббат ас-Сахра (Купол славы, или мечеть Омара, 687—691) — памятник арабской культуры, построенный на громадном фундаменте храма Соломона (X в. до н. э., вновь построен Иродом Великим в конце I в. до н. э. и разрушен в 70-х годах н. э.).

[4] Самая чтимая часть храма Соломонова, куда лишь раз в год входил один первосвященник в день очищения.

[5] См. Бытие 22. 9—14.

[6] «Тамплиеры» («храмовники») — средневековый духовный рыцарский орден, основанный в 1119 г. для защиты пилигримов, направлявшихся в Иерусалим, и христианских святынь в Палестине. После потери Иерусалима орден был перенесен на Кипр (1291), а затем — во Францию. В 1312 г. орден был упразднен Папой Климентом V. В 1314 г., после процесса с пытками и ложными обвинениями, руководители ордена были заживо сожжены в Париже.

[7] Кааба — одна из главных мусульманских святынь: постройка кубической формы во внутреннем дворе Запретной мечети в Мекке. В одном из ее углов замурован так называемый Черный камень («аль-хаджар аль-асвад»), символ могущества Аллаха, посланный им на землю людям.

[8] Селение, где жил Лазарь с сестрами Марфой и Марией. В память воскресения Лазаря Христом (Ин. 11) установлен церковный праздник — Лазарева суббота («вербная суббота» у Белого — праздник католический), — ради которого и совершалось паломничество в Вифанию.

[9] Императорское Русское Палестинское общество ставило себе задачей изучение Палестины и помощь русским паломникам в Святую землю.

[10] В Турции — почетная стража, облеченная низшей полицейской властью.

81. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Иерусалим. 2/15 апреля 1911 г.

Дорогой Алеша,

странная наша в Иерусалиме жизнь. От службы до службы. Сегодня в 6 часов утра в коляске с «*кавасом*» отправились в Вифанию, куда собралось до 8 тысяч богомольцев — крестьян, греков; по дороге спустились в пещеру Лазаря: думали, что расшибемся; человек 40 всегда (день и ночь) прут в узенькое отверстие пещеры, откуда прямо вниз убегают крутые ступени. Если бы *чуть не кулаки* арабов, было бы в день много увечий. В Вифании служба на двух языках, крестный ход к пещере; мы прилепились благодаря *кавасу* на камне над входом пещеры, так что под нашими ногами совершал службу греческий архиепископ; одного грека расшибли в кровь; но странно: поют, дерутся, расшибаются, изнемогают дружно и весело — *без профанации*; так же доброжелательно и скорей благодушно тузят турки толпу кулаками: не тузи они — черт знает что бы произошло: на обряде «Священного огня» (который скоро увидим) турки вправо и влево дерутся плётками: и только таким путем спасают *патриарха* от растерзания его вопящей толпой. «*Священный огонь*», возжигаемый с *Гроба Господня*, тотчас же переносится к очагам мусульман, которые в экстазе им себя жгут. «*Священный огонь*», как и «*Гроб Господень*», — все-

общие «*святости*», независимо от вероисповеданий (у евреев, магометан, христиан). Сейчас Ася спит, а я ее разбужу через час (в 12 часов ночи): к часу ночи мы — у Гроба Господня до... четырех, а там в 8 утра опять следовало бы из русской миссии с крестным ходом следовать на патриаршее служение. На днях едем так: Иордань — Иерихон — Мертвое море; поездка на лошадях 87 верст; дороговато, но... как же не быть на Мертвом море, будучи в Иерусалиме. Чего доброго в Москве... за это осудят; да и так мы себя лишаем Галилеи, Назарета (сложно и дорого). Сегодня послал телеграмму за деньгами; прожили бы еще недели две с имеющимися, но... *пароход идет во вторник на Святой*[1], и стало быть, деньги нужно получить до отхода парохода за 1—2 дня. Если мест нет, сидеть неделю. Того и гляди, подведете Вы — москвичи... В Грецию не едем (дорого). А возвращаемся так: Яффа, Кайфа, Бейрут — Смирна — Александретта — Афон — Хиос — Дарданеллы — Константинополь — Одесса. Пароход идет неделю до Константинополя, останавливаясь во всех портах (все посмотрим). В Константинополе проживем (3—4 дня), в Одессе накупаем *необходимых вещей* — пальто, шляпа, мелочи (ибо здесь всего *лишаем*): менее *500* рублей немыслимо выслать: 250 рублей на каждого — дорога, пропитание, осмотр, покупки необходимые (*но не мелочи*) — ей-Богу, мало!! Да вот пишу, получится письмо через 10—12 дней (а то и 14), а Вы тем временем пошлете опять *300*... Надеюсь, что до получения телеграммы Ты получил *поток* моих отчаянных писем, и стало быть, в Москве знают о том, как мы барахтаемся между *получкой* и *пароходными рейсами*. За истерический тон прошу прощения: от сущности писем *не отказываюсь*. Мы проделываем все время *сальто-мортале* из-за нелепой системы душить нас порциями и заставлять вследствие этого протрачиваться. Подумай: имей мы на руках лишние 200 рублей своевременно, мы сидели бы в Египте не 28 дней, а *8*. Зачем же мы сидели лишних 20 дней в дорогом городе, увидев все, что можно *нам* увидеть? 20 дней жизни = 12-недельной жизни в Греции + дорога (с пользой для себя) или *200* сбереженных рублей. А система *порций* не дала нам возможности *ни* обогатиться впечатлениями, *ни* сберечь деньги, *ни* купить себе необходимых совершенно вещей. Мне возразят: «Зачем вас дернуло пуститься в такое плавание?» А я отвечу: мы *поплыли* потому, что взвесили, что нам это можно и недорого, упустив из виду, что мы не хозяева наших передвижений; все дело в том, чтобы уметь *вовремя* приехать и *во*-

время уехать; *вовремя* — лучшая экономия; и мы должны отсюда напомнить, что этого лучшего спутника экономии — «*вовремя*» — нас лишили. Мы все делали, *ожидая, пересрачивая*; и в этом — вина Москвы, которая советует экономить. Если мы не уедем во вторник на *Святой*, то уедем во вторник на *Фоминой*, переплатив *неделю* лишнюю, и все же сделав *тот же путь, те же покупки*, т.е. бросим деньги на ветер.

Впрочем, пишу это платонически: когда Ты получишь письмо, деньги будут высланы, независимо от моих слов; и стало быть, мы опять-таки во власти Москвы... Между тем на *Святой* богомольцы возвращаются, пароходы будут переполнены; если заблаговременно не придут деньги, мы *не* можем брать билетов, а места могут быть разобраны; так было с нами в Каире (откуда мы выехали в *первом классе* и *все же* ночевали *на палубе*). Возьми за пять дней раньше, все было бы иначе...

Целую.
Борис Бугаев

На копии К. Н. Бугаевой — ее помета: «шт<емпель> отпр<авления> Иерусалим 4 IV (ст. ст.) 11»

[1] Т.е. 12/25 апреля 1911 г.

82. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Иерусалим. Вторая неделя (ст. ст.) апреля 1911 г.

Сейчас узнал, что, возмущенные кражей из Храма[1], пришлые бедуины и арабы на сегодняшний день подготовляли резню европейцев, но турецкие войска помешали; и бедуины по-своему правы; блистательные европейцы (воришки), не правда ли, дали нам пример поведенья... Я так зол на европейцев, что хотел сказать дерзость аглицкому представителю власти, присутствовавшему у нас на трибуне на омовении ног[2], нагло в шапке хохотавшему на обряд; немец и француз тоже не сняли шапок.

Приписка А. А. Тургеневой:

Алешенька милый, Борька ругается, ругаюсь и я. — Приехали из Каирской духоты, а тут бури, холод и град. Так что носу на улицу не покажешь. — Весь отель простужен, простудилась и я. Теперь погода поправляется, а времени на поездки нет. Алешень-

ка, какие тут красивые арабы и арабки и сколько тут ласточек. Вчера были на омовении ног, толпа и давка страшная. Видели мало, а что видели — ничего не сказало.

Целую.

Пиши хоть в Луцк, а то буду обижаться. Мне почти не писал.

Возможно, что это письмо, написанное на клочке бумаги без обращения и подписи — часть следующего письма.

[1] См. письмо Белого к А. М. Кожебаткину: «Европейцы к святыням Иерусалима относятся... как к объектам синематографа; здесь любой русский мужичок выглядит культурнее желтоштанника паршивца англичанина; один из этих паршивцев обокрал на днях Соломонов храм... В результате сегодня беспорядки; мусульмане, *корректно* чтущие христианские святости, говорят, сегодня грозились резать христиан; наши мужички с криком "*арапы напали*" толпами бежали от Храма Гроба...» (*Белый — Кожебаткину*. С. 165). Письмо имеет почт. шт. «Иерусалим. 12.IV.1911; М. 25.4.11». См. примеч. к следующему письму.

[2] Чин омовения ног совершается в Страстной четверг в Иерусалиме на площади перед храмом Воскресения Христова, когда Иерусалимский Патриарх омывает ноги 12 епископам.

83. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Иерусалим. Вторая неделя (ст. ст.) апреля 1911 г.

Милый Алеша,

Голубчик, прости: но опять отмечаю; конечно, и на этот раз происходит чепуха: во вторник на святой идет русский пароход. Чтобы не делать бесцельного тура: Иерусалим — Яффа — Порт-Саид — Александрия — Константинополь, а проехать через Смирну, Хиос, Афон, Константинополь билеты *уже пора* брать, а деньги не высланы...

Красноречиво!..

И так *снова* 7 дней сидеть в Иерусалиме? Это ли экономия «*Мусагета*»? Отмечаю: «*Мусагет*» швыряется сотнями бесцельно, а нас поучает: будьте экономны...

А у нас нет чисто необходимого; вместе с тем *ожидания наши* по нашему бюджету царственны: неделя *лишняя* в Радесе, дней 12 в *Каире*, если неделя еще в Иерусалиме, то лишний *месяц ожиданий*; Грецию мы уже *проожидали*... Может быть, придется... застрять в Одессе, что было бы уже просто комично; ибо повторяю: бросая деньги на нам *ненужные ожидания* и лишая себя в необ-

ходимостях, я разозлился и до тех пор не вернусь в Россию, пока у нас не будут эти нами все откладываемые необходимости...

Надеюсь, что деньги все же придут...

Ну вот — *отметил*; *отмечаю*, ибо у меня приготовлена целая прокурорская речь к администрации «*Мусагета*» в отношении к *порционным высылкам*, из-за которых не раз мы с Асей попадали в смешное и глупое положение...

А вот из Иерусалимского.

Сегодня произошла паника. Целые толпы богомольцев бежали от Гроба Господня, и заперлись мгновенно все лавки, у русского квартала появились «*кавасы*» черногорцы и все *на запор*. Мужички говорили, будто «*арапы напали*» и кого-то из христиан «*подушили*». На самом же деле, кажется, резались друг с другом турки; говорят еще, что убили англичанина; все продолжение кражи из *Храма Соломонова* англичанином ценных вещей. Говорят теперь, что англичанин работал над извлечением древностей под охраной турецких солдат и что был подкуплен сам губернатор; говорят (заведующий подворьем рассказывал), что нашли древний меч и какие-то священные ризы... Но пока это дипломатический секрет. В общем же произошло что-то крупное; мусульмане озлоблены, власти растеряны, а мужички бежали от Храма Гроба Господня, галдя, что «*арапы напали*»...

Любящий Б. Бугаев

А как безмятежно, просто, нехлопотливо, не раззорительно для «*Мусагета*», если бы он выдал нам деньги в начале путешествия. А то тысячи непредвиденностей со стороны «*Мусагета*» нелепо, глупо тормозят нашу свободу; тысяча непредвиденностей встречала и нас в каждой стране, и обо всем уведомлять Москву было невозможно; так, в Тунисе неизвестны пароходные сношения Египта, в Египте не знают сроки русских пароходных обществ Одесса — Порт Саид. Где же нам все заранее знать. А сумма Вашего и нашего незнания рождает *чепуху* из каждого нашего передвижения. И на фоне этого самодовольно-учительски-нестерпимый тон иных мест из писем Метнера *совершенно бесит*. Он, Эмилий Карлович, *все знает*: на 150 рублей можно переплыть океан, Германия выше всех стран в мире, русское самосознание — «*ретроградство*». Бердяев не смей о России пикнуть! О, как все это узко, ограниченно, самодовольно, черство выглядит из Египта и Иерусалима.

Еще раз целую. Борис Бугаев

P. S. Меня злит нескладица, кармически преследующая нас с Египта. Вот и тут; денег осталось мало, не то готовиться к отъезду, не то ждать еще 9—10 дней. *Мечеть Омара* недостижима теперь (из-за инцидента); сегодня из-за всеобщей паники пропустили «*плач жидов*», Ася кашляет, и поездку на *Мертвое море* остается повесить в воздух. Можно было бы ехать на первый день, чтобы к вечеру в понедельник уже быть в Иерусалиме, а во вторник ехать, но вот *финансовая* комиссия Москвы так устроила в заботе о правильности нашего путешествия, что хоть *вой* — —; будь у нас деньги *все*, мы прожили бы неделю в *Каире* и *видели то*, в чем себе отказывали. Мы отказывали себе в ряде поездок... Для чего было тогда плыть в Египет? «*Мусагет*» обессмыслит и Палестину, ибо *расчет лишней недели* убивает всякую мысль об экскурсии, из-за *которой все* ведь и стремятся сюда...

У меня сосредоточенная холодность и презрение теперь ко всем словам об аккуратности. Меня *бесит* всезнайство *Москвы* в суждениях о том, что нам нужно и чего не нужно...

P. P. S. Я подчеркиваю один факт, оставшийся у меня *как обида*; я просил лишних *200*, чтобы попасть в Египет; десять раз готов повторять: если бы мне отказали, у меня *не было бы и тени обиды*; но, молчаливо согласившись на это, надо знать, что и выбраться *из Египта столь же трудно*. Элементарный расчет показывает, что расстояние из *Каира* до *Афин* немногим менее расстояние из *Туниса*. А у нас вначале был план *не застревать* в Иерусалиме, а *застрять* (в ожидании денег) в Греции или Константинополе. Я, если не ошибаюсь, кому-то об этом писал... Но нам прислали 300 рублей... в Каир!!! То есть для возвращения из Египта в Европу с Иерусалимом ассигновали... по 150 рублей на человека!!!

Когда я еду в Петербург, если у меня в кармане 75 рублей, а жить предстоит неделю, то... *только*, *только* хватает... А тут предполагается минимум 3 недели плаваний, осмотров и жизни по 150 рублей на человека!!! Подлинно расчетливо: только предлагаю такой расчет применить к *себе*, а потом к ближнему... (200 рублей мамины *почти* не идут в счет, ибо 12 дней жизни и *глупая* посылка по почте эти *200* рублей съели...). А «*Мусагет*» на спине ближнего проделывает эксперименты экономии... Это — если не издевательство, то... просто *глупость*, прежде всего вводящая в раззорение «*Мусагет*», ибо «*Мусагету*» или придется бросить нас в Азии (распутывайтесь, как знаете), либо по собственной глупости *переплатить*...

Тут есть нечто, вошедшее в душу ко мне... почти как *оскорбление*[1]...

С пометой Петровского: «Письмо из Иерусалима 1911. 12 апреля». Почт. шт.: Иерусалим. 12.IV.1911; М. 25.4.11; М. 25.IV.11. По-видимому, это письмо (как и письмо к А. М. Кожебаткину — см. п. 82, примеч. 1) было отправлено почтой Сергиевского Подворья после отъезда Белого и Тургеневой из Иерусалима 11/24 апреля. Судя по содержанию, п. 82 и п. 83, равно как и письмо к Кожебаткину, не могли быть написаны 30 марта/12 апреля.

[1] На обороте — схематичный рисунок чернилами. Белый изобразил маршрут своего путешествия по странам Средиземного моря. Над Сицилией приписано: «капкан»; над Каиром: «волчья яма»; над Иерусалимом: «мышеловка»; а над Константинополем: «(что-то нас ожидает?)».

84. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Иерусалим. 10/23 апреля 1911 г.

Дорогой Алеша!

Получи днем позднее деньги, остались бы на неделю. Слава Богу, получили в последнюю минуту. Едем послезавтра утром[1]. Вчера утром были на благодати *Огня*. Пасху встретили у Гроба Господня. Сегодня были в Вифлиеме <так!>. Завтра идем в Омарову Мечеть. Целую.

Любящий Тебя

Борис Бугаев

Открытка с видом: *Bethlehem*. Geburtskirche. Église de la Nativité. The Basilica. Почт. шт.: Иерусалим. <нрзб>; Москва. 24.IV.1911 и 25.4.11.

[1] Белый и А. А. Тургенева выехали в понедельник 11/24 апреля. Ср. письмо Белого к матери от 22 апреля (ст. ст.) 1911 г. «в виду Одессы»: «Выехали мы из Яффы 11-го апреля вечером, а сегодня уже 22-ое, т.е. мы на корабле уже живем одиннадцатый день» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

85. ПЕТРОВСКИЙ — А. А. ТУРГЕНЕВОЙ

Москва. 25 апреля 1911 г.

Москва. 1911 25/IV

Асенька, сейчас получил твое письмо из Одессы[1]. В Афинах Вас ждала куча писем: от Метнера, Сизова, меня, даже от Дмитрия — поздравительное, и всем, кто спрашивал, куда писать, я говорил — в Афины. Что в России — то же, что и оставили. Ли-

ния судьбы изменилась за это время разве только у Наташи[2], но об <этом> писать не хочу — не хочу формулировать. Она думает провести май в Москве, Таня тоже до половины мая вряд ли выедет — у нее, кажется, экзамены. Так что если нужны приборы — напиши, вышлем. Но вот что: мне очень нужно знать как можно скорее, когда именно Боря будет в Москве[3]. У меня на май — отпуск, и я уезжаю в Крым, но не хочу ехать, не повидавшись. Числа до 5<-го> я могу подождать, но если он остается в Луцке дольше — я лучше дня на два заеду. Напиши, пожалуйста, *тотчас* по получении этого письма, когда он едет. А то буду телеграфировать (если 2-го мая не получу ответа). Радуюсь выбраться на море и солнце, и увы — на отсутствие знакомых.

Асенька, скажи Боре, чтобы он теперь, вернувшись, вырвал из сердца обиду на Метнера, как это ни трудно[4]. Нам надо нести взаимные тяготы, слагающиеся из недоразумений, невниманий, небрежностей, пусть обидных и горьких. Иначе не удержимся вместе. Он ведь знает, что на нас откуда-то как из решета будут сыпаться химеры и всякие поводы. Это вовсе не нравоучение, а так надо: я так хорошо понимаю, как ему обидно.

Целую и обнимаю тебя и его на значительном, уже более близком расстоянии.

Привет С. Н.[5]

АП.

[1] Белый с А. А. Тургеневой прибыли в Одессу 22 апреля/5 мая 1911 г. Они приехали в Боголюбы 25 апреля (через Киев — 24 апреля).

[2] Н. А. Тургенева была беременна. Она родила дочь в начале ноября. В воспоминаниях Белый указывает на «событие, ближе задевшее и даже взволновавшее нас, — рождение у Наташи девочки» (*Между двух революций*. С. 436).

[3] В Боголюбах (см. п. 36, примеч. 1) Волынской губернии Белый в 1911 г. жил в конце апреля—начале мая, а также в летние месяцы (с последней декады мая до начала августа). 8—18 мая он был в Москве. Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 30 апреля 1911 г.: «Скоро увидимся; через несколько дней еду в Москву. Ничего не знаю из "*московского*". Страшно хочется снова вмешаться в мусагетские дела, узнать *как что* и потолковать основательно, чтобы потом... до августа удрать и писать, писать. Думаю быть в Москве не позднее 8-го мая; пробуду не дольше 15-го. Ася на более долгий срок не пускает, да и я буду без нее теперь страшно тосковать» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 41).

[4] 30 апреля 1911 г. Белый писал Э. К. Метнеру из Луцка: «Милый, не сердитесь на нервный тон моих каирских писем <... > у меня помутился разум, и я беспричинно кипел, кипел и кипел, пока... не попал в "страну обетованную"...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 41). Ср. *МБ* о мае 1911 г.: «Мой спешный отъезд в Москву: ряд встреч, ряд трудных тяжелых разговоров; лишь формальная ликвидация *ссоры* с Метнером; я вижу, что до... следующей ссоры». 24 мая 1911 г. Белый писал ему же: «Милый, ми-

лый, любимый друг! Как здесь хорошо! <...> И зори... И в зорях "*старая Москва*" <...> Приезжайте, родной! <...> милый, давно, давно, очень, очень давно не встречали мы вместе зорь. Пора — не из зорь ли возник "*Мусагет*". Здесь зори, дикость, лес, тишина... <...> После нашего разговора <в Москве. — *Дж. М.*> мне неясно наметился "*Мусагет*" (прошлый, настоящий и будущий) в новом, мягком, симфоническом блеске... Вдали от Москвы переживаю зорю... <...> Все возвращается... Опять возвращается...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 42). Однако 17 июня 1911 г. Белый отправил ему пространное письмо, в котором изложил руководителю «Мусагета» накопившиеся обиды, претензии и сомнения относительно целесообразности своего дальнейшего участия в деятельности издательства (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 43).

[5] Софья Николаевна Кампиони, мать А. А. Тургеневой.

86. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Боголюбы. 31 июля 1911 г.

Дорогой Алеша,

мы с Асей приезжаем 8-го августа. Не знаем, где остановимся, и потому не знаю, где нам свидеться[1]. В «*Мусагет*» по некоторым причинам не хотел бы я являться в этот свой приезд (думаем в Москве или под Москвой, отыскав помещение, ехать к Морозовой[2]; я буду оттуда наезжать). Голубчик, будь такой добрый, зайди после Музея к Киселеву; я у него буду или его уведомлю <о> нашем адресе. 8-го же мне нужно с Тобой *очень* видеться. Все это лето не писал, потому что сначала думал, что Ты в Крыму; а потом как-то вообще мало писалось.

Очень многое имею Тебе сказать.

Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев

Приписка А. А. Тургеневой: P. S. Алеша — целую.

Отправлено по адресу «Мусагета», а переадресовано на: Ст. *Оленино*. Виндавская ж. д. сельцо *Бобровка*. Имение А. А. Рачинской. Почт. шт.: Луцк. 31.7.11; Москва. 3.8.11 и 3.VIII. 1911; Оленино. Твер. г. 4.8.11.

[1] По приезде в Москву 8 августа 1911 г. Белый и А. А. Тургенева остановились в меблированных комнатах Троицкой на Тверском бульваре. В семейной квартире (Арбат, Никольский пер., д. 21, кв. 5) Белый не считал возможным жить из-за ссоры с матерью, происшедшей в мае 1911 г.

[2] 19 августа 1911 г. Белый с А. А. Тургеневой выехал из Москвы в имение М. К. Морозовой Михайловское (Калужской губернии), где они прожили две недели. Об августе 1911 г. Белый вспоминает: «Живем в меблированн<ых> комнатах; ищем квартиру Наташе и дачу под Москвой себе. Наконец, кое-как, это все налаживается; квартира — найдена: 6-ой Ростовский пер.; дача — тоже: Расторгуево»

(*МБ*). Во второй половине сентября 1911 г. Белый и А. А. Тургенева поселились на даче А. Н. Депре в Видном, под Москвой (станция Расторгуево Павелецкой железной дороги), где они жили до середины октября 1911 г.

87. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Москва. Третья декада октября 1911 г.

Дорогой Алеша,

я в Москве с поезда на поезд: по уши в работе.

1) Ради Бога, подумай о лекции (5-го ноября *должен* прочесть)[1].

2) Передай Гр<игорию> Ал<ексеевичу> Рачинскому, что в пятницу 28-го октября мне понадобятся *деньги* за статью[2]. Нельзя ли их как-нибудь приготовить.

3) Вторая лекция должна быть в конце ноября[3].

4) *Если нужен по особым делам, выпишите.*

5) Денег у меня очень мало: без лекций сяду в лужу.

Не забудь, что должен платить много зубному доктору и что у Аси *нет шубы*. Нуждаюсь за ноябрь—декабрь (+ шуба) в 500 рублях[4].

Сто рублей за статью.

50 за фельетон в «Речи»[5].

30 за стихи в «Аполлоне»[6].

Т.е. 180 рублей (ну двадцать навер<н>утся); итого 200. *300* же рублей надеюсь получить от лекций. Не забудь меня, милый.

Прощай, падаю от усталости.

Любящий Тебя

Борис Бугаев

На конверте (без марки): Его Высокородию Алексею Сергеевичу Петровскому (крайне нужное). Петровский проставил дату: октябрь 1911.

[1] Белый прочитал лекцию «Страна бреда и ужаса. Египет» 5 ноября 1911 г. в аудитории Исторического музея (см.: Русские ведомости. 1911. № 255, 5 ноября). Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 29 сентября 1911 г.: «Андрей Белый никому не нужен. Остается одно: умоляю Вас, разрешите мне прочесть 2 лекции, устроенных "Мусагетом" 1) О Толстом, 2) О Египте <...> *250* набралось бы мне от двух лекций» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 49).

[2] Речь идет о статье «Лев Толстой и культура». 29 сентября 1911 г. Белый сообщал Э. К. Метнеру: «Волей-неволей уселся писать статью о Толстом для "*Пути*" (как это мне интересно, в самом деле — ведь писал уже о Толстом): в 3 дня должен написать минимум 30 писаных листов» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 49). 9 или 10 ноября 1911 г. он писал Блоку: «*Пятница*. <4 ноября>. Зубной врач, на которого не мог по-

пасть; возня с извлечением из "*Пути*" нужнейших мне 100 рублей; ловля по соверш<енно> необходимому делу неуловимого Рачинского» (*Белый — Блок*. С. 423). Рачинский служил редактором издательства. Статья была опубликована в кн.: Сборник второй: О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912. С. 142—171.

[3] Лекция о Толстом (см. примеч. 1) не состоялась.

[4] Ср. письмо Белого к Блоку от 15 или 16 ноября 1911 г.: «Мне 500 рублей нужны сейчас *до зарезу*. <...> Итак, жду от Тебя или совета, или какой-нибудь помощи, т.е. не попросишь ли Ты у кого-нибудь из писателей пристроить мои рукописи, или у какой-нибудь редакции дать мне в 500 рублей аванс. Главное, мне нужны деньги» (*Белый — Блок*. С. 427). Блок в ответ одолжил Белому 500 рублей.

[5] Имеется в виду гонорар за фельетон «Путевые заметки. 7. Тунис» (Речь. 1911. № 267, 29 сентября).

[6] Три стихотворения, написанные Белым в мае—июне 1911 г. в Боголюбах (*РД*), были напечатаны в шестом номере «Аполлона» за 1911 г. (С. 30—32): «Барбарусса» (первая часть стихотворения «Голос прошлого»); «Близкой»; «День в Боголюбах» («И опять, и опять, и опять...»). Впоследствии вошли в сборник «Королевна и рыцари».

88. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Кельн. 24 апреля / 7 мая 1912 г.

Милый Алеша!

Спасибо, спасибо, спасибо за сведения[1].

Мы в Кёльне[2].

Да, да, да, — он невероятен[3]. Мы потрясены и даже... разбиты: вчера два часа слушали его в ложе и два часа вечером[4].

Сегодня в 2 часа дня он назначил нам свидание[5].

Прощай, милый.

Борис Бугаев

«Свет во тьме светит, и тьма не объяла его»[6]...

Написано на бланке: Hotel St. Paul. Köln gegenüber dem Dom und Hauptbahnhof. Почт. шт.: Köln. 7.5.12; Москва. 27.IV.1912 и 27.4.12.

[1] Ответ на неизвестное нам письмо. 1/14 мая Белый писал Блоку: «...мы почему-то на всякий случай написали в Москву А. С. Петровскому узнать, где Штейнер летом в Германии» (*Белый — Блок*. С. 455). «Петровский сообщает ряд адресов *штейнеровских штабов*, разбросанных по разным городам Германии, и пишет между прочим (письмо пришло 4-го мая нов<ого> стиля), что 6, 7 и 8 мая Штейнер в Кельне, и сообщает адрес лица, могущего указать на место Кельнской Ложи (Кельн же от Брюсселя в нескольких часах» (Там же. С. 457). В Кельне 6 мая 1912 г. Белый вручил письмо М. Я. Сиверс, секретарю Штейнера (с 1914 г. — его жена), в котором сообщал: «Третьего дня от А. С. Петровского из Москвы я получил известие, что Доктор от 6 до 8-го в Кельне. И вот мы приехали из Брюсселя сюда» (Андрей Белый — Мария Сиверс — Рудольф Штейнер: история в шести письмах // *Спивак Моника*. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 42).

[2] Белый и А. А. Тургенева выехали из Москвы за границу 16/29 марта 1912 г. Они прибыли в Брюссель 20 марта/2 апреля. Там она собиралась в течение двух месяцев окончить свои занятия гравюрой у Данса (см.: *Белый — Блок*. С. 445). «Атмосфера в Брюсселе напрягается; неожиданный отъезд в Кельн» (*РД*, май 1912 г.). Они отбыли из Брюсселя в Кёльн 22 апреля/5 мая: «В 2 ½ мы решаем ехать в Кёльн; в 3 ½ берем билеты. В пять — уезжаем. В 11 ночи мы в Кельне» (*Белый — Блок*. С. 457).

[3] Рудольф Штейнер. Он был в Кёльне с 6 по 8 мая. События и переживания, относящиеся к пребыванию в Брюсселе, поездку в Кёльн и начало общения с Штейнером Белый подробно описал в «берлинской» редакции воспоминаний «Начало века»; соответствующие главы («Из воспоминаний. 1. Бельгия. 2. Переходное время. 3. У Штейнера») были опубликованы в берлинском журнале «Беседа» (1923. № 2. С. 83—127), переизданы (с добавлением главки «Базель — Фишнау — Штутгарт — Берлин») в кн.: *Рудольф Штейнер*. С. 636—666 (подготовка текста и комментарии М. Л. Спивак). См. также: *Тургенева Ася*. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. М., 2002. С. 24—30. См. также письма Белого к матери и к М. К. Морозовой (*Андрей Белый в поисках*. С. 116—120).

[4] «1) Лекция Штейнера в кельнской ложе на тему о связи с космосом. 2) Публичная лекция Штейнера “Христос и 20-ый век”. Я отмечаю лекции Шт<ейнера> как влиявшие на внутреннюю работу» (*РД*, май 1912 г.). Ложа — местная теософская группа или кружок (Штейнер предпочел термин «ветвь»). «Интимная лекция» предназначалась только для членов Теософского общества. 6 мая 1912 г. речь Штейнера была связана с торжественным открытием нового помещения кёльнской ложи Теософского общества. Как Белый позднее писал, они попали на лекцию в ложе «без всякого права присутствовать; разрешение дал сам Штейнер» (*Рудольф Штейнер*. С. 645). Публичная лекция была прочитана Штейнером вечером 6 мая. О ней см. письмо Белого к Блоку от 1/14 мая (*Белый — Блок*. С. 458—460).

[5] «1912 год. *1-ое свидание*. 7-го мая — Кельн. Разговор о феноменах в Брюсселе, как быть; об ⊕; о моем отношении к А. Р. <Минцловой>; о возможности или невозможности учиться у Доктора» (*Белый Андрей*. Свидания с Доктором; *Андрей Белый и антропософия*. 9. С. 471). Ср. *РД* о мае 1912 г.: «Встреча и разговор с доктором Штейнером, определяющий судьбу мою и Аси». См. письмо к Блоку от 1/14 мая (*Белый — Блок*. С. 460—461).

[6] «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1.5).

89. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Брюссель. 11/24 мая 1912 г.

Дорогой, близкий Алеша,

Как порадовало меня Твое письмо[1]. Ну конечно Ты прав. И все химеры надо предать забвению. Но уж очень было обидно получать от Э<милия> К<арловича> такие ужасные письма. Одно я показал Эллису; так он ужаснулся и испугался за Э<милия> К<арловича>. Я потом-то разобрал, что все это *мания* какая-то, а сперва ужасно, ужасно огорчился. Все мои письма продиктованы, может быть, недолжным огорчением: но факт — преувеличен-

но мрачно я взглянул на Москву. Милый, чтобы меня не упрекали в лицемерии, я с последней *сильно преувеличенной* остротой определил свои отношения к Штейнеру, к Коллективу и ко всем нам в коллективном письме ко всем Вам к Киселеву (во 2-ом)[2]. Ты его, верно, получишь в Бобровку. Милый, так уж Ты прости меня, не суди. Должно знать, что расстояние страшно все преломляет, а у меня было впечатление, будто все москвичи *против* меня (то же и Эллису кажется). Тут закон *химеры*. И когда ходишь с сознанием, что все против Тебя, то все сильно преувеличиваешь. С этой психологией отсутствующего Вы не считались и принимали с моей стороны за нападение то, что есть самозащита. Милый, так уж Ты прочти спокойно мое 2-ое коллективное письмо.

О Штейнере: к Штейнеру мы поехали очень не случайно, а просто вынужденные 1) рядом необъяснимых феноменов, происходящих с нами, 2) тем, что *больше ждать нельзя было* (ведь вот — май), 3) чувство собственного несовершенства, потребность *работать*, учиться выросла очень. Твое письмо с адресами пришло кстати (за 2 дня до лекции Штейнера в Кёльне).

Боже, как мы волновались. Сиверс доложила о нас Штейнеру[3], который тотчас разрешил нам присутствовать в заседаниях Ложи. Мы были, конечно, и на публичной его лекции, которая — неописуема: я ничего подобного не видел и не слышал. На этой же лекции Freulein Scholl подошла к нам и сказала, что доктор нас ждет у себя на следующий день[4].

На следующий день мы были у Доктора. Сначала говорил я *долго*, потом говорила Ася. Мы поставили несколько вопросов. Потом долго говорил он. Он все добрел и добрел. В итоге же он сказал: «Приезжайте в начале июля в Мюнхен *до* августовских лекций. Поживите сперва нашей общею жизнью. А потом прослушайте курс, а там будет видно»[5].

Ты хочешь знать впечатления? Нет — я расскажу все лично. Я за это время столько *пчелил* <так!> (Блоку, Иванову и др.), что в десятый раз повторять своих слов не могу. *Мы с Асей совершенно в плену.* Ася принялась за немецкий. Читаем Курсы.

И конечно с начала июля мы в Мюнхене. И конечно мы там в августе. И конечно Ты приедешь. И мы поживем там, при Докторе вместе. Неужели Мише[6] нельзя? Там будет Эллис, Ольга Павловна[7], Клеопатра Петровна[8], Трапезников[9] и еще кое-кто[10].

Мы вернулись из Кёльна в среду вечером 8-го мая, а в понедельник к нам из Берлина приехал Эллис, прожил 3 дня[11]. Был великолепен (вообще он *очень* подвинулся). Мы расстались в прекраснейших отношениях.

Теперь по уши сижу в романе[12]. Надо все закончить к июлю.

Милый, милый: обнимаю и целую Тебя. Спасибо за хорошие слова. *Да — все так, как Ты пишешь.*

Христос с Тобою.

Твой Б. Бугаев

P. S. Григория Алексеевича обнимаю, целую. Привет Анне Алексеевне[13] и Татьяне Анатолиевне[14]. Мы здесь приблизительно до 30 мая. Далее — мы у д'Альгеймов до июля[15], или конца июня. Далее — в Мюнхене.

Приписка А. А. Тургеневой:

Алеша милый — хорошо будет встретиться в Мюнхене. Очень зовем туда и Наташу. Пон<нрзб> и ты, чтобы она приехала.

Как изменился Эллис — он столь много лучше и немного хуже.

Работаем. Зубрю немецкий, думаю, что к июлю буду немного понимать.

О Штейнере надо написать не одну фразу, а по крайней мере двадцать, а мне и лень и некогда.

Алешенька, целую тебя очень.

Отправлено в имение А. А. Рачинской (станция Оленино, село Бобровка). Почт. шт.: Brussels. Bruxelles. 24.V.1912; Оленино. 14.5.12.

[1] Письмо нам неизвестно.

[2] Три письма Белого в «Мусагет» (одно недатированное, а два были присланы в конвертах со штемпелями 7 и 20 мая (н. ст.) 1912) хранятся в архиве Н. П. Киселева (РГБ. Ф. 128), который находится в обработке. Приносим благодарность А. И. Серкову, предоставившему возможность ознакомиться с этими документами. В мае (почт. шт. 10 мая 1912 г.) Белый писал Метнеру: «...я считаю, что сделал ошибку, пославши длинное письмо "друзьям"... Если то, о чем я пишу там, окрепло, то ведь не в письме проявится оно — в деле» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 60). 5 июня (почт. шт.) он писал ему же из Буа-ле-Руа: «Мое коллективное письмо оправдательного характера вызвано *Вашим* указанием мне, что в "*Мусагете*" все удивляются моим поведением, и потому я и понял, что Вы лишь выразитель дружного негодования на меня друзей: в письме своем я повторил главным образом *лишь то*, что написал Вам лично в первом письме, ибо от Вас получил уведомление, что Вы моего письма к Вам *не получили*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 63).

[3] Сиверс Мария Яковлевна фон (1867—1948) — «русская немка» (родилась во Влоцлавске, провела молодость в Петербурге), с 1902 г. секретарь Штейнера в немецком отделении Теософского общества, с 1914 г. — его жена. Об отношениях Белого с М. Я. Сиверс см.: Андрей Белый — Мария Сиверс — Рудольф Штейнер: история в шести письмах // *Спивак Моника*. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 41—116. См. также: *Рудольф Штейнер*. С. 644—646.

[4] Шолль Матильда (1869—1941) — теософка, затем активная деятельница Антропософского общества. «После лекции к нам подошла очень полная дама (в лиловом), в пенсне на рассеянных, подслеповатых глазах; и сказала нам: — Доктор вас просит прийти: завтра в одиннадцать по такому-то адресу. И мы — явились» (*Рудольф Штейнер*. С. 646). «...крупная дама с детским лицом: это фрейлейн Шолль, руководительница кёльнской ветви, в своей работе тесно связанная с еще носящим тогда это название Теософским обществом Германии. С дружелюбнейшей улыбкой она сказала: “Доктор Штейнер ожидает вас завтра в три часа”» (*Тургенева Ася*. Воспоминания о Штейнере.... С 26—27).

[5] Ср. «Воспоминания о Штейнере...» Аси Тургеневой: «После недолгого молчания он, поднявшись, сказал: “Если вы никому не давали обещания, что ко мне не приедете, тогда я вас приглашаю. Приезжайте летом в Мюнхен. Вы сможете понаблюдать, как мы живем и работаем, и тогда вы увидите, подходит ли это вам”. — Вот все, что он ответил <...> Доктор Штейнер попрощался весело и мило» (С. 27—28). См. также: *Рудольф Штейнер*. С. 646—647.

[6] М. И Сизов. 5/18 мая 1912 г. Белый писал матери: «Ведь он <Штейнер> был недавно в Гельсингфорсе, — туда ездили Сизов и Петровский; оба заядлые штейнерьянцы; ведь они в Москве устроили штейнеровский кружок» (*Андрей Белый в поисках*. С. 118).

[7] Сизова О. П. — врач, теософка, первая жена М. И. Сизова. Она (как и ее муж) стала антропософкой и участвовала в постройке первого «антропософского храма» Гетеанума в Дорнахе (Швейцария).

[8] Христофорова.

[9] Трапезников Трифон Георгиевич (1882—1926) — искусствовед, учился в Лейпциге, Гейдельберге, Париже, Мюнхене; его докторская диссертация (по-немецки) о портретах семьи Медичи была издана в Страсбурге в 1909 г.; участник строительства первого Гетеанума (1913—1916) и «гарант» русской группы в Дорнахе; с 1921 г. председатель Русского антропософского общества; после 1917 г. — влиятельный музейный работник (см. о нем: *Романов Н*. Памяти Трифона Георгиевича Трапезникова // Жизнь музея. 1927. № 3. С. 1—4). Умер в Германии.

[10] 5/18 мая 1912 г. Белый писал матери: «В августе слушаем его курс (к августу в Мюнхене будут жена М. И. Сизова, М. В. Волошина, кажется К. П. Христофорова, Эллис и еще кое-кто из русских)» (*Андрей Белый в поисках*. С. 117).

[11] Понедельник — 13 мая (н. ст.). «...утром к нам стучат в дверь. Говорю: “*Entrez*”. Входит господин с очень собранным и таким знакомым, бритым лицом. Всматриваюсь — Эллис. И — бритый. Мы его не узнали. Оказывается: узнав из письма, что я встретился со Штейнером, он тотчас взял у Штейнера трехдневный отпуск (он ведь уже 6 месяцев всюду сопровождает Доктора) и приехал из Берлина к нам с грудою эзотерических курсов под мышкой и без единой вещи, без единого франка» (*Белый — Блок*. С. 464). См. также: *Рудольф Штейнер*. С. 647—648. Эллис стал приверженцем теософии Штейнера в 1910 г. 18 сентября 1911 г. он отбыл из Москвы за границу с целью пройти путь «ученичества» у Штейнера. Подробнее см.: *Виллих Хайде*. Эллис и Штейнер // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 182—191; *Виллих Хайде*. Л. Л. Кобылинский—Эллис и антропософское учение Рудольфа Штейнера (К поста-

новке проблемы) // Серебряный век русской литературы. Проблемы. Документы. М., 1996. С. 134–146; *Rizzi Daniela*. Эллис и Штейнер // Europa Orientalis. 1995. № XIV: 2. С. 281–294; *фон Майдель Рената*. «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 214–239.

[12] В это время Белый работал над четвертой главой «Петербурга».

[13] Рачинская А. А. (ум. в 1918 г.) — сестра Г. А. Рачинского.

[14] Рачинская Т. А. (урожд. Мамонтова; 1864–1920) — жена Г. А. Рачинского.

[15] В начале июня (н. ст.) Белый и А. А. Тургенева выехали из Брюсселя во Францию, около 4 июня прибыли в Буа-ле-Руа (Bois-le-Roi, под Парижем, вблизи Фонтенбло), в дом П. И. д'Альгейма и М. А. Олениной-д'Альгейм.

90. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Буа-ле-Руа. 9/22 июня 1912 г.

Письмо между нами

Дорогой друг и брат!

Пишу Тебе это письмо, потому что просто не знаю, к кому обратиться. Я надеюсь, что Ты в *крайнем случае* поймешь мотив моего обращения к *Москве*, т.е. «*Мусагету*».

Я пишу тем более сериозно, что исполнен самых мирных намерений; и тем более мне трудно писать на нижеследующие темы, что только что после 2 ½-месячной *удручающей* перебранки с Метнером мы помирились, и я был так доволен, что наш инцидент исчерпан.

Преисполнен я самых миролюбивых целей, чувствую себя прекрасно, готовимся ехать к Штейнеру — и чего бы нам ссориться с «*Мусагетом*»!

Тем не менее я *обязан*, кажется, вновь и на этот раз серьезнее, чем когда-либо, мобилизовать свои силы против ***недостойного*** поступка с Эллисом, совершенного Э<милием> К<арловичем> — поступка, после которого Эллис обречен на голодную смерть[1]...

И вот: отрываюсь от работы (ибо вчера мы с Асей просто были вконец разбиты письмом Левы) и опять ***обязан*** ввязаться с риском получить личные оскорбления. Но прежде чем писать в «*Мусагет*» и к *Метнеру*, который либо сошел с ума, либо превратился в какого-то сыщика, черт его знает, я, милый Алеша, обращаюсь к Тебе, чтобы Ты сообщил Сизову, Киселеву и прочим об ужасном положении Левы.

Во-первых, о Леве. Он у нас был в Брюсселе (по моему настоянию); провел 3 дня, и вот какое впечатление. Хотя он и безумствует, но это все поверхностно: внутренно он окреп, но оторваться от Штейнера ему теперь, — ***не-во-змо-жно***, ибо он находится под личным наблюдением Доктора, который *действительно* им занимается, требует, чтобы Эллис ездил за ним.

Если Эллис вернется в Москву теперь, ***он безвозвратно погибнет***. Будь я на его месте, я написал бы, как он: «*Конечно, я не отступлю и, прося милостыню, буду учеником Штейнера, в Мюнхен поеду во что бы то ни стало и, если не будет средств, возьму крест и спокойно умру на улице, веря, что так надо*»...

Дело вот в чем: предоставляю слово Эллису:

«*Дорогой друг и брат, спешу Тебе сообщить печальные обстоятельства, постигшие меня в Берлине...*»

«*Вернувшись из Христиании*[2]*... я застал у себя в комнате моего хозяина и друга-еврея, которые мне сообщили, что день назад у меня был "господин Метнер", который просил передать (даже не написал* (?!!)*, *что мой гонорар неожиданно прерывается, а рукописи уже принятые ("Парсифаль") отклоняются; кроме того было мне передано, что в "Мусагете" недовольны моим переводом Вагнера и печатать его не будут. Заметь... что "Парсифаль" был внесен в каталог и задержан лишь из-за статьи Steiner'a*[3].

У меня есть 3 письма, где Э<милий> К<арлович> категорически просит перевести для "Мусагета" всего Вагнера, даже juvenilia.

Я на улице с призраком голодной смерти с 40 марками, оставленными мне Э<милием> К<арловичем> лично из милости...

Все это вдруг без предупреждения (????). Все это сказано через пьяного рабочего и еврея-друга, который сказал, что на него Метнер произвел впечатление человека ненормального.

Что это такое? У меня в результате сделался нервный припадок, и я лежу в постели! При моем исключительно трудном оккультном пути и напряжении всех фибров души это почти смерть. Ничего подобного я не испытывал».

(Эллис)

Что скажешь? «*Мусагет*» вправе не давать Эллису, но если «*Мусагет*» есть учреждение, исполняющее правила элементарной

---

* Знаки мои (*примеч. Белого*).

корректности, не исключительно интимное издательство, а издательство *просто порядочное*, то сотрудника, полагающего, что заказанным трудом он обеспечил себе право на получение 60 рублей в течение года, *элементарно-порядочное* издательство обязано известить по крайней мере за 3 месяца, особенно, если оно не может не знать, до чего оно *подло сажает на мель человека*, получение 60 рублей для которого есть в силу сложившихся обстоятельств вопрос жизни и смерти.

Вот что пишет Эллис:

«*Я в общем не претендую, что "Мусагет" отклоняет гонорар. Меня изумила и оскорбила* (еще бы!!) *двойственность ко мне: отклонение уже принятых работ, лишение гонорара без предупреждения* (это, Алеша, есть просто гнусность!!!) *без возможности опереться на другие источники. Заметь: обвинения меня в недобросовестности* (и меня только что обвиняли!!) *в то время, когда я отправил 6 рукописей: 1) "Парсифаль", 2) "Лоэнгрин", 3) "Тангейзер", 4) "Л<етучий> Голландец", 5) "Арго", 6)* (название неразборчиво). *Меня обвиняют, что я заваливаю "Мусагет" рукописями и что не работаю одновременно*».

(Эллис)

Господа! Поймите: все мои отчаянные письма к вам всем, которые, согласен, вызваны состоянием минуты, родились из просто чудовищного письма Метнера, который на протяжении 10 страниц не только сам обвиняет меня в недобросовестности с романом, но подчеркивает, что это и мнение всех друзей[4], всей вообще Москвы (оттого-то я Вам и написал коллективно); и далее: с гордостью сообщает мне, что он *рыскал* по моим следам и собирал обо мне сведения (т.е. сплетни и слухи), т.е. гордится поступком (сыском), который есть либо поступок, *недостойный товарища*, либо поступок невменяемый.

То же через месяц проделывается над Эллисом. Я никого не обвиняю: я констатирую факты, которые остаются фактами, и только извращенная казуистика могла бы *явное как день* обернуть иначе. Что касается недостойного занятия сыском, основанным на сплетне, то вот: после того, как Метнер старался меня излавливать в несуществовавшей беседе с Кожебаткиным[5], он принимается ловить Эллиса.

«*Добавь к сему, что Э<милий> К<арлович> подробно осведомлялся у хозяина об обычае моей жизни, что хозяин мой кричал на него*

*(по словам друга): "Эллис благородный человек, Эллис — честный малый"... **Было все вывернуто вверх ногами, куда хожу, езжу ли на автомобиле** (?!?!?!?), **не теряю ли деньги**».* (Эллис)

А! Я горю со стыда за редактора «Мусагета»!!

Заметь себе, что, основываясь на опыте только что минувшей переписки с Э<милием> К<арловичем>, я не могу не верить ему, ибо те же приемы сыска и собирание неправдоподобных сплетен применялись ко мне... Даже от Брюсова я не могу ждать таких приемов по отношению к сотрудникам; тем менее допустима такая грубость (и хуже того) по отношению к друзьям. Но не хочу распространяться. Констатирую:

1) Недостойность поступка издательства с непредупреждением заблаговременно сотрудника в лишении его гонорара, на котором он строит жизнь.

2) Приемы сыска редактора.

3) Грубость и халатность по поводу запросов к издательству (*«Я дал перевод Вагнера как эквивалент, работая до исступления, считая, что окупается мой гонорар за 1912 год. Прежний долг остается в силе. Ведь за мои переводы платят 40, 50 р. Здесь же было во много раз больше. Кроме того — Вагнер не шутка. **Я просил еще работы. Мне не отвечали** (до прелести знакомы мне эти неответы на деловой вопрос)*. Теперь упрекают в бездельи»*. (Эллис)

---

4) Также я требую, чтобы «*Мусагет*», поступивший так чудовищно грубо по отношению к Эллису (вспоминаю слова Метнера: «*без меня, Вас, Эллиса "Мусагет" не существует*»), напечатал «*Парсифаля*»[6] и «*Арго*»[7], о чем просит Эллис:

(*Умоляю Тебя об одном: выжди сроку 2 недели и затем потребуй* (*совершенно законно это обращение ко мне Эллиса*), чтобы

1) Только 2 хотя уже *принятые* рукописи («Парсифаль», «Арго») были вчислены в уплату долга,

2) Чтобы «*Мусагет*» поддержал меня только до сентября (Эллис).

Предупреждаю, что через 2 недели я выступлю с официальным запросом в «*Мусагет*», и лучше, чтобы до этого времени инцидент с Эллисом был введен *в благородные рамки* (мне так не хочется ввязываться в какие-то ни было ссоры, но если я смолчу

---

* Скобки мои (*вписано Белым на краю листа*).

при виде насмерть раздавливаемого человека, то это будет уж подлость).

Я обращаюсь к друзьям Эллиса, молю их *вникнуть реально* в поступок с ним и войти в положение человека, которого так *недостойно* подвели.

«*Конечно, друзья мои теософы, над которыми глумятся мои московские друзья, узнав, что я брошен на улицу* (стыд, стыд Москве!), *совещались и заявили, что все будет сделано для моей поддержки, но не раньше сентября, ибо летом все закрыто*» (Эллис).

Я, по крайней мере, заявляю, что если нельзя ничего устроить в «Мусагете», то наш долг (долг друзей) достать Эллису денег (рублей полтораста) хотя бы до сентября *тотчас же* (у человека сейчас в кармане лишь каких-нибудь 20 марок). Напиши Христофоровой, Морозовой, Рачинскому, соберите ему коллективно: я, по крайней мере, заявляю, что до последней марки мы будем с Асей поддерживать Эллиса, но мы не очень можем (ибо в Мюнхен едет Наташа — между нами)[8].

Алеша, родной: сделай немедленно, чтобы отвратительное поведение по отношению к Эллису было чем-либо сглажено.

Или я буду опять ссориться с Метнером, выйду из «*Мусагета*», ибо покрывать подобные поступки своим участием не могу.

Позволю себе напомнить: Москва ужасное место; здесь завелось черт знает что. Не симптоматично ли: 1) Нормальный человек, Сережа Соловьев (о, какие горькие письма я получал от него) *пять месяцев терзается* в аду у Лахтина[9], куда его упекает *благородный*, но множество раз побывавший в Риге Рачинский[10], а мне, другу, объявляется, что Сережа не хочет меня видеть (что оказалось *ложью*).

2) 12 *человек* (минимум) 6 месяцев не могут удалить просто мелкого прохвоста, Кожебаткина, из их дела, и точно со зла подозревают А. Белого в интригах вместо того, чтобы попросту сказать: «Можете уйти»[11]. А. Белый терзается 2 ½ месяца. Ему инкриминируют всякие гадкие вещи, а когда, оскорбленный, он позволяет себе резкость, то он, «*бедный*», оказывается «*в химерах*». 3) Эллис сажается на голодную смерть. 4) Редактор «*Мусагета*» занимается *сыском* и т.д. Господа! Обратите внимание: *Москва* — такое место, при воспоминании о котором содрогаешься[12]. Недавно получил д'Альгейм письмо от Сережи (великолепное, умное — мы все были в восторге), где он пишет совершенно то же: «В

Москве презирают науку, свысока *третируют* искусство и профанируют в празднословии *мистику*» (слова Сережи).

В заключении письма Эллис пишет: «*При слове "Мусагет" я дрожу от ужаса* (и я стал дрожать от ужаса после этих 2 месяцев, как дрожал от ужаса прошлым летом), *испытывая прикосновенья инструментов пытки* (мне тоже запрещалось Метнером *ехать в "Bois-le-Roi"*)[13], *я схожу с ума, если меня не освободят от "Мусагета", Москвы, литераторов и т.д.* (Эллис) (подписывался я много раз под этими словами).

Господа! Долго ли это будет длиться? Неужели мы трое (Соловьев, Эллис, я) — все три различные — испытываем по временам чувство терзаемых... *друзьями, то над фактом этим стоит серьезно задуматься.*

Обнимаю Тебя, Алеша.

Целую.

Ввиду обвинения Эллиса в мотовстве (и меня обвиняли, сажая на 150-рубл<евый> бюджет), привожу его бюджет берлинской жизни (Э. К. Метнер осведомлялся, не ездит ли он на автомобилях).

60 рублей = 120 маркам

квартира, завтрак, прачка; топливо, конка, починка белья, баня, освещение	20 рублей (40 марок)
Обед с мясом по указанию Доктора, требующего, чтобы Эллис питался хорошо	25 рублей, т.е. от 1 ½ марки в день
Вечерний чай	5 рублей (за границей чай дорог)

Итого 50 рублей.

Остается 10 рублей — на одежду (он в лохмотьях), плату за циклы лекций, покупку книг, путешествия в Гельсингфорс, Штуттарт, Христианию, Мюнхен и т.д. Согласись: надо чудо, чтобы не умереть с голоду при этом: *я бы не мог так жить, а Метнер справляется, не катается ли Эллис на автомобили* <так!>.

О жиды, жиды!

Милый, я так невероятно взволнован подлостью с Эллисом, что просто не могу прийти в себя*.

На отдельном клочке бумаги следующий текст, также написанный красными чернилами:

Извиняюсь, что так много пишу об Э<милии> К<арловиче>: но право → все, что пишу, сводится к единственному: «Меня не надо вешать»[14]... Все его поведение за 8 месяцев производит на меня впечатление нападения из-за угла на мирного прохожего *вопреки* заключенному миру и без предупреждения... А мое поведение самооборона: неудивительно, что оглушенный обухом по голове *сзади* и *другом* мирный прохожий сгоряча хватается за кастет и потом еще долго, может быть, на всю жизнь все сжимает в кармане кастет у каждого закоулка.

Приписка А. А. Тургеневой на отдельном листе:

Алеша — все, что Боря пишет, так. Но он упускает одно — что Метнер совершенно болен. К этому у меня тысячи доказательств. Поэтому прошу вас очень, будьте с ним как можно осторожно. Целую очень. Увидимся ли в Мюнхене.

Кожебаткин сжигает счета перед отчетом, и все только конфузятся. Неужели нельзя присчитать в долг уже принятые рукописи Эллиса, хотя бы не печатая их. Этого он даже, кажется, может требовать юридически. Целую.

На конверте помета: «Важное». Отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Bois-le-Roi. 22.VI.12; Москва. 13.VI.1912.

[1] Уже в мае Белый холатайствовал об Эллисе перед Метнером. Около 10/23 мая он писал ему: «Эллис всю эту зиму *го-ло-дал*. И мой долг вмешаться. Эллис должен знать точно, может ли он получить свои 60 рублей (120 марок). Дело "*Мусагета*" ему посылать или нет; но *обязанность* "*Мусагета*" заранее его известить, почему без всякого предупреждения 1) в последний раз вместо 60 рублей прислали всего 30, 2) Почему высылка денег систематически на 1—3 недель запаздывает. <...> И "*Мусагет*" посадил Эллиса на голодание. Я в *негодовании*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 61).

[2] С 2 по 12 июня 1912 г. Штейнер читал курс лекций «Человек в свете оккультизма: теософия и философия» в Христиании (Осло).

[3] В 1905 г. Штейнер подготовил ряд лекций по творчеству Р. Вагнера, уделяя основное внимание его оккультному содержанию. По-видимому, Эллис хотел снаб-

---

* До 20 июня письма в *Bois-le-Roi*. После: München. Poste restante (*Приписка Белого на краю листа*).

дить свой перевод либретто оперы статьей, основанной на этих материалах. Эллис посвятил «Парсифалю» обширную статью, опубликованную в первом выпуске журнала «Труды и дни» за 1913 г. (Тетрадь первая и вторая 1913 г. С. 24—53).

[4] Неизвестное нам письмо. Метнер обвинил Белого в том, что он якобы не исполнил обещание напечатать «Петербург» в «Мусагете». В письме к Метнеру от конца августа или начала сентября 1909 г., в котором обсуждалась возможность нового журнала, Белый сообщал: «Если понадобится журналу, я могу отдать 2-ую часть "Трилогии" Голубя» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 4). О несостоявшемся журнале, который собирались организовать В. И. Иванов и Е. В. Аничков, при содействии Метнера — в частности, для публикации «Петербурга» см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 223. В недатированном письме к Метнеру от весны 1912 г. Белый защищается от обвинения в недобросовестности с романом: «Роман продал Некрасову, ибо: разрывая с "*Шиповником*" и Лядским <так! — следует — Ляцким>, я шел на дружеское условие: сохранить роман для общего журнала. ***Вы*** в Москве сказали, что средств для журнала не найдется; *общий журнал* рушился. При мне Вячеслав Вяс спросил: может ли "*Мусагет*" ***пока*** до журнала меня обеспечить. Вы сказали *да*. Я сношение со всеми издательствами разорвал. И когда вернулся в Москву, оказалось: "*Мусагет*" не может обеспечить. Мне оставалось или тотчас *опять* ехать в Петербург продавать роман, или обеспечить себя, ибо *деньги мне нужны*. Я считаю себя свободным от обязательств и невольно без вины "*Мусагета*" подведенным с романом. <...> То, что пишете о романе, *сугубо обидно*. Денег от Некрасова я получил пока всего 300 рублей, а уже ***инсинуации***. Ваши слова о консервативном издательстве — *инсинуация*. Вообще тон Вашего письма мелочный и неприятный. Я ссоры с Вами не хочу, но считаю себя глубоко обиженным» (ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 32). 9/22 апреля он писал ему же: «Даю объяснение и о романе. Роман пытался пристроить с согласия "*Мусагета*" в Петербурге и разорвал переговоры 1) благодаря "*Петербургскому Вестнику*" <...> благодаря Вашему ответу на вопрос, предложенный В. И. Ивановым (обеспечите ли Вы меня до журнала). Вы ответили: "Да". Я *прервал все сношения* и вернулся в Москву. А когда вернулся в Москву, то 1) *Вы сказали, что денег из Москвы на журнал не будет* ("*журнал*" рушился и падало мое обещание сохранить роман), 2) о том же, что "*Мусагет*" издает первую + вторую часть "*Голубя*", как Вы писали из-за границы, *Вы ни слова*. Я остался необеспечен, в известном смысле второй раз подведен (ибо отклонил три предложения) — подведен без чьей-либо вины. <...> Видя же, что "*Мусагет*" неодобрительно смотрит на мое желание бежать из *душной сплетенной* Москвы, куда, может быть, еще не вернусь никогда, что ухватился за любезное предложение С. А. Соколова написать Некрасову. Это была самооборона. Пока получил от Некрасова 300 рублей. Пока что он не отвечает на письма, и я уверен, что обманет и он. Пока все еще висит в воздухе, Вы уже опять-таки зло упрекаете меня. <...> все, что я знаю о Некрасове, только то, что он — видный *кадет* в Ярославле. Видите: и тут Вы осведомлены неверно» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 57). См. также письмо Белого к М. К. Морозовой (около 28 августа/10 сентября 1912 г.) (*Андрей Белый в поисках*. С. 132; *Ваш рыцарь*. С. 196—197).

[5] Весной 1912 г. Белый писал Метнеру: «У Кожебаткина я был 2 раза, а не *три*: оба раза за получением *новостей* из Петербурга, ибо уезжал из Москвы. Оба раза *не застал* и посидел 5 минут с его женой. ***Стыдитесь***» (ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 32). 9/22 апреля Белый писал ему же: «Теперь о "химерах"... Если уж Вам желательно исследовать мои действия в Москве, <...> если уж Вы хотите проследить мои поступки, надо быть точным и не присочинять к фактам субъективных догадок, сплетен и тому подобного. Вы пишете, что Кожебаткин мой друг, что я настойчиво ходил к

нему перед отъездом, был три раза и жаловался на “*Мусагет*”. Слушайте: *я кричу Вам* — не смейте говорить вздора! У Кожебаткина я был 2 раза, когда должен был через 2 дня уехать, и надо было наскоро узнать, какие статьи он привез из Петербурга» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 57).

[6] Переводы Эллисом либретто опер Р. Вагнера не были изданы «Мусагетом». О переводе «Парсифаля» см: *Майдель Рената фон*. «Спешу спокойно...» // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 218.

[7] Эллис. «Арго» (Арго; Забытые обеты; Мария: Две книги стихов и поэма). М.: Мусагет, 1914 г. (20—27 марта).

[8] Н. А. Тургенева приехала в Мюнхен в июле 1912 г. См. письмо Белого и А. А. Тургеневой к ней от конца мая — начала июня (н. ст.) 1912 г. (*Rizzi Daniela*. Из архива Н. А. Тургеневой: Письма Эллиса, А. Белого и А. А. Тургеневой // Europa Orientalis. 1995. № XIV: 2. С. 313—314).

[9] 31 октября 1911 г., в состоянии нервно-психического расстройства, С. М. Соловьев покушался на самоубийство (выбросился из окна), после чего был направлен в московскую психиатрическую лечебницу Сокольникова, где находился несколько месяцев под надзором доктора Михаила Юрьевича Лахтина.

[10] Сам Рачинский (а не только С. М. Соловьев) был подвержен психическим расстройствам: см. п. 50, примеч. 2 и 3. После смерти родителей С. М. Соловьева Рачинский был назначен его опекуном.

[11] Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 5 декабря 1911 г.: «...да, конечно: я уже с прошлой весны ужаснулся деятельности Кожебаткина, сначала *тоном*, как он задает “*Мусагету*”, когда нас нет (тон непереносный), потом его не всегда *чистыми* интригами, наконец полной бездеятельностью <...> Так что с моей стороны нет никакого *но* против всяческого устранения это<го> *вредного* и *двусмысленного* человека. Я бы только хотел одно: чтобы Кожебаткину был вынесен так сказать обвинительный приговор -- in corpore, единогласно, ибо вследствие ряда моих столкновений за эту осень (еще без Вас) с ним и теперь (на днях я ужасно на него обиделся за одну бестактность) у него не было впечатления, что именно я являюсь инициативой его удаления» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 50).

[12] На следующий день (10/23 июня) Белый писал А. А. Блоку: «Чем больше живу вне Москвы, тем с бо́льшим ужасом мыслю о том *про́клятом* месте, кишащем истерикою и химерами. О, с какою б охотою я не жил бы в Москве» (*Белый — Блок*. С. 470). Весной 1912 г. Белый сообщал Метнеру: «Я вообще *не желаю* жить в Москве в атмосфере нареканий и сплетен. Господь со всеми Вами. Оставьте в покое меня!» (ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 32).

[13] 9/22 апреля 1912 г. Белый писал Метнеру из Брюсселя: «О П. И. д'Альгейме, успокойтесь: все Вами рассказанное столь же химерично. В угоду Вашей подозрительности не рвать же мне житейских отношений с людьми, близкими мне через жену. И тут у меня одна просьба: у нас с Асей так уж сложился быт жизни, что мы читаем письма друг друга: я распечатываю попросту ее, она — мои. И вот случилось, что без меня без всякой задней мысли Ася прочла Ваше письмо, в котором ее *дядя*, которого она горячо любит, назван *авантюристом*. Пощадите ее родственные чувства и впредь не пишите таких слов» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 57). В начале июня, до отъезда из Брюсселя в Буа-ле-Руа, он писал ему же: «Милый, на днях Вам пишу и опять-таки о спорном пункте: о своих отношениях к д'Альгейму и о том, почему я все-таки еду в *Bois-le-Roi*, хотя Вы наложили на меня *нравственный* запрет. Тут опять мы не сходимся» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 62).

[14] Цитата из «Рассказа о семи повешенных» (1908) Л. Н. Андреева.

91. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Мюнхен. 27 июня / 10 июля 1912 г.

Милый, милый брат,

Спасибо за Твои хорошие слова[1]. За то, что принял слова мои, понял, что они были вызваны не злобой, досадой и пр., а самообороной, недоумением и, *правда же*, любовью.

Ах, как черт путает нас: вчера получил Твои письма, а через два часа приехал Лев и отрывки из писем Твоих читал. Он тоже недоумевает.

Что такое вообще происходит?

Химера на химере.

А что касается наших опасностей, да... видит Бог, их у каждого много. Будем же вместе нести *наше главное*, избегая химер.

Последний инцидент с Львом меня совсем перепугал. Я узнал в этом цикле химер нечто *роковое*. Смотри: 3-минутный разговор с Кожебаткиным в моем отсутствии развернулся в громаднейший инцидент (для меня) моей дружбы с ним (нечто вроде «*между водкой и селедкой*»); из Мишиного письма вижу, что и *автомобиль* Льва циркулировал по Москве. Что же это за автомобиль? В одном городе теософы в складчину поехали на вокзал с багажом, взяв *автомобиль*; в их числе был Лев; в момент Львовского отъезда подают ему письмо (и он его получает на автомобиле); пишет, шутя, Нилендеру, что получил письмо на *автомобиле*. Судя по Мишиному письму, автомобиль загулял по Москве с *комментариями*. Приписка Миши вся пестрит выражениями «*Кожебаткин говорит, шутя*», «*Э<милий> К<арлович> говорит* (не шутя?)» и т.д. Когда дело идет о *говорит, говорят*, то на этом ничего нельзя строить. Раз в Москве *заговорили* об *автомобиле*, Москва и не права. Ибо Э<милий> К<арлович> уже в Берлине *заговорил* с *Зейделем*[2], что́ *весьма* неуместно. *Зейдель заговорил*, Эллис *записал*: в Bois-le-Roi *говорили*. Так пресловутый автомобиль, рожденный в Москве, проехался по Европе, побывав и в Германии, и во Франции и повсюду посеяв на время беспокойства.

Поменьше бы *говорилось*: все бы мы были спокойнее.

Говорю это без обвинения кого бы то ни было, ибо и Лев, и я — *говорим*. И я *говорил* о Льве вкривь и вкось, а когда с ним провел 3 дня в Брюсселе, то понял: мы все, заочно *говоря* о нем, просмотрели его рост, сериозность и действительное *знание*. Ведь он с октября *практически* работает под контролем самого Доктора,

а теперь принят в число интимных учеников: с него глаз не спускают, и сколько бы он ни *«дурил»*, это все только шелуха, не касающаяся его сущности. Целую Тебя за горячее участие в нем: спасибо; мы все в случае крайней необходимости будем его отстаивать. Что касается Э<милия> К<арловича>, то *знаю* его прекрасную душу; и знаю, он не поступил бы со Львом так, как Льву показалось из версии Зейделя; все это так, но... *по личному опыту* знаю, как в Э<милии> К<арловиче> минутами проявляются *отвратительные* черточки в *тонусе* обращения. Э<милий> К<арлович> в душный летний день приехал к Эллису, обозлился, что не застал, и *действительно* в пылу мог *наговорить* гадостей, как мне в пылу он писал *гадости*. Потом, когда зной свалил, солнце село и в вагонном окне замелькала зелень, Э<милий> К<арлович> искренно устыдился *себя самого*; и устыдившись, стал многое *замазывать*. Не то, чтобы Льва он хотел *без предупреждения* (только в этом и суть) лишить гонорара, а в минуту раздражения хотел *пригрозить, сорвать характер*. Пишу это, потому что вижу все, как на ладони. А вижу, потому что *знаю по опыту* эту ноту. И суть моих недоразумений с Э<милием> К<арловичем> (и в прошлом, и в нынешнем году) не в фактических недоразумениях с ним, а в *борьбе* с *этой* очень темной *нотой* наследственности, грозящей ему гибелью теперь, на перепутье его дорог: слыша эту ноту (действительного одержания), когда вместо Э<милия> К<арловича> говорит *«Господин Метнер»* (которого ненавижу, ибо он есть бес, мучащий Эмилия Карловича), я становлюсь неуступчивым, заносчивым и иногда кричу на *«Господина Метнера»*: *«руки прочь...»*, чтобы потом со всей любовью протянуть руки *старинному другу*[3]. Наши недоразумения, если хочешь, борьба с Метнером (моя и Льва) — вовсе не во внешнем, а в другом, страшном плане. Отсюда-то такое волнение при всех инцидентах. *«Г. Метнер»*, временами паразитирующий на лучшем друге Эллиса, и меня *не-на-ви-дит*; у него даже есть замашки инквизитора.

Все это не касается Эмилия Карловича.

Ну, довольно: обо всем этом поговорим при свидании. Приезжай же, милый[4].

А теперь о Мюнхене...

Но... что тут сказать: когда приедешь, то только тогда расскажу, что с нами было: с 16-го марта (со дня отъезда) до Bois-le-Roi, т.е. два месяца брюссельской жизни были целой мистерией. С нами происходили события будто из 1001 ночи вплоть до фено-

менов почти физических, как светлых, так и мрачных. В центре всего стоят Кёльнские дни, и не столько разговор со Штейнером, сколько его лекция «*Христос и XX век*», ибо для меня все сомнения теоретического порядка, все мои *но*... зимы были сняты. Для меня была ясна фигура Штейнера; я встретил именно *то*, что ждал; а я ждал встретить самое замечательное явление XX века. *Так и оказалось*. Были *две* причины задержки, верней, *три*: 1) Отношения Штейнера к вопросу об историческом и над-ист<орическом> Христе[5].

2) Необходимость выжидать (ты знаешь, почему).

3) Желание, чтобы *непроизвольно* приехать, без преднамеренности, по лозунгу «*крайняя пора*».

Вторая причина разрешилась *маем* (до мая я решил ждать) и разговором со Шт<ейнером>... где я откровенно поставил ему вопрос, имею ли я право к нему приближаться. Ответ: «Все-таки я не вижу, почему — нет...» Отношения к Христу после Кёльнской лекции стали ясны. Непроизвольность поездки обусловилась *феноменами*, которые с нами были в Брюсселе. В те дни, когда мы с Асей должны были отправить письмо *лицу*, встреченному нами в трамвае (неизвестному)[6], пришло твое письмо с указанием, что Штейнер в Кёльне. И вот мы поехали спросить его о чисто жизненном поступке, почему с нами в Брюсселе было то, что было, и как быть дальше.

Ответ Штейнера: «Будьте в июле (6,7,8) в Мюнхене...» Вот мы и в Мюнхене[7]...

Что будет дальше, не знаю...

Но знаю: если окажется нужным, мы не уедем от Доктора. Все наше поведение будет обусловлено *им* и *нами*. Ничего не знаю. Будем, конечно, в Базеле (после Мюнхена)[8], а далее: что Бог даст. Мы с Асей — воистину странники с котомками. Ничто нас не удерживает.

Ты спрашиваешь о «*тетках*»[9]. Есть тетки прелестные, есть просто «*тетки*». *Scholl* (кёльнская ложа) мне очень близка (хотя ее едва знаю)[10], *Kalkreut* строго-хороша (сама в себе)[11], но нам с ней делать нечего. Тетки, верно, нас будут кусать. Вообще мы для *теток* — комичны: они нас не допускают до Доктора. Доктор сейчас невидим. Сидим у моря и ждем погоды. Торопиться некуда: буду писать скоро Штейнеру длинное послание. Приезжай скорей. Я в *Т<еософское> О<бщество>* не поступлю, а в *Бунде* с

Асей *конечно* будем[12]. Ну, Христос с Тобой. Пиши пока München poste restante.

Остаюсь нежно любящий Тебя

Боря

Ася целует. Мише наш глубокий привет.

Отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: München. 10.Jul.12; Москва. 30.VI.1912 и 30.6.12.

[1] Ответ на неизвестные нам письма. См., однако, письмо Петровского к Метнеру из Москвы от 18 июня 1912 г.: «Лев вернулся из Христиании, Зейдель с <1 нрзб> заявили ему, что приходил г. Метнер и просил их ему передать, что переводы его в "Мусагет" не приняты, и жалованья он больше получать не будет, и оставил ему 40 марок. Лев, разумеется, поверил и горестно (но вполне корректно и даже спокойно) пишет нам, чтобы мы похлопотали за него, чтобы его не лишали жалованья до сентября. Стороною же я узнал, что у него был нервный припадок и он лежал в постели, и теософы сделали для него сбор в 150 марок. Расспросы же Ваши о его житье изложили ему прямо как обыск (Я узнал это *не от него*). Откуда нам сие? Я уже написал ему, что все вздор, и ему переврали, но надо бы написать и Вам, а то все еще будет думать, что может быть не так. Виноватых, как видите, нет. Кто же это путает? Пишите München Postlagernd» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35).

[2] По-видимому, домохозяин Эллиса в Берлине.

[3] Ср. стихотворение Белого «Старинный друг» (1903) в сборнике «Золото в лазури», посвященное Метнеру.

[4] 14/27 августа 1912 г. Белый писал матери из Мюнхена: «Здесь до 30 человек русских. Из Москвы здесь: Петровский, Сизов с женой, М. И. Сизова, Викентьев, Киселев, Madame Недович, Волошина, Григоров с женой, и др.» (*Андрей Белый в поисках*. С. 124).

[5] Сомнения об отношении Штейнера к Христу Белый выразил Эллису. 25 ноября 1910 г. Эллис писал К. П. Христофоровой: «...я услыхал от Б. Н. Бугаева буквально следующие слова: "Милый Лева, относительно Р. Ш<тейне>ра А. Р. М<инцло>ва сказала мне определенно, что, несмотря на его гениальность, он в последнем безусловный Люцеферист и его слова о Христе собственная ересь, а не учение Р. Кр."» (*Майдель Рената фон*. «Спешу спокойно...» // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 223).

[6] См. письмо Белого к А. А. Блоку от 1/14 мая 1912 г. (*Белый — Блок*. С. 455–456) и *Рудольф Штейнер*. С. 639–642.

[7] Белый и А. А. Тургенева приехали в Мюнхен (через Страсбург) в самом начале июля (н. ст.) 1912 г.

[8] В Базеле с 15 по 24 сентября (н. ст.) 1912 г. Штейнер читал курс лекций на тему «Евангелие от Марка». Белый и А. А. Тургенева переехали туда из Мюнхена 3 сентября (н. ст.) 1912 г. (см.: *Андрей Белый в поисках*. С. 126). «*Сентябрь*. Базельский курс: "Евангелие от Марка". Приезд В. Иванова в Базель, к нам. Разговоры с Эллисом; наш отъезд в Фицнау» (*МБ*; *Андрей Белый и антропософия*. 6. С. 345).

[9] О «тетках» (из числа последовательниц Штейнера) Белый писал: «...соединение сектантства с поразительным отсутствием интересов к чему бы то ни было, кроме Штейнера, характеризовало тот тип теософок, которые были прозваны "*теософскими тетками*"; и характеризовала тот тип удивительная любовь к сплетням (мистическим, оккультическим, просто житейским). Да, "*тетка*" есть тип: подав-

лял он количеством; <... > "*тетка*", так сказать, выступала наружу при первом знакомстве с движением Штейнера <...> Этот тип теософки, всегда появляясь на авансцене движения перед новичками, годами отпугивал от движения многих искренно и глубоко подходящих: воистину: выдержать "*тетку*" и не сбежать — есть победа над искусом» (*Рудольф Штейнер*. С. 652—653; см. также: С. 309—310).

[10] Белый и А. А. Тургенева в Мюнхене обучались у нее немецкому языку (см.: *Рудольф Штейнер*. С. 370, 656).

[11] Правильно: von Kalckreuth, Pauline (Калькрейт Паулина, графиня; 1856—1929) — фрейлина императорского двора; дочь художника графа Станислауса Калькрейта; одна из руководителей мюнхенской ветви Теософского общества, затем активная деятельница Антропософского общества. См.: *Рудольф Штейнер*. С. 385—388, 651—652.

[12] Белый и А. А. Тургенева вступили в немецкое отделение Теософского общества 10 декабря 1912 г. Поручители: Петровский и Эллис. См.: *Майдель Рената фон.* «Спешу спокойно...» // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 228. «Бундом» Белый назвал Антропософское общество.

92. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Фицнау. 24 сентября / 7 октября 1912 г.

Дорогой Алеша,

Извиняюсь, что удручаю Тебя, но так как у меня нет никакого выхода иного, то очень-очень прошу передать Э. К. Метнеру нижеследующие чисто деловые, а не личные соображения[1].

Но прежде несколько пояснительных слов Тебе. Э. К. Метнер в резких формах извещает меня, чтобы я сносился с ним впредь либо открытками, либо чрез посредство Тебя, угрожая в противном случае возвращать письма нераспечатанными[2]. Не желая Тебя удручать, я все же не имею никакого иного выхода.

И вот что я прошу Тебя пункт за пунктом или прочесть, или передать устно следующее.

I) Обидевшая Э. К. Метнера приписка к письму В. И. Иванова[3] вызвана была тем, что меня окончательно вывело из себя одно обстоятельство: бывший у меня В. Иванов с раздражением жаловался, что статья, посланная через 2 недели после Пасхи, не была ему послана в корректурах и что он удивлен, что из «*Тр<удов> и Дней*» никакого извещения о судьбе статьи[4]. Э. К. Метнер и В. Ф. Ахрамович мне пишут, что корректуры посланы; но я, основываясь на словах В. Иванова и на *опыте* неполучения известий о «*Тр<удах> и Днях*» в течение 3-х месяцев, имел все основания обижаться и удивляться, что на мое полное необходимых вопросов письмо, посланное В. Ф. Ахрамовичу еще в июне, я

никакого ответа не получил[5]. Э. К. пишет мне в том смысле, что *я лгу*. Передай Э. К., что факт остается фактом:

а) В. И. Иванов думал, что статья его потеряна.

b) Эллис утверждает, что ему не было послано ряда его интересующих вещей (между прочим, *Каталога*)[6].

с) Я получил «*Экхарта*» только после троекратной и настойчивой просьбы (книга уже 2 месяца была в продаже)[7].

d) Мне как бывшему Редактору «*Трудов и Дней*»[8] было важно знать полемику; я пять 5 <так!> месяцев тому назад просил всех мусагетцев (каждого порознь) и В. Ф. Ахрамовича (в отдельности) извещать меня обо всех отзывах печати: о статье Чудовского[9] и письме в «*Аполлоне*» Кузмина меня ни единым звуком из Москвы не уведомили[10].

е) Передай Э. К. Метнеру, что с Ахрамовичем я не «*нарезался*» (по его выражению)[11], а нахожусь в очень хороших отношениях и лично очень его люблю; но, полагая, что молчание на мою просьбу сообщить материал статей (только теперь, *через 4 месяца*, просьба моя исполнена) вызвано непонятной для меня обидой на меня (ведь Ты только сказал, что письмо его мне вернулось в Москву обратно), чему подтверждением служило и то обстоятельство, что на мою лично ему адресованную телеграмму он лично мне *не* ответил, а через Тебя и т.д., все это меня удивляло и несколько раздражало. Но это раздражение естественно и понятно, и ни о каком «*нарезывании*» не может быть речи.

f) «*Трудами и Днями*» я действительно интересовался и интересуюсь, но: не зная, когда решили выпускать 3-й номер (летом или осенью), я просил сообщить В<итольда> Ф<ранцеви>ча[12]; его ответ до меня не дошел, а для меня, лично работающего Доктору, зан<имающегося> немецким и пишущего роман, написать статью трудно. Я ждал точного определения времени выхода номера, но не получил указаний и принялся за текущую работу; только через 2 месяца (в конце июля н<ового> с<тиля>) получил письмо Э. К. Метнера с указанием, что летний № готов и выходит без моей статьи[13]. Тогда писать было *поздно*... Вскоре приехали Вы (Ты и Миша) и — помнишь? — когда Ты сказал, что, по твоему мнению, журнал кончится, я вспылил и сказал: «*Как же у меня, редактора, не спросили?*» У меня было действительно еще прежде намерение фактически не редактировать (ибо невозможно это из заграницы): но *всегда было намерение писать*, как и *был громадный интерес вмешиваться в дела «Мусагета»*. Ты должен это

подтвердить Метнеру, как и Н. П. Киселев<у>, с которым в Мюнхене я имел несколько очень больших разговоров, где высказывался категорически в *этом смысле*. Э. К. Метнер «*ничтоже сумня<ше>ся*» называет выражение моего интереса к «*Мусагету*» *ложью*. Подтверди ему, что о «*Мусагете*» я старался *сам*, *первый* говорить, но что Ты не раз отклонял меня от разговора о «*Мусагете*»: передай Э. К. Метнеру мое впечатление о том, что двое *беглых* оккультистов Белый и Эллис, по-моему мнению, в 10 раз более интересуются «*Мусагетом*», чем бывшие на *побывке* в Мюнхене проживающие в Москве Мусагетцы. Ибо это возмутительно: одновременно же — одни с раздражением морщатся при желании моем говорить о «*Мусагете*» (моя единственная возможность говорить лично с москвичами — ибо в почту не верю), другие же неприлично обрывают мой интерес к «*Мусагету*», говоря, что мои жалобы на малую осведомленность суть «*больная** *ерунда*» (подлинное слово Э. К.)[14].

g) Передай Э. К. Метнеру, что прошу в видах истины не распространять обо мне ложных мнений; эти слова относятся к месту его письма, где он пишет: «но тогда вы были с искусством против теософии»[15] (предполагается, что я ныне против *искусства* с теософией). Передай ему, что в свою очередь для меня эта фраза есть чистейшая *ерунда*: я с ⊕, а не с теософией, ибо теософия Д<окто>ра не есть общепринятая «теософия» (в кавычках); против *той* теософии я и был, и есмь; с ⊕ же я и был, и есмь. Точно так же я *был и есмь* с искусством: характерной чертой моего искусства есть <так!> соединение эстетизма с ⊕, т.е. *символизм*, каковое истолкование его смотри мои статьи за 1904 и 05 годы «*Символизм как мироп<онимание>*» («Арабески»)[16], «*Теургия*» («Нов<ый> Путь»)[17], «*О целесообразности*» («Н<овый> П<уть>»)[18] и т.д. Для меня оккультизм и есть теургия: спор об окк<ультизме> и теургизме есть спор о «*стриженом и бритом*». Неужели не понимает этого Редактор «*Мусагета*», заявляющий категорически: «*Синтеза символизма с оккультизмом я не допущу в "Тр<удах> и Днях"*»[19]. Мне остается уйти из Редакции, ибо к чему тогда Редакция прилагает руку к этому синтезу, печатая мой «*Символизм*», «*Арабески*» и «*Историю русского символизма*»[20], где этот синтез уже проведен: о большем для «Тр<удов> и Дней» и не мечтаю.

---

* *Над словом надписано:* обидная.

i) Обычно я тотчас же отвечаю на письма и по получению письма от Ахрамовича ему сейчас же обстоятельно написал. Узнавши материал и срок выхода №, я сейчас же принялся доделывать мою статью для «*Трудов и Дней*», праздно валяющуюся у меня в набросках вот скоро месяц, ибо, не зная, существуют ли «*Тр<уды> и Дни*», я, признаться, не торопился (да и время мое строго разделено по часам и сидеть над статьей пред *пустым пространством* неинтересно). Статью высылаю[21].

k) Э. К. Метнер чуть ли не кричит на меня в письме на 3-х страницах, что, *как так не знали, где я*... Выходит, что и это я солгал. Прилагаю при сем а) телеграмму, доказывающую, что адрес его действительно неизвестен[22], b) ссылаюсь на Твои слова, отбившие у меня охоту писать в Байрейт: «Адрес Э. К. неизвестен[23]. А в Байрейте его сейчас, верно, уже нет». Писать же в Пилниц, не зная наверное, где он, было нецелесообразно, ибо ответ от него был мне нужен немедленно.

l) Передай, что Эллис в Штутгарте и мы съедемся лишь через 3 недели, тогда я и покажу Эллису открытку Э. К.[24], и что Эллис просит напечатать в журнале его предисловие к «*Парсифалю*»[25]. Если бы я был Редактор, то я бы настаивал; но как сотрудник довожу до сведения.

m) Прошу с № 4 снять редакторскую подпись мою[26].

n) Эллис в «*Труды и Дни*» писать будет и мог бы писать в духе «Истории русск<ого> символизма». Но, видя в книге этой синтез «*символизма и оккультизма*», спрашивает у Редактора разрешения писать в этом духе (вот ведь: в чисто эстет<ическом> журнале «*Весы*» писали о чем угодно, а на старости лет хотят нас засадить в рамочку!).

о) Передай Э. К. Метнеру, что я извиняюсь за тревожный тон моего второго письма к нему, ибо оно все «*караул*»: действительно 3 недели жду ответа *рокового* для меня о деньгах: ни от кого ничего. Остается на 3 дня денег — ни звука (ужасное положение!). Если бы не 25 франков В. Иванова, случился бы с нами невероятный скандал, к тому же *оба* простужены и не у кого занять (ибо никого из теософов в Базеле нет). К завершению путаницы от А. М. Поццо получаю 130 франков за подписью «*Rugdeff*» и получить не могу: взвоешь тут[27]. И вот я ставлю Э. К. альтернативу: или он, Э. К. Метнер, не сообщал месяц своего адреса, или *огульно*, *все Мусагетцы* (Ахрамович, Ты, Ник<олай> Петр<ович> Киселев)[28], *ложно* утверждающие, что адрес Метнера неизвестен, —

путаники; или же в Конторе — хаос. Этот логический вывод квалифицируется Э. К. Метнером как личное ему оскорбление, и он оскорбительно заявляет, что письма, ему адресованные, он не будет не распечатывать.

р) «*Мусагет*» отвергает переиздание моих сочинений[29]. Не стану спорить! Прошу передать лишь фактические поправки: «*Сер<ебряный> Голубь*» распродан (кажется). И «*Пепел*» распродан *наверное*; и ссылка на невозможность печатать — отговорка. Книга стихов Блока 3-ья была *не распродана*, когда объявили собрание его сочинений. Ряд лирич<еских> сборников К. Бальмонта был *не распродан*, когда «*С<корпио>н*» стал выпускать собрание сочинений. 4 симфонии «*Скорпион*» собирался выпустить 4 года тому назад и даже объявил в анонсе. Но что делать: на «*нет суда нет*». И все-таки предлагаю «*Мусагету*»:

а) Мой *распроданный* «*Пепел*», второе издание которого для меня *важно*.

b) «*Драматическую Симфонию*», распроданную тоже.

г) Э. К. Метнеру глубокое спасибо за 300 рублей, но → *конечно*: они пришли уже, когда мы переехали в Vitznau[30], ибо между моим письмом Э<милию> К<арловичу> (в «Мусагет») и получкой прошло уже недель 5 с лишком, а в Базеле ведь не вечно же мы. Теперь: только что получил из Базеля извещение о переводе Юнкером суммы, на что пишу в Базель, чтобы прислали в Vitznau (опять благодаря тому, что А. М. Поццо неразборчиво написал *Bugaeff* (и вышло Rugdeff), именно у нас может быть недохватка в этих 100 франках: тогда: по получению 300 рублей вычитаю сумму в 100—200 франков и остальные возвращаю Э<милию> К<арловичу>, но куда? в Москву? в Pilnitz? Пусть мне напишут, когда он вернется в Москву; занятую сумму вернет А. М. Поццо по получению обратно в конце октября своего перевода мне (прилагаю записку *бюро* о том, что произошла путаница). Наконец: если «*Мусагет*» обещает приступить *наконец* к печатанию «*Пут<евых> Заметок*», то, возвращая 300 рублей, я буду просить «*Мусагет*» мне ссудить их в счет гонорара за «*Пут<евые> Заметки*»[31] (если с имением в декабре не решится дело, то может статься, что в конце декабря *страшно* деньги эти понадобятся)[32].

Ну вот, кажется, все. Извини, голубчик, но — прочти эти пункты Э. К. Метнеру, ибо, пересказывая их устно, неизменно забудешь.

Остаюсь искренне любящий Тебя

Борис Бугаев

P. S. Прошу очень Тебя Э. К. прочесть все пункты. Привет всем. Адрес Schweiz. Vitznau (bei Luzern). Vierwaldstättersee. Herrn Boris Bugaïeff. Hôtel Rigibahn. <на конверте: Righibahn. Zimmer № 21>

P. P. S. Выписку из *Mandatausgabe*, где вместо Bugaïeff стоит Rugdeff, берегу (может понадобиться); надеюсь, что мне поверят.

P. S.* Действительно виноват, что не выслал Скалдина[33]; но, пожалуй, это и есть мое единственно подлинное прегрешение; и во всяком случае есть оправдание: я даже забыл о Скалдине в 4-месячный промежуток, когда о «*Тр<удах> и Днях*» ничего не знал. Ввиду того, что мы в Vitznau налегке (а вещи сданы на хранении в Мюнхене), то, может, статья (впрочем, не уверен), что статья эта в отложенных бумагах осталась в большом сундуке; во всяком случае, завтра сделаю ген<еральный> смотр вещей и, может быть, найду здесь; в противном случае высылаю через 3 недели.

В заключении всего скажу: к общему недоразумению присоединяется а) письма мои пропадают, b) выяснилось, что ряд писем ко мне пропал. Деньги приходят с опозданием или с перевранной фамилией, с) может статься, что 300 рублей мне не перешлют из Базеля, а прямо вернут в Москву, ибо Vitznau — деревушка, а швейцарцы — тупы.

Почт. шт.: Vitznau. 7.X.12; Москва. 27.9.12. Часть текста отчеркнута на полях Э. К. Метнером, к которому и адресована большая часть пунктов письма.

[1] Петровский передал письмо Метнеру («Передо мной письмо Бугаева Петровскому»), который ответил Белому и Эллису пункт за пунктом в письме от 1/14 октября 1912 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 29).

[2] В письме к Белому от 13/26 — 14/27 сентября 1912 г. Метнер заявлял: «Письма от Вас и от Эллиса, не вскрывая, буду возвращать обратно; жду от Вас обоих только открытые письма по редакционному адресу; если же надо написать что-нибудь деловое подробнее, прошу адресовать на имя Киселева, Петровского или Сизова. Довольно» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 28).

[3] «Ваша приписка к письму Вячеслава довершила все. Меня доконали» (Там же). В приписке Белого к письму В. И. Иванова к Метнеру от 12 сентября 1912 г. он сообщал Метнеру: «Дорогой Друг! Видите, на этот раз "*Д*" с большой буквы (видите, с большой буквы пишу не только слово "*Доктор*", но и слово "Друг"); итак дорогой Друг! Существуют ли "*Труды и Дни*", спрашиваю я, Редактор? Три с половиною месяца тому назад *тщетно тщился* я узнать что-либо деловое о журнале. Ничего! Про-

* *Текст на отдельном листке.*

сил, чтобы меня известили о сроке выпуска 3 №, а мне не ответили. Считаю недопустимым, чтобы хоть 1 № вышел без моей статьи (видите из этого, что писать буду много, *но*: ввиду распределения всех моих дней *требую за месяц до* выхода номера, чтобы я был извещен о сроке выхода. Считаю необходимым напечатание статьи Скалдина. Изумляюсь, что о письме Кузмина и о статье Чудовского не уведомлен. В случае продолжения бойкотирования меня, как редактора, считаю невозможным оным числиться. На "*Трудах и днях*" я нарезался с Ахрамовичем, ибо многого не знал о полемике, что узнал от Вячеслава. Обнимаю Вас. Б. Бугаев» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 69). Поскольку письмо Иванова было неизвестно В. Сапову (он пишет, что «письмо не сохранилось»!), его нет в публ.: В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Вступ. статья и публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. II и III.

[4] Речь идет о статье «Манера, лицо и стиль» В. И. Иванова, опубликованной в четвертой тетради (июль—октябрь) «Трудов и дней» за 1912 г. См. письмо Метнера к Белому от 13/26 — 14/27 сентября 1912 г.: «...Вы теперь внезапно вспомнили о существовании "*Тр<удов> и Дн<ей>*" потому, что приехал к Вам Вячеслав! Все Ваше письмо обидная ерунда! Ничего Вы "тщетно не тщились"! <...> Кто виноват в *хаосе* "Мусагета"??? Только и исключительно: Эллис и Вы. ***НИКТО*** <подчеркнуто четыре раза. — *Дж. М.*> больше!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 28).

[5] 13/24 — 14/27 сентября 1912 г. Метнер писал Белому: «По Вашему желанию я устранил от секретарства Кожебаткина и назначил Ахрамовича, которого Вы сами хотели. Если Ахрамович не годится, то предложите другого секретаря; я не знаю, кто станет работать с такими капризными хозяевами за 50 р. в месяц как секретарь и журнала и издательства» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 28).

[6] «1) книги и брошюры, выходящие в "Мусагете", конечно, ему посылаются, так же как и каталог» (письмо Метнера к Белому от 13/26 — 14/27 сентября 1912 г.).

[7] См. п. 78, примеч. 6.

[8] Об истории журнала «Труды и дни» см.: *Лавров А. В.* Русские символисты. М., 2007. С. 499—514.

[9] Имеется в виду заметка «Труды и Дни» Валериана Адольфовича Чудовского (1891—1938), в это время секретаря «Аполлона», опубликованная в № 5 «Аполлона» за 1912 г. (С. 54—56).

[10] «От *меня* о письме Кузмина и о *статье* Чудовского Вы ничего узнать не могли, т.к. все это произошло во время моего отсутствия» (письмо Метнера к Белому от 13/26 — 14/27 сентября 1912 г.). Речь идет о письме М. А. Кузмина (1872—1936) в редакцию журнала «Аполлон» (1912. № 5. С. 56—57). О нем см.: *Богомолов Н. А.* История одной рецензии (*Cor ardens* Вяч. Иванова в оценке М. Кузмина) // Philologica. 1994. 1: № 1/2. С. 135—148. В письме к Белому и Эллису от 1/14 октября 1912 г. Метнер назвал письмо Кузмина «глупым» и заметку Чудовского «осторожной», добавляя: «Вдаваться в полемику не стоит. <...> значение его (по-моему) слишком невелико, чтобы делать ему честь <...> полемизировать с лицеистами, у кот<орых> молоко на губах не обсохло» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 29).

[11] «Что Вы "нарезались на «Трудах и Днях» и с Ахрамовичем" (если только и это вполне может быть и не так, и не то) — тут я ни в чем не виноват» (письмо Метнера к Белому от 13/26 — 14/27 сентября 1912 г.). 1/14 октября 1912 г. Метнер писал Белому и Эллису: «В приписке от 12/IX к письму Вячеслава Бугаев пишет: "На '*Трудах и Днях*' *я нарезался* с Ахрамовичем, ибо и т.д. — — —". В оправдательном своем письме к Петровскому от 7/X (т.е. менее, чем через месяц!) Бугаев пишет: "Передай Метнеру, что с Ахрамовичем я не 'нарезался' (по *его* выражению), а нахожусь в очень хороших отношениях etc." — и далее: "...ни о каком 'нарезывании' не может быть и

речи...". Это выпадение памяти [объясняемое, может быть, "сдирающими кожу" (по выражению Бугаева) медитациями] чрезвычайно характерно для Вас обоих...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 29).

[12] В этом же письме Метнер заявлял: «Вы пишете, что Вы не знали о сроке выхода № 3 —?? Ведь это — смешно! "*Май — июнь*" конечно должен выйти между началом мая и концом июня! Я уехал в конце *июля*, и от Вас не было ни слова! Стыдно: разве Вы не знаете, что "срок выхода" русского журнала зависит не от редакции, а от сотрудников!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 29).

[13] 15 июля 1912 г. Метнер писал Белому: «№ III я выпускаю, не дожидаясь Скалдина от Вас и статьи Вячеслава» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 11), а в письме от 13/26 — 14/27 сентября 1912 г. сообщал: «№ III май — июнь не мог быть мною выпущен в конце июля из-за того, что ни Вы, ни Вячеслав не возвращали статей, отосланных на просмотр; Вячеслав не присылал корректуры своей статьи; в Вы ничего как "Андрей Белый" не слали. Я уехал, оставив распоряжение немедленно выпустить № III, не дожидаясь больше ничего, ибо есть же предел запаздыванию» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 28).

[14] См. примеч. 3.

[15] «...Вы в то время <в 1911 г.> были страшно против теософии и оккультного пути и очень за искусство, за литературу, за немедленное создание журнала и т.д.» (письмо Метнера от 13/26 — 14/27 сентября 1912 г.). Ср. воспоминания Белого: «лишь от Метнера притекали все более и более истерические послания на двадцати и более крупных листах; в них мне вменялося, будто бы предал я "*Мусагет*"; и с насмешкой указывалось: от меня-де, автора "*Символизма*", теперь надо зорко оберегать символизм, ибо я — теософ» (*Рудольф Штейнер*. С. 650). 15/28 августа Белый сообщал Метнеру: «Прошу верить, что мое так сказать штейнерьянство нисколько меня не откидывает ни от друзей, ни от литер<атурной> деятельности, ни от "*Мусагета*"» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 67).

[16] Статья Белого «Символизм как миропонимание» впервые была опубликована в журнале «Мир искусства» (1904. № 5. С. 173—196); гл. 1 и 2 были перепечатаны в «Арабесках» (С. 220—238) под тем же заглавием; гл. 3 — там же (С. 115—129) под заглавием «Священные цвета».

[17] *Белый А.* О теургии // Новый Путь. 1903. № 9. С. 100—123.

[18] *Белый А.* О целесообразности // Новый Путь. 1904. № 9. С. 139—153; переп.: Арабески. С. 101—114.

[19] 13/26 — 14/27 сентября 1912 г. Метнер писал Белому: «Хаос был бы, если бы мы в "*Тр<удах> и Дн<ях>*" объявили торжественно, что "культура зиждется на синтезе оккультизма и символизма". Хаос был бы (позволяю наконец себе это сказать), если бы "*Мусагет*" находился всецело во власти Эллиса и Андрея Белого. <...> Проповеди оккультизма в "*Тр<удах> и Дн<ях>*" я не допущу» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 28).

[20] Сборник статей Белого «Символизм» был выпущен в свет «Мусагетом» в 1910 г. (27 апреля — 4 мая); «Арабески» — см. п. 49, примеч. 2; «История русского символизма» — Белый имеет в виду книгу Эллиса «Русские символисты», изданную «Мусагетом» в 1910 г. (6—13 июля). В ней характеристике творчества Белого отведена отдельная глава.

[21] В открытке (почт. шт.: 11 okt. 1912. Vitznau; 2.10.12. Москва) Белый писал Метнеру: «Высылаю статью в "*Т<руды> и Д<ни>*" → "*Круговое движение*". Если статья не подходит, некоторым образом переступая грань платформы, то я нисколько не обижусь на редакционное примечание, снимающее ответственность Редакции с моей статьи. В "Тр<уды> и Дни" буду много писать, но писать *свое, интимное*. Был

бы рад, если бы Ред<акц>ия уделила мне "*свой угол*" à la "*своего угла*" Розанова в былой памяти "*Новом Пути*"» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 71). Статья «Круговое движение (Сорок две арабески)», важнейшая для понимания духовных исканий Белого этого времени, была опубликована в № 4/5 «Трудов и дней» за 1912 г.

[22] К письму приложена телеграмма В. Ф. Ахрамовича к Петровскому от 31 августа 1912 г. в Мюнхен: «Peredaite Bugaievu adres Mednera nie znajem = Achramowicz». Адрес: «Ursulastr<asse>. 9. Menzel Petrowsky Muenchen».

[23] 27 августа/9 сентября 1912 г. (почт. шт. Базеля) Белый писал Метнеру: «16 дней тому назад, когда уже настала крайняя пора мне просто немедленно узнать, не поможет ли мне "*Мусагет*" временно 200 стами <так!> рублей, я запросил "*Мусагет*" телеграммой, где Вы. Получил телеграмму с тем же лаконичным уведомлением: "Адрес Э. К. Метнера неизвестен". <...> разве я, обвиняемый в халатности и разгильдяйстве моим уравновешенным и здравомыслящим другом доходил до такой степени неряшества, что, будучи членом редакции, от оной редакции скрывал бы свой адрес на протяжении месяца. А тем более непростительная халатность Редактору "*Мусагета*" не давать адреса своего, зная, что от сотрудников могут быть необходимые спешные запросы, ответить на которые может лишь Редактор» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 68; см. примеч. 21). 13/26 — 14/27 сентября 1912 г. Метнер ответил Белому: «Кто отправил Вам из редакции телеграмму "Адрес Э. К. Метнера неизвестен"???? Это чудовищно! Повторяю: надо было слепо следовать тому, что я сказал, и писать Bayreuth Hauptpostlagernd» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 28). Около 28 августа/10 сентября 1912 г. Белый писал М. К. Морозовой, встревоженный известием, что печатание «Путевых заметок» было отложено: «...я хочу подробно все выяснить у Э<милия> К<арловича>. Мне говорят: адрес его неизвестен. Я еще жду. Телеграфирую в Москву. Получаю ответ: адрес неизвестен; и мое объяснительное письмо лежит в Москве без движения. Так в полторы недели рухнули у меня все планы матерьяльно устроиться, а усхать от Доктора невозможно еще ряд месяцев» (*Андрей Белый в поисках.* С. 133; *Ваш рыцарь.* С. 197—198).

[24] 13/26 — 14/27 сентября 1912 г. Метнер писал Белому: «Я прошу Вас прочесть это письмо Эллису, т.к. писать ему я не стану» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 28).

[25] См. п. 90, примеч. 3.

[26] В № 4/5 «Трудов и дней» за 1912 г. было помещено оповещение: «Андрей Белый намеревается остаться за границей на неопределенное время; поэтому, сохраняя за собой права и обязанности члена литературного комитета издательства "Мусагет", он вынужден отказаться от редактирования "Трудов и дней", так как эта работа издалека, в особенности при частых переездах, сопряжена для него с большими внешними неудобствами» (С. 149).

[27] Как выясняется из письма Белого к М. К. Морозовой (около 28 августа/10 сентября 1912 г.) А. М. Поццо должен был послать 100 марок Белому за проезд Н. А. Тургеневой-Поццо в Москву из Мюнхена (Белый купил ей обратный билет на свои средства) (*Андрей Белый в поисках.* С. 133; *Ваш рыцарь.* С. 198).

[28] См. письмо Белого к Метнеру от 15/28 августа 1912 г.: «...пишу это письмо 28 августа (нового стиля) и в пространство, ибо Вы не дали свой адрес никому (вот за это надо мне Вас теперь журить, как Вы меня: ни Эллис, ни Петровский, ни Киселев не знают Вашего адреса)» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 67).

[29] Судя по письму Метнера к Белому от 27 июля/9 августа 1912 г., «Мусагет» собирался приступить к «набору симфоний или стихов (что сначала?)» в это время. 15/28 августа Белый писал ему: «Кроме того: предлагаю "*Мусагету*" 1) переиздать том Симфоний (4 Симфонии). 2) Два тома стихов (выборку из 3 томов). 3) "*Путевые*

Заметки". 4) "*1-ый том Голубя*" (или Некрасову)» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 67). Однако 13/26 — 14/27 сентября 1912 г. Метнер писал Белому: «Переиздание Ваших сочинений возможно лишь после их распродажи. Распродана только I симфония. Надежда есть, что распродадут вскоре "*Голубя*". Но, разумеется, раз Вы продали второй роман Некрасову, то Мусагету смысла не имеет печатать второе издание первого романа» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 28). «Мусагет» не переиздал ни Симфоний, ни стихов Белого.

[30] 17/30 сентября 1912 г. Белый писал матери: «едем из Базеля. <...> Пока же Штейнер едет отдыхать в Италию, а мы работать куда-нибудь в тишину. Мы пока выбрали себе Фирвальдштетское озеро; наметили деревушку в горах (на берегу озера) около Люцерна» (*Андрей Белый в поисках*. С. 141–142). Белый и А. А. Тургенева жили там с 1 по 26 октября (н. ст.) 1912 г.

[31] В письме от 15/28 августа 1912 г. Белый убедительно просил Метнера опубликовать «Путевые заметки», «*которые уже ровно год, как готовы*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 67). 13/26 — 14/27 сентября 1912 г. Метнер ответил: «Что "*Путевые заметки*" *год тому назад* ***готовы*** (???) это — — —??? — — — Очень прошу Вас вспомнить и опомниться. Хотя бы, напр., то, что Вы собирались пропустить целый ряд *заметок* по журналам — — — Это стыдно, Борис Николаевич; стыдно и больше ничего». Около 28 августа / 10 сентября Белый писал М. К. Морозовой: «И вот: в августе приезжают в Мюнхен москвичи и сообщают впервые поразившие меня факты: денег у "*Мусагета*" нет, а "*Пут<евые> Заметки*" откладываются до 1913 года, что при методе печатания наших книг (у нас печатают годами) для меня значило: "*Пут<евые> Заметки*" выйдут, дай Бог, в 1914 году...» (*Андрей Белый в поисках*. С. 133; *Ваш рыцарь*. С. 197). О судьбе книги «Путевые заметки» см. п. 49, примеч. 5.

[32] Ср. письмо Белого к М. К. Морозовой от середины августа (ст. ст.) / конца августа (н. ст.) 1912 г. из Мюнхена: «В. К. Кампиони поехал на Кавказ закладывать мое имение, на закладку надо 4 месяца, т.е. ранее декабря я не буду иметь возможности уплатить "*Мусагету*" долг (3000)» (*Андрей Белый в поисках*. С. 130; *Ваш рыцарь*. С. 192). В воспоминаниях о Белом Морозова пишет: «Борис Николаевич писал мне, что решил заложить свое именье, но, к сожалению, все это делалось очень медленно и он, бедный, всегда очень нуждался, был постоянно без денег» (Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 540).

[33] 13/26 — 14/27 сентября 1912 г. Метнер писал Белому: «Неужели не было 10 минут времени прочесть статью Скалдина и возвратить ее "*Мусагету*" со своим заключением? <...> *Вас* запрашивали о статьях! В частности, о Скалдине! *Вы* упорно молчали!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 28). Статья поэта и критика Алексея Дмитриевича Скалдина (1885—1943) «Затемненный лик» была напечатана в «тетради первой и второй» «Трудов и дней» за 1913 г. С. 89—110.

93. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Штутгарт. 13/26 октября 1912 г.

Дорогой Алеша,

Наконец-то собрался написать Тебе. До этого времени все не было времени. Единственно свободное для переписки время было отнято ненужною, бесцельною «*прею*», от которой я страдаю бо-

лее, чем когда-либо, но считаю, что в этой *«пре»* я играю лишь пассивную роль: мое человеческое достоинство взывает к тому, чтобы я себя защищал от полных жестокой несправедливости нападок Метнера, тогда как мое «я» страдает невыносимо от всей каши, *вновь затеянной* Метнером.

Ну не буду об этом...

Буду говорить лишь о себе и Асе. Время в Фицнау было для нас буквально затвором. Месяц провели в упорной работе с утра до 2 часов ночи; и Ася, и я работаем отчаянно; Ася — для Доктора, я и для Доктора, и над романом[1]. Последнее свидание наше с Доктором очень нас порадовало. Доктор *крепко* подбодрил нас[2]; страшно заинтересовался рисунками Аси, вник в мое ему поданное *conte-rendue**, местами собственноручно исправил, местами одобрил; дал он мне прямо-таки раздавливающую работу, грустно засмеялся глазами и сказал: *«Es wird viel schwerer sein»***. И действительно — *«schwerer»*[3]. Это понял я в *Фицнау*, ибо бывало *такое*, что... Здесь в Штутгарте[4] Frau Pulmann[5] меня успокоила, сказавши, что *невыносимую тягость* моих теперешних переживаний должны пережить все ⊕, ибо *эти переживания уже суть загробные*: кто не переживет Камалоку *еще здесь*[6], у преддверия, тот не пройдет за порог. Вспомни первую часть мистерии:

«O Mensch erlebe dich»[7]

И днем и ночью звучит это мне.

Все более, более убеждаюсь *реальности* пути у Доктора, и все более поражает меня страшная свобода и творческая инициатива этого пути. Сейчас мы до 25 ноября (н. с.) в Штутгарте, под руководством fr. Pulmann, которая — незаменима для нас как своего рода *гениальная* репетиторша при Учителе. С нею проходим мы *реально* то, что является вопросом каждого дня, *бытом* и *жизнью* нашей работы. Доктор очень одобрил нашу с Асей инициативу: инициативу докладов ему *чертежами*, схемами, рисунками: велел Асе непременно зарисовывать все, ею узнанное и увиденное, и нести ему, а меня благословил работать над схемами и т.д. Так что сейчас у меня целый доклад Д<окто>ру, даже пишу ему по-немецки (вообрази как!), а Ася мне рисует: *fr. Pulmann* нас контролирует — и работа кипит...

---

* Отчет (*фр.*). Верно: compte-rendu.

** Это будет много труднее (*нем.*).

Работа сложная: чтобы *реально* решить, узнаешь 1) через *fühlen* и *sehen**, 2) потом проводишь чрез *denken*** и опять возвращаешься к *fühlen* и *wollen****; и так кирпичик за кирпичиком складываешь для Д<окто>ра что-то свое.

Безмерно жалею, что Ты не был в Базеле: Базельский курс *круто* подчеркнул *поворотный пункт времени*[2]. Времена грознее, чем кажется; и единственный лозунг, нас долженствующий объединить, это — *работа, работа, работа* (не *чтение* или *обсуждение*, а понимаешь, *какая* работа). Ибо повторяю: время близко.

Д<окто>р категорически сказал (кому, это все равно), что через 36 лет Антихрист появится в физическом теле *в России* (пожалуйста, держите это про себя в Кружке) и, *вероятно*, на физ<ическом> плане победа им будет одержана. Ты понимаешь, чем *пахнет в воздухе* и как должны мы, забыв все друг другу нанесенные огорчения, протянуть руку мира и согласия, ибо в противном случае... *и нас используют*. Ну довольно, надо спешить в город (живем за городом рядом с fr. Pulmann). Адрес. Stuttgart. Poste-restante. Остаюсь любящий Тебя

Борис Бугаев

Ася кланяется.

Отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Stuttgart. 26.X.12; Москва. 16.X.1912.

[1] См. *РД* об октябре 1912 г.: «Фицнау. Наша жизнь с Асей в полном одиночестве; чтение "*Geheimwissenschaft*"; чтение "*Goethes Weltanschauung*". Чтение курса Штейнера "Дети Христа и Люцифера". Усиленнейшая медитационная работа и приготовление схем и отчетов Штейнеру, отнимающая все время; чтение, пристальное, "Заратустры" и "*Ecce homo*"; переписка с Крахтом, Наташей, Ахрамовичем, Эллисом, Поольман-Мой; пишу для "*Трудов и дней*" две статьи: "*Круговое движение*" и "Круг, линия, спираль символизма"». И *РД* о ноябре: «Дегерлох (около Штутгарта). Перерабатываю "Петербург" (написанное) в окончательн<ую> редакцию. Ряд ответственнейших бесед с Эллисом и Поольман-Мой; те же напряженнейшие медитации; читаю курс Штейнера "Апокалипсис" <"Die Apokalypse des Johannes", 1908>. И перечитываю Владимира Соловьева».

[2] См. запись Белого в перечне «Свидания с Доктором»: «1912 год. <...> *5-ое свидание.* 24 сентября. Подробный отчет Доктору о ходе работы. Одобрение Доктора. Присоединил к 3 медитациям четвертую. И задал работу. Базель» (*Андрей Белый и антропософия. 9.* С. 471). Ср. *РД* о сентябре 1912 г.: «Базель. <...> 1) Отчет доктору Штейнеру о работах, ответственный разговор с ним и огромные узнания от этого разговора (кстати: первая встреча с К. Н. Васильевой в комнате у Штейнера)».

* Чувствовать и видеть (*нем.*).

** Думать (*нем.*).

*** Чувствовать и хотеть (*нем.*).

[3] Ср. письмо Белого к Н. А. Тургеневой от октября 1912 г. (из Фицнау): «И, о как трудно бывает, Наташа! Трудно от сознания своей неготовности. Неготовность и боль (только теперь понимаю слова Д<окто>ра при данной медитации "Es wird Schwerer Sein")» (Europa Orientalis. 1995. XIV: 2. С. 324).

[4] Белый и А. А. Тургенева приехали в Штутгарт 13/26 октября. В открытке к А. Д. Бугаевой (почт. шт.: Stuttgart. 29.okt.12; Москва. 20.10.12) Белый сообщал: «Мы в Штутгарте. Адрес наш таков: Deutschland. Stuttgart. Dēgerloch. Werastrasse. № 45. Bei Schrenk. Herrn doctor Bugaïeff. Дегерлох — это загородная станция, местечко; нам очень хорошо. Страшно заняты» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[5] Имеется в виду Иоганна Поольман-Мой (Po(o)lmann-Moy; van der Meulen, 1874—1953), ученица Штейнера. 10/23 октября 1912 г. Белый писал матери: «Теперь же едем в Штутгарт. Работа Доктору разрастается у нас с Асей; кроме данных Доктором *правил*, мы ему сдаем кое-что: вроде уроков. И вот: Доктора нам нет смысла видеть ранее ноября, ибо ранее ноября не поспеет работа. Мы же едем в Штутгарт, потому что нас зовет заниматься с нами одна из лучших учениц Доктора. <...> Через три дня мы уезжаем отсюда; <...> Нам уж там за городом приискана комната, около леса, на горе и рядом с Frau Pulmann, той дамой, которая нас зовет и которая так много нам помогает разбираться во многом и сложном. Из Штутгарта тотчас же напишу» (*Андрей Белый в поисках*. С. 145—146). Знакомство Белого с нею завязалось в июле 1912 г. в Мюнхене: «...фрау Мой, урожденная голландка, спиритка, потом — астролог, наконец — теософка, одна из талантливейших штейнеристок, дружила с неукротимейшим Эллисом. <...> лишь Поольман-Мой понимала действительно, кто мы, каков наш подход к теософии, как подавать познавательный материал нам» (*Рудольф Штейнер*. С. 651—653). В 1913 г. она отошла от антропософии; публиковала свои эзотерические и космологические сочинения под псевдонимом Intermediarius; с 1912—1913 г. — спутница жизни Эллиса (см.: *Willich Heide*. Lev Kobylinskij-Ellis: Vom Symbolismus zur *ars sacra*. Eine Studie über Leben und Werk. München, 1996. S. 125, 179—181, 184, 187—190; *Poljakov Fedor B.* Literarische Profile von Lev Kobylinskij-Ellis im Tessiner Exil: Forschungen — Texte — Kommentare. Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 35—36, 267).

[6] Камалока (*санскр.*) — термин индийской философии, усвоенный теософией и антропософией; место пребывания астрального тела человека после смерти. «*Полу*материальный план, субъективный и невидимый для нас, где развоплощенные "личности", астральные формы, называемые *камарупами*, остаются до тех пор, пока не исчезнут оттуда после полного уничтожения последствий ментальных импульсов, породивших эти эйдолоны человеческих и животных страстей и желаний» (*Блаватская Е. П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 194). По учению Штейнера, человек очищает ту часть души, которая жаждет дела, и подготавливает свою следующую инкарнацию в Камалоке (см.: Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штайнера / Сост. Г. А. Бондарев. М., 1999. Т. 1. С. 447).

[7] В монологе Иоганна, произносимом в начале девятой картины первой драмы—мистерии Штейнера «Врата посвящения» («Die Pforte der Einweihung»), повторяется фраза «O Mensch, erlebe dich!» («О человек, переживи себя»). Ср. письмо Белого к Н. А. Тургеневой от октября 1912 г. из Фицнау: «"O Mensch, erlebe dich" днем и ночью звучит из Мистерий» (Europa Orientalis. 1995. XIV: 2. С. 324). Белый прочел первые три драмы-мистерии Штейнера в Мюнхене в августе 1912 г. и присутствовал на их постановке («Работа над мистериями. Постановка мистерий, мюнхенский курс "О вечности и мгновении"», *МБ*): 20 августа — «Врата Посвящения», 22 августа — «Испытание Души» («Die Prüfung der Seele»), 24 августа — «Страж Порога» («Der Hüter der Schwelle»). В сентябре 1913 г. Белый перевел вторую картину первой мистерии на рус-

ский язык: *Штейнер Р.* У врат посвящения. Розенкрейцерская мистерия / Публ., примеч., послесловие С. В. Казачкова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 69–73.

[8] См. п. 91, примеч. 8.

94. БЕЛЫЙ – ПЕТРОВСКОМУ

Штутгарт. 6/19 ноября 1912 г.

О перемене адреса уведомляю.

Здесь до 24 н<ового> стиля[1].

Дорогой Алеша,

Спешу написать Тебе письмо, ибо, если не напишу сейчас, не напишу недели (завтра работа — сижу в романе[2]; а когда пишешь роман, то уже не годен на письма). Твое письмо[3] меня порадовало: показало, что между нами есть *что-то*, что не может *прейти*; и опечалило одновременно — грустным, усталым тоном. Милый, хочется мне Тебе сказать: *бодрее*. Все — минуется. А *главное, неизменное* останется.

Милый друг, иль ты не знаешь,
Что все видимое нами и т.д.[4]

С Эллисом не беспокойся: ведь «*Мусагет*» же издаст «Парсифаля»[5] и *реально* для «*Дух<овного> Знания*»[6] вопрос падает.

Что касается «Парсифаля», то должен сказать. До сей поры я не читал либретто: на днях просмотрел и — Бог мой: ведь писал не *поэт*, а... почти не имеющий ни малейшего представления о стихосложении гениальный художник.

Не оправдывая перевода Эллиса, я скажу: кто же сумел бы перевести «Парсифаля»? И как переводить?

Во-первых, неверно, что «Парсифаль» написан белыми стихами: «Парсифаль» написан *никакими* стихами, где жалкие рифмы чередуются без всякого мотива с белым стихом и где какое-нибудь гениально-музыкальное «*ООО*» (вместо стиха) без гениальной музыки выглядит идиотизмом[7].

Мысль переводить «*Парсифаля*», мысль безусловно неудачная: но она принадлежит Э<милию> К<арловичу>, который и соблазнил Эллиса; и вот *кармой*[8] этого соблазна есть нравств<енная> обязанность и печатать «*Парсифаля*» в «*Мусагете*». Да и кроме всего: при чтении немецкого текста, конечно, на много % повышаются фонды перевода Эллиса (не думай, что я защищаю перевод в том виде, в каком он есть).

Мы еще в Штутгарте. Тихо сидим, ужасно много работаем. Живем на высокой горе: при прогулках — огни Штутгарта под ногами. Сосновый лес, воющий ветер, слякоть и гаммы за стеной. Я с утра до вечера работаю: переделываю роман (ни над чем не работал с таким упорством); Ася сидит — и что Ты думаешь? Пишет Доктору по-немецки *Vortrag** со сложнейшими кристаллографическими фигурами — по целым дням; а я смотрю да завидую: у меня масса *тут* материала, да *нет времени* писать (весь день съедает роман). Впрочем, в Фицнау я наготовил Доктору более 50 страниц с дичайшего вида иллюстрациями[9], для бытия которых с мольбой обращался к Асе.

Толкает нас к тому и *frau Polmann*, которая совершенно незаменима в *realiora***...

Вечером уже, часов в 7 ½ идем через весь *Degerloch* обедать, потом в 9 ½ неизменно идем к Эллису и *Polmann*, где опять-таки либо пишем конспекты, либо имеем деловые разговоры, либо играем в солдатики с Эллисом и стреляем в цель, пока Ася и frau Polmann занимаются...

Так идет день за днем.

Настроение у нас хорошее. Должен сознаться, что Эллис, когда мои мусагетские *раны* болят, изо всех сил умиротворяет. Когда его раны болят, умиротворяю я до... новой декларации графа Берхтольда[10] о *status quo*, виноват, — до *пакета* Э<милия> К<арловича>.

Пакет ждет меня уж <в> Берлине, и это уж мотив моего алармизма при мысли о Берлине[11].

Господи, 8 месяцев я допекаем пакетами, и видит Бог, что мои ответные *пакеты* едва ли достигают одной ¼ того, что приходится мне вычитывать у Э<милия> К<арловича>. И то: что *де* основы моей личности шатаются, что *де* инсинуатор я и т.д. и т.д. Ведь написал же я на письмо в 30 страниц громадного формата 2 странички... И — опять *пакет* ждет в Берлине. У меня просто отваливается охота на всю жизнь видеть Э<милия> К<арловича>. Так он *допек* меня.

Последнее письмо в Фицнау меня сняло с работы на 2 недели[12]. 14 потерянных дней! Когда каждый день дорог! Хоть бы

---

* Доклад, лекция (*нем.*).

** Действительность; реальность (*лат*).

вспомнил он, что я пишу роман, хоть бы дали мне этот *треклятый* роман — причину всех бурь в мире — докончить.

И даже смешное тут что-то: Э<милий> К<арлович> заботится о том, чтобы реабилитироваться пред будущим... биографом (sic!): чтобы не сказали, что он — варвар[13]. Впадая в тон шутки, я бы мог подать реплику: а что скажет будущий биограф по поводу систематического мучительства меня, в результате чего «*oeuvre*»* мой получился в искалеченном виде.

Ну не стану шутить.

Милый Алеша: я ведь помню хорошо,

«Что все видимое нами»

и т.д.

и что

«все, крутится, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви!..»[14]

Кстати: нельзя ли как-нибудь прислать хотя бы *открытку* с портретом Вл<адимира> Соловьева.

Все более и более мне дорог путь Доктора, все более и более мил горный воздух свободы вокруг него.

Эти дни особенно вспоминаю Доктора и рвусь его видеть: окончили конспектировать базельский курс.

Последняя как удар грома нота — да вот фразы из моего конспекта:

«*Трижды Он удалялся от апостолов в саду Гефсиманском; и трижды они засыпали. Пришел час. Он же был одинок. В одиночестве был он должен идти на распятие: избранные не могли с ним идти. Время не поняло. Чаша эта не прошла Его мимо*». Страшная нота курса — ученики *не* поняли Христа. И когда обнаружилось, что — не понят, то «*связь Христа с Иисусом для мира стала ослабевать... И пóтом кровавым вышел из Иисуса. Дух Космоса. Тот, кого взяли под стражу, был только Сын Человеческий*... Когда брали Иисуса, голый юноша — *убежал в ночь*: это был юный космический дух, отлетающий от Иисуса (14 глава, 51—52)...»

Вот из конспекта.

Доктор — для всех. А они — не видят, не слышат. И слова Доктора применимы к ним.

---

* Сочинение (фр.).

«Трижды они засыпали. Пришел час. Он же был одинок. Избранные не могли с ним идти. Время не поняло. Чаша эта не прошла его мимо».

Крепко целую Тебя и остаюсь всею душою с Тобою.

Борис Бугаев

Мише сердечный привет.

P. S. Ася целует*.

P. S. Ты просишь написать об Иванове. Был он у нас; прожили вместе 3 дня. Эмпирически был он страшно мил, уютен, хорош. Тронуло меня его прекрасное отношение ко мне. С трогательностью расспрашивал о Докторе. Сделал ему визит (но Доктор еще не приехал в Базель). Просил разрешения, чтобы ему присылали циклы[15]. Привет его Доктору передал: Доктор сделал светский жест рукой и просил передать в свою очередь ему свой привет. А о циклах я, признаться, на свидании не спросил: было масса народу, мы с Асей должны были скорей дать отчет; и под конец заторопились (отняли у Доктора полтора часа, когда вечером лекция и еще посетители)...

Спрошу в Мюнхене...

Нравственно Иванов разбит, встревожен, не уверен в себе; и как всегда в такое время — храбрится (написал рой стихов — панегирик своему поступку)[16], харахорится <так!>.

Жалко; и грустно за него. И все-таки *не могу его судить*. Что-то в нем есть — незабываемое.

Отправлено по адресу: Малый Власьевский пер. д. 3, кв. 5. Почт. шт.: Stuttgart. 19 Nov. 12; Москва. 8.XI.1912 и 9.11.12.

[1] Белый и А. А. Тургенева переехали из Штутгарта в Мюнхен 24 ноября (н. ст.) 1912 г.

[2] Речь идет о переработке первых пяти глав «Петербурга». Ср. запись Белого о ноябре 1912 г.: «Дегерлох (около Штутгарта). Перерабатываю "Петербург" (написанное) в окончательн<ую> редакцию» (*РД*).

[3] Неизвестное нам письмо.

[4] Неточная цитата из стихотворения В. С. Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь, / Что всё видимое нами...» (1892).

[5] См. п. 90, примеч. 3 и 6.

[6] Московское издательство теософско-антропософского направления. 1/14 октября 1912 г. Метнер писал Белому и Эллису: «Кстати, "*Духовное Знание*" отклоняет

---

* Далее — текст, написанный черными чернилами (текст письма — зелеными), на отдельном листе.

от себя "*Парсифаля*" Эллиса, даже если бы "*Мусагет*" дал деньги на издание!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 29).

[7] Ср. мнение Метнера в письме к Белому и Эллису от 1/14 октября 1912 г.: «Тут же кстати скажу, что не мешало бы Бугаеву с Эллисом потолковать о версификации "*Парсифаля*", которую Бугаев так не одобрял. — Клянусь, что Эллис, усовершенствовавшись в нем<ецком> яз<ыке>, будет недоволен своим переводом. Нельзя, господа, учиться и, учась, тут же фиксировать для публики свои уроки. Это относится не только к переводам, но и к статьям по оккультизму. <...> Эллис отнюдь не переводчик Вагнера, ибо Эллис талантливейший ритор, которого я знаю среди современников, и импровизатор, Вагнер же — мифотворец, музыкант и руносозидатель, т.е. поэт лапидарный и стихийный» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 29).

[8] Карма (*санскр.*) — «...Закон причины и следствия, или Нравственная Причинность» (*Блаватская Е. П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 197).

[9] Ср. письмо Белого к Н. А. Тургеневой от начала декабря (н. ст.) 1912 г.: «С Vitznau мы Д<окто>ру приготовили много: мы с Асей по тетради, своего рода Vortrag на тему о наших медитациях; кроме того: с Базеля Ася зарисовывала Д<окто>ру все ей виденное; зарисовывал и я. Кроме того: у меня был с собой своего рода "*Дневник ощущений*"» (Europa Orientalis. 1995. XIV: 2. С. 329—330).

[10] Берхтольд Леопольд (1863—1942) — граф, австрийский дипломат; в 1906—1912 гг. — посол Австро-Венгрии в России; в 1912—1915 гг. — министр иностранных дел Австро-Венгрии, добивался укрепления Тройственного союза, проводил крайне антисербскую линию и в немалой степени содействовал развязыванию Первой мировой войны.

[11] Белый и А. А. Тургенева выехали из Мюнхена в Берлин 30 ноября. По дороге они остановились в Нюрнберге, где провели, согласно позднейшему свидетельству Белого, «несколько дней» (*РД*).

[12] Имеется в виду письмо Метнера к Белому и Эллису от 1/14 октября 1912 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 29).

[13] 1/14 октября 1912 г. Метнер писал Белому и Эллису: «Клянусь, что внес в *дело*, нас объединяющее, весь свой жизненный опыт, и надеюсь, что будущий историк (которому придется заняться крупным явлением Андрея Белого и связанными с его именем течениями русской литературы) будет столь справедлив, что отдаст мне должное и не поверит истерическим письмам Бугаева и Эллиса, вызывающим в Москве целый скандал» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 29).

[14] Неточно цитируется конец стихотворения В. С. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887): «Всё, кружась, исчезает во мгле, / Неподвижно лишь солнце любви».

[15] 6/19 сентября 1912 г. Белый писал матери из Базеля: «Несколько дней назад к нам в гости из Лозанны приезжал Вячеслав Иванов; прожил с нами три дня и уехал» (*Андрей Белый в поисках*. С. 141). Ср. запись о сентябре 1912 г. в *РД*: «приезд В. И. Иванова к нам в Базель; ряд бесед; попытка вместе с В. И. Ивановым нанести визит Штейнеру (его не оказалось); отъезд Иванова». В мемуарах «Начало века» («берлинская» редакция) Белый писал: «Иванову очень хотелося познакомиться с Штейнером; и получить разрешение прослушать цикл лекций; я знал адрес Штейнера: на станции Ботниге-Мюле (под Базелем). В. Иванов решил завезти свою карточку Штейнеру. Мы с ним поехали: были на Ботниге-Мюле; но Штейнер еще не приехал. Прощаясь, Иванов просил разрешенье от Штейнера: получать цикл лекций, печатываемый лишь для членов (впоследствии Штейнер не дал разрешенья, сказав: "Я не думаю, чтоб господину Иванову были полезны теперь мои курсы")» (*Рудольф Штейнер*. С. 657—658; см. и примеч. на с. 681).

[16] 19 мая 1912 г. Иванов и его падчерица, Вера Константиновна Шварсалон, беременная от него, уехали в Европу. Они обвенчались лишь летом 1913 г. Их сын Димитрий родился 17 июля (н. ст.) в Невселе, во Франции, на берегу Женевского озера в Верхней Савойе. Имеются в виду такие стихотворения, как «Новоселье», «Капелла», «Ночные голоса», «Материнство», «Нежная Тайна», «В альбом девушки» и «Ее дочери», написанные летом 1912 г. и напечатанные в сб. Иванова «Нежная Тайна».

95. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Берлин. 9/22 января 1913 г.

Дорогой друг!

С новым годом: желаю счастья Вам всем, работы и *единого Духа*... Часто вспоминаю Москву и часто душою с Вами. Долго не отвечал Тебе на письмо: внешне как-то не хотелось писать, внутренне — и не напишешь; все это время жили мы как *полно и бурно* (в хорошем смысле): но эта *полнота* относилась к иным неописуемым сферам. Внешне же живем монотонно, тихо: бываем только на лекциях, а то все сидим дома.

Только вот в Кёльне мы взволновались[1], когда к нам пришел Трапезников с заседания гарантов[2] и говорил о том, как под впечатлением слов Доктора и общего движения он вынужден совсем изменить свою точку зрения на метод *движения* в России[3]. Ну, мы все втроем и поволновались о России. Была даже (между нами) речь о том, что не поехать ли мне к студентам и т.д., но я решительно *пока* стал против (ведь нам надо самим сейчас только *учиться* и для будущих не эгоистических целей сейчас, года два быть совершеннейшим эгоистом: т.е. жить при Докторе). Но в будущем думаю все силы отдать на дело Доктора, ибо России *сейчас это нужно*[4].

Доктор сам — подтиральная, грязная тряпка движения: видеть, как он на всех публичных лекциях отвечает подробно, с жаром, на *все идиотические* записки, ему положенные, с таким же жаром, с каким читает интимные циклы, — *упрек всем нам*: ибо *наше дело* облегчать ему это[5]. И вот: у меня язык без костей, и говорить с людьми мне легко: если Доктор *первый показывает* пример того, как не надо людей гнушаться, а, наоборот, *идти и отзываться* на любой вопрос, любое сомнение, любое движение навстречу, — то не моя ли обязанность в будущем говорить с людьми, пояснять курсы и т.д. — т.е. *та черная работа*, которую

сейчас Доктор несет сам и которую *мы все должны наконец с него снять и ему помочь.* Что антроп<ософское> о<бщест>во и самим уставом, и целями, и павлинианским духом (см. Кельнский курс) *человечно* (а не только космично), явствует из конспекта, который скоро вышлем Вам. И в этом смысле не может быть *отбора людей* по их *готовности* или *неготовности*, а только по *устремлению к правде.*

Между прочим: оказывается, в Петербурге уже *два* кружка и идет упорная работа[6]. Двух русских из Петербурга, присланных к Доктору, мы видели; осенью приедут и еще. В Петербурге действуют: поясняют курсы и т.д.

Меня это удивило: знаете ли Вы об этом?

Меня порадовал и способ работы: курсы там не даются (по-моему, курсы и нельзя, и бесполезно давать), но деятельно излагаются, поясняются, обсуждаются с еще не упчеленными <так>[7], т.е. *сократический метод беседы.* И результаты есть.

Знаете ли Вы об этом? Т. А. Бергенгрюн говорила[8], что получила от Б<ориса> П<авловича>[9] письмо и по письму видно, что и Вы не спите, и у Вас дело кипит.

Страшно порадовались. Ну и хорошо: теперь Вы, будет время, Вы будете роскошествовать при Докторе, мы же работать. И т.д. Будем сменять друг друга и друг другу помогать.

Мы мало с кем здесь видимся, но вообще с теософами *ладим*, по-хорошему. Подлинно же мы *крепко* полюбили Frau Polmann; и мы — верные друзья. Доктор это знает и как бы благословляет. Fr. Polmann он сказал, что, *может быть*, ее работа в будущем около России, а мы — с ней связаны как-то: впрочем, от подробного объяснения, *как* и в *чем*, уклонился.

Ну вот.

Пиши: что Гр<игорий> Ал<ексеевич> Рачинский? Здоров ли? Как в Москве. Мы теперь деятельно переписываемся с Э<милием> К<арловичем> и в духе *мира и дружбы*[10]: Ты не можешь себе вообразить, какой камень сваливается с моей души: недоразумения с Э<милием> К<арловичем> были *единственным тормозом* моей работы.

Пиши же.

Остаюсь глубоколюбящий Тебя

Б. Б.

Отправлено по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Berlin. 22.1.13; Москва. 12.1.13.

[1] 14/27 декабря 1912 г. Белый и А. А. Тургенева уехали из Берлина в Кёльн на курс из 5 лекций Штейнера «Бхагавадгита и послания апостола Павла» (с 28 декабря по 1 января 1913 г. н. ст.). Там же 28 декабря было официально учреждено Антропософское общество, отделившееся от Теософского общества (11 декабря 1912 г. А. Безант отозвала учредительные документы Немецкой секции Общества, приведшего к оформлению самостоятельного Антропософского общества). Белый и Тургенева «записались в Кельне в А. О.» (*РД*). Около 5 января 1913 г. они вернулись в Берлин.

[2] Ср. письмо А. А. Тургеневой к Н. А. Тургеневой от начала января (н. ст.) 1913 г. из Кёльна: «Для поступленья в Антропос<офское> Об<щест>во кажется лучше, если вы выберете гарантом Трапезникова, т.к. ответственность лежит перед Д<окто>ром на нем» (Europa Orientalis. 1995. XIV: 2. С. 334). Гарант — официальный представитель Антропософского общества, обладающий правом приема в него.

[3] Ср. такое же письмо А. А. Тургеневой к сестре: «Д<окто>р основывает Антропософ<ское> Об<щест>во, дал понять Трапезникову, что в России все зависит от нас и что он желал бы видеть нас всех очень деятельными. Трапезников такой осторожный и мямля, пришел к нам с Борей и составил с нами план, по которому вы должны были бы спешно устраивать "команду", добыть деньги на приезд Д<окто>ра и достать разрешения на общество и лекции. <...> Д<окто>р дает carte blanche и намекает на необходимость деятельности и на нашу ответственность. Видишь, за эти 6 месяцев тон очень изменился — когда мы приехали, говорили, что раньше чем через 10 лет он в Россию не поедет — и тут наш долг не спать. Конечно, мы бы с Борей тотчас поехали в Россию все готовить — но выяснилось, что этой весной в Россию он ехать не может. К тому же, дело слишком важно, чтобы рисковать» (Там же. С. 333—334).

[4] 26 декабря 1912/8 января 1913 г. Белый писал матери из Берлина: «Нам не прежде можно будет уехать от Доктора, чем мы окрепнем в *ином плане*. А когда мы оккультно обопримся, первой нашей задачей будет вернуться в Россию, чтобы нести учение Доктора русским. Россия так страдает, а Доктор такой единственный, невыразимый свет, что обязанность русского ученика Доктора нести Доктора страдающим душам» (*Андрей Белый в поисках*. С. 155).

[5] «О наших разговорах с Трапезниковым москвичам — ни звука, но внуши им, что их абсентеизм и аристократизм ни к селу ни к городу, что Д<окто>р умеет сам быть грязной подтиральной тряпкой, а Алеша <Петровский. — *Дж. М.*> даже от Крахтовск<их> студентов воротит нос...» (приписка Белого к письму А. А. Тургеневой к Н. А. Тургеневой // Europa Orientalis. 1995. XIV: 2. С. 335).

[6] Во второй половине января (н. ст.) 1913 г. Белый сообщал Н. А. Тургеневой: «И еще известие: в Петербурге много работают над задачами "*Антропософского Об<щест>ва*", есть 2 кружка, но все это очень закрыто и, *вероятно*, москвичам *даже* не было известно; осенью в Берлин будет ток русских из Петербурга; все это мы слышали от 2 русских, петербуржцев, приезжавших к Д<окто>ру; Петербург уже обогнал давно, оказывается, Москву» (Europa Orientalis. 1995. XIV: 2. С. 339).

[7] Ср. приписку Белого к письму А. А. Тургеневой к Н. А. Тургеневой: «Желание Д<окто>ра определенно: чтобы люди не спали во внешней деятельности, а сходились с людьми и пчелили» (Europa Orientalis. 1995. XIV: 2. С. 334).

[8] Бергенгрюн (правильно — Бергенгрин) Татьяна Алексеевна (урожд. Андреева; ок. 1861 — ок. 1945) — член кружка К. П. Христофоровой, теософка, затем антропософка; участница строительства первого Гетеанума. «Из антропософов-русских,

проживающих в Берлине, часто вижусь с Т. А. Бергенгрюн (сестрой Е. А. Бальмонт)» (*МБ*; *Андрей Белый и антропософия 6*. С. 347).

[9] Григоров Б. П. (1883—1945) — по профессии экономист; в 1911 г. входил в первый московский кружок по изучению Штейнера, позднее участвовал в строительстве первого Гетеанума; один из основателей Русского Антропософского общества (7/20 сентября 1913 г.), главный его «гарант» и первый его председатель. Ср. письмо А. А. Тургеневой к Н. А. Тургеневой от начала января (н. ст.) 1913 г. из Кельна: «Григоровы с благословенья Д<окто>ра хотят устраивать все, как тут; они очень некультурны и узки, но ничего, ты их покопай» (Europa Orientalis. 1995. XIV: 2. С. 333).

[10] В заключительной части письма от 8/21 декабря 1912 г. Метнер обращался к Белому: «Спешу отправить это письмо, а потому кончаю приветом от всего сердца Асе и Вам. Все наши теоретические разногласия призваны лишь изукрасить нашу дружбу, сделать более полной и содержательной гармонию нашей связи. Наши житейские распри стали серьезной угрозой продолжению дружбы, но раз она устояла теперь, то впредь ей нечего бояться никаких бурь. И, конечно, мы найдем дорогу друг к другу даже при полном удалении наших мировоззрений. Обнимаю Вас крепко, милый друг» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6).

96. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Берлин. 5/18 февраля 1913 г.

Дорогой Алеша!

Получили ли Вы конспект[1]? Черкните.

Вот открытка знаменитой *Motzstrasse*; крестиком обозначен дом, где помещение л<ож>и; буква *a* — над домом, где мы живем (он углом выходит на Motzstr<asse>)[2], а приблизительно буква *b* — над домом Доктора.

Ну, всего хорошего.

Остаюсь любящий Тебя

Борис Бугаев.

P. S. По прочтению отошлите Наташе. Она ждет.

Открытка с видом: Motzstrasse, Ecke Geisbergstrasse. Berlin W. Отправлена по адресу «Мусагета». Почт. шт.: Berlin. 18.2.13; Москва. 6.2.13.

[1] «В это время происходит переписка с Москвой и Петербургом: для московских антропософов пишу подробный конспект двух последних прослушанных курсов Штейнера» (*МБ*, запись о январе 1913 г.; *Андрей Белый и антропософия 6*. С. 348).

[2] В мемуарах «Начало века» («берлинская» редакция) Белый писал: «Поселилися на углу Лютерштрассе <...> в Берлине — за три-четыре дома от канцелярии общества и от квартиры Р. Штейнера (Моцштр<ассе>, 17); <...> мы бывали лишь на Гейсбергштрассе, где помещалась берлинская ложа» (*Рудольф Штейнер*. С. 661). В начале февраля (н. ст.) Белый послал ту же открытку А. Д. Бугаевой (*Андрей Белый в поисках*. С. 156—157).

97. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Берлин. 14/27 февраля 1913 г.

Дорогой Алеша,

Спасибо за письмо[1]. Давно собирался писать Тебе, да то выпала как-то неделя писем о Терещенке[2], то выпала неделя Generalversammlung[3]. Сообщаю Вам новость: Доктор с 28-го мая (нового стиля) и до 5-го июня читает курс в Гельсингфорсе. Вчера долго говорил с М. Я. Сиверс о Москве, русских[4], о том *условном* интересе, какой наблюдается к Доктору, а она мне и сказала: «Ну вот: пусть же русские, которые *условно* интересуются Доктором, и едут в Гельсингфорс». Ты пишешь о путейцах[5]: о, как я понимаю: Бердяев мне писал письма[6], трогательные по наивности, и все же столь превратные, что тут логикой надо о каждого человека расшибиться лбом. Гони Ты всех, кого только можно, в Гельсингфорс. Увидят Доктора, и многое слетит. Ведь *теоретически* вообразить себе нельзя Доктора: *надо его увидать*. Знаю это сам, по личному впечатлению. Я понимаю психологию многих: за границу ехать не хочется («*а ну Доктор не то, что о нем говорят*»), а вместе с тем суждение свое, основанное на опыте, хочется иметь всякому. А тут какой благодарный случай: сам Доктор под боком. Приедут, увидят — и втянутся. Гони Ты Бердяева, Станевич, Рачинского, Морозову в Гельсингфорс[7].

Русскому антроп<ософскому> о<бще>ству *труднее* действовать, нежели всякому иному: ведь здесь в будущем часть членов будет *не видавшими Доктора*: между тем в Германии, Швейцарии, Австрии приход новых членов именно через встречу с Доктором. Я бы на Вашем месте всех, всех, кто в будущем мог бы стать антропософом, гнал бы в Гельсингфорс; да оно и Вам удобнее: кого Гельсингфорс не проймет, с тем, *конечно*, ничего не поделаешь.

А впрочем, Вам виднее.

Наша судьба все еще висит в воздухе: зависит от переговоров с «*Сирином*»[8]: либо паны, либо пропали; и решили лучше не думать. Если паны, поедем и в Гельсингфорс, а — стало быть — и в Стокгольм, и в Христианию (сейчас же после Г<ельсингфорса> Доктор читает, кажется, 4 лекции в Ст<окгольме> и *курс* в Христиании, а там — до Мюнхена)[9].

Все эти месяцы жили с надеждой, что после Гааги[10] едем месяца <на> 2—3 в Боголюбы до Мюнхена, и почти не сомневались, что Доктор пустит. А тут случилось неожиданное. 15 февраля

были у Доктора и сказали ему о наших проектах[11], а он улыбнулся и сказал: «*Ну, это будет видно через 3 недели*»... Теперь у нас свидание 6—8 марта, тогда Доктор и решит, можно ли нам ехать. Это, признаться, меня удивило: я думал, что отъезд — решенная вещь; теперь же мы до 8 марта ничего не знаем[12]. Дело в том, что мы с работой у Доктора застряли в таком месте, *где не всегда* можно уехать; зашли дальше, чем следует, в одном смысле, и *не дошли* до какого-то пункта в другом; и теперь «*ни здесь, ни там*»... Доктор невероятно близок. С Берлина он стал какой-то особенно мягкий и близкий: впрочем, говорят, он такой кажется для всех, кто начинает ощущать свою реальную связь с ним. Он как-то благословляет нашу дружбу и близость с Пульман, которая для нас все больше и больше значит, хотя уже с Кёльна мы не видались[13]. У Доктора есть какой-то план: он чего-то выжидает и принял какое-то решение о нашей группе (Эллис, мы, Пульман). По той взаимной близости, которая устанавливается у Пульман к Трапезникову, я жду чего-то: какого-то значения ее для какого-то кружка (контуров этого кружка не вижу еще).

Ужасно странно мы себя чувствуем: в одном смысле крепко и бодро, в другом смысле *плохо* и в невыразимой тревоге. Думаю, что и «*плохо*», и «*тревога*» в порядке вещей. А все-таки чувствуешь себя на перепутье; от старого (не в смысле убеждений) отошел, *новое неохотно* пускает к себе.

Милый Алеша, скажи Мише, что благодарю его за письмо: скоро отвечу; не отвечал по тем же причинам, что и Тебе. Теперь скоро напишу.

Да, кстати: получил письмо от Бородаевского (жалуется, что «*Мусагет*» не ответил ему на просьбу сообщить мой адрес); Бородаевский по-серьезному рвется к Доктору (не так, как Бердяев)[14], а по-*внутреннему*: прочел «*Wie erlangt man*»[15] и решил искать пути у Доктора. Я ему ответил подробно о маршруте Доктора, советовал ехать в Гельсингфорс, а для справок по поводу курса (у Вас же будут *нити*, куда ехать, адрес ложи и т.д.) дал адреса: Твой и Григорова. Вы его осведомите, если будет проситься: Бородаевский подлинный человек.

Да, еще: Морозова мне 2 месяца назад написала вопрошающее письмо; несмотря на то *что мне не было времени*, я ей ответил громадным, обстоятельным докладом[16], прося ее ответить, с чем согласна, с чем несогласна. Она — ни звука. Это уже недели-

катно относительно меня. Видит, что человек делает для нее огромное усилие, и принимает это как должное...

Ну Христос с Тобой, милый друг. Ася целует. Любящий Тебя

Б. Бугаев

О Беме постараюсь[17].

Отправлено по адресу: Арбат. Малый Власьевский пер., д. 3. Почт. шт.: Berlin. 27.2.13; Москва. 17.II.1913 и 17.2.13.

[1] Неизвестное нам письмо.

[2] Терещенко Михаил Иванович (1886—1958) — сахарозаводчик, финансист, владелец (вместе с сестрами) издательства «Сирин»; в 1917 г. министр финансов, затем министр иностранных дел Временного правительства. 15/28 ноября 1912 г. Блок писал Белому: «В Петербурге основывается новое большое книгоиздательство — "Сирин". Во главе его стоит М. И. Терещенко, человек очень милый и скромный, глубоко культурный и просвещенный. <...> М. И. Терещенко поручил мне просить Тебя прислать *Твой новый роман* для того, чтобы издать его отдельной книгой, или включить в альманах» (*Белый — Блок*. С. 474). Между 19 и 21 января/1 и 3 февраля 1913 г. Белый познакомился с ним в Берлине.

[3] С 2 по 7 февраля (н. ст.) 1913 г. в Берлине проходил одиннадцатый съезд немецкого отделения Теософского общества, на котором было принято решение об официальном учреждении Антропософского общества. 2—3 февраля состоялось учредительное собрание нового объединения: «...к февралю был в Берлине съезд членов: и было открытие антропософского общества; восемь-девять дней длился он; обсуждали дела и выслушивали доклады, курс Штейнера» (*Рудольф Штейнер*. С. 662).

[4] «...начинаю чувствовать все большее и большее тяготение и любовь к М. Я. Сиверс; ее доброе, внимательное отношение к нам проявляется все больше и больше» (*МБ*, запись о феврале 1913 г.; *Андрей Белый и антропософия 6*. С. 348).

[5] Имеются в виду люди, связанные с издательством «Путь». См.: *Голлербах*.

[6] Письма, о которых Белый пишет, по-видимому, до нас не дошли. О других см.: Н. А. Бердяев об антропософии. Два письма Андрею Белому // Новый журнал (Нью-Йорк). 1979. № 137. С. 118—123; Н. А. Бердяев. Письма Андрею Белому / Публ. А. Г. Бойчука // De Visu. 1993. № 2(3). С. 12—23.

[7] С 28 мая по 5 июня (н. ст.) 1913 г. в Гельсингфорсе Штейнер читал курс из девяти лекций «Оккультные основы Бхагавадгиты». «Отправляемся в Гельсингфорс; оказываемся в одном поезде с Бердяевым и с В. В. Бородаевским; оказывается: Бородаевский стал членом А. О.; и тоже едет на курс Штейнера; в Гельсингфорсе мы встречаемся с рядом русских из Москвы и Петербурга, приехавших на курс: из Петербурга приехали, между прочим: О. Я. Сиверс, Форсман, Леман, Е. И. Васильева (Черубина де Габриак), Н. Н. Белоцветов, Брюллова, К. Н. Васильева, П. Н. Васильев, В. Н. Васильев, сестра Ван-дер-Паальса с мужем и ряд других; из Москвы приехали: А. С. Петровский, М. И. Сизов, Наташа Поццо, А. М. Поццо, Григоровы, Христофорова, Машковцев, В. Ф. Ахрамович, Шенрок и др.» (*МБ*, запись о мае 1913 г.; *Андрей Белый и антропософия 6*. С. 352).

[8] Благодаря хлопотам А. А. Блока Белый вступил в переговоры с руководителем издательства «Сирин» М. И. Терещенко относительно передачи рукописи «Петербурга» для опубликования и продажи собрания сочинений: «...А. А. Блок сватает мой роман "*Петербург*" для альманахов К-ва "*Сирин*" <...> Я спешно доканчиваю переработку первых 5-ти глав и отсылаю в Петербург; если роман принят, то я

обеспечен: могу остаться при Штейнере и год, и больше; если же не принят, то — придется ехать в Россию; <...> В такой неопределенности я томлюсь весь февраль; <...> Начало месяца <марта> протекает все в той же неопределенности: деньги приходят к концу, а ответа от "*Сирина*" — нет; <...> накануне отъезда получаем телеграмму от "*Сирина*": "*Роман — принят*". А это значило для меня: ежемесячное получение аванса в 300 рублей, т.е. 1 ½ —2 года безбедного существования. Мы — ликуем; но — все-таки: решаем на весну и лето уехать в Боголюбы» (записи о феврале и марте 1913 г. в *МБ*; *Андрей Белый и антропософия 6.* С. 349—350). Белый получил телеграмму от Блока 25 февраля/10 марта (*Белый — Блок*. С. 498). На следующий день вместе с А. А. Тургеневой он уехал из Берлина в Россию, в Боголюбы.

[9] После окончания курса лекций в Гельсингфорсе (см. примеч. 7) Штейнер провел 8—10 июня в Стокгольме, а Белый и А. А. Тургенева вернулись в Петербург и оттуда в Демьяново и Боголюбы. 31 июля/13 августа уехали из Боголюбов в Мюнхен (через Дрезден), где с 24 по 31 августа они прослушали курс из восьми лекций Штейнера «Тайны порога». С 1 по 6 октября (н. ст.) 1913 г. в Христиании они прослушали курс из шести лекций Штейнера «Из хроники Акаши: Пятое Евангелие».

[10] «...между тем — обнаруживается: в марте Штейнер читает в Гааге курс: "*Влияние оккультного развития на тела*". Мы рвемся в Гаагу, заказываем себе билеты на курс в надежде, что "*Сирин*" примет "Петербург", а "*Сирин*" молчит» (*МБ*, запись о феврале 1913 г.; *Андрей Белый и антропософия 6.* С. 349). С 20 по 29 марта (н. ст.) 1913 г. в Гааге Штейнер читал курс из 10 лекций «Какое значение имеет оккультное развитие человека для его оболочек и для его Я». Белый и А. А. Тургенева на нем не присутствовали, поскольку уже были в России (см. примеч. 9).

[11] См. запись Белого в перечне «Свидания с Доктором»: «1913 год. <...> 8-*ое свидание.* 15 февраля. Краткое. Разговор о поездке в Россию и об Асе. Доктор присоединил нечто к медитации» (*Андрей Белый и антропософия 9.* С. 472).

[12] «Мы идем советоваться с д-ром Штейнером, что нам делать; он как бы благословляет нас ехать в деревню в случае, если дела не устроятся. <...> мы уже берем билеты в Луцк и идем прощаться с доктором; он ласково успокаивает нас; и говорит, чтобы мы стремились мысленно вернуться; и тогда все препятствия падут; и мы — вернемся. Штейнер мне между прочим говорит: "За эти месяцы вы вашей медитативной работой и вашими оккультными узнаниями заложили себе прочный фундамент для будущего развития; смотрите на опыт этих месяцев как на введение к тому, чтобы стать внутри *пути.* Когда вы снова ко мне вернетесь, то мы прочно поработаем с вами"... Мы прощаемся с доктором, с антропософами» (*МБ*, записи о феврале и марте 1913 г.; *Андрей Белый и антропософия 6.* С. 349—350).

[13] Белый вспоминает о январе 1913 г.: «...у нас вечером <в Кельне. — *Дж. М.*> сидели: Эллис и Поольман-Мой; я показывал Поольман-Мой мои схемы, в красках (Человек-Храм); мы незадолго записались все в образовавшееся А<нтропософское> О<бщество>, выйдя из Т<еософского> О<бщества> вместе с Штейнером» (*МБ*; *Андрей Белый и антропософия 6.* С. 346). Из Кельна Эллис и Поольман-Мой уехали в Италию.

[14] Бородаевский Валериан Валерианович (1874 или 1875 — 1923) — горный инженер, поэт, принадлежавший к окружению В. И. Иванова; антропософ (см. примеч. 7); в 1917 г. комиссар Курского губернского земства.

[15] «Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten?» (1904; «Как достигнуть познания высших миров» [автор. перевод, 1918]) Р. Штейнера.

[16] Это письмо опубликовано; см.: *Андрей Белый и антропософия 6.* С. 417—440; *Ваш рыцарь.* С. 231—257. В своих воспоминаниях о Белом М. К. Морозова пишет: «Я

ужасно сожалею, что я хотя очень скромно и осторожно, но также выражала свои сомненья <о Штейнере. — *Дж. М.*>. Б. Н. в ответ на мои сомненья писал мне бесконечные письма <...> Я теперь перечитывала эти письма с глубокой грустью о том, что он не жалел своих нервных сил на эти письма, притом, что ему было так много работы, будучи у Штейнера. И еще я особенно сильно сожалею о том, что все любившие Б. Н. друзья, к которым я и себя причисляю, зная его чуткую, нежную, ищущую Света душу, не откликнулись на его порыв по отношенью к Штейнеру» (*Андрей Белый в поисках.* С. 154).

[17] По-видимому, в неизвестном нам письме Петровский попросил Белого достать ему лекцию Штейнера о Якобе Бёме. 9 января (н. ст.) 1913 г. он выступил в Берлине с публичной лекцией «Якоб Бёме» (см.: Lindenberg Christoph. Rudolf Steiner: eine Chronik. 1861—1925. Stuttgart, 1988. S. 328).

98. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Берлин. Вторая половина февраля / начало марта 1913 г.

Дорогой Алеша![1]

Пока я, ничего не подозревая и только смутно тревожась (на основании *прежнего опыта*), писал Вам о Genes. Vers., над нами стряслось ужасное недоразумение, ввергающее нас в чрезвычайные сложности.

Но, не желая быть «*психологическим*», подведу несколько итогов тому, что было с нами в 1912 и 1913 годах.

I. *История № 1.*

В 1912 году в начале февраля Э. К. Метнер пишет мне из-за границы, что если «*Русская Мысль*» меня подведет, то 1) или «*Мусагет*» издаст «*Петербург*», 2) или я могу продать «*Петербург*» той фирме, которая больше даст; и писал: «*С "Мусагетом" не беспокойтесь: советую Вам выгоднее продать Ваш роман...*»[2].

Это пишет Метнер в 1912 году в феврале из Аббации. Через неделю «*Русская Мысль*» возвращает мне рукопись. Через две недели у меня *три выгодных* предложения (денег же ни гроша), касающихся романа, но В. И. Иванов возбуждает к жизни *для моего романа* «*Петерб<ургский> Вестник*»[3]. Для осуществления этого последнего надо, чтобы Москва достала 6 тысяч*; найдись эти деньги, «*Вестник*» *тотчас* покупает роман. Вызванный в Петербург Э. К. Метнер утверждает, что, может быть, деньги будут;

* *В автографе*: 6000 тысяч.

3 предложения мне все еще имеют место, а мне деньги нужны. ***Не*** Метнер, ***но*** В. Иванов просит меня отклонить предложения до *выяснения* вопроса о том, достанет ли денег Москва; я обещаю это «*Петербургскому Вестнику*» (не «*Мусагету*»). В свою очередь В. И. Иванов просит Э. К. Метнера обеспечить меня 1) до выяснения вопроса о «*Вестнике*», 2) и вообще, если «*Вестник*» не состоится. Э. К. Метнер в присутствии и меня и В. И. Иванова говорит: «Э, разумеется... Может ли быть речь об этом»... Полагая, что отношения наши интимны<е> и дружеские, мы, конечно, не обсуждаем условий этого обеспечения (очень жаль — надо было это сделать), ибо мне неловко. Характер обеспечения остается мне неясным, но... могу ли я сомневаться?.. Э. К. уезжает в Москву. Я приезжаю неделей позднее. Проходит неделя, проходит вторая (денег *еще* у меня нет). Я получаю снова напоминание о предложении мне со стороны «*Издательства Писателей*»... Тогда я робко заговариваю с Э. К. Метнером, можно ли надеяться на 6000 «*Вестнику*» (ведь тут для меня *кровный, не терпящий* отлагательства вопрос). Э. К. Метнер с холодной и чисто официальной презрительностью, столь свойственной ему в последнее время (временами), мне отвечает, что никаких *6000* нет и *не будет* (почему он этого не заявил 1) в Петербурге, 2) тотчас по моем возвращении в Москву — Бог его ведает); такой ответ равносилен полному моему *банкротству*, о чем не соблаговолил вспомнить Э. К., сквозь зубы процеживая свое «*нет*». Это *холодное беспамятство* по вопросу, от которого я зависел, поразило меня настолько, что слова замерзли у меня в горле и я *ничего не ответил*, ибо был слишком изумлен... (Помнится, что я многим говорил тогда, что «*Мусагет*» мне устроил нечто, равнозначное «*Русской Мысли*», ибо для «*Вестника*» я отклонил предложения, ничего не имея за душой. Но из фразы, *процеженной сквозь зубы*, явствовало, что «*Вестник*» рушится и я от обещания В. И. Иванову (заметь, ***не*** Метнеру) свободен. Я понял, что ждать мне от Э. К. Метнера по поводу романа нечего: оставалось *сызнова* ехать в Петербург и *сызнова* через литературные связи завязывать сношения с издательствами (на что было нужно время и деньги: ни того, ни другого у меня не было — я выпускал № 1 «*Трудов и Дней*»)[4]...

Тогда я получил телеграмму от Некрасова[5], с которым увиделся за 2 дня до отъезда; и таким образом ранее, не желая возбуждать шума, не хотел ничего и говорить (когда получишь 25 щелчков, то 26-ое предложение вызывает в душе лишь представление

о 26-ом щелчке и *нет радости* заранее оповещать о щелчке). После свидания с Некрасовым я виделся с Метнером (в присутствии Тебя) накануне отъезда[6]; говорить о романе *при прощании* мне не хотелось, ибо мне пришлось бы прежде всего *пенять* Э. К. его эгоизм <так!>, его бессознательный подвох меня с «*Вестником*» (впоследствии Э. К. Метнер мне поставил в вину мою якобы неискренность[7], а тут было нежелание мое бередить *рану*, ибо ответ Э. К. Метнера был *раной*: я *за него* болел и был, кроме того, до глубины души обижен).

Через три недели я получаю письмо (в Брюсселе) *с грубым обвинением чуть ли не в мошенничестве с романом*[8]. И что главное: в Москве распространилась ложная версия о моем обмане «*Мусагета*». Но «*Мусагету*» я 1) *слова не давал*, 2) имел *carte blanche* от Метнера продавать роман (письмо из Аббации), 3) все дело сводилось к якобы *несдержанию* слова В. Иванову (тем не менее в Москве, не зная сути дела, *меня ославили* (да, это так-с!) *перед всеми, распространяя фабулу* (теперь выясняется, что *ложь* эта сообщалась О. П. Костычевой[9], Христофоровой, Волошиной — кто был клеветник, не знаю, но <по> приезде в Москву отыщу) об обмане «*Мусагета*»: сегодня эту фабулу вновь услышал от Кл<еопатры> Петр<овны> Христофоровой[10].

Итак, я был обязан словом лишь «*Вестнику*» и В. Иванову.

Но «*Вестник*» мог состояться при условии 6000, добытых Метнером. А Метнер презрительно-небрежно мне изволил заметить: «*Какие там 6 тысяч?*»

Следовательно: обещание «*Вестнику*» падало, ибо самого «*Вестника*» не оказывалось вовсе. И *вступали мои права продавать роман* (после чего я и получил тел<еграмму> от Некрасова).

Я с негодованием отверг Метнеру обвинение в *обмане*, да и Метнер в дальнейших письмах уже не пишет об обмане «Мусагета», но лишь касался нарушения обязанности перед Ивановым (в Москве же все продолжали старую песню). В Базеле я имел беседу с Ивановым и на вопрос, нарушил ли я обещание ему, я услышал категорическое «*Нет, не нарушил*»; этим словам свидетельница *моя жена*, которая, как кажется, не отличается лживостью (и которая *au courant** всего, ибо читала письмо из Аббации Метнера). Да и историю с романом Метнер в письмах впоследствии *затушевал* (но друзья не постарались исправить ложное мнение обо

---

* В курсе (*фр.*).

всем этом), придираясь к каждой мелочи моих выражений, не понимая вовсе, что *затушевать* мало, а надо извиниться, обвинив человека *в позорном поступке несправедливо*. Метнер не понял, что имеет дело с нáсмерть несправедливо оскорбленным человеком, который еще более оскорбился тому, что друг его, *уйдя на попятную* в вопросе о романе, тотчас же с одинаковой *злостью* начал выдвигать уже вовсе мелочи и т.д.

Но я повторяю: через 10 лет я буду повторять. В вопросе с романом меня ославили на всю Москву, не извинившись и не принимая во внимание моих фактических поправок.

А сегодня, через год, я услышал от Кл<еопатры> П<етровны> Христофоровой *ту же версию об обмане* с романом. Ту же версию передавала и О<льга> Павловна Костычева*. Инцидент с романом для одних оказался *досадным недоразумением*; для других все свелось к *«кто их разберет»*. Для меня же *досадного недоразумения не было*, а было:

оскорбление.

Оскорблением это вожглось в душу так, что сейчас, как и год назад, как и через 10 лет, мысль о случившемся преисполняет *душу мою негодованием.*

Это я называю: *история за № первым.*

II. История № 2.

Эта история есть *недоразумение* с Эллисом; возвратясь из Христиании, Эллис застал двух людей (разного общественного положения: *рабочего* и *интеллигента*), одинаково возмущенных поступком с Эллисом здесь за день *кричавшего во все горло* Э. К. Метнера о неисправностях перевода «*Вагнера*» (это Зейделю-то!)[11] и о том, что «*Мусагет*» Эллису высылать не может. Такой поступок *без предупреждения вовремя* с больным, прикрепленным к месту человеком показался мне чудовищным. Мы два дня проболели с Асенькой судьбой Эллиса в «*Bois-le-Roi*» (помнишь: мое «сумасшедшее» письмо и твой *благородный* ответ?)[12].

Оказалось, что *поступок тот — недоразумение.* Но что-то тут мне неясно: два свидетеля Азарх и Зейдель — зачем им лгать? При мысли о *тех трех днях* Эллис становится больным еще теперь.

---

* Когда я ей разъяснил, как было дело с романом, *она удивлялась, что в первый раз слышит. Спасибо* друзьям, не потрудившимся вникнуть в мое разъяснение! (*Примеч. Белого*).

Как бы то ни было: человека *промучили*, никто не извинился, да еще: Эмилий Карлович уведомил Эллиса, что письма *его не будет распечатывать*. Оно, конечно, недоразумение, но *недоразумение*, никого кровно не коснувшееся в Москве и кровно коснувшееся Эллиса (как и со мною: то, что я 2 месяца был болен от обиды в Брюсселе, это не приняли во внимание; но с *легкостью* распространяли *лживое* известие, будто я обманул (в чем это?) «*Мусагет*», вопреки моему коллективному письму, излагавшему факты.

Наконец, история № 3.

6 месяцев тому назад в итоге поездки В. К. Кампиони выяснилось состояние моего имения (оно лет через 5 будет стоить 30 000), невозможность его продажи теперь, невозможность его залога в *банки* и сложный план залога его у Вл<адимира> Константиновича[13], причем нам освобождалось тысяч 8; из них часть шла на уплату долгов («Мусагету» и Блоку)[14], часть на спокойное прожитие, хотя бы год. Уже тогда мы знали, что Доктор поручает нам *крепкие* упражнения, могущие вдали от него осложниться нервным заболеванием и т.д. Т.е. мы знали, что, *пока* не пройдем известного куска пути (*Schulung'a*)*, нам небезопасно уехать; в возможность заклада мы верили; и до декабря жили надеждой, что к 1-ому февралю уже будем получать порции *заклада*. В декабре все это рухнуло (ибо *война* испортила дела Вл<адимиру> Константиновичу, а он не мог взять в залог имение)[15]: мы остались в перспективе ужасной; за плечами долги, неоткуда достать ничего, гибельность отъезда от Доктора *теперь* (может быть возможность вернуться через 8—9 месяцев, *но не теперь*: Тебе как оккультисту должны быть понятны *такие случаи*, они — есть, и *они* в данном случае *имели место с нами*); эта усталость жить вечной тревогой (от месяца до месяца) при *огромной* работе Доктору, работе над романом и громаднейшими планами ближайших писаний «*Трилогия Антихрист*»[16], «*Невидимый Град*»[17] и т.д., наконец, крах всех надежд — все это породило мою тихую жалобу Ахрамовичу, что я сейчас в положении Ибсена, когда он взревел уже после Бранда к норвежскому королю, что если ему не помогут, ему навсегда придется бросить литературу (и это — так: я или напишу огромные полотна, или навсегда замолчу[18], ибо «*жидкам*» писать «*фельетончики*» и не могу, и не хочу: лучше буду сажать капусту). Тут

* Обучение, учение (*нем.*).

же я получил (письма скрестились) первые известия о «*Сирине*» и о том, будто я уже все знал и будто Блок мне писал, но я *ничего* еще не знал и Блок *ничего* еще пока не писал[19].

Так началось с «*Сирином*».

Вскоре одновременно получаю и милое письмо от Блока[20], и *милое, великолепное* письмо от Э. К. Метнера, в котором Метнер меня укоряет, что я печальное признание делаю Ахрамовичу, а не ему (ведь с ним же мы были в вооруженном молчании)[21]. Это письмо прорвало плотину.

Тогда я повторил ему то, что уже сказал Ахрамовичу[22] и сказал, что к 1-ому февралю *ни гроша ниоткуда*, что это так безнадежно, что даже негде денег искать. В ответ на это письмо я получаю из Москвы ряд известий о продаже собр<ания> сочинений «*Сирину*»[23] и письмо от Блока о романе и «*Пут<евых> Заметках*»[24] (заметь: не *собрание сочинений — собрание сочинений* шло из Москвы).

Но не в этом дело, а в том, что Э. К. благородно просит меня ни о чем не беспокоиться, уверяя, что *во что бы то ни стало переходные месяцы* они устроят как-то <и> что с «*Сирином*» устраивается что-то уж слишком благополучное (я не верил[25], я хотел бы лишь уверенности пока что, что 1-ое марта и 1-ое февраля было бы обеспечено); далее Э. К. уверяет меня, что я буду получать за продажу собрания сочинений помесячно 333 рубля[26]; это, признаться, меня выручало; я не знал всех условий переговоров, но думал, что если бы хотя бы 8 месяцев отдохнуть от тревоги за завтрашний день, то за эти 8 месяцев я от одного нервного спокойствия не только *успешно* пройду у Доктора, но и примусь за «*Невидимый Град*» (а выходило, что я чуть ли не на год обеспечен).

Я все время не верил. Асенька стыдила меня и говорила, что если Э. К. пишет «*не беспокойтесь*», то их нравств<енная> обязанность или вовремя предупредить, что денег не будет, или вовремя высылать (ведь все же Вы знаете, на что мы живем и как мы живем: неужели же друзья — много друзей, — зная критические числа 1-го февраля и 1-го марта, не вспомнят и не уведомят). Хорошо.

Тем временем *здесь* образуется сложнейшая сеть из сроков, чисел (за месяц вперед мы платим: 1-го марта, должны внести 130 марок, чтобы, бесцельно бросив эти деньги, бежать в деревню); наконец, Гаагский курс, касающийся нас прямо, «Оккультные работы в отражении на физич<еском>, эф<ирном> и астр<альном> теле»[27]... (вопрос слишком для нас кровный — Ты знаешь,

Алеша!). Кроме того. 15 февраля (н. ст.) Доктор нам говорит: «Вы будете в Гааге?» — «Да», отвечаем. «Можно ли Вам уехать *теперь* в русскую деревню, я скажу через три недели, Вас посмотревши» (и уезжает до 6-го марта н. ст.)[28].

Далее:

Еще до свидания с Доктором за полтора месяца я пишу: «Как с "*Сирином*"? Получу ли я деньги, если с "*Сирином*" запоздает или не наладится?»[29]

Вместо ответа получаю 333 рубля (т.е. та порция, которую *де* обещал «*Сирин*», по словам Э. К.), но получаем из «*Мусагета*»[30]. Ася говорит: «Успокойся: это они потому посылают такую странную порцию, чтобы впоследствии легче сосчитаться с "*Сирином*"». Я все-таки до определенного письма ничему не хочу верить.

За полтора месяца я послал 5 умоляющих писем *заранее* известить точно: получу ли 15-го марта н. ст. (1-го марта русского) 300 рублей, из которых мы едем на *Гаагский* курс и далее прямо из *Гааги* в Боголюбы (в отпуск, где буду кончать 7-ую главу романа), если Доктор пустит. Два письма *только деловые*, 3 — *с мотивацией пространной* (2 дня потратил на эти 2 письма)[31], почему именно своевременный ответ в 20-х числах февраля н. ст. нам нужен, ибо все у нас так сошлось, что запоздание ответа с «*нет*» или запоздание денег нас буквально сажает (и уже посадило), что еще в декабре я волновался именно об этих числах, и хотя меня 2 ½ месяца тому назад успокоили, тем не менее боюсь «*недоразумений*».

И что же?

Около 26 февраля письмо от Метнера, где ни «*да*», ни «*нет*», но неопределенное «*не беспокойтесь*»[32]. Признаться, я от этого «*не беспокойтесь*» забеспокоился более, чем от резкого «*нет*», будь оно вовремя послано. «Недоразумением» запахло в воздухе, как пахнет дождем под тучею (этот запах «*недоразумения*» мною давно изучен). Ну и конечно:

Около 26 февраля — «*не беспокойтесь*», а 1-го марта получаю письмо[33], где опять-таки ни «*да*», ни «*нет*», но... стоит фраза «*ваши толстенные письма все еще не удосужился прочитать*» (а ведь там всё только мольба *вовремя* уведомить и мотивация, почему от этого зависит для нас всё, всё...). Далее, там стоит фраза: «С "*Сирином*" *что-нибудь, может, и выйдет*», т.е. как это так, если «*может быть*» и «*и*»... Почему же меня заверяли эти 2 месяца: «успокойтесь»? Наконец (что самое главное), «*никому аванс абсолют-*

но невозможен», не то, что «*1-го марта* ст. ст. Вы денег не можете получить», а неопределенное, многосмысленное и не без «*нет*»[34]... «Никому (т.е. х'у, у'у, z'у)... гонорар невозможен»...

Ну и вот. Времени справляться письменно, подхожу ли я, Борис Бугаев, под неопределенную категорию «*никто*» или нет — этого времени уже нет: остается, бросив все на произвол и под знаком вопроса (вещи оставляем здесь на складе), вопреки планам, лелеемым 1 ½ месяца, сложной сети приготовлений, с матерьяльным ущербом для себя (130 брошенных марок) и главное — вопреки, быть может, самой возможности, навстречу недомоганиям, «нападениям» и пр. лететь в Россию — неизвестно зачем, неизвестно на сколько, неизвестно куда (ибо вдруг «*Боголюбы*» переполнены народом?).

И все это оттого, что вопреки моим «*вопиющим*» письмам 3 месяца назад, вопреки 5 письмам теперь и *мольбам* не подводить (именно благодаря, быть может, мольбам) нас посадил Э. К. Метнер в лужу с тою же холодной невинно-презрительной (не то невинной, не то явно торжествующей) миною, с какою он в марте 1912 года сказал мне после того, как я не вступил в разговоры с «*Шиповником*» для «*Пет<ербургского> Вестника*»: «Какие там 6000?»...

Словом, явление обычное: *недоразумение*, как с Эллисом в июне, как с фабулой о моем обмане в *марте*... Алеша, а ведь мы от этого недоразумения *горим*, уже 3-ий день сами не свои. Растерянно рассылаем письма, стараясь, чтобы тон их был необиден. В Москве же скажут: «Андрей Белый скандалит... Нервный человек... И чего это он?.. Сидел бы смирно...».

Но довольно лирики. Письмо Э. К. Метнера может быть прочитано лишь единственным способом: первого марта денег — не получите. «И вообще не понимаю, чего Вы ждете? Разве "*Мусагет*" обязан Вас содержать?»

Знаю, что не обязан, да и не обращался к «*Мусагету*». Весь сыр-бор загорелся из-за личного интимного письма моего Ахрамовичу 2 ½ месяца назад.

Я и ни на что не претендовал.

Но после 2-месячных обнадеживаний, заверений, «интимных» писем такая перемена тона, такое ужасающее и будто нарочно, с расчетом равнодушное подведение нас — вряд ли может быть названо *недоразумением*, а если и недоразумением, то очень

странным, нарушающим элементарную житейскую технику, но, к ужасу моему, характерным и хроническим для Москвы.

Чем наша история отличается от «*недоразумения*» с Эллисом? «*Недоразумение*» это тогда взволновало и Тебя, и нас. Те же необъяснимые, ничем не оправдываемые симптомы. Только оно еще хуже: от него страдают не один человек, а двое. Я за себя не боюсь, но за Асю я безумно волнуюсь.

Куда мы едем? На что? Зачем? Бог весть...

Милый друг, я прошу Тебя помнить, что пишу без раздражения, волнения — пишу холодно, но пишу, так сказать, «*ритуально*» и прошу Тебя сохранить в целостности это письмо. Мне оно может понадобиться (может быть, через месяц, может быть, через год, может быть, через несколько лет). Сейчас же я *очень прошу его спрятать*, беречь и по просьбе моей его вернуть.

Обнимаю Тебя, милый друг. Хотел бы писать о «*нашем*», но... до другого разу (а то, право, я слишком взволнован эти три дня).

Борис Бугаев.

P. S. Вопрос о моем *обмане* с романом по возвращению в Москву я подвергну обсуждению и попрошу писаной резолюции, что я не *обманывал*, ввиду смахивающего на *клевету* общего мнения, что я «*Мусагет*» обманул.

P. S. На каком основании Ольга Павловна Костычева полагала, что я «*Мусагет*» обманул с романом? Кто мог ее посвятить в эту *лживую* версию? И что на это скажет М. И. Сизов? Ведь я же писал факты (в коллективном письме)? Ведь я же могу — и сделаю это — с письмами в руках и со свидетельскими показаниями *до-ка-за-ть*, что я «*Мусагету*» не обязывался сохранить роман, а обязывался Иванову. ***Все это я уже писал***, но друзья *не считались с моею поправкой, не препятствовали распространению ложной версии о нарушении обязательства* (свидетели Христофорова, Костычева и т.д.), пользуясь невозможностью моей (отсутствием) доказать это хотя бы на третейском суде...

Иного слова нет: *меня ославили*...

P. P. S. Все это я пишу не для того, чтобы выставиться. Насколько я *виноват* в другом, своем, внутреннем (куда я других не пускаю), я знаю: знаю, какой тернистый путь очищения и покаяния мне предстоит.

Но: даже в суде человека судят за то, что он совершил; и *скупца* судить не будут за кражу часов. Если обвиняешь, то и форму-

лируй точно обвинения; может быть, я много наделал тяжких грехов, но относительно «*Мусагета*» чист, и право мое, будь я хотя бы преступник, говорить «*нет*», если обвинение падает мимо меня. Доктор — «оккультист», но и он нападает на Безант[35] как просто человек, ибо в этом его долг.

И если я защищаюсь, то не от самомнения, а во имя «*гражданского права*» моего сказать «*нет*», если действительно «*нет*», и «да», если действительно «*да*».

Над текстом письма приписка Белого: Прошу *внимательно* прочесть и *сохранить* (мне письмо может понадобиться).

[1] Письмо было отправлено А. А. Блоку, а не Петровскому. 23 февраля/8 марта 1913 г. Белый писал Блоку: «Если б Ты знал, как мы с Асей безмерно, безмерно устали... — Москвой! <...> Столько несправедливостей, напраслин, почти *грубого непонимания* мы вынесли за этот год. <...> полтора года мы вечно тревожимся о завтр<ашнем> дне, и полтора года я выбарахтываюсь из ряда недоумений и недоразумений <...> Поэтому *прямо* посылаю Тебе письмо, ибо Алеше Петровскому посылать теперь его тщетно, и поздно» (*Белый – Блок*. С. 497).

[2] Неизвестное нам письмо.

[3] Предложения исходили от Е. А. Ляцкого, выражавшего готовность напечатать «Петербург» в журнале «Современник» (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 221—223), от петербургского «Издательского товарищества писателей», от издательства «Шиповник», а также от В. И. Иванова и Е. В. Аничкова, намеревавшихся тогда наладить издание нового журнала («Петербургский вестник»). В середине февраля 1912 г. Белый писал Э. К. Метнеру: «Иванов пытается <...> создать журнал. <...> нужен предварительный разговор с Вами» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 55).

[4] Первый номер «Трудов и дней», двухмесячника издательства «Мусагет», вышел в марте 1912 г. под редакцией Белого и Э. К. Метнера. Во время своего визита в Петербург в январе—феврале 1912 г. Белый активно искал сотрудников и материалы для этого номера (см.: *ЛН. Т. 92, кн. 3.* С. 390—391, 394—395, 397—398), фактически полностью перестроив его, чем, видимо, и вызваны слова о том, что он «выпускал» номер.

[5] В середине марта 1912 г. Белый передал рукопись написанных глав «Петербурга» (первоначальная редакция) Константину Федоровичу Некрасову (1873—1940). Публикация романа в ярославском издательстве Некрасова не была осуществлена.

[6] Имеется в виду отъезд Белого и А. А. Тургеневой из Москвы за границу 16/29 марта 1912 г.: через Берлин, Кёльн в Брюссель.

[7] См. п. 90, примеч. 4.

[8] Неизвестное нам письмо. Ответ Белого на него — см. п. 90, примеч. 4.

[9] Костычева Ольга Павловна — антропософка, участница строительства первого Гетеанума (*МБ*).

[10] «...приезжает в Берлин К. П. Христофорова, с которой происходят частые встречи» (*МБ*, запись о феврале 1913 г.; *Андрей Белый и антропософия 6*. С. 348).

[11] См. п. 91, примеч. 2.

[12] См. п. 90.

[13] Кампиони В. К. — лесничий, муж С. Н. Кампиони.

[14] 26 декабря (н. ст.) 1912 г. Белый писал Э. К. Метнеру: «Вот в каком я положении: у меня 3500 долга "*Мусагету*", долг Блоку 800 рублей, долг Морозовой 1100 рублей (покроется по выходе романа)» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 78).

[15] В письме к Метнеру от 26 декабря (н. ст.)1912 г. Белый сообщал: «4 месяца я жил надеждой, что залог у Вл. Кон. Кампиони даст мне право, расплатившись с частью долгов, морально отдохнуть от моей "*эмпирической воли*", подверженной действию холода, голода, чтобы, отоспавшись в покое, приняться за III-ью часть "Трилогии". Но <...> призрак войны: и налаженное дело рухнуло. Радость быть *независимым год*, радость, без которой я уже не могу работать (поверьте, это сериозно), обернулась в всю ту же "*Майю*", превратилась в "*пытку надеждой*"» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 78). Речь идет о первой Балканской войне между Балканским союзом и Турцией, начавшейся в октябре 1912 г. (см.: *Белый — Блок*. С. 479, 480).

[16] 26 декабря 1912 г. Белый сообщал Метнеру: «...передо мной встает моя 3-ья часть "*Трилогии*", "Трилогия: Антихрист" (драматическая: нечто меня преследующее меня <так> всю мою жизнь с отрочества, мое "*Hauptwerk*"); *пора ему приходит*. <...> И я решил. Или серьезно работать, или замолчать как писателю. <...> Если бы мне 2 или 3 года выплачивали бы право жить, я за это бы время написал и III часть "*Трилогии*", и Первую часть "*Антихриста*", и книгу стихов <...> в два бы года набежала большая книга стихов и Первая часть "*Антихриста*" (драма)» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 78). Драма осталась ненаписанной. «Конспект и детский набросок к ненаписанной мистерии» опубликован: *Belyj Andrej*. Antichrist. Edizione e commento di Daniela Rizzi. Dipartimento di Storia della Civilta Europea Universita di Trento. 1990. P. 9—90.

[17] «Невидимый Град» — третья часть трилогии «Восток или Запад», начатой «Серебряным голубем» и «Петербургом», в тех контурах, в которых она первоначально задумывалась, осуществлена не была. В ней были бы представлены «здоровые, возвышенные моменты жизни и Духа» (*Белый — Блок*. С. 470).

[18] Неизвестное нам письмо. Ср. письмо Белого к Метнеру от 26 декабря 1912 г.: «Далее: как Ибсен в эпоху создания "Бранта" <так! — верно: "Бранд">, доведенный до полного отчаяния нуждой, вопреки своей гордости возопил свое "*спасите меня*" норвежскому королю (в результате чего получил пенсию и стал работать над *Hauptwerk*'ами), так и я; подобно Ибсену, я заявляю — не Вам, не друзьям — а всем русским людям, или, вернее, никому (себе и пространству): "Я стою на рубеже: я хочу работать над большими полотнами. Мне надо отмыться от вечного страха завтра быть без гроша; <...> 2 года я должен быть обеспечен: это право мое, как человека" <...> Ибсен писал королю: "Ваше величество; несмотря на то, что моя драма '*Брант*' обращает на себя внимание, несмотря на свое призвание драматурга, я чувствую, что должен навсегда оставить свое призвание, если Вы не придете ко мне на помощь"... Так писал Ибсен. Я пишу не королю, не Эмилию Карловичу, не друзьям: Душою говорю я это себе» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 78). В письме от 10 марта 1863 г. Ибсен просил норвежского короля назначить ему годовую пенсию. Просьба была отклонена. В сентябре писатель получил скромную сумму от Академии на заграничное путешествие.

[19] 17/30 ноября 1912 г. Метнер сообщал Белому: «Вы получили от Блока письмо относительно Вашего романа. Имейте в виду, что факт основания издательства "*Сирин*" Терещенки первостепенной важности. <...> Мой искренний совет согласиться на предложение Терещенки, который, конечно, выкупит Ваш роман у Некрасова <...> Кроме того, "Мусагету" совсем уже не обидно будет, что Ваш роман печатается у Терещенки, т<ак> к<ак> это не маленькое издательство, конкурирующее с

“Мусагетом”, вроде Некрасова. <...> Теперь выслушайте, пожалуйста, мое мнение о том, как *Вам* следовало бы отнестись к дальнейшим (помимо романа) предложениям “*Сирина*”. Если Вы получите предложение издать *собрание Ваших сочинений*, то Вы дайте свое решительное согласие, но под тем непременным условием, чтобы “*Мусагету*”, по отн<ошению> к которому у Вас обязательства, был вполне возмещен наносимый тем ущерб. Напишите тогда Терещенке, чтобы он сам снесся с “*Мусагетом*” и по окончании переговоров уведомил Вас о сумме гонорара, который он может Вам предложить. <...> Прибавлю только, что 1) тогда и “*Пут<евые> Зам<етки>*” могут быть напечатаны у Терещенки; 2) *отдельно* ему стихов Ваших не продавайте и скажите, чтобы он обратился в “Мусагет”, т<ак> к<ак> Вы и стихи и симфонии уже обещали» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6). 7 декабря 1912 г. Белый ответил ему из Берлина: «О Терещенке, “Сирине” я ничего не знал; письма от Блока не получал (пять месяцев, как я не получал от Блока писем). Следовательно: все соображения о “*Сирине*”, моем участии или неучастии там преждевременны». (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 76). Письма Блока к Метнеру о новом издательстве и участии Белого в нем опубликованы: *Фрумкина Н. А., Флейшман Л. С.* А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру) // Блоковский сборник II. Тарту, 1972. С. 391—393. См. также: Неизданная переписка А. Блока и Э. К. Метнера / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 195—223.

[20] Письмо от 15/28 ноября 1912 г. (*Белый — Блок*. С. 474). См. п. 97, примеч. 2 и 8.

[21] Письмо Метнеру от 17/30 ноября 1912 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6). 22 декабря (н. ст.) 1912 г. Белый сообщал ему: «От А. А. Блока и от Вас слышал я о возникновении Книгоиздательства “Сирин” и о симпатичных заданиях этого издательства. От А. А. Блока, кроме того, получил я неофициальное уведомление о том, что К-во “*Сирин*” приглашает меня в число сотрудников. Мне остается благодарить К-во “Сирин” за внимание ко мне и согласиться. <...> я поручаю Вам, дорогой друг, вести за меня эти переговоры с руководителями издательства и даю Вам (как знающему меня, мои условия работы и мои литературные обязательства) — полную *carte blanche* на ведение всех переговоров с “*Сирином*”, как предварительных, так и деловых» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 77).

[22] Имеется в виду письмо Белого к Метнеру от 26 декабря (н. ст.) 1912 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 78).

[23] Например, письма Метнера от 18/31 декабря 1912 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6) и 4/17 января 1913 г. (Там же).

[24] 7/20 декабря Блок сообщал Белому: «Пока знаю, что “Сирин” берет и роман и “Путевые заметки”» (*Белый — Блок*. С. 478).

[25] 26 декабря 1912 г. Белый писал Метнеру: «“*Сирин*” хочет издать собрание моих сочинений: не верю; это опять “*Майя*”, как с имением. И пессимизм мой законен: он ограждает меня от разочарования. Разве уж если “*Сирин*” меня обеспечит на два года? Тогда есть чему радоваться; <...> Не верю» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 78). В ответ Метнер писал: «Никакой “Майи” тут нет, и Вы, конечно, будете надолго обеспечены. *Если* переговоры и подписание контракта затянется больше, чем на 1 ½ месяца, то “*Мусагет*” пока даст Вам еще взаймы» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 11).

[26] 18/31 декабря 1912 г. Метнер писал Белому: «...пока могу только Вам сообщить следующее, что с момента подписания договора Вы начнете получать свой гонорар ежемесячными взносами по 333 рубля в месяц, т.е. 4000 р<ублей> в год» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6). 8 января (н. ст.) Белый ему ответил: «1) Я согласен на

условия "*Сирина*" <...> 4) 333 рубля в месяц (как жалованье) меня выручает безмерно» (РГБ. Ф. 167. Карт 3. Ед. хр. 1).

[27] См. п. 97, примеч. 10.

[28] См. п. 97, примеч. 11 и 12.

[29] 29 января (н. ст.) 1913 г. Белый послал Метнеру «*чисто деловое письмо*», в котором сообщал: «Мы в Берлине до 15-го марта, т.е. до 2, 3-го марта по новому стилю. Далее нам *необходимо* <...> быть на курсе в Гааге, который продлится до 2-го апреля. После второго апреля мы месяца на 3 едем в Волынскую губернию отдыхать, работать до Мюнхена. <...> Теперь. Денег у нас ровно на 14 дней. 1-го февраля <...> мы должны сделать взнос за месяц (помещение); и после этого взноса у нас остается ровно до 15 февраля/2-го февраля ст. стиля. Как с Терещенко? И если с Терещ<енко> еще не улаживается, то... как вообще нам быть? В случае, если бы даже "Мусагет" мог помочь, то... все-таки: к 15 марту мы должны обладать суммой денег для 1) помещения сундуков в Берлине. 2) Для поездки в Гаагу. 3) Для взноса за слушание лекции <так!>. 4) Для обратного путешествия из Гааги в Боголюбы. Если возможно, выдвиньте все это Терещенко, чтобы по возможности нам определенно знать, а то, зная по прошлому опыту, какие неожиданные случайности возникают на почве запоздания на 2 дня денег, мы все время будем в полной неуверенности. 2) <так!> Милый друг, поскорее ответьте: как нам быть с февралем; ведь мы абсолютно в феврале без гроша; и достать не у кого; Терещенко так и не заезжал ко мне. Опять тревожусь. <...> Милый друг, напоминаю: сегодня 29 января нового стиля. 1-го февраля — платеж (120 марок). 15 февраля недельная плата за обеды и далее в буквальном смысле слова *ни гроша*. 15 февраля *нового стиля, а не старого*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 4). Белый повторил все это в письме к Метнеру от 31 января (н. ст.) (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 5). 5 февраля (н. ст.) он писал ему же: «через несколько дней (дней через 10) у нас — ни гроша» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 6). Содержание этих писем повторяется в посланиях Белого к Метнеру от 16 февраля (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 7) и «около 20-го февраля» 1913 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 8).

[30] Ср. письмо Белого к Метнеру от 20 марта 1913 г. (Боголюбы): «Я написал в "*Сирин*" о возвращении 333 рублей февральских <так!> "*Мусагету*"» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 12).

[31] См. примеч. 29.

[32] Неизвестное нам письмо. Белый ответил на него 24 (не 26) февраля 1913 г. «Спасибо Вам за письмо. Отвечаю лишь сухо и деловым образом (лично напишу скоро). <...> Вы напрасно думаете, что мы сидим в Берлине по своей охоте. Тут все большие сложности. На основании двух больших моих писем Вы знаете 1) без разрешения Доктора в Боголюбы мы не поедем. 2) Доктор пока что сказал *надвое*. Ранее 8 марта мы не узнаем, можем ли мы уехать. 3) Курс в Гааге очень, очень важный. 4) Пока надежда на "*Сирин*" не потеряна, мы не можем, нарушая все стремительно, броситься в Боголюбы (быть может, вопреки желанию Доктора). *Голландия*, свидание с *Доктором* — не глупости. Из всего же этого вытекает: чтобы попасть в *Гаагу* и из Гааги в Боголюбы, нам нужно минимум 250 рублей 1-го марта. <...> Деньги нам нужны лишь к первому (русскому) марту. Денег этих мы ниоткуда не можем достать, кроме "*Сирина*" или "*Мусагета*". <...> нужно, чтобы мы знали это *немедленно, теперь же* <...> Вот корень моего беспокойства» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 9).

[33] Неизвестное нам письмо. Ответ Белого см. след. примеч.

[34] 1 марта (н. ст.) Белый писал Метнеру: «В предыдущем письме Вы писали: "Ну чего Вы волнуетесь"... А в сегодняшнем письме 1) "*Сирин*" требует всю рукопись, 2) Некрасов *не дает* и грозится, 3) выяснились... обстоятельства "*Мусагета*" и

дальнейший аванс никому абсолютно немыслим. В предыдущем письме Вы писали: "Ну чего Вы волнуетесь...". А я волновался ужасно — и писал ровно месяц тому назад о *первом феврале* и *первом марте* <...> Я писал о *Гааге* и 1-ом марте 1) *в письме*, которое разошлось с Вами, когда Вы уехали в Петербург, 2) в первом (большом письме), 3) во втором большом письме, 4) в небольшом (не заказном письме). Во всех этих письмах *я выяснял* необходимость 1) знать о том, могу ли я 1-го марта получить деньги, 2) могу ли об этом я знать заранее, 3) о том, чтобы Вы решительно сказали «*на 1-ое марта не рассчитывайте*» или «рассчитывайте». Многие подробные «*психологические*» страницы моих писем к Вам, дорогой друг, были лишь *мотивацией, почему это так*, ввиду *сложности нашего положения* у Доктора. <...> уже в конце февраля (н. ст.) все писал об *одном* и *том же*. И вот, *кажется*, я получил ответ, ибо вычитываю Вашу фразу "*аванс никому абсолютно немыслим*" и вместе с тем другую, что с "Сирином" *все же* (значит, сейчас — ничего) что-нибудь *может* (может, а не выходит) выйти. <...> мое беспокойство о 1-ом марте *имело же* смысл; я в *пяти письмах добивался* только заранее знать одну фразу "*1-го марта выслать не можем*", или "*1-го марта выслать можно*"; и на все вопросы, все пространные мотивации ("*психологические*") я этого решительного "*да*", "*нет*" не получил, а мотивации, вероятно, Вы не *имели времени прочесть*. <...> У Вас сказано следующее: "дальнейший аванс *никому* (отчего не прямо "*Вам*" и 1-го марта) абсолютно немыслим". Зачем неопределенно, и в 3-ьем лице, и в последнюю минуту "*нет*"» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 10). 3 марта (н. ст.) Белый опять отправил Метнеру письмо с таким же содержанием («Я ужасно извиняюсь, что удручаю Вас сложными, Вам неинтересными деталями моей жизни» – РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 11).

[35] В 1911 г. А. Безант основала внутри Международного Теософского общества «Орден Восточной Звезды», чтобы пропагандировать свое новое «открытие» — молодого индуса Джидду Кришнамурти (1895—1986), в котором она видела воплощение («аватар») Христа. Штейнер категорически отвергал это «богохульство» и вообще «буддийский уклон» Безант. Их идеологические несогласия с неизбежностью привели к расколу Общества в конце 1912 — начале 1913 г.

99. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 15/28 июля 1916 г.

Votre appel remis 15 aout. Petrowsky[1].

Телеграмма, отправленная 15/28 июля и полученная в Дорнахе 4 августа 1916 г. Отправлена по адресу: Bougaïeff. Villa Thomann. Dornach.

[1] «<Бумага> Вашего призыва вручена 15 августа. Петровский» (*фр.*). 15 июля 1916 г. Иванов-Разумник сообщал Блоку: «Петровский писал мне, что телеграфировал Бор<ису> Ник<олаевичу> о призыве и что ждет его в Москву недели через две-три» (*ЛН. Т. 92, кн. 2.* С. 401). Белый жил в Дорнахе (под Базелем) с февраля 1914 по август 1916 г. Там он участвовал в строительстве Гетеанума, антропософского центра, и жил в близком Штейнеру кругу. Призванный на военную службу, он выехал 3/16 августа 1916 г. из Дорнаха в Россию (кружным путем через Францию, Англию, Норвегию и Швецию). 21 августа/3 сентября он приехал в Петроград и послал матери две телеграммы. Вот текст первой (почт. шт.: Москва. 23.8.16), отправленной в Москву:

Милая мамочка,

приехал. Не знаю, где Ты: в Демьянове или в Москве. Если в Москве, телеграфируй, куда ехать к Тебе: в Москву или в Демьяново. Адрес мой: Петроград. Отэль «Селект». Мне. Христос с Тобой. Через 2—3 дня увидимся. Боря

(РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359)

Вот текст второй (почт. шт.: Петроград. 23.8.16), отправленной в Демьяново:

Милая, родная, дорогая мамочка, —

целую, целую: в среду, в четверг еду в Демьяново. Сейчас должен в Петрограде попытаться устроиться со своими литературными делами. Радуюсь, что увидимся наконец: очень тоскую по Асе.

Любящий нежно

Боря

Телеграфируй мне, куда приезжать: адрес Петроград. Гостиница «Селект». Мне. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359; среда, четверг — 24, 25 августа).

100. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 19 февраля 1917 г.

1917 18/II

Милый Боря, только что получил твое письмо[1]. Деньги Асе давно отправлены[2], но мой брат[3] забыл послать тебе квитанцию и послал ее только вчера. Относительно книги не беда, я достал другой экземпляр у Бердяева[4]. От Саши получил письмо, он уже чиновник[5]. Вообще же я ни о чем больше ничего не знаю. Мне пришлось переехать к родителям и сидеть там почти безотлучно. Папа плох[6]. Как-то тебе работается[7]? Если хорошо, то и слава Богу, в Москве, как знаешь, не очень-то наработаешь[8]. Было письмецо от Трифона[9]. Если увидишь Лемана[10] и Вас<ильеву>[11], передай им привет.

Твой А. Петровский

Открытка, отправленная по адресу: Его Высокородию Разумнику Васильевичу Иванову (для Б. Н. Бугаева). Царское Село, Колпинская ул. 20. Д. 20. Почт. шт.: Москва. 19.2.17; Царское Село. 20.2.17.

[1] Неизвестное нам письмо. С 30 января по 8 марта 1917 г. Белый гостил у Иванова-Разумника в Царском Селе (с наездами в Петроград).

[2] Когда Белый вернулся на родину, А. А. Тургенева осталась в Дорнахе. Белый постоянно был озабочен отсылкой ей денег в ответ на ее просьбы о финансовой поддержке.

[3] Борис Сергеевич (от первого брака С. А. Петровского).

[4] По-видимому, экземпляр кн. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (М., 1916).

[5] По-видимому, А. М. Поццо. См. п. 101, примеч. 4.

[6] С. А. Петровский скончался 23 июня (6 июля) 1917 г. в Быкове (станция Московско-Казанской железной дороги).

[6] С ноября 1916 г. Белый работал над статьей о поэзии Блока, а в начале 1917 г. был занят работой по поэтике, получившей впоследствии название «Жезл Аарона».

[7] 22 декабря 1916 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Как хочется к Вам! До боли, до крика изнемогаю в Москве, где по мере ухождения от себя (я чувствую давно себя выпитой оболочкой) я начинаю все глубже и глубже чувствовать полное расхождение с Москвой <...> Мама моя — человек, чуждый моим запросам. С ней трудно. <...> в такой атмосфере нельзя работать <...> мне невозможно работать или даже просто "*бытийствовать*" у себя» (*Андрей Белый и Иванов-Разумник*. С. 86—87).

[9] Имеется в виду Т. Г. Трапезников. В январе 1917 г. он был призван на военную службу и уехал из Дорнаха. Он надолго застрял в Лондоне и вернулся в Россию только после Февральской революции (см.: *Волошина Маргарита* (*Сабашникова М. В.*). Зелёная Змея. История одной жизни. М., 1993. С. 255—261).

[10] Леман Борис Алексеевич (псевд. — Борис Дикс; 1882—1945) — поэт, переводчик, критик, исследователь теософии Сен-Мартена; секретарь Петроградского отделения Русского Антропософского общества, руководитель ветви «Бенедиктус» Петроградского отделения. В середине 1920-х гг. как антропософ был выслан в Среднюю Азию, где в основном занимался музыкально-педагогической деятельностью. 11 ноября 1921 г. Белый писал А. А. Тургеневой: «О-во там <в Петербурге. — *Дж. М.*> в состоянии распада; Васильева и Леман *ничего не сумели сделать* <...> Сам Леман с Васильевой давно в Екатеринославе; Леман теперь возвращается на пепелище им брошенного кружка (ужасно неприятная и не внушающая доверия личность; если не шарлатан, конечно, а — "*шарлатан-ист*" с наклонностью к привиранью (мистическому) и интригам; он напустил столько "оккультизма", что приходится открывать форточки» (Воздушные пути. 1967. Альманах V. С. 309).

[11] Васильева Елизавета Ивановна (урожд. Дмитриева, псевд. — Черубина де Габриак, Е. Ли и др.; 1887—1928) — поэтесса; в 1913 г. назначена гарантом Антропософского общества в России, председательница Петроградского отделения Русского Антропософского общества.

101. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 17 октября 1917 г.

Дорогой Боря[1]. Письмо твое к Б<орису> П<авловичу>[2] и открытку получили. Лекция твоя по плану не первого ноября, а 29 окт<ября>. Успеешь ли ты подготовиться? Не лучше ли отложить еще на две недели — на 12-ое[3]? Когда выяснится конкретно возможность ехать, т.е. будет билет, телеграфируй. В зависимости от этого и назначим день. Поццо получил отсрочку на 2 месяца. Завтра хочет ехать к дочери[4]. Очень ждем все тебя. Привет Р. В.[5]

Твой А. Петровский

Не забудь захватить «Мистику»[6].

Открытка, отправленная в Царское Село на тот же адрес, что и предыдущая. Почт. шт.: Москва. 17.10.17.

[1] Ответ на неизвестное нам письмо. Белый выехал в Петроград в один из последних дней сентября или в самом начале октября. Ср. его позднейшие записи: «Разумн<ик> Вас<ильевич> по делам "*Скифов*" вызывает меня в Петербург, куда являюсь в первых числах октября. *Октябрь* <1917>. Царское. Октябрь связан мне тою же милой жизнью с Раз<умником> Вас<ильевичем> и ожиданием уже ясно наметившегося Окт<ябрьского> переворота; внешне: пишу текст "*Глоссолалии*", используя имеющийся у меня материал; внутренне: слушаю гул октября; кислейшая и последняя встреча с Мережковскими; ясно, что они меня проклянут: Керенский для них — "*левый предатель*"; я резко обрываю Гиппиус, когда она ругает Разумника. Вижусь часто с Б. Б. Красиным (он живет в Царском); встречаюсь с "*виляющим*" Чуковским и с "*размахивающим саблей*" Мстиславским, который не то трусит от храбрости, не то храбрит от трусости; он зовет меня и Разумника к кронштадтским матросам. Уезжаю в Москву в день наведения пушек "*Авророй*" на "Зимний Дворец"» (*РД*).

[2] Григоров. Заседания московского отделения Антропософского общества и лекции происходили в бывшей его квартире на Садовой-Кудринской 6, кв. 2. См.: *Жемчужникова М. Н.* Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917–23 гг.) / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1988. Вып. 6. С. 16.

[3] Имеется в виду лекция для интересующихся антропософией и для членов Антропософского общества в Москве. В *РД* и в списке, составленном Белым («Себе на память. Перечень прочитанных рефератов, публичных лекций, бесед...» — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 96) за ноябрь 1917 г., зафиксированы лишь участие Белого в беседе на тему «Мистерий» Штейнера в московском помещении Антропософского общества и чтение доклада «Поэзия Вячеслава Иванова» у М. О. Гершензона.

[4] Поццо Мария Александровна (1911—1990), дочь Н. А. Тургеневой и А. М. Поццо. Когда они переехали в Дорнах в 1914 г. на строительство первого Гетеанума, то оставили малолетнюю дочь у родственников отца в Москве. Призванный в Россию на военную службу Поццо покинул Дорнах в 1916 г., куда вернулся лишь в 1920 г. На следующий год его бабушка привезла туда Машу. Она получила антропософское образование в вальдорфской школе в Штутгарте; по поручению Марии Сиверс—Штейнер руководила эвритмической работой в Варшаве; затем в течение многих лет выступала на сцене Гетеанума в группе эвритмистов, руководимой Марией Савич.

[5] Иванов Разумник Васильевич (псевдоним — Иванов-Разумник; 1878—1946) — критик, публицист, историк литературы и общественной мысли. См.: *Андрей Белый и Иванов-Разумник*.

[6] По-видимому, «Мистика на заре духовной жизни нового времени и ее отношения к современным мировоззрениям» Штейнера (М.: Духовное знание, 1917).

102. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. Лето 1921 г.

Милый Боря[1], относительно Анненковых дело обстоит так, что ты в любое время можешь въехать[2]. Кроме того, Кузько говорил, что он хлопочет о тебе, что устроит тебе в Москве сносные

условия существования, в том числе и жилищные[3]. Он хотел тебе сам писать об этом. О рукописи не знаю, что уж тебе и сказать. В.[4] не может вспомнить, куда он ее девал. Говорит, что взял ее с собой в канцелярию, чтобы передать для переписки, а потом она исчезла у него со стола. Перерыли все бумаги в канцелярии и всю квартиру поставили вверх дном, но не нашли. Он был в страшном смущении, несколько ночей не спал. В. О. даже похудел, и о рукописи нельзя ему упоминать. Он не может решиться написать тебе об этом. Да и я все откладывал, рука не подымалась писать. Но когда-нибудь надо же решиться. Поверь, что мы сделали все, чтобы разыскать и припомнить. Я и теперь думаю, что она не могла же пропасть окончательно и должна будет всплыть. В. утверждает, что он ее никуда не выносил. Я заставлял его припомнить зрительно все перипетии, но и это ни к чему не привело... Напиши что-нибудь Володе, он этим совсем изводится. Как только что-нибудь выяснится новое, я тебе сейчас же напишу.

В обществе работа идет пока очень живо и хорошо. Не хватает тебя и Маргариты[5]. Пятницы посещаются всем составом, и не по долгу, как вторники[6], а по охоте. Атмосфера прекрасная. Наша группа предварительно всякий раз сговаривается и готовится[7]. Втягиваются понемногу и кое-кто из молодежи. Но зато вторники, по-видимому, совсем захирели. С Григоровыми тоже ничего нельзя сделать. Б. П. выходит из председателей[8], а на этот раз никто его не решается удерживать. Ему надо переработать некоторые свои социальные черты, иначе получается все тот же безвыходный тупик: семья Григоровых, с одной стороны, и почти все общество — с другой, и вечная натянутость.

Ты знаешь, может быть, что Сережа вышел из католичества — опять в православие[9], говорит, что не вынес иезуитского духа. Католики оставили его в покое. Он служит у нас в Музее, мил, но очень измучен. Православие, конечно, его не может удовлетворить, и теперь меньше, чем прежде. Не знаю, где он приклонит голову, да и приклонит ли. — Скончалась почти внезапно, в четыре дня, Анна Вас<ильевна> Тарасевич, от заворота кишок. Если захочешь написать Л. А. — Сивцев Вражек, 41[10]. — Очень одобряю, что ты решил остаться[11].

Любящий тебя А. Петровский*

---

* Далее — текст вписан наверху верх ногами.

Привет Марг<арите> Вас<ильевне>. Пусть она достанет несколько экз<емпляров> книги Кожевникова[12].

Датируется по содержанию.

[1] 11 ноября 1921 г. Белый сообщал А. А. Тургеневой: «И я опять рванулся из Москвы, опять поехал в Петроград, опять с марта до сентября впрягся в работу "Вольфила"» (Воздушные пути. Альманах V. С. 306). Белый приехал в Петроград 31 марта 1921 г.

[2] Речь идет о квартире Александра Ивановича Анненкова и его жены Веры Георгиевны (Бережковская наб., химический завод Анилтреста). Белый переселился туда в середине августа 1920 г.: «Приехав в Москву <в июле. — *Дж. М.*>, попадаю в разгром к Жуковским; <...> я — беспризорен. Рукавишников перетаскивает меня жить во "Дворец Искусств". Живу там на юру: меня делают членом Совета <...> *Август*. <...> После скандала в "Дворце Искусств" переселяюсь жить к Анненковым и начинаю усиленно писать "Кризис сознания"» (*РД*). Они, по-видимому, и в 1921 г. предложили ему обосноваться у них, когда он приедет обратно в Москву. Вернувшись в Москву 7 сентября, Белый поселился у В. О. Нилендера.

[3] Кузько Петр Авдеевич (псевд. Кузько-Музин; 1884—1969) — критик, в то время ученый секретарь центральной коллегии литературного отдела (Лито) Наркомпроса РСФСР; позднее работал в Госиздате. Есенин познакомил его с Белым в 1918 г. См. письмо Белого к нему от <26 сентября 1921 г.> (дата вечера памяти Блока в Политехническом музее):

Дорогой Петр Авдеевич,

Теперь вся надежда на Вас: мне до зарезу надо быть в Петербурге в пятницу. Надо воспользоваться Вашим любезным обещанием; завтра буду у Вас в отделе, чтобы взять у Вас бумажку, отъездную.

Сегодня вечер Скифов, чествующих память Блока; я участвую и председательствую. И стало быть: увы, не могу у Вас быть. Можно ли рассчитывать на бумажку?

Остаюсь искренно преданный

Борис Бугаев

P. S. Петр Авдеевич, на Вас с отъездом теперь вся надежда.

(РГАЛИ. Ф. 1646. Оп. 2. Ед. хр. 1)

В конце месяца (дата проставлена Кузько) Белый опять обратился к нему:

Дорогой Петр Авдеевич,

Оставляю Вам *«предложение»*, ибо не знаю, что с ним делать. В *«Бюро Справок»* (в *«Метрополе»*), куда я едва прорвался, мне довольно цинично сказали, рассмеявшись: «Ну, по этой бумажке Вы ничего не получите!» И когда я стал добиваться толку, меня погнали в *«Совет»* (Скобелевская площадь).

В *«Совете»* меня отправили в дом наискось к тов. Кузнецову, который *де* должен предложение подписать. Но тов. Кузнецова не оказалось, а его помощница, высказав мне сочувствие, чуть ли не обозвала дураками «Бюро Справок» в Метрополе: раз Наркомпросс выдал предложение, *«Бюро»* де не имеет права не выдать билет: «И чего они *зря* посылают?» сказала помощница тов. Кузнецова.

Делать нечего: опять потащился я в Метрополь; опять преодолел солдат со штыками; у окошка опять наткнулся на необходимость вернуться туда, откуда меня погнали; вышли пререкания, в результате которых меня послали к заведующему

«*Бюро Справок*». Заведующий опять-таки мне на бумажке надписал: «Предложение должно быть заверено тов. Кузнецовым» (А тов. Кузнецова нельзя видеть *до завтра*). Опять потащился я в «*Совет*», чтобы мне точно сказали, где Бюро регистрации предложений; отсюда опять попал в дом наискось и имел весьма бурное объяснение с помощницей тов. Кузнецова, причем уже начал буянить и грозить, что сегодня вечером на митинге Луначарского я заявлю о том, что приходится испытывать интеллигенции; полутронутая, полурассерженная помощница тов. Кузнецова наконец соизволила распутать весь этот гордиев узел указанием, что предложение должно быть регистрировано в Наркомпроссе на Остоженке. Но, «*не веря, не веря обетам коварным*» <см. романс Глинки «Сомнение», на слова Н. В. Кукольника. — *Дж. М.*> да и ощущав припадок сердечного невроза, я и пошел к Вам сообшить, что же мне делать дальше? Все равно в «Наркомпросс» (на Остоженке) я бы не добежал.

А. В. Луначарский приглашает нас на митинг об интеллигенции: «Интеллигенция в новых условиях». Вот условия: не для чего вся эта гоньба: у меня промокаемые сапоги и слабое сердце: уже после всей этой гоньбы, придя к Вам, я почувствовал такой припадок сердцебиения, что почувствовал: день — погиб! Завтра не уедешь. А застрять нельзя: в Петербурге бездна дел. Остается одно: бросить паспорт за невозможностью уехать, невозможностью преодолеть канцелярщину. Простите, дорогой Петр Авдеевич, это письмо.

Преданный Вам Борис Бугаев

(Там же.)

Белый уехал в Петроград в конце месяца.

[4] В. О. Нилендер. В «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 31) Белый указывает на «"*Написанные и ненапечатанные рукописи А. Белого*" <...> 2) "*Кризис сознания*" — рукопись 1920 года». См. перечень поручений (без даты) к Нилендеру: «*1-ый пункт*. Прошу: по окончанию ремингтонирования "*Кризиса Сознания*" 1) вписать все иностранные слова и тексты и возможно скорее отправить чрез Наркоминдел пакетом к тов. Лигскому (Константину Андреевичу) мне: адрес Лигского: Петроград. Улица Герцена (б. Морская) 3/5. Уполномоченному Народного Ком<иссара> по Ин<остранным> Делам в Петрограде. (Личный адрес его квартиры: Площадь Урицкого 6. Управление Петрогр<адского> Совета). 2) Со вторым экземпляром прошу подождать; по получению письма соответствующего прошу вписать все иностр<анные> слова и тексты Михаилу Андреевичу Осоргину для передачи в Редакционную Комиссию по изданию рукописей за границей» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 123).

[5] М. В. Сабашникова (Волошина). Она еженедельно по воскресеньям вела вступительный кружок в московском отделении Антропософского общества (см.: *Белый Андрей*. Распределение занятий в Русском Антропософском обществе в 1918—1919 гг. // *Андрей Белый и антропософия 9*. С. 473). В это время она жила в Петрограде. О ее «совсем особом месте в Обществе» см. воспоминания М. Н. Жемчужниковой (Минувшее. Исторический альманах. 1988. Вып. 6. С. 24—26).

[6] Кружок эвритмии встречался еженедельно по пятницам в московском отделении Антропософского общества, а по вторникам происходили общие собрания для членов Общества (*Андрей Белый и антропософия 9*. С. 473).

[7] Имеется в виду «Ломоносовская» группа Московского отделения Русского Антропософского общества, определившаяся в первые пореволюционные годы. О ней см.: *Жемчужникова М. Н.* Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917—23 гг.) // Минувшее. 1988. Вып. 6. С. 46—47; Ломоносов и «ломоносов-

цы» // *Спивак Моника.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 212—220. В очерке «Почему я стал символистом...» (1928) Белый указывает, что он был одним из ее организаторов: «...и как антропософ, и как член совета и председатель "*Вольно-философской ассоциации*", всемерно стоял и участвовал в продумывании стиля работ ломоносовской группы как стиля работ общины, ассоциации, *совета* без членов и руководителей» (*Белый Андрей.* Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 476). См. запись о марте 1921 г. в *РД*: «...принимаю деятельное участие в подготовке отделения Ломоносовской Группы; пишу проект занятий группы <...> 8) Собеседования и прения в Ломоносовской Группе "А. О.". 9) О плане работ Ломон<о-совской> Группы "А. О.". Заседание».

[8] 11 ноября 1921 г. Белый писал А. А. Тургеневой: «А *О-во* полно теперь жизнью, произошли решительные перемены. Григорова дружески попросили уйти из председателей, после чего он поднял "*бунт*". Но эта мучительная операция *была необходима давно. О-во* теперь состоит из председателя (Трапезников), членов Совета (Петровский, Алексей Вас. Сабашников) и Vorstand'a, в который входила группа (Я, Сизов, Столяров, К. Н. Васильева, М. В. Сабашникова, отсутствующая: она — в Петербурге)» (Воздушные пути. 1967. Альманах V. С. 309). Григоров оставался руководителем «Соловьевской» группы московского отделения Антропософского общества. Его вводительный кружок по пути посвящения собирался по четвергам в московском отделении Общества в 1918—1919 гг.

[9] В 1915 г. С. М. Соловьев принял духовный сан и поступил в Московскую Духовную академию. 2 февраля 1916 г. он был рукоположен в сан священника. Крушение синодального строя в 1917 г. стимулировало у Соловьева стремление к соединению церквей и тягу к католической церкви (см., например, его кн. «Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия». М., 1917). В Москве на Рождество 1920 г. он принял решение о присоединении к католической церкви и вошел в общину русских католиков восточного обряда, но, как выясняется из этого письма, вернулся в лоно православия в 1921 г. Однако в 1924 г. он окончательно связал себя с московской общиной русских католиков (см.: *Венгер Антоний, иеромонах.* Материалы к биографии Сергея Михайловича Соловьева // *Соловьев С. М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 3; *Венгер Антуан.* Рим и Москва 1900—1950. М., 2000. С. 294—302; *Смирнов М.* Последний Соловьев: Жизнь и творчество поэта и священника Сергея Соловьева. Главы из книги // Russian Studies. 2001. III. № 4. С. 112—114).

[10] А. В. Тарасевич служила секретарем общества «Дома Песни», где она общалась с Белым и Петровским. Ее муж — Лев Александрович Тарасевич (1868—1927), микробиолог и патолог; общественный деятель, один из организаторов борьбы с эпидемиями в годы Гражданской войны. Основатель (1918) первой в России станции по контролю сывороток и вакцин, впоследствии преобразованной в институт его имени. Адрес института до сих пор: пер. Сивцев Вражек, 41. Покончил жизнь самоубийством в Дрездене 12 июня 1927 г.

[11] С конца 1919 г. Белый думал об отъезде за границу, чтобы вернуться к жене в Дорнах. См. письмо к А. А. Тургеневой от 11 ноября 1921 г.: «Не забудь, что одновременно, в это же время я неустанно хлопотал о выезде. Меня не пустили в феврале 1920 года; потом в августе 1920 года не пустили вторично <...> Опять хлопотал об отъезде, и опять не пустила Чрезвычайка (в июне); тогда я нервно заболел; меня лечил невропатолог проф. Троицкий. Тут я решил бежать, но об этом узнала Чрезвычайка, и побег — рухнул. Тут умер Блок, расстреляли Гумилева и — устыдились; молодежь стала кричать: "пустите Белого за границу, а то и он, как Блок, умрет!" Друзья

надавили, и — пустили» (Воздушные пути. 1967. Альманах V. С. 306). Белый получил разрешение на выезд за границу в начале сентября 1921 г.

[12] Кожевников Владимир Александрович (1852—1917) — автор популярной литературы о музыке, искусстве и Дальнем Востоке. Может быть, имеется в виду его кн. «Буддизм в сравнении с христианством» (Петроград, 1916. Т. 1—2).

103. ПЕТРОВСКИЙ — БЕЛОМУ

Москва. 7 сентября 1921 г.

Москва 7 сент<ября> 1921[1]

Милый Боря, получил оба твои письма[2]. Письма Сереже[3] и Бердяеву передал. Относительно переписки Блока: вынуть ее из Музея никак нельзя[4]. Музей не посылает своих рукописей в настоящее время даже в Академию. С одной стороны, это, конечно, неудобно, с другой — гарантия целости. Кнорре заняться копией сам не мог[5]. Мне показалось самым лучшим и скорым сделать так: я испросил себе от твоего имени (обошлось без официального письма от тебя) разрешение заняться твоей перепиской с Блоком, немножко разобрал ее и затем посадил Кл<авдию> Ник<олаевну> переписывать[6], что она делает очень охотно, в служебные часы, в помещении отделения рукописей. Когда копия будет готова, вышлем ее тебе, конечно, с оказией (ты при случае представляй и со своей стороны такие оказии). К отъезду Кнорре копия готова быть не может: предстоит переписать около 400 страниц. Переписать сам в служебные часы я не могу: слишком теребят. Одобряешь ли ты? Переписываются письма в том порядке, как ты их перенумеровал.

Смерть Блока чрезвычайно поразила меня[7]. Почувствовалось, что смерть вообще ближе к нам, чем думалось, коснулась и нашего ряда, которого до тех пор как-то не трогала. Потом Блок был единственным, который был дорог не только как художник, но и как носитель пророческой русской темы, наследник Лермонтова, отчасти Гоголя, Толстого, для которого духовная правда жизни была высшим критерием надо всем. У остальных ведь этого нет. У Иванова нет[8]. Кого же из писателей можно назвать родным нам по духу?

Милый Боря, не сердись, что не пишу. Помню всегда тебя и часто мысленно веду длинные разговоры с тобой, советуюсь во всех важных случаях жизни общества, вообще высказываюсь перед тобой, а сяду писать — все сковано, мысли, слова не текут —

откладываешь письмо. Читал твою статью в № 3—4 «Записок Мечтателей»[9] и по ее поводу много говорил с тобой, а написать — выходило не то. У меня мысль плохо умеет садиться на землю, она всегда в окружности предмета, и я чувствую ее правильной, только пока она прикасается невещественным прикосновением. Когда неопытные люди пашут, у них плуг постоянно зарывается в землю, вот и у меня так, когда я пытаюсь выразить что-либо письменно — ну ладно. У нас довольно оживленно. Но тяжелый момент — разрубание Григоровского узла[10], к которому надо же было когда-нибудь приступить, потому что общество не могло дальше жить и развиваться с привешенным к нему жерновом. Говорили с Б<орисом> П<авловичем> все, подолгу, по душе, и я, и Трифон[11], и Ал<ексей> Вас<ильевич>[12], и Миша[13], и др. Должен сказать, что в личном порядке никто ничего не имеет <против> уважения и действительно признания внутренней личности Б<ориса> П<авловича> и бороться приходится только против антисоциальных черт. Пока говоришь с ним — все хорошо, соглашается до некоторой степени, а потом все сначала — говорит: «Может быть, это только мнение группы наиболее активных членов, а не всего общества, в обществе ведь много пассивных членов, которые довольны моей линией, надо считаться и с их желанием», — вот его логика. Надеемся все же распутаться.

Получили много новых циклов, книг, немного журналов. Циклы в совсем новом стиле. Много на социальные темы. На днях письмо бы<ло> от ф. Реден[14]. Пишет, что в южной Германии очень разрастается движение. В Штутгарте — свой Университет, с клиниками и всякими научными институтами[15]. Сейчас, с 28 авг<уста>, был международный антропософский конгресс[16]. Ек<атерина> Алексеевна* была проездом в Дорнахе[17], видела Наташу, Асю, Поццо, Тат<ьяну> Ал<ексеевну>[18], Ольгу Павловну[19]. Нат<аша> и Ася выглядят хорошо, не нуждаются, Поццо нервен — я еще не видал ее письма, передаю, что рассказывали.

Ну прощай, милый. Храни тебя Бог.

Любящий тебя А. Петровский

[1] Белый выехал из Петрограда в Москву 6 сентября 1921 г.

[2] Несохранившиеся письма (см. примеч. 4).

[3] С. М. Соловьев.

* *У Петровского описка: «Андреевна».*

[4] Румянцевский музей (ныне — Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки). В первые недели после смерти Блока Белый приступил к работе над изложением своих воспоминаний о нем, подспорьем которых могла быть его переписка с Блоком. Письма также предполагались для публичного чтения в петроградской Вольфиле. На заседании Комитета им. Блока в Петрограде 1 сентября 1921 г. Белый сообщал, что им «написано письмо А. С. Петровскому, которому — в Румянцевском музее — переданы были для хранения письма А. А. к Бор<ису> Ник<олаеви>чу. Теперь приняты меры для получения копий с этих писем» (*ЛН. Т. 92, кн. 3.* С. 828; цитируется протокол заседания – РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 34).

[5] По-видимому, Георгий Федорович Кнорре (псевд. — А. Кириллов; 1892—1962) — сын инженера-мостостроителя Ф. Ф. Кнорре, брат писателя Ф. Ф. Кнорре; одноклассник и друг С. М. Алянского, который дружил с Блоком в последние годы жизни поэта. Подробно о нем см.: Георгий Федорович Кнорре — инженер, ученый, человек. М., 1991.

[6] Васильева К. Н. (урожд. Алексеева; 1886—1970) вела антропософскую работу в Москве, библиотекарша Общества; впоследствии жена Белого. О ней см. мое предисловие в кн.: *Бугаева К. Н.* Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001; воспоминания М. Н. Жемчужниковой (Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. С. 22—22).

[7] Ср.: «<Блок? с>кончался 7-го августа 1921 года. <...> Блока — какая-то составная неотъемлемая часть моей души: не стихи, не роль его в литературе, а он сам, "*Саша*", как таковой был едва ли не ближайшим моим <...> в глубине глубин» (*Белый Андрей.* К материалам о Блоке // *О Блоке.* С. 447—448).

[8] В. И. Иванов.

[9] Петровский явно подразумевает № 2/3 «Записок Мечтателей», в котором были опубликованы «Дневник писателя. Почему я не могу культурно работать» Белого (С. 113—131), а также его статья «Утопия» (139—144; подпись: Alter ego).

[10] См. п. 102, примеч. 8.

[11] Трапезников.

[12] А. В. Сабашников (1883—1954) — брат М. В. Сабашниковой (Волошиной), член совета московского отделения Антропософского общества; специалист в области сельского хозяйства, профессор. Умер в Германии.

[13] Сизов.

[14] «Фон Рэден» упоминается в списке «антропософских знакомых (*на западе*)» в *РД* (запись об августе 1916 г.).

[15] Имеются в виду Вальдорфская система воспитания и Вальдорфские школы, первая из которых была основана в Штутгарте в 1919 г. Эмилем Мольтом и Штейнером, и клинико-терапевтический институт, основанный доктором Итой Вегман в Арлесгейме в 1921 г.

[16] Пока Штейнер еще был в Дорнахе, конгресс «Точка зрения Антропософского движения на культуру» (Kulturausblicke der Anthroposophischen Bewegung) открылся в Штутгарте (с 28 августа по 7 сентября; Штейнер приехал 29 августа).

[17] Е. А. Бальмонт (урожд. Андреева; 1867—1950) — переводчица, родная племянница М. В. Сабашниковой (Волошиной), антропософка; вторая жена К. Д. Бальмонта (с 1896 г.). О ней см. воспоминания М. Н. Жемчужниковой (Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. С. 31—32).

[18] Бергенгрин.

[19] О. П. Костычева.

104. БЕЛЫЙ – ПЕТРОВСКОМУ

Детское Село. Вторая половина декабря 1931 г.

Дорогой, милый Алешенька,

как безмерно обрадовало меня Твое письмо[1]; как много прошло с тех пор, как мы виделись? Все, написанное Тобой, читали и перечитывали, стараясь конкретно представить Твою жизнь[2]. Я понимаю Тебя в том, что Ты отдаешься интересам, которые Тебе подает действительность. Постараюсь достать книги по геологии и петрографии; после Кавказа у меня появился тоже большой интерес к геологии[3]; и если бы было время, обложился бы книгами, да жизнь не позволяет; читаешь то, что имеет касание к работе, как теперь в связи с книгой о Гоголе читаю соответствующую литературу[4].

Милый, какое утешение в том, что есть близкие; хотя мы с Тобой волей судьбы разлучены, однако *чувство нерушимой связи* никогда не переживалось так сильно, как эти месяцы; ведь мы с Тобой даже и не друзья, а *братья*[5]; вся жизнь прошла вместе. Недавно долго не засыпал: мысленно вставала жизнь; мысленно озирал ее этапы; и во всех этапах ее стоял Ты. Вспомни: уже 33 года прошло с тех пор, как мы познакомились; а уже с 1899 года Ты стал играть большую роль в моей жизни; сколько раз мы оказывались связанными и людьми, и интересами; вспомни 1901, 1903, 1905, 1909, и т.д. Везде мы были вместе.

Часто с «женой» говорим о Тебе; и всякий раз с волнением и нежностью; береги Твое здоровье; единственно, что беспокоит меня, когда думаю о Тебе, это условия климата; тепло ли Тебе? Не нужно ли чего-нибудь? Пиши, если что понадобится.

Пишу, что с «женой» говорим о Тебе; как странно, что то, о чем думал года, что казалось неосуществимым, в эти тревожные, летние месяцы разрешилось само собой[6]; и главное *так*, что те именно, кто могли душевно поранить друг друга, оказались в счастии друг друга не разбередить; подумай: когда мы с женой вернулись после «Загса» домой (а ходили туда «втроем»: я, жена и Петр Николаевич)[7], то оказались в положении вынужденными не говорить об этом событии Анне Алексеевне, которая *одна* была *очень против*[8]; ввиду ее волнений за дочерей и друзей, возраста и т.д. пришлось медленно ее готовить к этому; так прошло 2 месяца; и никогда не было меж нами троими (Петром Ник<олаевичем>, женой и мной) таких внутренне прекрасных, доверчиво

братских отношений. К<лавдия> Н<иколаевна> еще более почувствовала связь с Петр<ом> Ник<олаевичем>, а я *впервые* мог ему протянуть *братски руки*[9].

Так что *мертвая петля*, душившая нас троих от невозможности К<лавдии> Н<иколаевне> развестись с ним и стать моей женой, сама собой развязалась; может быть, — такое неожиданно светлое разрешение личных трагедий нас троих оттого, что мы очень настрадались в ряде лет; и уже с 23 года было почти чудовищно, что К<лавдия> Н<иколаевна>, будучи связана со мной всем[10], должна была числиться его женой.

Петр Ник<олаевич> женился; пишет нам; ждет К<лавдию> Н<иколаевну> в Москву, куда мы с ней поедем в январе, чтобы познакомить ее со своей женой; у него будет ребенок[11].

Сестра жены живет в Лебедяни; у нее остатки ревматизма; ей не повезло: чувствует одиночество; не повезло с хозяевами[12]; жена поедет ее навестить, когда мы будем в Москве, где проведем около месяца[13].

Мы неожиданно с весны упрочились в Детском; пока устроились очень сносно у Разумн<ика> Вас<ильевича>. Комнатой очень довольны, но на днях придется переменить ее на более неудобную (у Разумника же)[14]; но наше убежище не прочно; на днях дом продается, и мы все поступаем к новому хозяину, который по закону не имеет права нас выселить *до апреля* и обязан нам предоставить жил-площадь; конечно, понятие *жил-площади* растяжимо: она может оказаться сырой и гнилой дырой; забот предстоит много; и мы не знаем, где очутимся: хотелось бы остаться в Детском; и с Разумником, потому что в Детском тихо.

Мы мало кого видим; жена *всецело* помогает мне в работе, много хлопот по дому чисто хозяйственных, что «плюс» работа переполняет дни[15]. Живут в Детском Шишков (писатель)[16], Петров-Водкин (художник)[17]; мы часто видимся: ходим друг к другу в гости; иногда к Раз<умнику> Вас<ильевичу> приезжает Дм<итрий> Мих<айлович>, помогающий ему редактировать Блока[18]; вот и все почти, кого видим. Жена за все время была лишь в Ленинграде 2 раза; и то — у зубного доктора; я — раза три: не тянет. В Детском и не чувствуешь захолустья, и все преимущества природы и климата; и мы уже становимся патриотами Детского: жить бы и жить здесь!

Стыдно писать о нас; мы — что: на все предстоящие заботы смотрим с женой с «внутренним спокойствием»; а вот волнение

охватывает, когда, например, думаешь о Тебе, дорогой, милый, единственный друг и брат; хотелось бы Тебе улыбнуться поддержкой, перенестись к Тебе и быть уверенным, что Ты, скрепившись, перенесешь трудные условия жизни; и вернешься к нам.

Видел летом Оттоныча; он бросил «Библиотеку» и всецело ушел в перевод Эсхила[19]; о Петре Никан<оровиче> никак не могу получить сведений, где он, как устроился и т.д.[20]

Милый Алешенька, уж Ты ради любящих Тебя друзей береги себя во всех отношениях; ведь Ты не знаешь, что Ты значишь *мне*, например; и во имя хотя бы нас с женой обещай вернуться к нам живым, здоровым, бодрым, ибо единственно, что осталось, когда уже и возрастом мы склоняемся к «покою вечному»: жить в мире и ясности с близкими и с собой.

Твое письмо нас порадовало; от него повеяло свежестью.

Обнимаю Тебя много раз. Остаюсь с горячей любовью и с чувством неразрывной связи.

Б. Б.

Ты в адресе не ту поставил улицу; улица — «*Октябрьский бульвар*», д. 32.

[1] Ответ на неизвестное нам письмо. Ср. письмо К. Н. Бугаевой к Петровскому от 14 декабря 1931 г. из Детского Села: «Как обрадовало, как взволновало Ваше письмо. Это был настоящий подарок. Только теперь видишь, как глубоко мы Вас любим и как пусто без Вас. Часто, часто мысль обращается к Вам. <...> Б. Н. обнимает и целует Вас. Он тоже напишет. Но пока «прогрел» <так!> в Гоголе и боится, что это помешает. Знаете ведь Вы его и не будете сетовать, если задержится на несколько дней» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 120).

[2] В мае 1931 г. Петровский был арестован (та же участь постигла практически все ближайшее антропософское окружение Белого). Постановили его «"заключить в концлагерь срок на три года, считая срок <...> с 20/5 — 31 г.". Был отправлен этапом на строительство Беломоро-Балтийского канала (Белбалтлаг, ст. Медвежья гора)» (*Спивак Моника.* Андрей Белый в следственном деле Антропософов // Лица. Биографический альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 338). Он работал газетным экспедитором при библиотеке лагеря № 1 Медвежьей горы (геологическая база). См. воспоминания сосидельца Петровского: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 375—377.

[3] Белый провел раннюю весну и лето 1927, 1928 и 1929 гг. на Кавказе (главным образом в Грузии).

[4] 8 августа 1931 г. Белый заключил договор с ГИХЛ на книгу о творчестве Гоголя. Он закончил работу над исследованием «Мастерство Гоголя» в апреле 1932 г. Книга вышла посмертно, в апреле 1934 г.

[5] Ср. письмо К. Н. Бугаевой к Петровскому от 14 декабря 1931 г.: «Ведь недаром мама называла Вас нашим братом. Это действительно не слова. Потому что сердце так сильно бьется при мысли о Вас. Простите за эти взволнованные строки. Но без них никак нельзя в первом письме» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 120).

[6] К. Н. Васильева была арестована 30 мая 1931 г. в Детском Селе. 2 июня ее доставили в Москву, где к тому времени были арестованы ее муж и сестра. 3 июля ее выпустили на волю, после чего она оформила развод с мужем. См.: *Спивак Моника.* Андрей Белый в следственном деле Антропософов. С. 273—274.

[7] Васильев П. Н. (1885—1976) — врач, антропософ; в 1910 г. женился на К. Н. Алексеевой. Он был арестован 8 мая 1931 г. и выпущен на волю 3 июля. Брак Белого с К. Н. Васильевой был зарегистрирован 18 июля. Белый писал П. Н. Зайцеву 23 июля: Клавдия Николаевна «теперь и внешне поручена мне, как жена (мы с ней и с Петр<ом> Ник<олаевичем> были в *Загсе* согласно уговору дружескому: он с ней развелся, а я — зарегистрировал наш "*брак*"); так выпрямилась кривизна отношений нас троих друг к другу в прямоту» (А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 301).

[8] Алексеева А. А. (1860—1942) — мать К. Н. Бугаевой. В письме к Петровскому от 14 декабря 1931 г. К. Н. Бугаева сообщала: «Мама в это время сильно бунтовала и не хотела принять Б. Н. в новой роли моего "мужа"... и тут Петя часто заступался за Б. Н., когда у них с мамой доходило до очень острых моментов. Теперь мама -- вся обратилась сердцем к Б. Н. и восстала на Петю. Вот какая она бурная! Пришлось всячески ее успокаивать. <...> Волнуюсь я за нее постоянно. Старенькая ведь она и такая беспомощная...» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 120). Еще 16 августа 1928 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Мать К. Н., Анна Алексеевна, старушка пуританская с явным уклоном и в толстовство, и в "*брандизм*" (от "*Бранд*", драма Ибсена), когда-то взяла с нас слово, чтобы К. Н. внешне осталась с П. Н. и чтобы мы (я и К. Н.) не были мужем и женой; она очень слаба; у нее склероз; и боязнь *убить* ее держит нас в условностях» (*Андрей Белый и Иванов-Разумник.* С. 608).

[9] О совместной жизни с П. Н. Васильевым в московской квартире на Плющихе после развода в июле—августе 1931 г. К. Н. Бугаева писала Петровскому 14 декабря 1931 г.: «И люблю его <П. Н. Васильева. — *Дж. М.*> теперь еще больше. Знаете ли Вы, что целый месяц перед отъездом сюда мы провели буквально втроем: он, Б. Н. и я. И воспоминание об этом месяце стало одним из самых светлых для всех нас троих. Только втроем нам и было хорошо» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 120). О тех же обстоятельствах Белый писал Г. А. Санникову 27 июля 1931 г.: «К<лавдия> Н<иколаевна> стала моей женой, а должна жить в комнате с бывшим мужем, ибо деваться некуда; <...> уехать К. Н. — нельзя; корень трудности в старушке матери <...> и пока живем как на вулкане, — четверо на пространстве 10 шагов» (*Санников Д.* Каждому свой черед // Наше наследие. 1990. № 5 (17). С. 91).

[10] К. Н. Васильева пробыла в Германии, куда приезжала главным образом для общения с Белым, с января по июль 1923 г. Одной из целей ее поездки была попытка поддержать и укрепить в Белом его приверженность к антропософии и побудить к возвращению на родину.

[11] 14 декабря 1931 г. К. Н. Бугаева сообщала Петровскому: «Второе: Петя. Он счастлив своей встречей с О. И., — очень милая, простая девушка и очень, кажется, жизненная. Но, милый, ему так трудно, что все это протекает на таком трагичном фоне. Письма его ко мне, — просьба помочь и (без слов об этом) защитить. Мне кажется, что это мой сын. <...> Простите, что все занимаю Вас делами семейными. И вот еще одно: у Пети ожидается ребенок. Мама еще не знает. Мне он написал об этом с огромным волнением. И как я рада за него. Ведь, правда, это хорошо?» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 120).

[12] Кезельман Елена Николаевна (урожд. Алексеева; 1889—1945) — деятельница антропософского движения, автор воспоминаний о Белом «Жизнь в Лебедяни ле-

том 32-го года» (*Бугаева К. Н.* Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001. С. 329—352). В отношении ее «...постановили: "из-под стражи освободить, лишив права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок <...> с 27/5 — 31 г.". Местом жительства избрала г. Лебедянь» (*Спивак Моника.* Андрей Белый в следственном деле Антропософов. С. 338). 14 декабря 1931 г. ее сестра сообщала Петровскому: «Прежде всего о Люсе. Она устроилась ничего: помещенье теплое, обед и все услуги есть. Здоровье не хуже, т.е. ревматизм, который она нажила себе за последние месяцы, - не мучает больше. Но, бедная, ей так трудно от окружения. <...> Хозяева — простые люди и, к сожалению, очень грубы и совершенно мещане. <...> Иногда боюсь, выдержит ли она нервно. Хотела поступить на службу. Это было бы отвлечение. Но пока не удалось. Подумайте о ней покрепче. Она как-то очень сжалась, и она менялась. Мы-то с нею не виделись, но и она сама и другие это пишут» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 120). См. также: *Волкова И. В.* Дневник закатов. «Пейзажные» письма Е. Н. Кезельман к К. Н. и Б. Н. Бугаевым // Наше наследие. 2005. № 75/76. С. 128—131.

[13] Белый с женой уехали в Москву 30 декабря 1931 г. Они провели январь—март в Москве в полуподвальной квартире на Плющихе. 20 марта 1932 г. они вернулись в Детское Село.

[14] 9 апреля 1931 г. Белый с К. Н. Васильевой уехали из Москвы в Детское Село к Иванову-Разумнику (Октябрьский бульвар, д. 32). 14 апреля 1931 г. Белый писал П. Н. Зайцеву: «Устроились великолепно — так, как и не мечтали; комнаты великолепны; домик очарователен: с двором; тепло, главное сухо, нигде не дует; живем изолированно» (Минувшее. Исторический альманах. 1994. Вып. 15. С. 287). Осенью 1931 г. он писал Е. Н. Кезельман: «...мы висим в воздухе: дом, в котором живем, продается, комната, в которой живем и которая предназначалась нам, — лишь до 15 ноября; а далее будем тесниться в квартире Р. В.» (*Кийз Роджер.* Письма А. Белого к Е. Н. Кезельман // Новый журнал (Нью-Йорк). 1976. № 124. С. 163).

[15] Ср. письмо К. Н. Бугаевой к Петровскому от 14 декабря: «Живем очень тихо, главным образом вдвоем. Только обед да вечерний чай у нас общие с Р. В. Остальное время никто не мешает. Гостей бывает мало <...> Но время все занято. Очень много работы по книге о Гоголе. Б. Н. и меня тоже запряг. То пишу под его диктовку, то выписки делаю, то переписываю... Потом по хозяйству: рынок, печки, уборка комнаты» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 120).

[16] Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — прозаик; переехал в Детское Село на постоянное жительство в январе 1927 г., снимал квартиру в доме 20 на Колпинской улице (той же, где проживал Иванов-Разумник) до конца 1927 г. См.: *Бунятян Г. Г.* Город муз. Литературные памятные места города Пушкина. Л., 1987. С. 173.

[17] Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878—1939) — живописец, прозаик; автор обложки и марки сборников «Скифы». В мае—июне 1931 г. Белый позировал ему для портрета. Портрет был закончен в 1932 г. (по свидетельству К. Н. Бугаевой, Белый нашел его очень удачным). О жизни в Детском Селе Белый писал Г. А. Санникову 25 ноября 1931 г.: «Все, что касается нас с К<лавдией> Н<иколаевной> — мирно, благополучно; живем тихо: очень много работаем; К<лавдия> Н<иколаевна> помогает мне в работе над Гоголем <...> В Ленинграде почти не бываем; видим главным образом детскоселов, соседей Шишковых, Петрова-Водкина и нек<оторых> других; живется с Разумниками тихо и просто» (Наше наследие. 1990. № 5 (17). С. 92—93).

[18] Пинес Д. М. (1891—1937) — член партии эсеров, в 1917—1918 гг. левый эсер; библиограф, историк литературы, издательский работник; библиотекарь и секретарь

(1922—1924) «Вольфилы». Один из первых исследователей творчества Белого, автор (вместе с К. Н. Бугаевой и А. С. Петровским) обзора «Литературное наследство Андрея Белого» (Литературное наследство. М., 1937. Т. 27/28. С. 575—638; авторство в публикации не указано, поскольку Пинес тогда был репрессирован: расстрелян в Архангельске 27 октября 1937 г.). См.: Письма Андрея Белого Д. М. Пинесу / Публ. Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 85—100; *Спивак М. Л.* Письма Д. М. Пинеса Андрею Белому // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 28—34. В «Тюрьмах и ссылках» Иванов-Разумник вспоминал: «После смерти Александра Блока десять лет собирал я материалы, связанные с его поэтическим творчеством, так что, когда осенью 1930 года "Издательство писателей в Ленинграде" предложило мне составить план полного собрания сочинений Блока и редактировать его, я охотно принял это предложение. В течение двух лет вышли первые семь томов, заключающие в себе все поэтическое наследство Александра Блока <...> Большую работу эту я мог выполнить в такой сравнительно короткий срок только потому, что все эти два года деятельно помогал мне в ней приятель мой Дмитрий Михайлович Пинес, прекрасный и тонкий знаток Блока, а кроме того, и исключительно сведущий библиограф. Все эти два года (1931—1932) он почти каждый день самоотверженно приезжал ко мне в Детское — бывшее Царское — Село, где мы работали над хранившимися у меня на дому рукописями Блока» (*Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 161—162).

[19] С 1919 по 1931 г. В. О. Нилендер служил сотрудником Румянцевского музея (затем Гос. библиотеки им. Ленина). С 1931 по 1936 г. он работал редактором и референтом античного отдела издательства «Academia». Перевод (совм. с С. М. Соловьевым) «Прометея Прикованного» Эсхила вышел в свет в 1927 г. Его переводы «Трагедий» Софокла (совм. с С. В. Шервинским) были изданы в 1936 г.

[20] Зайцев П. Н. (1889—1970) — поэт, издательский работник; антропософ и близкий друг Белого в 1920-е гг. и помощник в литературных делах; автор воспоминаний о нем (полный текст готовится к печати). См. о нем мое предисловие к его переписке с Белым (Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 13. С. 215—231). Он был арестован 27 мая 1931 г. и приговорен к высылке в Казахстан сроком на 3 года. Отбывал ссылку в Алма-Ате. В марте 1932 г. смог вернуться. 9 января 1932 г. Белый писал ему: «До чего нас порадовала от Вас открытка <...> до нее мы не знали точного адреса! И даже не могли определить, в Алма-Ате ли Вы, или последний город еще только станция; и не могли собрать сведений точных об адресе» (Минувшее. Исторический альманах. 1994. Вып. 15. С. 308).

105. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

Москва. Середина марта 1932 г.

Милый, родной, глубоко любимый Алешенька,

не думай, что наше продолжительное молчание знак рассеянности; вскоре же после письма[1] к Тебе обнаружилось, что Ты переведен; и только дней 10 назад, как удалось узнать новый адрес; из Ленинграда Тебе была посылка и нужные Тебе книги; посылка вернулась за ненахождением.

Пишу из Москвы; лежу в постели (грипп или бронхит); итог ужасного переутомления[2]; очень странно несешь жизнь; предельная нагрузка, предельные внешние трудности; и все-таки; вопреки им, наперекор им в душе огромное успокоение оттого, что в судьбе нашей с К<лавдией> Н<иколаевной> так невероятно просто и четко разрешилось то, что 10 лет не разрешалось; и это дает силы бороться с внешними затруднениями; а их не мало: мы с К<лавдией> Н<иколаевной> без жил-площади; на днях едем перевозиться из Детского, где и дом, в котором жили, продан санатории для туберкулезных, и будь даже не продан — жить там нельзя: ситуация сложилась так, что нам нужна квартирка[3], ибо П<етр> Ник<олаевич>, ожидая ребенка, должен менять свою комнату в Долгом, чтобы иметь возможность жить с женой, а Анна Алексеевна так ослабела, что взывает к особым заботам; оставить двух старушек и Влад<имира> Никол<аевича>[4], которого весь день нет дома, невозможно; из этого вытекает: нам с К<лавдией> Н<иколаевной> жить вместе с А<нной> А<лексеевной>, т.е. искать квартиру в Москве (перевести А<нну> А<лексеевну> *никуда* в таком ее состоянии и нервном, и физическом нельзя); ты понимаешь, какая это хлопотня: если бы не обещания жилищной комиссии Союза Писателей (строится жил-площадь), то положение было бы катастрофичным[5]; но и при «вероятности» разрешения кризиса с жил-площадью надо достать 1500 рублей паевого взноса, чтобы иметь право на въезд[6]; а у меня нет сейчас почти никакого заработка, ибо 2 года почти лежат без движения «Маски» и «Начало Века» в «Гихле»[7]; за них получено все, что можно до выхода получить; кабы не пенсия (я стал персональным пенсионером)[8], то заработок был бы «0»; отсюда: к квартирным хлопотам — денежные.

Наконец: к этому всему предельная нагрузка с литературной работой; к сроку должен сдать книгу о Гоголе и вдобавок: была очень большая переработка «*Начала Века*», которое 7 месяцев лежало зарезанным цензурой, потом под давлением Соловьева (зав<едующего> «*Гихлом*») дано вторично в цензуру другим полит-редакторам, которые с большим сочувствием отнеслись к книге, тем не менее заставили многое переработать[9].

В итоге, — всю осень и зиму какое-то мучительно-бессонное перепиранье сквозь дни с недосыпом, так что когда на днях слег, то проспал часов 20.

Живешь двойной жизнью; есть постоянная тишина, покой; и много получаешь от этих минут покоя; вне — стон и бремя жизни; и область писания — уже в зоне «стона»; отдаешь все силы механически на «*фразу*», а когда отваливаешься от письменного стола, отбыв постыло-кабальную обязанность отстрочить положенное, то чувствуешь отвращение к перу и чернильнице (до судороги в пальцах); отсюда специальная трудность мне: писать письма.

Но из минут тишины вижу тех, кого нет с нами; мысленно обходишь отсутствующих, ведешь беседу с ними; с Тобой часто бываю вместе; но главная тревога, как с жизнью в бараках; я при своем зяблом теле и не представляю себе внешних условий Твоей жизни; а то, что представляется, — пугает: суровостью; только о физических тяготах Твоей жизни и беспокоюсь, ибо уверен, что внутренне Ты крепок, как Твое письмо: «Какое-то благоухающее письмо», — сказала К<лавдия> Н<иколаевна>. Спасибо за него! Мы радовались, получив его; более того: мы гордились им за Тебя *; <ра>зузнавали, с какого боку хлопоты за Тебя имели б успех, и отовсюду выясняется: только *ходатайство с места службы* в теперешних условиях и могло бы изменить Твое положение, ибо на все другие способы получается ответ, что и так «антр<опософы>», с которыми возятся, *надоели*; против «*надоели*» трудно переть; ходатайствовали со всех сторон; и даже одна дама, хорошая знакомая К<атаняна>[10], чуть было не рассорилась с ним из-за Елены Николаевны[11], ходатайство за которую решили отложить, по крайней мере, до осени. Невский[12] и Библиотека[13] — вот единственное место, которое *сейчас* могло бы поднять дело; но Невскому трудно. К<атанян> же заявлял, что ему даже неловко двинуть пальцем теперь; и даже сердился при отдаленном упоминании; по-видимому, роль его исчерпалась пересмотром дела и смягчением приговора в «общем масштабе». За Клименкову ходатайствовал театр[14]; за Петра Ник<аноровича> — Мейерхольд[15], Волгин[16], Мещеряков[17], Союз Писателей; и тут через К<атаняна> достигли, что он вернулся[18]; за Скрябину — театр (возвратят)[19].

Я лично исчерпал все бывшие у меня возможности и связи летом; и теперь в этом смысле надолго без рук и без ног.

И в разговоре с А<грановым>[20], и в бумаге, поданной в Коллегию[21], и в разговоре с Пешковой[22], и в бумаге, поданной К<а-

* Здесь одна строчка вытерта так, что ничего не читается.

таняну>, я, сколько мог, говорил и писал о Тебе, давая характеристику моих друзей; я просил приобщить к делу «*Почему я стал символистом*»[23]; рукопись была в Коллегии; а потом ее читал К<атанян>; сделал я это ввиду того, что там полная картина «самостности» бывшей московской группы[24].

Добился же, может быть, того, что и мой разговор (часовой) с А<грановым> способствовал отчасти освобождению К<лавдии> Н<иколаевны>; странный разговор, который и доселе стоит мне, как знак вопроса; еще страннее: он отчасти способствовал тому, что изменились судьбы наших отношений с К<лавдией> Н<иколаевной> и П<етром> Н<иколаевичем>, ибо я Агранову сказал всю *правду о наших отношениях*; и это способствовало, облегчило мне то, что казалось неисполнимым; Загс с К<лавдией> Н<иколаевной>.

Не чудесно ли: никогда наши отношения с П<етром> Н<иколаевичем> не были такими близкими, как в июле—августе, после Загса с К<лавдией> Н<иколаевной>, когда мы *втроем* таили от Анны Алексеевны случившееся: *вот где была точка наибольшей* трудности; но теперь изжилось и это.

Нужен был удар грома, чтобы десятилетний узел разрешился с молниеносной быстротой; по *правде*. Это лето для меня стоит под девизом: «В грозе и в буре»[25]. После него — огромная усталость внешняя; и — внутреннее успокоение.

Милый, милый Алеша, — будь бодр; если бы Ты знал, как мы Тебя любим, как Ты нам нужен, то Ты сделаешь все, чтобы мужественно пронести это трудное время; прости за немощь этого письма; пишу из-под головной боли и бронхитного изнеможения; в полной бездари слов, но с огромной любовью и постоянной памятью.

Пиши, милый Алешенька, в Москву на Плющиху (Плющиха 53, кв. 1); к первому апрелю надеемся быть в Москве; апрель — в Москве[26]; в мае, мож<ет> быть, едем в Лебедянь, к Ел<ене> Ник<олаевне>[27], если не выйдет необход<имость> ехать в командировку.

Крепко обнимю Тебя, целую.

Христос с Тобой. Б.

Дата проставлена К. Н. Бугаевой на ее копии письма.

[1] Имеется в виду п. 104.

[2] 10 марта 1932 г. К. Н. Бугаева писала Петровскому: «Наша жизнь идет главным образом в работе. Последние дни вместо Гоголя спешная, лихорадочная правка "Начала века" и переписка правленых мест. Сидели, не разгибаясь, оба. Б. Н. правил, я переписывала. Переутомление сказалось: сегодня Б. Н. что-то совсем свалился. Утром было 37, 8. Может быть, и отлежится. Хочет все-таки завтра написать Вам. Но если не сможет — уже не взыщите. Сердцем-то он рвется, а сил очень мало» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 120).

[3] Белый с женой пробыли в Детском Селе с 21 марта по 2 апреля 1932 г. Белый подробно сообщал Иванову-Разумнику о своем «квартирном кризисе» в письме, написанном между 18 и 21 февраля 1932 г. (*Андрей Белый и Иванов-Разумник*. С. 692—694).

[4] Имеется в виду А. А. Алексеева, ее сестра Екатерина Алексеевна Королькова (1864—1941) и В. Н. Алексеев (1895 или 1896 — 1938?), брат К. Н. Бугаевой. 10 марта 1932 г. К. Н. Бугаева писала Петровскому: «Выяснилось, что вдали от мамы нам жить теперь нельзя. Она совсем слабая. Ко всему еще бронхит у нее. Мысли о Люсе не дают ей оправиться» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 120).

[5] Речь идет о квартире в строившемся писательском доме в Нащокинском переулке. 10 марта 1932 г. К. Н. Бугаева сообщала Петровскому: «Приходится кроме работы за письменным столом еще много ходить в ГИХЛ, в Федерацию, в союз. Теперь ведь он хлопочет о "жилплощади" в Москве» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 120). Уже в январе 1932 г. Белый подал заявление в РЖСКТ о предоставлении ему жилплощади в Москве.

[6] 20 апреля 1932 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Пока живем в неопределенности; с квартирой неясно, и вряд ли до осени что-либо выяснится; выяснилось одно, что жилищное писат<ельское> товарищество имеет право до 3-х лет квартиры не дать, но я, независимо от получения квартиры, обязан в 32-ом году выплатить 2300 (не менее) рублей» (*Андрей Белый и Иванов-Разумник*. С. 697). Белому пришлось продать часть своего огромного архива Литературному музею, чтобы уплатить взнос. Квартира (Нащокинский пер., д. 3/5, кв. 55) была получена К. Н. Бугаевой только через два года, уже после смерти Белого.

[7] Роман «Маски», законченный Белым 1 июня 1930 г., был выпущен ГИХЛом лишь в январе 1933 г. Второй том его воспоминаний, «Начало века», законченный в конце 1930 г., был издан ГИХЛом в ноябре 1933 г., за несколько месяцев до смерти автора.

[8] 23 ноября 1931 г. Совет народных комиссаров РСФСР назначил Белому персональную пенсию.

[9] Соловьев Василий Иванович (1890—1939) — деятель коммунистического движения, сотрудник ЦК, член ВЦИК; заведующий издательством «Земля и Фабрика», затем первый директор Государственного издательства художественной литературы. 3 ноября 1931 г. Белый писал В. П. Полонскому: «7 месяцев рукопись лежала зарезанной цензурой, пока В. И. Соловьев ее не передал другому цензору, нашедшему, что книга вполне цензурна, но требует ретушей» (Переписка вокруг издания «Начала века» / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее. Исторический альманах. 1994. Вып. 15. С. 358). Белый занимался этими «ретушами» в феврале—мае 1932 г. 5 мая он представил в издательство первую часть заново «отремингтонированного» текста.

[10] Катанян Рубен Павлович (1881—1969) — с 1923 г. помощник прокурора РСФСР, затем заведующий подотделом надзора за органами следствия и дознания ОГПУ; с 1933 г. — старший помощник прокурора СССР.

[11] Е. Н. Кезельман.

[12] Невский Владимир Иванович (1876—1937) — государственный и партийный деятель из плеяды «старых большевиков». Директор Библиотеки им. Ленина.

[13] Библиотека им. Ленина, где Петровский работал до ареста.

[14] Клименкова Надежда Степановна (1896—1973) — преподавательница музыки, работала пианистом для труппы МХАТ 2-го; арестована 27 мая 1931 г., в ее отношении постановили «из-под стражи освободить, лишив права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок <...> с 27/5 — 31 г.» (*Спивак Моника.* Андрей Белый в следственном деле Антропософов. С. 338). 3 ноября 1931 г. приговор ей был пересмотрен, постановили разрешить свободное проживание по СССР.

[15] Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — актер, режиссер. В надежде найти помощь и поддержку Белый обратился с письмом к З. Н. Райх (рассчитывая, безусловно, на связи Мейерхольда в «высших» сферах); письмо было отправлено — в двух, близких по тексту, вариантах — по двум адресам, московскому и дачному. См.: Из переписки А. Белого: Письма В. Э. Мейерхольду и З. Н. Райх / Публ. Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 159—160; *Андрей Белый и Иванов-Разумник.* С. 680.

[16] Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962) — историк, академик АН СССР (1930). Член КПСС с 1920 г. Старый знакомый Зайцева по журналу «Рабочий мир», который они вели вместе в 1918—1919 гг.

[17] Мещеряков Николай Леонидович (1865—1942), деятель русского революционного движения, публицист. С 1918 г. член редколлегии «Правды», заведующий Госиздатом. О знакомстве Зайцева с ним см.: *Зайцев П. Н.* Первая московская литературная газета «Московский понедельник» / Публ. В. П. Абрамова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 13. С. 58—67.

[18] См. заявление Зайцева в Правление ВССП о восстановлении в правах члена ВССП, с датой 11 марта 1932 г. (ИМЛИ. Оп. 1. № 60), где он, в частности, пишет: «Постановлением Коллегии ОГПУ от 3/XI/31 я досрочно освобожден из ссылки с правом свободного проживания по всему СССР и восстановлен во всех гражданских правах». К нему приложена копия удостоверения Полпредства ОГПУ в Казахстане о досрочном освобождении П. Н. Зайцева от ссылки, с датой 25 января 1932 г. 9 января 1932 г. Белый писал Зайцеву: «Мейерхольд передал Вашу записку через три месяца (три месяца проносил в кармане пиджака). <...> В Москве узнали радостную новость, что *в принципе Вы возвращаетесь*; <...> Пытаются ускорить Ваш возврат. Очень многие литераторы Вас поминают и поминали нежно» (Минувшее. Исторический альманах. 1994. Вып. 15. С. 308).

[19] Скрябина Мария Александровна (1901—1989) — дочь А. Н. Скрябина, жена актера и режиссера В. Н. Татаринова, драматическая актриса, состоявшая в труппе МХАТ 2-го; антропософка. Арестована 30 мая 1931 г., в отношении ее «постановили: "из-под стражи освободить, лишив права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок <...> с 30/5 — 31 г."» (*Спивак Моника.* Андрей Белый в следственном деле Антропософов. С. 339). Местом жительства Скрябина избрала г. Лебедянь.

[20] Агранов (наст. фам. Соренсон) Яков (Янкель) Саулович (или Соломонович) (1893—1938) — эсер, затем большевик; чекист (вел допрос В. Н. Таганцева в 1921 г.; см.: Звенья. Исторический альманах. 1991. Вып. 1. С. 464—473); основатель и глава «Литконтроля» ОГПУ, начальник секретно-политического отдела ОГПУ, с 1933 г. зам. председателя ОГПУ, в 1934—1937 гг. зам. председателя ОГПУ (затем — наркома НКВД). О визите Белого к нему ходатайствовал Мейерхольд, как явствует из пись-

ма Белого к нему от 4 сентября 1931 г.: «Пишу, во-первых, чтобы выразить Тебе и Зинаиде Николаевне нашу горячую благодарность с Клавдией Николаевной за ту сердечную помощь, которую Ты и Зинаида Николаевна нам оказали, ибо без Агранова я не мог бы, вероятно, надеяться на скорое освобождение К. Н., а путь к Агранову я нашел через Тебя: 27-го июня Агранов принял меня, позволил горячо, до конца высказаться, очень внимательно отнесся к моим словам, так что я вынес самое приятное впечатление от него» (Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 163). См. характеристику тех же обстоятельств в письме к Иванову-Разумнику от 27 июня 1931 г. (*Андрей Белый и Иванов-Разумник*. С. 679) и в письме к П. Н. Зайцеву от 23 июля 1931 г. (Минувшее. Исторический альманах. 1994. Вып. 15. С. 300).

[21] Имеется в виду заявление в Коллегию ОГПУ к Катаняну. См.: Из «секретных» фондов в СССР / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1991. Вып. 12. С. 357—360.

[22] Пешкова Екатерина Павловна (урожд. Волжина; 1876—1965) — первая жена Горького (1896—1904); член партии эсеров. С 1918 г. — зам. председателя Московского Политического Красного Креста, в 1923—1937 гг. — председатель «Помощи политическим заключенным». 17 мая 1931 г. Белый отправил письмо Горькому с просьбой содействовать освобождению К. Н. Васильевой и возвращению конфискованных рукописей (см.: Минувшее. Исторический альманах. 1991. Вып. 12. С. 350—352).

[23] По приезде в Москву 24 июня 1931 г. Белый подавал заявления в Коллегию ОГПУ (см.: Минувшее. Вып. 12. С. 352—360). В первом из них он писал: «Полагая, что аресты некоторых из моих друзей, увоз моих бумаг стоит в связи с делом об "*Антроп<ософском> Обществе*", — *решительно ставлю на вид*: а) выше означенная моя рукопись "*Почему я стал символистом*" — итог опыта жизни в западном обществе и разочарования в нем <...> всякое общество типа "*А. О.*" противоречит внутренней теме антропософии; уважение к скончавшемуся в 25-м году Штейнеру — одно, а западное "*А. О.*" — другое; они — то, что не имеет никакого касания к нашей духовной жизни. <...> Прошу взвесить это последнее мое заявление и, ознакомившись с рукописью "*Почему я стал символистом*" (антропософии посвящена 2-я часть), решить: совместим ли тон рукописи, разделяемой К. Н. Васильевой и некоторыми моими друзьями, с "*опасной*" политикой и вытекающими из него следствиями, — единственным поводом, по-моему, к аресту моих друзей» (Минувшее. Исторический альманах. 1991. Вып. 12. С. 354—355). С 17 по 26 марта 1928 г. Белый работал над автобиографическим очерком «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития». См.: *Белый Андрей*. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 418—493.

[24] «Ломоносовская группа» московских антропософов. См. п. 102, примеч. 7.

[25] Ср. название четвертой главы кн. «Александр Блок. Андрей Белый» (Пб., 1919) Иванова-Разумника: «Испытание в грозе и буре».

[26] См. примеч. 3.

[27] Белый и К. Н. Бугаева приехали в Лебедянь 9 августа 1932 г., поселились у сестры Клавдии Николаевны Е. Н. Кезельман и прожили там до 29 сентября.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Содержание

ПЕРЕПИСКА АНДРЕЯ БЕЛОГО И А. С. ПЕТРОВСКОГО

«МОЙ ВЕЧНЫЙ СПУТНИК ПО ЖИЗНИ»
Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского:
хроника дружбы

Редактор
Н. Богомолов

Дизайнер
Е. Поликашин

Корректор
Л. Морозова

Компьютерная верстка
С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»
Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел.: (495) 976-47-88
факс: 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
http://www.nlo.magazine.ru

Формат 60×90/16
Бумага офсетная № 1
Усл. печ. л. 18,5. Тираж 2000. Заказ № 0718010.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Издания
«Нового литературного обозрения»
(журналы и книги)
можно приобрести в следующих магазинах:

в Москве:
«Политкнига» — ул. Малая Дмитровка, 3/10. Тел.: (495)200-36-94
«Ad Marginem» — 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел.: (495)951-93-60
«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6. Тел.: (495)924-46-80
«Гилея» — Нахимовский просп., 51/21. Тел.: (495)332-47-28
«Гнозис» — Зубовский проезд, 2, стр. 1. Тел.: (495)247-17-57
«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий Мост, 18.
Тел.: (495)924-46-45
«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, 8. Тел.: (495)238-50-01
«Москва ТД» — ул. Тверская, 8. Тел.: (495)797-87-17
Московский Дом книги — Новый Арбат, 8 (а также во всех остальных магазинах сети).
Тел.: (495)203-82-42.
«Старый свет» (книжная лавка при Литинституте) — Тверской бульвар, 25
Тел.: (495)202-86-08.
«Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., 12/27. Тел.: (495)504-47-95
«У Кентавра» — Миусская пл., 6. Тел.: (495)250-65-46
«Букбери» — Никитский б-р, 17. Тел.: (495)291-83-03
«Русское зарубежье» — ул. Нижняя Радищевская, 8 (м. Таганская-кольцевая)
Тел.: (495)915-11-45
Primus Versus — ул. Покровка, 27, стр. 1. Тел.: (495)951-93-60
Магазины сети «Книжный клуб 36'6». Тел.: (495)223-58-20
«Топ-книга». Тел.: (495)166-06-02

в Санкт-Петербурге:
«Летний сад» — Большой просп., ПС, 82. Тел.: (812)232-21-04
«Подписные издания» — Литейный просп., 57. Тел.: (812)273-50-53
«Дом книги» — Невский просп., 62. Тел.: (812)570-65-46, 314-58-88
«Лавка писателей» — Невский просп., 66. Тел.: (812)314-47-59
Гуманитарная книга, 1-я линия ВО, 42. Тел.: (812)323-54-95
Академический проект, ул. Рубинштейна, 26. Тел.: (812)764-81-64

в Екатеринбурге:
Дом книги — ул. А. Валека, 12. Тел.: (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» — Б. Покровская, 46. Тел.: (8312)31-64-71

в Ярославле:
ул.Свердлова, 9. В здании ЦСИ «АРС-ФОРУМ». Тел.: (4852)22-25-42

в Интернете:
www.ozon.ru
www.bolero.ru